

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 4 (19)

Киров
2007

ББК 74.58 я 5

В 38

Главный редактор

В. С. Данюшенков

Редакционная коллегия:

В. Т. Юнгблуд (зам. главного редактора),
М. С. Судовиков (отв. секретарь),
К. С. Лицарева, Л. А. Мосунова,
Н. И. Поспелова, В. Н. Оношко,
Т. Я. Ашихмина, Г. И. Симонова,
М. И. Ненашев, Е. В. Алалыкина (перевод)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 673-674 (Издательский центр)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова, Ю. Болдырева
Компьютерная верстка: Ю. Боброва

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

ISBN 978-5-93825-488-6

© Вятский государственный гуманитарный университет, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Юнгблуд В. Т. Университет в пространстве культуры 6

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Карпенко А. С. К определению логического: традиция и современный взгляд 12

Владыкина Е. Ф. Идеи философской герменевтики 19

Сысолятина О. Н. Модели системных репрезентаций знания 25

ИСТОРИЯ

Бакулин В. И. Революционная эйфория и реальные проблемы: март 1917 года в Вятке 31

Кустова Е. В. Проблемы городского дореформенного самоуправления:
из опыта деятельности Вятской городской думы (1793–1870) 39

Кондратенко Д. П. К вопросу о радикальности польского национально-освободительного
движения в последней трети XIX в. 43

Калинин А. А. Кризис в американско-английских отношениях по Греции
в декабре 1944 г. 47

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Стернин Г. Ю. Русское искусство XIX века. Целостность и процесс 58

Зорина Л. Н. Этика самосовершенствования Владимира Соловьева
в духовных исканиях второй половины XIX в. 63

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Козлихин И. Ю. Политические партии как институт демократического общества 70

Кононов П. И. Об основах административно-правового статуса
индивидуальных субъектов административного права 80

Голубцова О. А. Система органов государственного надзора МЧС РФ
и формы работы их с субъектами предпринимательства
при техническом регулировании их деятельности 83

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кихней А. Г., Круглова Т. С. Мифопоэтика личного имени
в лирических обращениях М. Цветаевой и в поэтической онтологии акмеистов 90

Полякова О. А. Становление и развитие концепции реалистического искусства
в творчестве Х. Каменьского 93

Шамова Е. Н. Особенности смысловых связей прилагательных
лексико-семантической группы (ЛСГ) «интеллектуально одаренный» 99

Балакова А. В. Критерий правдоподобия в понимании Т. Раймера 103

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Гребенкина А. К.</i> Организация учебно-научно-исследовательской деятельности будущих учителей	109
<i>Низовских Н. А., Шкурихина В. М.</i> Взаимосвязь жизненных принципов и волевых качеств студентов	113
<i>Перешина Н. В.</i> Методологические аспекты анализа социально-психологических проблем девиантного поведения	117
<i>Кувалдина Е. А.</i> Исследование познавательных интересов Кировских школьников	127

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>Пентин Н. А.</i> Использование массовых источников при изучении демографических процессов в Вятском крае на рубеже XVIII–XIX вв.	133
<i>Зорин А. В.</i> США и борьба за создание Чехословакии	138
<i>Матанцева Т. Н.</i> Особенности психологического изучения детей с отклонениями в развитии	144
<i>Маркова И. В.</i> Своеобразие жанра комедии в творчестве Артура Мэрфи	148
<i>Галиulina И. Р.</i> Функционирование наименований лица по профессии в памятнике «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Булгари	151

ПЕРСОНАЛИИ

Нина Петровна Изергина	155
------------------------------	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Бородатая М. Н.</i> О проведении межрегиональной научно-практической конференции «Региональный опыт комплексного сопровождения людей, живущих с ВИЧ/СПИДом (ЛЖВС) на основе межведомственного и междисциплинарного взаимодействия»	156
<i>Ашихмина Т. Я.</i> VI Всероссийская научная экологическая школа	158
<i>Мосунова А. А.</i> О конференции на факультете психологии	159

РЕЦЕНЗИИ

<i>Бутырский Г. А.</i> Путь в современную технологию	161
<i>Малова Т. В.</i> Монография о просветителях Вятского края	162

CONTENTS

- Yungblud V. T.* University in space of culture
Karpenko A. S. To definition of logic: tradition and a modern sight
Vladykina E. F. Ideas of philosophical hermeneutic
Sysolyatina O. N. Systematic Models of Knowledge Representation
Bakulin V. I. Revolutionary euphoria and real problems: March, 1917 in Vyatka
Kustova E. V. The problems of the municipal pre-reform self-government: from the experience of work of the Vyatka Town Duma (1785–1870)
Kondratenko D. P. Items on the radicalism of polish national movement of liberalism at the end of the XIX century
Kalinin A. A. Crisis in Anglo-American relations about Greece in December, 1944
Sternin G. Yu. Russian art of XIX century. Completeness and process
Zorina L. N. The ethics of self-perfection of Vladimir Solovyev in spiritual view (second half of XIX century)
Kozlikhin I. Yu. Political parties as institute of democratic society
Kononov P. I. About basis of administrary-lagal status of individual subject of administrative low
Golubtsova O. A. The System of the state fire inspection services and the methods of their work with the subjects of entrepreneurship
Kihney L. G., Kruglova T. S. Mythological poetics of a personal name in lyric addresses of M. Tsvetaeva and in poetic onthology of Acmeists
Polyakova O. A. The Formation and Advancement of Realistic Art Conception in H. Kamienski's Works
Shamova Ye. N. The peculiarities of the semantic ties within the lexico-semantic group of the English adjectives rendering the notion of "intellectually gifted"
Balakova A. V. The Criterion of Probability in T. Rymer's Understanding
Grebenkina L. K. Organization of study-scientifically-research activity of future teachers
Nizovskykh N. A., Shkurikhina V. M. The correlation of life principles with student's volitional qualites
Peresheina N. V. Methodological aspect of analysis of social-psychological problems of deviant conduct
Kuvaldina E. A. Research of the interests to learning of Kirov school students
Pentin N. A. The use of mass sources for learning demographic processes in Vyatka region on a boundary XVIII–XIX centuries
Zorin A. V. The USA and struggle for creation of Czechoslovakia
Matantseva T. N. Psychological study peculiarities of children with learning disabilities
Markova I. V. Peculiarities of Arthur Murphy's Comedies
Galiulina I. R. Functioning of terms of profession in work «Nahgel-Feradis» of Mahmud Bulgari
Borodataya M. N. On holding the interregional scientific-practical conference "Regional experience of the complex supporting of PLWHV on the basis of intersectoral and interscience"
Ashikhmina T. Ya. The All-Russia scientific school on Vyatka land
Mosunova L. A. About conference at faculty of psychology
Butyrsky G. A. The Way to Contemporary Educational Technology
Malova T. V. The monography about the enlighteners of the Vyatka province

УНИВЕРСИТЕТ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

Понятия «образованный человек» и «культурный человек» часто воспринимаются как синонимы. Предполагается, что человек, получивший образование, одновременно приобрел в достаточном объеме знания, необходимые для полноценного выполнения им своего социального предназначения, а также навыки цивилизованного поведения; чем выше статус учебного заведения – тем более образованными, а, следовательно, и «культурными» должны быть его выпускники.

Современный университет, являясь учебным заведением высшего порядка, казалось бы, по определению, призван быть органичным и устойчивым источником распространения культуры. Здесь усилиями многих поколений ученых аккумулируется и осмысливается материальное и духовное наследие предыдущих эпох, через утвердившуюся систему преподавания осуществляется трансляция знаний в студенческую среду. Научно-исследовательский сегмент университетского комплекса генерирует значительный пласт новых знаний, которые, в свою очередь, становятся достоянием культуры, подпитывая и обогащая мир образов, идей и представлений о природе и человеке.

Вместе с тем определение университета как социального института, исторически предназначенного для сохранения, воспроизводства, развития и распространения культуры, не является безусловным, общепризнанным и исчерпывающим. Помимо культурной функции у университета есть еще ряд функций, в первую очередь научная и образовательная, и далеко не всегда их сочетание было гармоничным. «У самих истоков университетов... обнаруживаются две проти-

воположные тенденции. Одна из них – фундаментальный первичный импульс, нацеленный на поиск истины, другая – стремление получить прагматическую профессиональную подготовку. Именно эти тенденции лежат в основе возникновения высшей школы. Но, создав новую академическую среду, возникшие университеты изменяли структуру породившего их общества, становясь центрами образования, науки и культуры» [1], – отмечают современные авторы. В данном рассуждении культура предстает как нечто вторичное по отношению к научным (поиск истины) или материальным устремлениям людей, ориентированных на карьеру, научную или профессиональную подготовку.

В своем развитии человечество длительное время обходилось без университетов, что вовсе не исключало появления письменности, философии, наук и искусств, выработки общепринятых норм поведения, этикета и прочих доказательств его культурного бытия. Возникнув в толще европейской культуры, университеты на протяжении многих веков развивали традиции западной цивилизации, находившейся в состоянии острого конфликта с восточными цивилизациями, до конца не преодоленного до сих пор.

Развитие самой Европы шло по поликультурному сценарию, который существенно усложнялся многочисленными государственно-политическими, языковыми и прочими барьерами. Результатом этих процессов стало то, что в культурном плане и сегодня Европа является регионом «различий и разнообразий» [2]. Это обстоятельство настолько очевидно, что составителям университетских программ совсем не просто решить, к какому именно культурному наследию следует приобщать студентов, в соответствии с какими принципами надо отбирать и интерпретировать материалы учебных курсов. К указанным проблемам добавляется несовпадение эстетических

и аксиологических параметров элитарной и традиционной культуры даже в рамках одного национального сообщества. Но и это не все: XX век породил феномен массовой культуры, часто воспринимавшийся как драма, гибель культуры как таковой. Экспансия новейших информационных технологий в последние десятилетия акцентировала цели развития университетов на экономической целесообразности и инновационном потенциале знаний, тем самым в очередной раз поставив под сомнение оправданность приоритетности культурной миссии высшего образования.

Вторжение экономических и политических соображений в процесс реформирования российского образования нередко вызывает болезненную реакцию у части академического сообщества и интеллигенции, усматривающих в этом шаг назад по сравнению с достижениями советской эпохи. Рассуждая об угрозах российской культуре, вызванных глобализацией, директор Института русской литературы (Пушкинского дома) Н. Н. Скатов, например, охарактеризовал последствия такого вторжения как трагедию умерщвления национального самосознания. Отношение неприятия к тому, что происходит в современной культурной жизни России, он выразил следующим образом: «Современному бизнесу не нужны самобытные люди с разными интересами. Зачем уничтожать людей физически, они могут быть мускульной силой и пушечным мясом, а главное – идеальным потребителем» [3]. Для подобного пессимизма имеются определенные основания, отчасти являющиеся следствием отсутствия четкого понимания места современных университетов в мировом культурном континууме и их роли в сохранении культурных традиций и производстве новых форм проявления культуры, отличающих современную эпоху от всех предыдущих.

Трудности, с которыми сталкиваются университеты России, часто связывают с последствиями вхождения в Болонский процесс; ставятся под сомнение как целесообразность этого шага, так и предложенные темпы интеграции национальной образовательной системы в европейское пространство высшего образования. При этом Болонский процесс порой рассматривается как некий синоним глобализации в ее проекции на образовательную среду. Такое отождествление не вполне корректно. Упускается из виду, что само появление Болонского проекта было попыткой отреагировать на принципиально новые явления социокультурного и информационного характера, сопровождавшиеся научными, технологическими и коммерческими успехами ряда неевропейских (прежде всего американских) университетов.

Показательно, что Лондонское коммюнике совещания министров образования стран-участниц Болонского процесса, состоявшегося в мае 2007 г., имеет название «К Европейскому пространству высшего образования: откликаясь на вызовы глобализованного мира», что призвано подчеркнуть тот факт, что нынешний этап интеграции является следствием общемировых процессов. Следует отметить, что этот документ признает «важность влияния, которое высшие учебные заведения (вузы) оказывают на развитие общества, опираясь на свои традиции обучения, исследований, творчества и передачи знаний, а также их ключевую роль в определении и передаче ценностей, на которых строятся наши общества». Основанием Европейского пространства высшего образования названо «богатое и разнообразное культурное наследие Европы» [4]. Таким образом, вовлечение российских университетов в реформационный процесс, охвативший целую часть света, не предполагает забвения национальных традиций и разрушения самобытной

культуры, в то время как отказ от участия в реформах или их провал чреват отрывом от европейского культурно-образовательного массива и маргинализацией собственного потенциала.

Мировое пространство культуры намного обширней географических границ Европы. В государствах Северной и Южной Америк, в азиатском мире, в Австралии и в странах Африки есть мощные образовательные центры, имеющие черты сходства с вузами Европы, но при этом функционирующие в особой национальной и этнической среде. Преподаватели и студенты здесь являются наследниками неповторимого исторического опыта и ориентированы на уникальные социокультурные практики. В связи с этим возникает закономерный вопрос: могут ли современные университеты учитывать в своей деятельности в равной мере и глобальные тенденции, и локальные запросы? Другой, не менее важный вопрос, заключается в том, правомерно ли с университетами, рассредоточенными по регионам с различными культурно-цивилизационными параметрами, связывать надежды на формирование среды, адекватной решению задач интеграции социальных сообществ, государств и цивилизаций.

В содержательном плане, по крайней мере, одна грань деятельности университетов создает почву для продуктивного взаимодействия национальных и региональных образовательных систем и выработки общих критериев для их самоидентификации в мировой культуре. Эта грань – наука. Способ же идентификации – определение миссий университетов и их стратегических целей.

Американский исследователь Т. Хэмпфилл обоснованно отмечает: «Человек создал науку, поскольку он социальный технолог, и ему нужны достоверные знания для осуществления социально-технологических проектов, которые в исторической перспективе выстраиваются в то,

что можно назвать общественным развитием (с акцентом на слово “развитие”). Поэтому наука, научная рациональность не только неотделимы от социальной истории, но являются ее фундаментальным фактором, содержанием человеческой культуры. В тех конкретных обществах и в те конкретные времена, где и когда фактор науки становился второстепенным или вовсе маргинальным и гасился социально-модернизационный процесс, происходила деградация человеческой культуры» [5].

Ценность научного открытия не зависит от национальной принадлежности, а также религиозных или политических воззрений ученого. Став всеобщим достоянием, новое знание расширяет представления людей о природе и обществе, иногда радикально их изменяя. Вместе с тем меняется и культурный образ мира в сознании людей, приобщенных к этому знанию. Наука влияет не только на систему образов и представлений о мире, но и на условия жизни человека, на содержание и организацию всех форм его жизнедеятельности, тем самым являясь «одним из важнейших узлов, связывающих культуру и цивилизацию. Она сама одновременно принадлежит и культуре, и цивилизации. В этом ее сила и источник продуктивности, в этом же – причина противоречивости ее облика» [6].

Разумеется, научно ориентированное образование является лишь частью культуры. Научные достижения в отрыве от духовно-нравственной, художественно-эстетической и философско-методологической культуры могут привести к разрушительным последствиям [7]. Именно по этой причине одна из главных задач современного высшего образования заключается в поддержании баланса между всеми образовательными векторами (естественнонаучным, гуманитарным, техническим), что возможно только при условии адекватного административного и финан-

сового обеспечения их научной базы и информационно-просветительского потенциала.

Между тем сегодня налицо признаки кризиса традиций гуманитарной культуры в российском обществе в целом, в том числе и в образовании [8]. Это не означает падения престижа гуманитарного знания и гуманитарных профессий. Скорее наоборот, он непрерывно растет. Исследования, проведенные профессором Санкт-Петербургского государственного университета профсоюзов Б. Д. Парыгиным показали, что «альтернативой вышеназванному кризису может быть не вытеснение одной гуманитарной культуры – другой, корпоративной, а их синтез на основе новой, более совершенной современной культуры, способной соединить высшие эталоны функциональной эффективности деятельности людей с их духовно-нравственными ценностями и подлинно человеческим отношением друг к другу» [9]. И хотя в настоящий момент такая установка выглядит нарочито оптимистичной, ее реализация вполне соответствует традициям отечественных университетов, а также опыту многих ведущих вузов мира [10]. Это обстоятельство, как представляется, создает важное условие взаимодействия университетов в рамках мирового пространства культуры.

Культурная миссия университета реализуется в двух регистрах. Первый из них подразумевает приобщение современников к ценностям мировой культуры. «Среднего человека нужно сделать, прежде всего, человеком культурным, поместить его вровень со временем. Таким образом, первичная и центральная функция университета – это преподавание главных культурно значимых дисциплин» [11], – пишет Ортега-и-Гассет, относя к числу таких дисциплин физику, биологию, историю, социологию и философию. На этом уровне осуществляется формирование и осмысление универсальных смыслов и жизненных идей каждого

поколения, в координатах которых и реализуется современный ему этап эволюции человечества как поликультурной системы.

Поясняя свою мысль, великий испанский философ говорил об исторической важности «вернуть университету его центральную задачу – “просветить” человека, приобщить его к полноте культуры своей эпохи, открыть ему с ясностью и необходимостью огромный настоящий мир, в который он должен втиснуть свою жизнь» [12]. И хотя мысль эта была сформулирована еще в 30-х годах прошлого века, она не утратила своего значения и сегодня. Напротив, современные явления в развитии высшего образования сделали ее еще более актуальной. Отечественный философ В. Межуев, например, считает, что «...культура – это общение человека не только в масштабе пространства, в котором он живет, но и в масштабе всего того исторического времени, в котором он пребывает. Если общество оборвет связи с прошлым и будущим, то... оно застынет, его развитие остановится и способность жить в истории будет утрачена. А ведь образование существует, прежде всего, для того, чтобы научить человека жить в обществе в качестве гражданина и одновременно в истории – в качестве сознательного и активно-го... субъекта...» [13]. И в этом смысле не может быть деления университетов на главные и второстепенные, столичные и провинциальные, классические и отраслевые, поскольку все они объединены общей миссией, которая заключается в том, чтобы выявлять «жизненные идеи», при необходимости согласовывать и уточнять их, обмениваясь достижениями в области культуры и образования, делать все для того, чтобы помочь студентам уверенно чувствовать себя в культурном пространстве своего времени.

Второй регистр осуществления университетами своей миссии соответствует уровням национальных и локальных культур, поскольку каж-

дый из них является частью самобытной среды конкретного региона [14]. Антропологи понимают культуру как исторически сложившуюся «систему ценностей и основных правил, которые, сознательно и бессознательно, управляют поощрениями и наказаниями в обществе и создают систему иллюзий, которые должны убедить членов общества в его легитимности» [15]. Каждый народ имеет не только свою историю, но и собственный взгляд на мировую историю. Известно, что «борьба за политическое лидерство и идеологическое доминирование нередко проявляется как соперничество различных версий исторической памяти» [16]. Вследствие этого «системы ценностей», «основные правила» и «иллюзии», утвердившиеся внутри каждого конкретного сообщества, бесконечно разнообразны.

То, что принято называть пространством мировой культуры, отнюдь не является гладким, хотя и многоцветным полотном. Это пространство представляет собой сложный ландшафт со своими пиками и впадинами, оно заполнено относительно устойчивыми и порой довольно агрессивно себя проявляющими партикуляристскими культурами, между которыми много трещин и труднопреодолимых барьеров.

Безусловно, указанное обстоятельство создает трудности для определения культурных оснований развития университетов. Ориентация на универсальные ценности без учета местной специфики есть не что иное, как «наивная концептуализация» всемирной культуры [17], неизбежно ведущая к спекуляциям на тему цивилизаторской миссии некоей доминирующей парадигмы, как правило, подкрепленным экономически мотивированным политическим интересом. Это есть наихудший вариант глобализации.

Полярный сценарий – абсолютизация местных культурных ценностей – ведет к культурному изоляционизму и, в конечном счете, к деградации.

И. Валлерстайн назвал приверженность исключительно национальной, или этнической или любой другой партикуляристской культуре «костылями» [18]. И хотя при определенных обстоятельствах костыли являются довольно эффективным приспособлением, сам факт их использования указывает на физическую ущербность и ограниченность. Задача университетов заключается именно в том, чтобы преодолеть эту ограниченность, стать местом встречи культур, инструментом выявления противоречий и конфликтов между ними и преодоления этих противоречий.

Поддержание культурного диалога – бесспорное предназначение университета. Это предназначение должно осуществляться через содержание гуманитарных, в том числе культурологических, дисциплин, через научные исследования современных социально-экономических процессов, общественных изменений и ментальных сдвигов, через интенсивный интеллектуальный обмен с другими университетами, включающий разнообразные виды академической и студенческой мобильности, а также через всю систему управления и организации работы университета, целью которой следует считать не только подготовку квалифицированного специалиста, но и создание условий для формирования творческой духовной личности, интеллигента, готового к культурно-ценностному самоопределению.

Примечания

1. *Захаров, И. В.* Миссия университета в европейской культуре [Текст] / И. В. Захаров, Е. С. Ляхович. М., 1994. С. 16.

2. *Стайнер, Дж.* Культура: цена, которую вы платите [Текст] / Дж. Стайнер // Керни Дж. Диалоги о Европе. М., 2002. С. 99.

3. *Скатов, Н. Н.* Российская культура и процессы глобализации [Текст] / Н. Н. Скатов // Культура и глобализационные вызовы мирового развития. СПб., 2005. С. 14.

4. К Европейскому пространству высшего образования: откликаясь на вызовы глобализованного мира [Текст] // Высшее образование в России. 2007. № 9. С. 14.
5. *Hempfill, T.* Scientific development and institutional shifts [Text] / T. Hempfill // Technology in society. 2005. № 1. Vol. 27. P. 39–53. – Реф. ст.: РЖ. Сер. 8. 2005. № 3. С. 36.
6. Культура: теории и проблемы [Текст]. М., 1995. С. 173.
7. *Малянов, Е.* Вуз искусства и культуры в XXI веке [Текст] / Е. Малянов // Alma Mater: вестник высшей школы. 2003. № 7. С. 12–13.
8. Указанное явление не является сугубо российским. Исследования фиксируют кризисные явления, например в Китае. В частности, О. А. Машкина отмечает: «В стране все еще крайне низок уровень общей эрудиции молодежи, в основе которой должна лежать подготовка по гуманитарным наукам... Только 0,2% китайцев имеют базовые научные представления. Для сравнения в Европе и Америке этот показатель выше в 22 и 35,5 раза соответственно». См.: *Машкина, О. А.* Особенности реформирования высшего образования в Китае в 1980–1990-е годы [Текст] / О. А. Машкина // Вестник Московского государственного университета. М., 2004. № 2. С. 95.
9. *Парыгин, Б. Д.* Традиции гуманитарной культуры в образовании: кризис и альтернативы [Текст] / Б. Д. Парыгин // Культура и глобализационные вызовы мирового развития. СПб., 2005. С. 181.
10. В новейшем исследовании «Наука, образование, инновации: стратегическое управление» приводятся обширные сведения об опыте некоторых отечественных и зарубежных университетов в этой области. См.: *Ракитов, А. И.* Наука, образование, инновации: стратегическое управление [Текст] / А. И. Ракитов, А. Н. Райков, Е. А. Ковчуго. М., 2007. С. 19–41, 147–154.
11. *Ортега-и-Гассет, Х.* Миссия университета [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // Alma Mater: вестник высшей школы. 2006. № 8. С. 48.
12. Там же. С. 51.
13. *Межуев, В.* Культура и образование [Текст] / В. Межуев // Alma Mater: вестник высшей школы. 2004. № 5. С. 7–8.
14. См.: *Долженко, О.* Университет в условиях межкультурного зазора [Текст] / О. Долженко // Alma Mater: вестник высшей школы. 2007. № 5. С. 17.
15. *Валлерстайн, И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире [Текст] / И. Валлерстайн. СПб., 2001. С. 189.
16. *Репина, Л. П.* Социальная память и историческая культура средневековой Европы [Текст] / Л. П. Репина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 12. М., 2004. С. 6.
17. *Валлерстайн, И.* Указ. соч. С. 146.
18. Там же. С. 148.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

А. С. Карпенко

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЛОГИЧЕСКОГО: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Обсуждается вопрос относительно природы логического с точки зрения текущих тенденций в развитии логики. Рассматриваются соотношения между принципами правильного рассуждения и законами логики, законами логики и логическими системами, логическими системами и исчислением логик, законами мышления и законами алгебры, логика как категориальный объект.

В 2001 г. был переиздан учебник по логике известного российского философа В. Ф. Асмуса. Это была первая работа по *формальной логике*, вышедшая в СССР в 1947 г. после долгого периода резко критического отношения к этому начальному направлению. Глава «Предмет и задача логики» начинается подзаголовком: «Логика как наука о правильном мышлении» [Асмус, 2001]. В этом же году издана «Новая философская энциклопедия», где логика рассматривается «как наука, дающая теоретическое описание законов мышления» [Бочаров, 2001, с. 406]. Подчеркнем, что в подавляющем числе учебников и учебных пособий, издающихся в настоящее время для гуманитарных специальностей, предметом логики (за редчайшим исключением; см. [Гладкий, 2001] и [Анисов, 2002]) является изучение именно законов мышления, а значит форм мышления.

Такое понимание предмета логики можно было бы считать возрождением классического психологизма в логике, представленного Д. С. Миллем еще в середине XIX в., который утверждал, что логика является моделью процессов мышления, а логические законы могут быть выведены из законов мышления. Известно, что психологизм в логике был подвергнут обстоятельной критике еще Г. Фреге и Э. Гуссерлем. Непримиримым критиком психологизма в логике был создатель логического направления в Львовско-Варшавской школе Я. Лукасевич: «...Неверно, что логика – наука о законах мышления. Исследовать, как мы действительно мыслим или как мы должны мыслить, – не предмет

логики. Первая задача принадлежит психологии, вторая относится к области практического искусства, наподобие мнемоники» [Лукасевич, 1959, с. 48].

Время наивысшего развития классической логики – 30-е гг. XX в. Как теоретико-доказательный способ рассуждений, так и теоретико-модельный способ рассуждений ни в коей мере не принимают в расчет тот факт, что реальный процесс рассуждения, осуществляемый людьми или машинами, имеет строгие внутренние ограничения. В абстрактных машинах Тьюринга, которые являются важнейшим инструментом в металогических исследованиях, память вообще не ограничена.

Тем не менее интуитивная связь между логическими формами (законами) и формами (законами) мышления, по-видимому, коренится глубоко в подсознании, если даже такой выдающийся специалист в области математической логики, как Дж. Барвайс, говорит о законах мышления, выражаемых кванторами логики предикатов первого порядка [Барвайс, 1982, с. 43].

От способов рассуждений к законам логики. В одном из самых авторитетных изданий по истории и развитию логики [Kneale W. and Kneale M., 1962, p. 1] можно найти следующее традиционное определение предмета логики: «Наука, которая исследует принципы корректных или приемлемых рассуждений». Однако такое определение оставляет полностью открытым вопрос о точной сфере данного предмета, т. е. о сфере действия логики. Для традиционной логики – это силлогистические рассуждения, и существует ровно 24 правильных силлогизма. В одном из наиболее известных в мире учебников по логике находим: «Если... его исследования посвящены в первую очередь изучению математических рассуждений, то предмет его занятий может быть назван математической логикой» [Мендельсон, 1984, с. 7]. По своему характеру рассуждения могут быть весьма разнообразными, например, немонотонные рассуждения, которые позволяют адекватно оперировать с неполной и изменчивой информацией. Нечеткая (fuzzy) логика изучает нечеткие рассуждения [Weisstein, 1999], неформальная логика изучает неформальные рассуждения [Groarke, 2002], философская логика, выходит, изучает философские рассуждения. Тогда психологические рассуждения изучает... Что-

КАРПЕНКО Александр Степанович – доктор философских наук, профессор, академик РАЕН, зав. сектором логики Института философии РАН
© Карпенко А. С., 2007

бы избежать подобной бессмыслицы, нужно выделить то ядро или те базовые понятия, с которыми данная наука имеет дело. Таким ядром, несомненно, является понятие *логическое следование*.

А. Тарский еще в 1936 г. как один из создателей современной логики выделяет ее суть в работе с характерным названием «О понятии логического следования». Однако возникают чисто методологические проблемы: в каких терминах, или, как бы мы сейчас сказали, какова парадигма возможного ответа. Ответы на вопрос о сфере логики, о ее базисных понятиях, которыми оперирует и которые использует концепция логического следования, могут быть совершенно различными: теоретико-модельными, семантически теоретико-множественными, или теоретико-доказательными, или конструктивными, или комбинаторными и т. д. Ответ самого Тарского находится всецело в рамках семантического подхода: «Предложение X логически следует из предложений класса K , если и только если каждая модель класса K есть также модель предложения X » [Tarski, 1983b, p. 417].

В последнее время вокруг концепции логического следования Тарского идет бурная дискуссия. Сама работа Тарского носит скорее философский, нетехнический характер и оставляет много места для различных конфликтующих интерпретаций. Особый интерес представляет статья М. Гомеза-Торренте [Gómez-Torrente, 1996], анализирующего идеи Тарского в историческом логико-философском контексте, в котором они и были предложены.

Подчеркнем, что логические свойства, в частности общезначимость самого аргумента логического следования, должны быть независимы от отдельно выбранного универсума рассуждений. Основной замысел Тарского состоял в том, чтобы дать определение логического следования, применимого для очень широкого класса рассуждений, настолько широкого, что возникают проблемы уже другого уровня, относящиеся к вопросу о том, что есть логика.

Как бы то ни было, понятие логического следования заняло центральное место в логике и потому все больший интерес приобретает следующий вопрос: что значит для заключения A следовать из посылок \mathcal{L} ? Следующий критерий считается общепринятым: A следует из посылок \mathcal{L} , если и только если любой случай, в котором каждая посылка в \mathcal{L} является истинной, есть случай, в котором A истинна. Обратим внимание, что выдающийся русский логик А. А. Марков связывает этот принцип с определением того, что есть логика: «Логика можно определить как науку о хороших способах рассуждения. Под “хорошими” способами рассуждения при этом мож-

но понимать такие, при которых из верных исходных положений получаются верные результаты» [Марков, 1984, с. 5]. Таким образом, сутью логического следования является сохранение истины во всех случаях, а все это приводит нас к объектам, которые называются «логическими законами», — это сохраняющие истину рассуждения.

В итоге можно было бы объявить, что предметом логики является ни много ни мало как сама Истина. Заметим, что первоначальная реакция на психологизм в логике таковой и была. Определение предмета логики, данное Фреге, необычайно красиво: «Логика есть наука о наиболее общих законах бытия истины» [Фреге, 2000, с. 307]. Может показаться удивительным, что такое понимание логики продержалось почти сто лет и с некоторой модификацией вошло в книгу У. Куайна «Философия логики», где предмет логики определяется как систематическое изучение логических истин [Quine, 1970].

Этот традиционный подход к пониманию логики, развиваемый также Б. Расселом и А. Н. Уайтхедом, весьма располагает тем, что логику в нем можно попытаться определить посредством совокупности логических законов, ее задающих. При этом, конечно, мы отказываемся от мифологизации некоторых логических законов как основных законов мышления (это закон непротиворечия, закон исключенного третьего и закон тождества). И для этого есть веские основания: к концу XX в. не осталось ни одного мало-мальски «приличного» логического закона, который не был бы подвергнут серьезной критике.

Итак, в правильном рассуждении заключение вытекает из посылок с логической необходимостью и общая схема такого рассуждения представляет собой логический закон. Таким образом, рассуждать логически правильно — значит рассуждать в соответствии с законами логики.

От логических законов к логическим системам. С современной точки зрения «логический закон» — это «теорема формальной системы». Так мы приходим к понятиям формальной системы и доказательства в ней. Именно благодаря Д. Гильберту, предложившему программу обоснования математики после обнаружения в ней парадоксов, понятия формальной системы и доказательства становятся строго формализованными объектами. С этого времени начинается совершенно новый этап развития современной логики. Мы изучаем не рассуждения, не их отдельные классы, не те или иные аргументы, а доказательства как формальные объекты. Но для этого сама логика должна быть представлена в виде строго формализованной логической системы или исчисления. Представление логических систем в виде исчислений может быть совершенно различ-

ным. Первоначально такое представление состоялось в виде так называемых гильбертовских исчислений, которые по сей день играют важную роль при образовании новых исчислений, а также при их классификации (некоторую классификацию гильбертовских исчислений посредством конечных булевых решеток можно найти в [Карпенко, 1997], [Karpenko, 2000]). Свою специфическую роль играют натуральные исчисления, секвенциальные исчисления, аналитические таблицы, но все они эквивалентны между собой.

Идеи, лежащие в основе гильбертовского исчисления, чрезвычайно просты: из бесконечного множества законов логики (тавтологий) выбирается некоторое конечное число «очевидных» законов, названных аксиомами, и минимальное число правил, с помощью которых из аксиом (а также из множества допущений Γ) выводятся другие законы. Например, в логике высказываний можно обойтись только одним правилом отделения (*modus ponens*): из формул ϕ и $\phi \supset \psi$ выводима формула ψ . Заметим, что это правило зависит только от вида формул и может в принципе производиться некоторым автоматическим устройством. В логике предикатов первого порядка добавляются еще правила для кванторов. В качестве «вспомогательного» правила весьма полезной является теорема дедукции, когда какое-нибудь утверждение ϕ доказывают в предположении верности другого утверждения ψ , после чего заключают, что верно утверждение «если ψ , то ϕ ».

Как видно, гильбертовские исчисления представляют собой довольно-таки простую конструкцию, легко запоминаемую и объяснимую и, что немаловажно, удобную для доказательства различных метатеорем.

Доказательством называется всякая конечная последовательность формул, такая, что формула из этой последовательности есть либо аксиома, либо непосредственное следствие из каких-либо предыдущих формул по одному из правил вывода (которые могут применяться неоднократно). Доказанная формула называется теоремой.

К логической системе предъявляются некоторые требования, являющиеся ее фундаментальными свойствами. С одной стороны, мы бы хотели, чтобы все наши теоремы являлись тавтологиями. Это требование называется теоремой о корректности. Так произвольно произошла интересная метаморфоза: *от свойства быть корректным рассуждением перешли к свойству корректности всей логической системы*. Отсюда следует фундаментальное свойство непротиворечивости: логическая система является непротиворечивой, если в ней одновременно не доказуемы некоторая формула и ее отрицание.

С другой стороны, мы бы хотели, чтобы были доказуемы все тавтологии. Это требование на-

зывается теоремой о полноте. По существу, здесь говорится о том, что логических средств, т. е. аксиом и правил вывода, вполне достаточно для доказательства всех тавтологий. Таким образом, достигается главная цель: используя минимальные средства, можно обозреть все множество логических законов данной логической системы. Теорема о корректности и теорема о полноте вместе дают теорему адекватности: формула ϕ доказуема тогда и только тогда, когда ϕ тавтология. Смысл этой теоремы в том, что понятие логического следования и понятие доказательства совпадают. Для классической логики высказываний теорема адекватности была доказана в 1920 г. Э. Постом (1897–1954), а для логики предикатов в 1930 г. К. Гёделем (1906–1978).

От логических систем к исчислению логики. Однако следующий шаг, а на самом деле яркая тенденция развития современной логики – это изучение не отдельной логической системы, какой бы она ни была привлекательной, пусть то классическая логика, интуиционистская логика, многозначная логика Лукасевича, цепная логика Даммита, модальная логика доказуемости Гёделя-Лёба, линейная логика Жирара или базисная логика Виссера и так далее, – а изучение целых классов логических систем. Здесь мы опять сталкиваемся с проблемой бесконечности, но на этот раз не с бесконечным числом законов, а с бесконечным числом логических систем, поскольку многие конечно-аксиоматизируемые логики (исчисления) имеют бесконечное число непротиворечивых расширений. Исчисление L_1 называется расширением исчисления L , если каждая доказуемая формула L также доказуема в L_1 , но не наоборот. Исчисление L_1 называется собственным расширением исчисления L , если L_1 непротиворечиво и содержит формулу, не выводимую в L .

В последнее время особое внимание привлекает проблема интерпретируемости теорий в смысле Дж. Мак-Кинси и А. Тарского, доказавших в 1948 г., что система интуиционистских теорем интерпретируема в модальной системе Льюиса. Понятие интерпретируемости часто используется в современной логике. Классическими применениями являются доказательство относительной непротиворечивости, результаты разрешимости и неразрешимости теорий.

Рассмотрим вопрос об интерпретируемости первопорядковых теорий (См. [Mycielski, Pudlák and Stern, 1990]). Под теорией (математической) здесь понимается то, что может быть формализовано средствами логики предикатов первого порядка. При этом желательно было бы выделить классы теорий, которые совместно интерпретируемы одна в другой, поскольку понятно, что теории зависят от выбора языка и исходных понятий. Последнее приводит к конструкции весь-

ма абстрактных объектов, а именно классов эквивалентности первопорядковых теорий. Имеются различные отношения эквивалентности на множестве теорий. Дж. Мыцельский и другие изучают одно из наиболее абстрактных отношений эквивалентности, названное локальной интерпретируемостью, а сами классы эквивалентности названы главами (chapters) математики.

Собрание всех глав не является собственным классом и имеет мощность континуума. Локальная интерпретируемость индуцирует частичный порядок на множестве глав. Этот порядок таков, что образует дистрибутивную алгебраическую решетку, названную авторами LC (the lattice of chapters).

Большой интерес представляет изучение алгебраических свойств решетки LC, в особенности если иметь в виду инвариантность глав теории T относительно языка, в котором T выражена. Отметим некоторые свойства: конечно-аксиоматизируемые теории соответствуют компактным элементам в LC; множество компактных глав и множество глав, содержащих рекурсивно перечислимые теории, являются подрешетками LC; эквивалентные главы образуют алгебраическую решетку мощности, но она недистрибутивна и даже немодулярна и т. д.

Кроме самих теорий особый интерес представляет изучение классов логик, замкнутых относительно соответствующих правил вывода, в первую очередь modus ponens (MP) и подстановки (Subst), и каждый элемент этого класса является непротиворечивым расширением какой-либо исходной логики. При этом желательно представить такие классы логик в виде хорошо известной конструкции.

То, что логик бесконечно много, – стало большим событием в логическом мире. Уже К. Гёдель в 1932 г. заметил, что существует счётное число логик между интуиционистской логикой и классической, которые впоследствии получили название суперинтуиционистских логик (с.и.-логики). В середине 50-х гг. начинается систематическое изучение таких классов логик, как с.и.-логики и льюисовские модальные логики.

В течение долгого времени оставалась надежда найти полное описание решетки модальных и с.и.-логик – тогда можно было бы «обозреть» любую логику и даже, может быть, представить их в виде исчисления.

Все эти надежды были разрушены открытием В. А. Янковым [Янков, 1968] континуального класса с.и.-логик и обнаружением способов конструирования модальных и с.и.-логик с весьма «нежелательными» свойствами (неразрешимость, неаксиоматизируемость и т. д.). Имея в виду исходный гёделевский перевод интуиционистской логики в модальную систему Льюиса S4, можно

распространить его и на весь класс с.и.-логик. В результате был установлен изоморфизм всех с.и.-логик и нормальных расширений модальных систем Льюиса, которых, следовательно, тоже континуум [Максимова и Рыбаков, 1974]. Впоследствии были обнаружены континуальные классы релевантных логик, паранепротиворечивых логик, логик следования и т. д. Оказывается, континуальность классов логик является не исключением, а нормой.

В итоге изучение способов рассуждения в некоторой выделенной логической системе отодвигается на второй план. А на первый план выдвигается изучение классов логических систем с «хорошими» семантическими или синтаксическими свойствами. См. гл. 4 «От логик к классам логик» в [Chagrova and Zakharyashev, 1997]. Очевидно, есть разница между развитием теории дедукции для одной «избранной» логики и изучением свойств структурированных (континуальных) классов логик.

Если логика имеет какое-то отношение к мыслительной деятельности человека, то тогда уровень логичности последней скрывается за «функционированием» бесконечных классов различных логических систем. Так мы приходим к понятию *металогики* на новом уровне.

От законов мышления к законам алгебры. Мы рассмотрели только одно из направлений развития логики, инициированное Г. Фреге, Н. А. Уайтхедом и Б. Расселом, где истина и логическая истина явились первоначальными логическими предикатами. Под воздействием идей метаматематики эта тенденция в логике сфокусировалась на теории дедукции логических истин, выраженных логическими законами, что привело к построению логических систем, а затем к изучению их классов в виде структурированных объектов.

Однако еще ранее Дж. Буль, В. Девонс, Ч. С. Пирс и Э. Шрёдер в качестве примитивного предиката взяли логическую эквивалентность и использовали сходство между логической эквивалентностью и равенством. Работы Девонса, Пирса и Шрёдера привели к построению теории алгебры отношений, а работы Буля – к алгебре логики. Обратим внимание на название главной работы Дж. Буля, опубликованной в 1854 г.: «Исследования в области *основных законов мышления*, на которых основаны математические теории логики и теория вероятностей» (курсив мой. – А. К.). С этой поры основным предметом логики становится изучение свойств логических операций над множеством высказываний, рассматриваемых со стороны их логических значений, и в первую очередь исследуются равенства (тождества) между формулами, приведение к нормальным формам, минимизация формул и т. д.

Постепенно были выделены основные свойства (классических) логических операций в виде некоторого количества тождеств. В совокупности эти тождества образовали конструкцию под названием «булева алгебра». Таким образом, булева алгебра есть результат алгебраической формализации классической логики высказываний.

Потребовалось некоторое время, чтобы логики задумались над связью между двумя, казалось бы, совершенно различными путями развития логики, пока А. Тарский в 1935 г. в точности не определил связь между булевой алгеброй и классическим пропозициональным исчислением. Его подход основывается на оригинальной идее А. Линденбаума (1926–1927 гг.), который предложил рассматривать формализованный пропозициональный язык как универсальную алгебру с операциями, соответствующими логическим связкам этого же языка.

К середине прошлого века Л. Хенкином, Р. Сикорским, Е. Расёвой и другими было осознано, что этот метод может быть применен к другим логикам со связкой импликации, удовлетворяющей некоторым базисным свойствам. Такого рода обобщение было проведено в хорошо известной книге Е. Расёвой [Rasiowa, 1974], где впервые вводится понятие *алгебраический пример* (counterpart) логики. Магистральное развитие алгебраической логики (уже в 1962 г. под таким названием появилась монография П. Халмоша [Halmos, 1962]). Интересно, что под таким названием большая статья включена во второе издание «Справочника по философской логике» [Andréka, Némethi and Sain, 2001]) состояло в систематическом исследовании широкого класса логик алгебраическими методами. Одной из целей явилось установление общего критерия для класса алгебр (или для класса математических объектов, тесно связанных с алгебрами) быть алгебраическим примером логики и развитие для этого самих методов. В связи с этим абстракция метода Линденбаума-Тарского играет главную роль. В результате в конце XX в. появился термин *абстрактная алгебраическая логика* [см. прекрасный обзор [Font, Jansana and Pigozzi, 2003]].

В уже ставшей классической работе В. Блока и Д. Пигоцци [Blok and Pigozzi, 1989] понятию *алгебраизируемая логика* было дано математически точное определение. Основополагающая идея состояла в следующем: логика является алгебраизируемой, если существует класс алгебр, относящийся к этой логике точно так же, как существует класс булевых алгебр, относящихся к классической пропозициональной логике. Это отношение может быть выражено в различных формах, но здесь рассматриваются логические системы, в которых отношение логического следо-

вания является рефлексивным, идемпотентным, монотонным и финитарным. Понятие алгебраизируемой логики, введенное в этой работе, в действительности сейчас называется конечно-алгебраизируемой логикой.

Обратим внимание на внутреннее свойство логики, делающее ее конечно-алгебраизируемой: для нее имеет место (обобщенная) теорема адекватности. В итоге мы имеем алгебраическую семантику для исключительно широкого класса логических систем (см. также [Font and Jansana, 1996]).

Современное бурное развитие алгебраической логики представляет собой систематическое применение методов и, главное, аппарата универсальной алгебры к символической логике. Именно на это как на тенденцию возможного дальнейшего развития алгебры логики указывал А. В. Кузнецов, когда говорил о возможности «охватить алгебраическими методами значительную часть современной математической логики» [Кузнецов, 1960]. На самом деле вопрос сейчас стоит об охвате всей символической логики, и результаты здесь весьма впечатляющие. Речь идет о связи между отдельным металогическим свойством специфической логики, которая, как правило, является алгебраизируемой, и алгебраическим свойством ассоциированных с нею алгебр. Приведем некоторые примеры.

Пусть $\text{Alg}(L)$ обозначает класс алгебр, который соотносится с некоторой логикой L . Например, если L есть классическая логика высказываний, то $\text{Alg}(L)$ есть класс булевых алгебр. Теперь можно формулировать теоремы, утверждающие, что L имеет определенное логическое свойство тогда и только тогда, когда $\text{Alg}(L)$ имеет определенное алгебраическое свойство. Это позволяет дать алгебраическую характеристику таких логических свойств, как полнота, наличие теоремы дедукции, компактность, разрешимость, интерполяционность Крейга, определенность по Бету, истинность формул в модели и т. д. Например, первые два свойства принимают следующий вид: L допускает строго полную гильбертовскую аксиоматизацию ($\Gamma \vdash \varphi$ т.т.т., когда $\Gamma \models \varphi$) тогда и только тогда, когда $\text{Alg}(L)$ есть финитно аксиоматизируемое квазимногообразие; L допускает теорему дедукции тогда и только тогда, когда $\text{Alg}(L)$ имеет эквационально определимые главные конгруэнции. Последнее свойство имеет особое значение, поскольку позволяет определять, существует или не существует, что более важно, теорема дедукции для широкого класса логик.

Заметим, что алгебраическая логика является хорошим инструментом для выяснения такого сложного вопроса, как взаимоотношение между различными логическими системами и, главное, их классификации в зависимости от свойств отношения конгруэнтности.

Интересно, что дальнейший процесс абстрагирования понятия алгебраизуемости начинает фокусироваться на чисто теоретико-решеточной природе [Blok and Jónsson, 1999]. Здесь, как это ни странно, а может, наоборот, закономерно, мы находим явные точки соприкосновения с тем, к чему пришло логицистическое развитие логики (см. окончание предыдущего раздела).

Наконец, обратим внимание на книгу П. Халмоша и С. Гиванта с весьма примечательным названием «Логика как алгебра» [Halmos and Givant, 1998], где показывается, что законы силлогистики, законы логики высказываний, законы логики предикатов – все есть законы алгебры. Таким образом, если идти от исходных идей Дж. Буля, *нет больше законов мышления, отличных от законов алгебры*.

Логика как категорный объект. Более 50 лет назад усилиями С. Мак-Лэйна и С. Эйленберга [Eilenberg and MacLane, 1986] была создана теория категорий, одна из наиболее важных математических теорий прошлого века. Новая теория позволила обнаружить совсем неожиданные и удивительные взаимоотношения внутри различных разделов математики и, самое главное, под влиянием идей В. Ловера выступила мощным средством для разработки новых оснований математики. Во всем этом наблюдается некоторая негативная реакция на теорию множеств («основу всех основ»). Теперь в явном виде постулируется, что наши исходные элементы «структуриализованы», а сама конструкция теории множеств должна быть более гибкой.

Одной из принципиальных особенностей теории категорий является то, что она принимает «морфизм» (отображение) как первичное понятие на одном уровне с понятием «объект», т. е. существуют только объекты и морфизмы между объектами. При этом морфизмы удовлетворяют законам идентичности и ассоциативности. Все вместе образует конструкцию под названием категория.

С построением теории категорий появилась возможность создания логического универсума гораздо более богатого, чем конструкция под названием «решетка», элементами которой являются логики в том или ином смысле.

Погружение одной логической системы в другую (первым примером которого является теорема Гливенко о погружении классической пропозициональной логики в интуиционистскую) становится сейчас одной из наиболее популярных тем исследования. Самое общее понятие перевода состоит в следующем: система S переводима в S' , если существует функция между двумя универсумами рассуждений, которая сохраняет (по крайней мере, в одну сторону) отношение дедуцируемости.

Мы видели, что в качестве объектов могут выступать сами дедуктивные системы, а морфизмами между такими объектами считаются переводы одной дедуктивной системы в другую. Теперь можно выйти на уровень еще большего обобщения. Представление дедуктивных систем в виде категории наводит на мысль использовать понятие функтора, являющегося одним из основных понятий в исходной работе родоначальников теории категорий, в качестве погружающей операции. Функтор – это отображение из одной категории в другую, сохраняющее категорную структуру. В общем случае такие функторы можно рассматривать как переводы одной дедуктивной системы в другую.

Недавно появилась работа, посвященная категорному подходу к абстрактной алгебраической логике [Voutsadakis, 2003], где обобщение дедуктивной системы дается в категорных терминах и главные усилия направлены на изучение функторов между категориями теорий (сформулированных в разных логических языках).

В итоге заметим, что категорный подход к логике вообще не оставляет места для психологизма в логике и совсем мало – для самой логики, понимаемой в ее хорошем традиционном смысле как наука о правильных рассуждениях.

Новая парадигма – теории категорий – постепенно становится универсальной не только для всей математики (или почти всей), но и для логики. Введение в теории категорий конструкции под названием *функтор* естественным образом привело к образованию Ф. Ловером в 1966 г. конструкции под названием категория всех категорий, которую назовём *САТ*, объекты которой есть все категории и стрелки которой есть все функторы. Не случайно, что с объяснения, что такое категория категорий, по существу начинается монография К. Мак-Ларти [McLarty, 1992].

Тогда возникает настоящая проблема: является ли *САТ* сама по себе категорией? Ответ Мак-Ларти состоит в том, чтобы рассматривать *САТ* как регулятивную идею, т. е. как неизбежный способ мышления о категориях и функторах, но не как строго легитимную сущность. Такими регулятивными идеями являются, например, собственная личность, универсум и Бог у Канта (1781).

Подобным образом и логика приближается к статусу регулятивной идеи, симптомами чего является поиск при помощи категорных средств всё более строгого и по возможности универсально-объекта под названием дедуктивная система. Понятно, что появление различных категорных объектов логической природы рано или поздно поставит подлинный вопрос о регулятивной идее логики всех логик.

Законы мышления? Так неожиданно заканчивается 28-м разделом, добавленным В. Ходжесом ко второму изданию «Справочника по философ-

ской логике», статья «Элементарная предикатная логика» [Hodges, 2001]. Ходжес указывает, что корректность выводимости тавтологии $p \rightarrow (q \rightarrow p)$ имеет отношение к мышлению не более, чем к девственности Артемиды или войне в Индонезии. В свою очередь заметим, что еще меньшее отношение к логичности мышления имеет изучение различных логических конструкций типа булевых алгебр, решеток Гейтинга или биполных категорий.

На самом деле вопрос стоит глубже: насколько обучение логике помогает думать логически? Например, в работе [Nisbett, Fong, Lehman and Cheng, 1987] показано, что стандартный курс логики для аспирантов совершенно не эффективен. Более того, в работе [Wason, 1966] показано, какие чудовищные ошибки делаются при рассуждениях, использующих истинностные таблицы. Заметим, что истинностные таблицы представляют собой наипростейшую логическую конструкцию, моделирующую классическую логику высказываний. Этот эксперимент вызвал огромное число работ, проверяющих различные гипотезы относительно причин этих ошибок (см. [Manktelow and Over, 1990]). Еще менее удовлетворительным, отмечает Ходжес, является компьютерное обучение логике такими наиболее известными программами, как «Tarski's World» и «Hyperproof».

И здесь мы возвращаемся к мыслительной деятельности человека. Каковы ментальные механизмы, которые нетренированный человек использует при совершении логической дедукции? В свою очередь, С. Феферман в статье, где дается характеристика классической логики предикатов посредством семантического определения ее логических операций, объявляет, что более важным вопросом является «как работает разум?» [Feferman, 1999, p. 32]. Именно на этот вопрос пытается ответить выдающийся физик и космолог нашего времени Р. Пенроуз, обосновывая невычислительный характер деятельности человеческого мозга. При этом Пенроуз опирается на теоремы Гёделя о неполноте (см. [Пенроуз, 2003а], [Пенроуз, 2003б]).

В заключение отметим, что конструкция в виде логики предикатов первого порядка, претендующая на основной и зачастую единственный аппарат для получения корректных рассуждений, является всего лишь предельным статичным огрублением человеческой дедукции с многочисленными ограничениями (см. [Карпенко, 2005]). При разумной деятельности человека, если он может разумно рассуждать, происходят различные логические процессы, и проблема состоит в том, как эти процессы взаимосвязаны и как происходит переход из одного логического процесса в другой. Возможно, одним из начальных подходов к решению этой проблемы является логический «синтез познавательных процедур» (см. [Финн, 1999]).

Примечания

[Анисов, 2002] *Анисов, А. М.* Современная логика [Текст] / А. М. Анисов. М.: ИФ РАН, 2002.

[Асмус, 2001] *Асмус, В. Ф.* Логика [Текст] / В. Ф. Асмус. М.: УРСС, 2001.

[Барвайс, 1982] *Барвайс, Дж.* Введение в логику первого порядка [Текст] / Дж. Барвайс // Справочная книга по математической логике. Ч. I. Теория моделей. М.: Наука, 1982. С. 13–54.

[Бочаров, 2001] *Бочаров, В. А.* Логика [Текст] / В. А. Бочаров // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 404–407.

[Гладкий, 2001] *Гладкий, А. В.* Введение в современную логику [Текст] / А. В. Гладкий. М.: МЦНМО, 2001.

[Карпенко, 1997] *Карпенко, А. С.* Классификация пропозициональных логик [Текст] / А. Карпенко // Логические исследования. 2000. № 4. С. 107–133.

[Карпенко, 2000] *Карпенко, А. С.* Логика на рубеже тысячелетий [Текст] / А. С. Карпенко // Логические исследования. 2000. № 7. С. 7–60.

[Карпенко, 2003] *Карпенко, А. С.* Современные исследования в философской логике [Текст] / А. С. Карпенко // Вопросы философии. 2003. № 9. С. 54–75.

[Карпенко, 2005] *Карпенко, А. С.* Неклассические логики versus классической [Текст] / А. С. Карпенко // Логико-философские штудии. 2005. № 3. С. 48–73.

[Кузнецов, 1960] *Кузнецов, А. В.* Алгебра логики [Текст] / А. В. Кузнецов // Философская энциклопедия. Т. 1. М., 1960. С. 33–38.

[Лукаевич, 1959] *Лукаевич, Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики [Текст] / Я. Лукаевич. М.: ИЛ, 1959 (переизд. в 2001 г.).

[Максимова и Рыбаков, 1974] *Максимова, А. Л.* Решетки модальных логик [Текст] / А. Л. Максимова, В. В. Рыбаков // Алгебра и логика. 1974. № 13. С. 105–122.

[Марков, 1984] *Марков, А. А.* Элементы математической логики [Текст] / А. А. Марков. М.: МГУ, 1984.

[Мендельсон, 1984] *Мендельсон, Э.* Введение в математическую логику [Текст] / Э. Мендельсон. М.: Наука, 1984. 3-е изд.

[Пенроуз, 2003а] *Пенроуз, Р.* Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики [Текст] / Р. Пенроуз. М.: УРСС, 2003.

[Пенроуз, 2003б] *Пенроуз, Р.* Тени разума. В поисках науки о сознании [Текст] / Р. Пенроуз. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003.

[Финн, 1999] *Финн, В. К.* Синтез познавательных процедур и проблема индукции [Текст] / В. К. Финн // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1999. № 1–2. С. 8–44. (Переизд.: *Финн, В. К.* Интеллектуальные системы и общество [Текст]: сборник статей / В. К. Финн. М.: РГГУ, 2001.)

[Фреге, 2000] *Фреге, Г.* Логика и логическая семантика [Текст] / Г. Фреге. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2000.

[Янков, 1968] *Янков, В. А.* Построение последовательности сильно независимых суперинтуиционистских пропозициональных исчислений [Текст] / В. А. Янков // Доклады Академии наук СССР, 181, № 1: 33–34. 1968.

[Andréka, Némethi and Sain] *Andréka, H.* Algebraic logic [Text] / H. Andréka, I. Némethi and I. Sain // D. Gabbay and F. Guenther, editors. Handbook of Philosophical Logic. Second Edition. Vol. 2. Dordrecht: Kluwer, 2001.

[Blok and Jónsson, 1999] *Blok, W. J.* Algebraic Structures for Logic [Text] / W. J. Blok and B. Jónsson. New Mexico State University. 1999. Available at <http://math.nmsu.edu/~holysymp/>.

[Blok and Pigozzi, 1989] *Blok, W. J.* Protoalgebraic logics [Text] / W. J. Blok and D. Pigozzi // *Studia Logica*. 1989. № 45. P. 337–369.

[Chagrov and Zakharyaschiev, 1997] *Chagrov, A.* Modal Logic [Text] / A. Chagrov and M. Zakharyaschiev. Oxford: Clarendon Press, 1977.

[Eilenberg and MacLane, 1986] *Eilenberg, S.* General theory of natural equivalences [Text] / S. Eilenberg and S. MacLane // *Transactions of the American Mathematical Society*. 1945. № 58. P. 231–294. (Перевод: Eilenberg, S. Collected Works [Text] / S. Eilenberg and S. MacLane. Academic Press, 1986).

[Feferman, 1999] *Feferman, S.* Logic, logics, and logicism [Text] / S. Feferman // *Notre Dame Journal of Formal Logic*, 40, № 1: 31–54, 1999.

[Font and Jansana, 1996] *Font, J. M.* A General Algebraic Semantics for Sentential Logics [Text] / J. M. Font and R. Jansana. Berlin: Springer-Verlag, 1996.

[Font, Jansana and Pigozzi, 2003] *Font, J. M.* A survey of abstract logic [Text] / J. M. Font, R. Jansana and D. Pigozzi // *Studia Logica*. 2003. Vol. 74. № 1–2. P. 13–97.

[Gaifman, 1976] *Gaifman, H.* Operations on relational structures functors and classes. I [Text] / H. Gaifman // *Proceedings of the Tarski Symposium*. Amer. Math. Society. 1976. № 25. P. 21–39.

[Gómez-Torrente, 1996] *Gómez-Torrente, M.* Tarski on logical consequence [Text] / M. Gómez-Torrente // *Notre Dame Journal of Formal Logic*, 37, № 1: 125–151. 1996.

[Groarke, 2002] Informal logic [Electronic recourse] // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* (<http://plato.stanford.edu/entries/logic-informal>).

[Halmos, 1962] *Halmos, P.* Algebraic Logic [Text] / P. Halmos. New York: Chelsea Publishing, 1962.

[Halmos and Givant, 1998] *Halmos, P.* Logic as Algebra [Text] / P. Halmos and S. Givant. Washington, 1998.

[Hodges, 2001] Elementary predicate logic [Text] // D. Gabbay and F. Guenther, editors. Handbook of Philosophical Logic. Second edition. Vol. 1. Dordrecht: Kluwer, 2001.

[Karpenko, 2000] *Karpenko, A. S.* The classification of propositional calculi [Text] / A. S. Karpenko // *Studia Logica*. 2000. Vol. 66. № 2. P. 253–271.

[Kneale W. and Kneale M., 1962] *Kneale, W.* The Development of Logic [Text] / W. Kneale and M. Kneale. Oxford: Oxford University Press, 1962 (9-th ed. in 1985).

[Manktelow and Over, 1990] *Manktelow, K. I.* Inference and Understanding [Text] / K. I. Manktelow and D. E. Over. London: Routledge, 1990.

[McLarty, 1992] *McLarty, C.* Elementary Categories, Elementary Toposes [Text] / C. McLarty. Oxford: Clarendon Press, 1992.

[Mycielski, Pudlák and Stern, 1990] *Mycielski, J. A.* A lattice of chapters of mathematics (interpretations between theorems) [Text] / J. Mycielski, P. Pudlák, A. S. Stern //

Memoirs of the American Mathematical Society, 84, № 426. 1990.

[Nisbett et al. 1987] *Nisbett, R. E.* Teaching reasoning [Text] / R. E. Nisbett, G. T. Fong, R. D. Lehman and P. W. Cheng // *Science*. 1987. № 238. P. 625–631.

[Quine, 1970] *Quine, W. V.* Philosophy of Logic [Text] / W. V. Quine. N.Y.: Englewood Cliffs, 1970 (Reprinted in 1986).

[Rasiowa, 1974] *Rasiowa, H.* An Algebraic Approach to Non-classical Logics [Text] / H. Rasiowa. Warszawa:

[Tarski, 1983b] *Tarski, A.* On the concept of logical consequence [Text] / A. Tarski // A. Tarski. Logic, Semantics, Metamathematics. Indianapolis: Hackett, 1983. 2nd ed. P. 409–420.

[Voutsadakis, 2003] *Voutsadakis, G.* Categorical abstract algebraic logic [Text] / G. Voutsadakis // *Studia Logica*, 74, № 1/2: 275–311. 2003.

[Wason, 1966] *Wason, P. C.* Reasoning [Text] / P. C. Wason // B. Foss, editor. *New Horizons in Psychology*. Penguin: Harmondsworth, 1966. P. 135–151.

[Weisstein, 1999] *Weisstein, E. W.* Books about Fuzzy Logic [Text] / E. W. Weisstein (<http://www.ericweisstein.com/encyclopedias/books/FuzzyLogic.html>).

Е. Ф. Владыкина

ИДЕИ ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

В статье рассматриваются идеи важнейшего направления современной европейской философии – герменевтики. С целью раскрытия динамики герменевтической проблематики автор обращается к таким именам, как Фр. Шлейермахер, В. Дильтей, М. Хайдеггер, Г. Г. Гадамер, П. Рикёр. Показывается перспективность исследования того, что можно было бы назвать русской герменевтикой – в лице Г. Г. Шпета, М. М. Бахтина и др.

Слово *герменевтика* происходит от греческого *hermeneuein*, т. е. истолковывать, интерпретировать. Поэтому герменевтику можно буквально определить как искусство истолкования и понимания. Это слово также ассоциируется с мифологией древних греков, где Гермес выступал посредником между богами и людьми. В эпоху эллинизма задача герменевтов-толкователей состояла в интерпретации священных текстов, а к ним относились не только теологические, но и тексты законов, то есть юридические.

В средние века толкование, понимание, «высвечивание» текста Священного Писания становится одной из важнейших «забот». Например, Августину необходимо было непротиворечиво соединить Ветхий завет и Евангелие, а для этого пришлось проделать большую работу по переистолкованию многих положений Ветхого Завета. Пьер Абеляр также был озабочен наличием множества противоречивых суждений по поводу тех

ВЛАДЫКИНА Елена Федоровна – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии и социологии ВятГГУ

© Владыкина Е. Ф., 2007

или иных положений Священного текста. Для него понимание является одним из важнейших условий веры: «Если не поймешь, как можно верить...». Он создает особый труд «Диалектика», в котором стремится «снять» напряжение абсолютных противоположностей, переводя их в плоскость противоположностей относительных. Герменевтика на этом историческом этапе понималась как экзегетика.

Важнейшим этапом в развитии герменевтики стало Возрождение. В эпоху Ренессанса и Реформации остро встала проблема перевода и понимания старого культурного наследия. Центральной проблемой герменевтики становятся методы интерпретации. Из сакральной герменевтики впоследствии вырастает «теологическая герменевтика». В эпоху Просвещения традиция «теологической герменевтики» отходит на задний план, главной становится «филологическая» герменевтика. Все же до определенной поры герменевтическая проблематика находилась на периферии философствования. Дело в том, что признавалось единство и единообразие разума как познавательной способности. Например, согласно Декарту, различия между людьми по разуму не являются существенными. А по Гегелю, в лице человека единый, нераздельный дух осуществляет и познает сам себя. Сознание рассматривалось внеисторически. Утверждалась принципиальная «прозрачность», доступность субъекту саморефлексии всех процессов душевной жизни и познания. (Это Фрейд объявит в XX в., что мы непрозрачны для самих себя и не являемся хозяевами у себя дома.) Но если нет принципиальных трудностей в самопознании, то их не должно быть и в познании «другого».

История герменевтики в современном понимании этого термина, по сути дела, начинается на рубеже XVIII–XIX вв. К этому времени наметилась очевидная конфронтация теологической, юридической и филологической герменевтики, выявилась их зависимость от догматических предпосылок. Появляется романтический проект Фридриха Шлейермахера (1768–1834). Нам представляется, что именно с него начинается углубление в герменевтическую проблематику. Поиск основания целостности познающего разума и включенности науки в культуру приводит Шлейермахера к *пониманию* как особому способу построения научного знания. В период разработки идей герменевтики Шлейермахер обращается не только к проблеме языка и речи (к «грамматической интерпретации»), но ещё более его занимает «психологическая интерпретация». В герменевтику Шлейермахера входит анализ понимания всего предметного феноменального мира и мира мыслей другого человека. Пониманию подлежит не только дословный смысл произне-

сенного или написанного тем или иным автором, но и замысел самого творца-художника. Именно «психологическую интерпретацию» Шлейермахер считает наиболее важной проблемой и задачей герменевтики, с ней связано его понимание герменевтики как «искусства».

Если герменевтика есть «искусство понимания», то это искусство предполагает понимание речи. Мышление осуществляется в речи. Именно в речи происходит встреча языка, индивидуума и понимания. Задача герменевтики состоит в том, чтобы раскрыть, как индивид сотрудничает с языком. Шлейермахер убежден, что философствование есть развитие языка. Именно развитие, а не повторение. При повторении нет нужды в герменевтике. Нужда в ней появляется в ситуации развития. К речи следует относиться уважительно. Этим объясняется то, что в философской герменевтике Шлейермахера значительное место отводится этике. Безусловной заслугой Шлейермахера было и то, что, выступив с учением о понимании как таковом, он поставил вопрос о реконструкции контекста и необходимости применения в процедуре истолкования принципа «герменевтического круга». Герменевт всегда должен иметь в виду взаимосвязь целого и части: *понимание целого есть условие понимания частей, и наоборот.* (Свой вариант герменевтического круга существовал в патристике: для понимания Священного Писания необходимо в него верить, но для веры необходимо его понимание – Августин.) Психологическое понимание должно преодолеть временной барьер и оказаться в роли так называемого «первоначального читателя». Поставив вопрос о необходимости интерпретации, Шлейермахер приходит к выводу, что интерпретатор должен понимать *лучше*, чем тот, кто создает (объяснение этому: творчество гения – *неосознаваемое творчество*, гений просто создает нечто!). Понимать – это всегда понимать по-иному.

Дальнейшее развитие герменевтики осуществляется за счет насыщения её проблемного поля историческим измерением. Поворот от догматики к исторической герменевтике был осуществлен Дильтеем (1833–1911), который представлял историю как большую книгу, подлежащую расшифровке и истолкованию. Заметим в связи с этим, что герменевтику нередко относят к рационально ориентированному сциентизму, что весьма сомнительно, однако отнесение её к антисциентизму также возможно лишь в определенных пределах. Сторонники второй точки зрения исходят, прежде всего, из того обстоятельства, что один из родоначальников «философии жизни» – Дильтей – безусловно, может считаться одним из родоначальников герменевтики. Он приходит к герменевтике через стремление со-

здать «критику исторического разума» и обосновать ценность наук о духе. Рассматривая специфику исторической реальности и, соответственно, специфику гуманитарного знания, Дильтей одним из первых обращает внимание на то, что гуманитарное знание имеет дело с совершенно особым типом опыта, а именно: в сфере исторической реальности дух познает результаты собственной деятельности. Иначе говоря, дух познает дух.

Человек познает самого же себя; при этом в данном познании он уже обладает предварительным знакомством с этим знанием. Возникает проблема понимания. И Дильтей говорит о таком погружении в жизнь, что *любые акты понимания не должны оставаться в пределах реального контекста жизни*. Из этого следует его вывод: для наук о духе характерно *понимание*, а для естественнонаучного знания – *объяснение*.

Проблематика понимания возникает тогда, когда появляются некоторые трудности, потому для устранения их мы должны «поднять» и контекст. Процесс понимания никогда не начинается с нуля. Мы всякий раз сталкиваемся с действием человека (а это нечто нам знакомое). Некой предпосылкой всякого понимания он рассматривает *жизнь*. Жизнь мыслится им как целостность душевной связи, как переживание, как историческая жизненная связь. Понимание складывается из переживаний, ведущих от непосредственных переживаний *Я* к *Ты*. Понимание для Дильтея – это описание, *в отличие от объяснения с помощью рациональных понятий*.

Наш мир – общество. Природа для нас – нечто внешнее. Для Дильтея важно, что социальные факты мы понимаем изнутри на основе самонаблюдений и интуиции. Благодаря аффектам, мы окрашиваем наши представления о мире любовью, ненавистью и другими переживаниями. В процессе этих рассуждений мыслитель приходит к выводу о несостоятельности объяснительной психологии (по образцу естественных наук), предлагая свою концепцию психологии описательной (аналитической, расчленяющей). Этого рода психология представляет собой описание и анализ связи, которая дана нам изначально и всегда в виде самой жизни [1]. Описательная психология и герменевтика Дильтея неразрывны, и через эту связь герменевтика предстает не только как метод философского мышления, но и как метод всех наук о духе.

Герменевтический подход, прежде всего к проблеме языка и сознания, отличает и взгляды М. Хайдеггера (1889–1976). Понимание онтологизируется; включается в структуру человеческой жизни, человеческого существования. Понимание оказывается способом бытия человека с его историчностью и конечностью. С точки

зрения Хайдеггера, просветительский рационализм не дает возможности понять бытие, ему можно только внимать. Истинное мышление для Хайдеггера – это «вслушивание», «прислушивание» к языку, поскольку «язык – это дом бытия» [2]. Реальной формой существования человека, по Хайдеггеру, является язык, понятый как речь, то есть язык в его живом осуществлении. Язык не просто условие понимания, он и есть *само понимание*. Открывающий «истину бытия» язык продолжает жить прежде всего в поэтических произведениях. Хайдеггеру принадлежит мысль, что поэтический язык, искусство – единственный способ существования; по крайней мере, здесь мы находим хоть какое-то описание бытия. Искусство, «мир» которого беспредметен, содержит в себе истину как несокрытость существующего, тогда как наука, имея своим содержанием предметно-понятийное знание, не способна проникнуть в существующее.

Основной нравственной задачей философ считает возвращение в лоно естественного языка, а не языка абстракций и идей. Но слово естественного языка многозначно, потому герменевтическая философия и призвана его истолковать (напомним, что в широком смысле слова герменевтика и есть искусство истолкования). Хайдеггер обращается к проблеме герменевтического круга («целое надлежит понимать на основании отдельного, а отдельное на основании целого» [3]) и считает, что его нельзя трактовать как порочный или как неустранимое неудобство. В нем есть возможность постижения изначального. Трудность заключается вовсе не в том, чтобы выйти из герменевтического круга, а в том, чтобы в него войти. Герменевтический круг – не методологическая, а онтологическая проблема. Интерпретация должна вытекать из самих вещей. Это гарантирует научность поиска.

Систематизатором герменевтической философии, а в известном смысле создателем универсальной герменевтики, можно считать Г. Г. Гадамера (1900–2002). Пафос его основной работы «Истина и метод» состоит в том, чтобы искоренить из философии методологическую проблематику. Гадамер претендует на раскрытие таких предпосылок познания, которые уже не могут быть обоснованы методами самой науки. «Философская герменевтика, – писал Гадамер, – включает философское движение нашего столетия, преодолевшее одностороннюю ориентировку на факт науки, которая была само собой разумеющейся как для неокантианства, так и для позитивизма того времени. Однако герменевтика занимает соответствующее ей место и в теории науки, если она открывает внутри науки – с помощью герменевтической рефлексии – условия

истины, которые не лежат в логике исследования, а предшествуют ей» [4].

Гадамер считает, что философия слишком длительное время развивалась под влиянием научного знания, а важно пролить свет на тот особый вид знания, который реализует себя вне науки. Именно потому Гадамер начинает с обращения к опыту искусства, затем он обращается к историческому познанию и собственно к языку. Переход от методологической к философской герменевтике означает для Гадамера отказ от субъективности как центральной перспективы. Этот переход содержит три момента:

1. Философская герменевтика занимается самопониманием гуманитарных наук.

2. Для философской герменевтики важно определить общие условия понимания – «герменевтическое сознание должно быть действительно историческим», а это значит – никогда нельзя и не нужно освобождаться от традиций; понять нечто можно только в непрерывности традиций.

3. Быть в мире *дома* с помощью языка. Понимание означает в первую очередь не идентификацию, а способность поставить себя на место Другого и рассмотреть оттуда себя самого.

Онтологический аспект герменевтики – язык. Он есть прежде всего опыт мира. (В этом суждении – влияние Хайдеггера.) Однако, в отличие от Хайдеггера, Гадамер рекомендует «не избирать язык, соответствующий новому пониманию, а использовать существующий язык, – это кажется мне закономерным требованием» [5].

Всмотримся в данные моменты, учитывая то обстоятельство, что философская герменевтика Гадамера – это не только герменевтика текстов, но герменевтика переговоров и вообще бытия человека в мире («...понять нас самих на основе третьего, поскольку мы друг друга непосредственно не понимаем», «...будучи разными, мы совпадаем в чем то общем», в чем, как Гадамер формулировал, используя терминологию Гуссерля, «горизонты нашего понимания сливаются») [6].

Для Гадамера понимание становится универсальной характеристикой общества и культуры, поэтому, прежде всего, необходимо раскрыть условия понимания истины, а искать эти условия следует в *бытии* самого субъекта. Он продолжает начатую Дильтеем линию обоснования специфики культурно-исторического познания и приходит к выводу: при обращении к культуре человек никогда не сможет освободиться от влияния тех представлений, которые накладывает на него эта культура.

«Душу» герменевтики Гадамер усматривает в том, чтобы всемерно поддерживать диалог, давать сказать свое слово и инакомыслящему, уметь усваивать произносимое им. Он говорит: «Кто хочет понять текст, всегда готов к тому, чтобы

что-то услышать» [7]. Применительно к проблеме понимания основным намерением, целью (интенцией) становится преодоление временной дистанции (именно такой точке зрения герменевты отдавали предпочтение). Сам разум универсален, анонимен, взаимозаменяем; интерпретатору можно перевоплотиться. Если я могу перевоплотить себя, тем самым я предполагаю, что он (автор текста) такой же, как я. Но вот тут Гадамер подчеркивает: по сути, основное, что определяет понимание, – это традиция и контекст, а вовсе не временная дистанция. «Традиция» употребляется Гадамером в трех значениях:

1. Традиция как традиционность. Указывает на преемственность или непрерывность. Всегда присутствует, например, в строительстве или живописи. Здесь речь идет в буквальном смысле о предании: «Быть одним и тем же и все же другим – этот парадокс имеет отношение к любому содержанию предания». В этом значении употребляется названное понятие, когда Гадамер пишет об «объединении горизонтов».

2. Традиция как определенное содержание предания. Мысль Гадамера: традиции всегда уже говорят нам нечто, прежде чем мы начинаем говорить в них, о них и с ними.

3. Традиция как признание авторитета и его знаний. В этом смысле традиция оказывается для нашего понимания прежде всего голосом Другого, для которого следует всегда быть открытым. Однако из этого не следует, что этот голос следует непременно одобрять и принимать без критики.

Философской традиции, считает он, присуще латентное (то есть скрытое) картезианство – мышление может изолировать себя от человеческого общества. Гадамер считает, что в центре внимания философии должно пребывать отнюдь не *cogito*, а *sum*: необходимо обращаться к фактичности человеческого существования, то есть обращаться к традиции. Понимание есть нечто изначально присущее человеческому существованию. Понимание реализует себя тогда, когда оно является иным. Именно традиция является антиципирующей (антиципация – предвосхищение, предугадывание событий, заранее составленное представление о чем-либо), предвосхищающей целостностью.

Для осознания специфики природы герменевтического опыта он, как и его предшественники, обращается к искусству. Искусство – парадигмальная модель герменевтического познания вообще; в нём познается специфический вид истины. Из особенностей воздействия искусства (помимо языковых форм) появляются новые возможности *целостного схватывания действительности*. Научное познание лишено этих возможностей. В работе «Истина и метод» не случайно

название первой главы: «Изложение проблем истины в применении к познанию искусства».

Обращаясь к проблеме интерпретации исторических фактов, Гадамер выделяет три характерных позиции, возникающих при работе с текстом:

1. Ф. Шлейермахер: отвлечься от временной дистанции, вжиться в ситуацию автора, отказаться от «своего». Этот подход Гадамер характеризует как «субъективную интерпретацию».

2. В. Дильтей: выйти на такой универсальный уровень, когда какие-то конкретные моменты не имеют значения (абсолютный дух).

3. Позиция самого Гадамера – «вечная современность традиции». Это «благо, что историзм самого субъекта присутствует». Гадамер разъясняет: субъект-интерпретатор тоже историчен – у него определенная система предзнания, свой «горизонт», он владеет системой ценностных представлений. Каждый герменевт владеет не только культурой автора, но и культурой собственной. Важно *осознать присутствие этого в самом себе*.

Для Гадамера эта историчность принципиальна, она не снимается [8]. Интерпретатор выходит к тексту с определенным багажом предзнания. Уже присутствует некоторое предпонимание (может быть, даже ошибочное). Может быть, даже предрассудок – как, собственно, то, что предшествует рассудку. Интерпретатор не может быть незаинтересованным лицом. Гадамер рассматривает этот факт как положительную данность. Эта предосылочность помогает интерпретатору что-либо понять.

Речь идет не о простом воспроизведении, по сути, происходит *творение понимания заново* (я сам обращаюсь к сути дела), мы вместе с автором пытаемся *вникнуть* в суть дела и предлагаем свое понимание *сути*, и для этого нужна какая-то опора; вот здесь Гадамер и вводит понятие традиции (то, что фундаментально, то, чем человек живет). «Войти в смыслы» (а «смыслы» задаются культурной традицией). Итак: предпосылка понимания – нахождение в традиции (причастность традиции). Примечание: истины в привычном понимании, как объективной истины, для Гадамера не существует.

Из нахождения в традиции далее Гадамер делает вывод, что правильное истолкование есть бессмысленный идеал, в основе которого – непонимание сущности традиции. От традиции не отказываются, скорее, продуктивным для понимания становится «слияние традиций», «слияние горизонтов». Развивая мысль о значении и роли традиции, Гадамер отмечает, что толкование современных текстов часто затруднено из-за отсутствия временной дистанции. Временная дистанция есть скорее условие, чем препятствие для исторического понимания. Временная дистанция

исключает самые сильные предрассудки и фактически делает понимание прошлого события более легким. (Например, ученый никогда не знает всего о своей теории, ему не достает многих частей общего целого, чтобы делать выводы. То же историк – в силу временной дистанции видит и понимает больше.) Завершая данную мысль, приведем слова Гадамера из статьи «О круге понимания»: «Понимание – это акт действенной истории, и можно было бы подтвердить, что именно в языковом феномене, подобающем любому пониманию, прокладывает себе путь историческое совершение герменевтики» [9].

Гадамер солидарен с поздним Хайдеггером, который понимал Dasein как «самоговорящее бытие». Он считает также, что Хайдеггер делает акцент не на «собственное», а на совместное бытие, т. е. ориентируется не на Я, а на Другого, и этим преодолевает установку трансцендентального субъективизма. В отличие от опыта смерти, на который ссылался Хайдеггер как на границу Я, Гадамер опирается на ограничение Я Другим, которое достигается в разговоре. Поскольку разговор есть повсюду и возможен как с другими, так и с вещами, это свидетельствует об универсальности герменевтики. Более того, нет никакого противоречия в том, что герменевтика сама открывает и расширяет собственные границы. Выступая средством их преодоления в коммуникации, герменевтика обнаруживает свою значимость тем, что преодолевает непонимание. Общая жизнь – это и есть разговор. Им является и чтение, и текст, с которым разговаривает читатель и который несет в себе диктат не Автора, а Смысла. Разговор бесконечен, он не предполагает ни первого, ни последнего слова, ибо всякое слово – это ответ и новый вопрос.

Гадамер не признает близости речи и письма, но язык – это «подступ к письму». Письмо – это то, что читают. Текст не зависит от автора и его мнения. Высказав эту мысль, Гадамер рассуждает об уникальности экзистенциальной ситуации, в которой пребывает создатель текста, и отстаивает тезис об определенной самостоятельности смысла текста по отношению к его творцу. Обыкновенно в тексте «сказывается» многое из того, чего автор не имел в виду непосредственно. «Понимание может выходить за пределы субъективного замысла автора, более того, оно всегда и неизбежно выходит за эти рамки» [10]. Здесь важна позиция читателя, который должен понимать другого. Чтение – это разговор. Понимание как понимание другого возможно, если сказанное или написанное понимается. Здесь нет тождества автора и читателя, разговор – это способность встать на место другого, а не присвоение. Здесь речь не идет о том, чтобы

слышать только собственный голос. Гадамер, несомненно, прав в своих замечаниях.

В заключительной части статьи нельзя обойти вниманием ещё одно имя, поскольку ему принадлежит особое слово в герменевтике. Это Поль Рикёр (р. 1913), французский философ, автор книги «Конфликт интерпретаций» (1969). Он пытается синтезировать феноменологию с герменевтикой. Сам П. Рикёр называл этот синтез «прививкой» герменевтики к феноменологии. В основаниях такой прививки – «жизненный мир» Гуссерля, онтология Хайдеггера и психоанализ Фрейда.

Свой путь к онтологии понимания он не считает легким, поскольку связан он с «лингвистическими и семантическими анализами». Поля Рикёра интересует, «что происходит с эпистемологией интерпретации, вытекающей из рефлексии об истолковании, об историческом методе, психоанализе, феноменологии религии и т. д., когда она соприкасается с онтологией понимания и, если так можно сказать, одушевляется и воодушевляется ею?» [11]. Именно в феноменологии, сравнивая позднего и раннего Гуссерля, Рикёр ищет путь к онтологии понимания. Этот путь – «жизненный мир» и тема «другого Я». Последняя представляет для Рикёра особый интерес, поскольку важно понять, каким образом осуществляется процесс конституирования сознанием «другого Я», когда «Я» выступает в роли специфического предмета в составе трансцендентального поля опыта? Рассмотрение этого вопроса Гуссерлем в первом приближении позволяет увидеть «другое Я» как факт феноменологической сферы, аналогичный любым другим предметам. Но далее проступает специфика, в которой «другое Я» не может восприниматься только как объект мира, ибо он есть и субъект – в качестве воспринимающего этот же самый мир, а его, между прочим, воспринимаю и я сам. Важно и то обстоятельство, что я признаю экзистенциальное равноправие «другого» и, следовательно, «другое Я» мыслится как способное воспринимать меня как «Я» (как «другое»). При этом ни «Я», ни «другое Я» не могут слиться в неразличимое тождество. Предпринимая попытки встать на место «другого», «Я» никогда не станет «тем другим».

Рикёр считает, что, разрабатывая метод понимания, необходимо выйти из заколдованного круга субъект-объектной проблематики и задать вопрос о бытии, которое – «здесь» (у Хайдеггера – *Dasein*). В таком случае понимание становится способом бытия, причем такого бытия, которое существует, понимая.

Уважительно относясь к своим предшественникам, он согласен с тем, что в философии главенствует проблематика существования, но она

заложена не в явном виде, а в языке [12]. Его замысел такой: начав с языка и мышления, прийти к учению о бытии. Его рассуждения о «герменевтическом поле» позволяют найти нечто общее для всех герменевтических дисциплин, от психоанализа до теологии. Этим общим являются интерпретация, символизм, понимание себя и бытия. «Новая проблематика существования» предполагает прежде всего семантическое выяснение понятия интерпретации, а сама семантика «будет располагаться вокруг центральной темы значений с множественным, многозначным, или символическим смыслом» [13].

Однако одного семантического плана недостаточно, ибо понимание многозначных выражений непременно должно быть дополнено «моментом самопонимания». Следовательно, семантический подход обязательно связан с рефлексивным. «Но субъект, который, интерпретируя знаки, интерпретирует себя, больше не является *Cogito*: это – существующий, который через истолкование своей жизни открывает, что он находится в бытии до того, как полагает себя и располагает собой. Так герменевтика открывает способ существования, который остается от начала и до конца интерпретированным бытием» [14].

Рикёр использует понятие «герменевтическое поле», которое представляет собой круг выражений с двойным смыслом. Оно состоит из символов, т. е. образований, обладающих прямыми смыслами, указывающими на иносказательные. Необходима расшифровка спрятанного смысла. Интерпретация позволяет решать эту задачу. Рикёр дает следующее определение интерпретации: «Это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении...» [15]. Целью интерпретации становится преодоление расстояния «между минувшей культурной эпохой, которой принадлежит текст, и самим интерпретатором» [16]. За счет интерпретации осуществляется связь времен, прошлого и настоящего с обеспечением возможности будущего. Без интерпретации невозможно существование человека. Герменевтика – это «понимание самого себя через понимание другого» [17].

Рикёр «обновляет» идеи в направлении превращения герменевтики в «общую методологию» исследования социальной жизни, человека и его истории. Он полагает, что множественность и даже конфликт интерпретаций являются не недостатком, а достоинством понимания. Философская герменевтика может и должна вступить в диалог с теориями интерпретации, в частности с такими, как психоанализ и структурализм. Эту возможность Рикёр демонстрирует в своих «очерках о герменевтике».

Рассмотренные нами подходы и некоторые герменевтические идеи, естественно, не исчерпывают всей полноты заявленной темы. Вне поля нашего зрения остались те метаморфозы герменевтической проблематики, что связаны с позитивизмом, постмодернизмом, феноменологической социологией. Если для позитивистов понимание – хорошее эвристическое средство, своего рода прелюдия подлинно научного объяснения, то для феноменологической социологии Альфреда Шюца это уже фундаментальное явление, а понимание – существенная часть повседневного опыта любого человека. Понимание значения ситуаций, каких-то действий других людей – важнейшая часть умения жить в обществе. Предпосылкой любого социологического познания Шюц считает обыденное понимание общества и самих себя.

Безусловный интерес представляют герменевтические изыскания наших соотечественников: Г. Г. Шпета, М. М. Бахтина, русских символистов. Обостренное чувство «исторического понимания» присутствовало в работах виднейших представителей «субъективной школы в социологии»: П. А. Лаврова и Н. К. Михайловского. Их воззрения, рассматриваемые, как правило, лишь под углом зрения народнической идеологии, содержат немало идей исторической эпистемологии, опережающих герменевтические открытия XX в. Герменевтика и сегодня остается серьезной философской проблемой.

Примечания

1. См.: Дильтей, В. Описательная психология [Текст] / В. Дильтей. СПб., 1996.
2. См.: Хайдеггер, М. Путь к языку [Текст] / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 272.
3. Гадамер, Г. О круге понимания [Текст] / Г. Гадамер // Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 72.
4. Гадамер, Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики [Текст] / Г. Гадамер. М., 1988. С. 616.
5. Там же. С. 627.
6. См. Гадамер, Г. О круге понимания...
7. Там же. С. 77.
8. См.: Там же. С. 81–82.
9. Там же. С. 82.
10. Гадамер, Г. Философские основания XX века [Текст] / Г. Гадамер // Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 19.
11. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике [Текст] / П. Рикёр. М., 1995. С. 9.
12. Там же. С. 16.
13. Там же. С. 18.
14. Там же. С. 16.
15. Там же. С. 18.
16. Там же. С. 25.
17. Там же.

О. Н. Сысолятина

МОДЕЛИ СИСТЕМНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ЗНАНИЯ

В статье рассмотрены некоторые модели системных репрезентаций знания, представленные российскими и зарубежными исследователями. Основная цель создания таких моделей – отражение отношений «человек – мир». Для объяснения этих отношений привлекаются ресурсы различных когнитивных наук – от нейрофизиологии до лингвистики и психологии. При этом важная роль отводится мировоззренческому и научному познанию.

Исследование феномена репрезентации и ее основных форм послужило поводом для сближения ряда когнитивных наук: искусственного интеллекта (ИИ), нейронаук, лингвистики, психологии в рамках единой когнитивной парадигмы знания. Отличительной особенностью системных репрезентаций является то, что почти все они представляют собой структурные схематичные модели, демонстрирующие процесс отражения объективного мира в сознании человека. Вариантами системных репрезентаций является ряд концепций зарубежных и российских исследователей.

Одна из наиболее доступных моделей была разработана американским физиком Дж. Таунером и представлена в работе «Архитектура знания» (1980) [1]. Исследователь выделяет три типа реальности: 1) *физическая реальность*, состоящая из объектов, взаимодействующих друг с другом; 2) *поведенческая реальность*, содержащая определенные модели поведения, свойственные живым существам (действия организмов, человеческие мысли, культурные образования); 3) *идеальная реальность*, включающая элементы логики и абстракции.

Рис. 1

СЫСОЛЯТИНА Ольга Николаевна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии ВятГГУ
© Сысолятина О. Н., 2007

Моделями человеческой мысли являются теории, которым мы следуем, когда изучаем поведение окружающей среды. Каждая теория по своей сути о «чем-то» (о звездах, электронах, растениях, насекомых, живых существах и т. д.). Вторгаясь в поведение внешнего мира, теории демонстрируют свои свойства (неустойчивость и фундаментальность, искусственность и естественность). Характеристики теории могут претерпевать радикальные изменения, особенно при сопоставлении одних теорий с другими. Теории меняются не потому, что окружающая среда требует этого изменения, а потому, что появляется более привлекательная схема.

Вторая ступень в представленной схеме – сфера интеллекта, она является посредником между объективной реальностью и сферой идеального (сферой теорий). На данном этапе важная роль принадлежит деятельности мышления, а именно способности человеческого разума к концептуализации. Предметами интеллекта являются не физические объекты, не поведение человека, а чистые абстракции. Хотя наивысшей ступенью репрезентации знания Дж. Таунер признает *научные теории*, он не выходит на признание дополнительности вербальной и невербальной форм языка относительно поведенческой реальности.

Интересную концепцию системной репрезентации разработали представители современной греческой философской школы А. Деметру и А. Эфклидес [2].

Рис. 2

Ученые выделяют *пять принципов когнитивной организации*, основанных на внутреннем взаимодействии частных ментальных элементов в виде приобретенных знаний, репрезентаций и схем для обработки информации, которые включены в более широкие и эффективные функциональные системы саморегуляции.

1. *Принцип специфичности* основывается на следующих двух фундаментальных положениях. *Во-первых*, внешняя среда изменчива и разнообразна. Ее элементы обладают качествами, различающимися по физическому содержанию и функционированию. Группа элементов, основанная на одном виде качеств и объединенная единым типом отношений, образует сферу реальности, которая отличается своим поведением от других сфер, состоящих из элементов с разными качествами и отношениями. *Во-вторых*, и человек, и мир имеют свою структуру. Человек склонен структурировать свои взаимодействия с внешней средой в мысленные сферы, сохраняющие динамичные и гибкие свойства различных сфер окружающего мира. Оригинальность мысленных сфер состоит в том, что они управляют взаимодействием человека с внешней средой. А. Деметру и А. Эфклидес называют мысленные сферы *специальными структурными системами* (ССС).

2. *Принцип формально-процессуальной специфичности*. Ментальные акты, операции или процессы, характеризующие каждую из ССС, должны обладать способностью к кодированию, хранению, воспроизведению элементов и отношений внешней среды. В отсутствие этой способности все сферы окружающей действительности просто смешались бы в сознании человека.

3. *Принцип символизации*. Каждая ССС расположена к той символической системе, которая позволяет эффективный допуск своих операционных процессов в отношении элементов внешнего мира. Например, пространственные отношения лучше хранятся в образах, чем в числах, а количественные отношения – наоборот. Символическая система может быть родственна более чем одной ССС. Так, качественные отношения могут быть выражены в числах, словах или образах. Выбор символической системы зависит от частных моментов и предпочтений субъекта.

4. *Принцип субъективного эквивалентного различия способностей*. Разум обычно оперирует под влиянием условий неопределенности, особенно когда в наличии не имеется готовых планов действий, востребованных внешней средой. Эффективная когнитивная деятельность порождает проблему правильного выбора структуры. Данный принцип предполагает, что когнитивные опыты, которые отличаются друг от друга, распознаются человеком как автономные в отношении друг к другу.

5. *Принцип изменения развития*. Этот принцип утверждает наличие опыта, благодаря которому организм узнает о своей связи с внешним миром, о том, каким образом он может сопоставить элементы реальности с ее репрезентацией. Все это предполагает, что любое взаимодействие

организма с внешней средой реализуется одновременно на основе его знаний и навыков.

Успешная реализация всех пяти принципов требует наличия организованного структурированного разума. Функционирование и развитие всех структур зависит от конструктивных характеристик последнего. Они отражены в способах хранения и обработки информации в системе. На данном этапе действуют пять разновидностей ССС:

а) *качественно-аналитическая ССС*, ориентированная на обработку отношений сходства и различия. Такая система позволяет мыслящему субъекту исходить из изолированных качеств объектов к структурам знаний, к которым эти качества имеют отношение. Основной целью является наделение значением элементов внешней среды, наблюдаемых в отношении релевантных знаний, полученных в прошлом, для того чтобы помочь организму принимать решения. Как система обработки такая ССС носит аналитический характер. Ее функционирование основано на выявлении специфики качеств объектов действительности. Эти качества можно рассматривать как «чистые» объекты мыслительной деятельности, подобно строительным блокам, используемым разумом для построения концептуальной системы, включающей семантические и логические отношения между качествами репрезентируемых объектов;

б) *качественно-относительная ССС* отвечает за обработку и репрезентацию информации, поступающей из внешней среды. Эта система относительна уже по своей природе, так как любое качество Q существует в отношении к другим качествам $Q \pm 1$. Как оперативная система качественно-относительная ССС вовлекает способности мыслящего субъекта для преобразования качественных отношений между элементами внешнего мира;

в) *каузально-экспериментальная ССС* направлена на исключение причинных отношений из более широких сетей феноменально родственных, но по сути разных отношений, а также на построение моделей, репрезентирующих эти сети отношений. Для достижения подобных целей вовлекается целый ряд способностей: *комбинаторные способности*, позволяющие выявлять более обширные сосуществующие структуры, в рамках которых субъекту предстоит действовать; *способности формирования гипотез*, позволяющие субъекту выдвигать предположения о возможных причинных связях на основе моделей данных; *экспериментальные способности*, делающие возможной «материализацию» гипотез в форме завершеного эксперимента; *способности конструирования моделей*, позволяющие субъекту наглядно представить результаты эксперимента в

форме доступной для интерпретации структуры теории;

г) *вербально-пропозициональная ССС* отвечает в большей степени за формальные отношения между ментальными операциями, чем за отношения между объектами, выраженные посредством пропозиций. Хотя вербально-пропозициональной системе свойственно как дедуктивное, так и индуктивное рассуждение, эффективность в ней не зависит от других сфер когнитивной активности. Так происходит потому, что отношения в других структурных системах порождены контекстом, в котором действует мыслящий субъект. Данная система является не контекстом, а *типом* отношений между пропозициями;

д) *пространственно-образная ССС* направлена на те аспекты внешней среды, которые могут быть визуализированы благодаря «оку разума» в интегральное целое [3]. Система способна выходить вовне и управлять активностью, имеющей отношение к определенному месту и ориентации в пространстве. Эта система вовлекает такие когнитивные способности, как ментальная активность, интеграция образов и их реконструкция.

В концепцию структурных систем авторы также включают более обширную систему – *гиперкогнитивную систему*. Ее структура состоит из *моделей, правил и стратегий*, утверждающих способность к саморепрезентации, самопониманию и самоуправлению. Такую систему можно рассматривать как взаимодействие между а) *процессом познания и внешней средой*; б) *любой из структурных систем*; в) *системой обработки информации*. Важным элементом гиперкогнитивной системы является метапознание. Свойственные ему функции вторичны в отношении процесса познания в целом; они могут реализоваться как преждевременно, так и одновременно с познавательным процессом [4].

В теории СС-систем исследователи представляют *систему обработки информации* как «динамичную сферу, в которой информация репрезентирована, сохранена и обработана» [5]. Функционирование этой системы можно проанализировать на основе трех основных критериев: скорости обработки информации, ее контроля и хранения.

В ходе взаимодействия человека с окружающей средой под воздействием вербального мышления осуществляется организация поступающей информации в форму нового знания. С одной стороны, мышление управляет взаимодействием человека с внешней средой; с другой стороны, мышление несет ответственность за реализацию внутренних ментальных процессов и тем самым осуществляет контроль над самим собой. Ментальные акты участвуют в процессах кодирования, хранения и воспроизводства информации,

первые два из которых немыслимы без языка символов. Можно разделить мнение авторов о том, что система символов может быть соотнесена более чем с одной ССС. Так, качественные отношения между объектами действительности возможно представить как при помощи слов (вербально), так и при помощи образов (невербально); выбор средств репрезентации всегда будет зависеть от самого субъекта. Но если Деметру и Эфклдес предлагают в своей концепции альтернативный выбор вербальных либо невербальных репрезентативных средств, то нам представляется наиболее эффективным иной способ репрезентации, а именно союз вербального и невербального способов репрезентации полученных субъектом знаний. Эффективность такого подхода отчетливо прослеживается в областях науки, образования и искусства, когда в целях более доступного изложения вербальное повествование необходимо дополнить визуальными представленными материалами.

Несколько иную модель системной репрезентации предлагают рассмотреть представители современной австрийской философской школы Г. Будин, Э. Оезер и М. Пешль. Их интересует проблема эпистемологических отношений внешнего мира и его репрезентации как в когнитивной системе отдельного человека, так и в научной теории. Учитывая единый подход ученых к изучению проблемы репрезентации, рассмотрим версию одного из представителей австрийской школы – версию М. Пешля, подробно изложенную в двух его работах: «Конструктивизм, познание и наука: исследование существующих связей и возможных погрешностей» (2001); «Структуры и различие в практическом знании: от реальности через познание к знанию и обратно» (2003).

М. Пешль полагает, что знание не является изолированным и хаотичным явлением, оно присуще любому живому организму и внешней (материальной, социальной, культурной, лингвистической) среде [6]. Знание выступает водоразделом между репрезентативными структурами живых организмов и окружающим миром. В процессе совместного развития («со-развития») последних реализуется обмен сигналами/информацией и осуществляется взаимовлияние когнитивной внутренней и внешней сфер. Это отражается в альтернативных способах репрезентации знания о внешнем мире. Такой подход тесно связан с подходом, изучающим роль динамических систем в процессах познания и роста знания, берущем свое начало в кибернетике. Эпистемологический анализ, проведенный автором, предполагает обозначение четырех сфер реальности, каждая из которых содержит знание, в прямом и относительном понимании этого феномена [7].

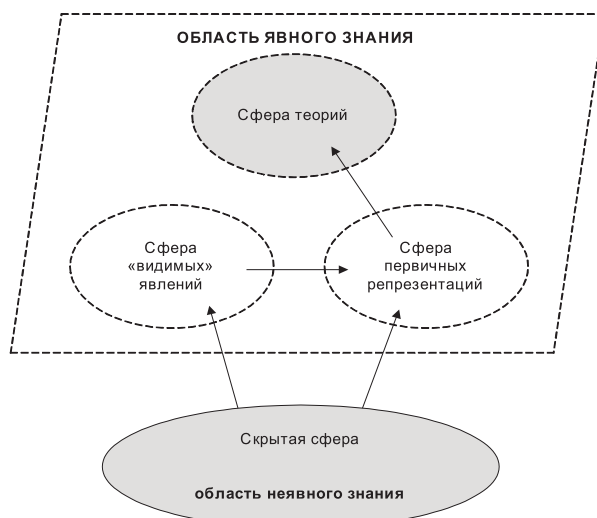

Рис. 3

H: скрытая сфера (hidden domain) в большинстве случаев не доступна нашему сенсорному опыту. Она может быть основой микроскопической или молекулярной структуры или даже замыслом автора, если объектом исследования является литературный текст.

V: сфера «видимых» явлений (domain of the «visible» phenomena), за функционирование данной сферы отвечают разные виды сенсорной системы. Эти явления есть эффекты скрытой сферы.

R: сфера первичных репрезентаций (domain of primary representations). Здесь воздействие скрытой сферы представлено в когнитивной системе.

T: сфера теорий (domain of theories), где репрезентация явлений представлена в форме теорий, существующих как в интенциональном сознании человека (внутри его когнитивной системы), так и во внешней среде в виде лингвистического образования, графического изображения, книги, электронного документа и т. д.

Любопытным моментом в концепции австрийского ученого стало обращение к теории М. Полани о «неявном знании», в связи с чем у Пешля вырисовывается собственная версия интерпретации репрезентации знания с позиции феноменов «явного» и «неявного». Под категорию «неявного» попадает скрытая сфера, которую невозможно постичь напрямую ни теоретическим, ни эмпирическим путем. Все, что составляет область «неявного» знания, всегда лично, субъективно и недоступно. Несмотря на скрытый характер, этот вид знания необходим в повседневной практике. Вспомним хотя бы достаточно распространенные в литературе примеры деятельности «новичков» и «экспертов». Знания экспертов носят неявный характер, который развивается в многолетнем

опыте и «хранится» в недоступных глубинах самого эксперта. Постигание неявного знания возможно, но косвенно, через поведенческую динамику в виде интеллектуальных и технических навыков (например, обучение тому, как нужно кататься на велосипеде). Неявное знание в большей степени зависит от контекста и своим наличием определяет поведение всей модели. Такое знание не может быть сформулировано посредством естественного языка ни его владельцем, ни тем, для кого оно предназначено. Вербальный язык является «вершиной айсберга», венчающей всю структуру знания. Сфера неявного служит фундаментальной основой этого «айсберга». В структуре знания существует определенная связь: явное и неявное необходимы и взаимообусловлены.

Поскольку прямого доступа к скрытой сфере не существует, необходимо создание некоего абстрактного механизма, который бы мог управлять и «объяснять» «визуальное явление». Основной задачей такого механизма является замещение функции *инструмента* для прогнозирования и обеспечения средств контроля над динамикой окружающей среды. *Конструктивное знание* в виде теорий, моделей, абстрактных механизмов должно соответствовать динамике окружающей среды подобно тому, как ключ соответствует замочной скважине. Здесь автор использует понятие «функциональное соответствие».

В сфере «видимых» явлений знание представлено в виде *данных* и *фактов*, которые составляют первую и самую простую форму репрезентации. Интересен этимологический анализ в отношении обоих понятий, на основе которого выявлены важные характеристики знания.

1. Латинским корнем слова «data» («данные») является глагол «dare» в значении «to give» («давать»). «Data» («данные») – множественное число, образованное от причастия II прошедшего времени, используемого в пассивной форме. Таким образом, «данные» – то, что дано (во внешней среде).

2. Понятие «facts» («факты») происходит от латинского глагола «facere» и означает «to make» («делать»). Действительно, факты указывают на те объекты, которые производятся.

Между двумя понятиями заметна дихотомия, которая может проявляться на любом уровне знания и в любом процессе, обусловленном его репрезентацией. Здесь же имеется в виду дихотомия между процессами ощущений и восприятий на эмпирическом уровне и конструктивной активностью, связанной с деятельностью мышления. Пешль отмечает, что проблема дихотомии вообще является одной из главных проблем в вопросах репрезентации знаний о внешнем мире (Пешль 1999, 2001). Данные о состоянии внеш-

ней среды в форме «знания» достаточно скудны. Они представляют собой хаотичную коллекцию элементов, имеющих косвенное отношение к состояниям внешнего мира. Тем не менее данные, как и факты, являются основой для последующих уровней репрезентации знания. Используемые в теоретическом либо семантическом контексте, данные и факты являются типичной иллюстрацией феномена информации, которая далека от «знания» в его истинном значении, так как исключает наличие субъективной оценки и суждения (например, Интернет-ресурсы).

Последнее предполагает вхождение в иную сферу реальности, оставляя позади материальный опыт. Конечно, этот шаг вперед не исключает материальной основы, но серьезно относится к тому, что феномен знания – нечто большее, нежели просто материально-чувственная сущность. Что представляет собой данный процесс, можно проиллюстрировать следующим примером: когда человек озадачен какой-то проблемой, он рано или поздно должен достичь точки «озарения» («aha-experience»), или более глубокого понимания этой проблемы. Такую разновидность познавательной активности автор называет «*интеллектуальная интимность*» («intellectual intimacy»), которая устанавливается между объектом действительности и мышлением человека. Но здесь речь не идет о чисто интуитивном знании, а скорее о высококачественном интеллектуальном знании, которое имеет объект («что»), «значение», интеллигибельную форму, завершенность, субстанцию, бытие, природу, причины и принципы (в философском смысле у Аристотеля). Необходимо огромное интеллектуальное усилие, чтобы постичь эти сферы реальности. Часто полученные знания требуют повторного открытия и практически не поддаются вербализации. Но, несмотря на все трудности, именно для такой модели знания предназначен человеческий разум. Данная модель наделяет мышление способностью интеллектуально проникать во внешний мир и открывать ее метафизические основания. До этого уровня знание остается достаточно поверхностным образованием; только здесь научные теории обретают свое значение, завершенность и контекст.

Преимущество представленной концепции состоит в том, что автор представил детальную структуру знания и возможные формы его репрезентации на каждом отдельно рассматриваемом уровне. Он использовал удачный пример с метафорой «айсберг», которая демонстрирует, что лежит в основании знания (скрытая сфера) и что является совершенным его воплощением (сфера теории). Благодаря такой аналогии возникает идея о цикличном характере знания. В эмпирическом опыте знание слабо уловимо и труд-

но фиксируемо в силу неявного и неосознанного характера. Именно поэтому часто возникает необходимость перевода на язык слов. Уже в сфере явного знания, представленного в виде теорий, моделей, знание в качестве инструмента способно оказывать воздействие на внешнюю среду (функции прогнозирования и контроля). О знании, в его строгом значении, автор говорит лишь тогда, когда оно является результатом совместной работы эмпирического опыта и деятельности мышления; если этого не происходит, то знание низводится до уровня информации.

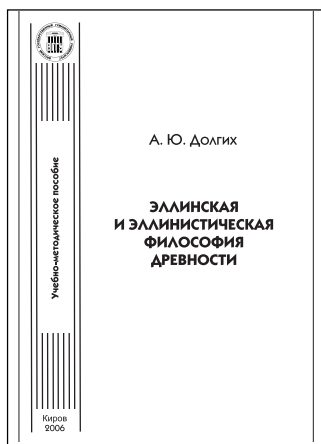
Многие из разработанных учеными в XX в. когнитивных моделей являются своеобразными инструкциями по выполнению определенных познавательных действий. Так, известный российский исследователь М. А. Розов, оценивая феномен знания с позиции двух типов социальных эстафет, выделяет в структуре знания эстафеты *референции* и *репрезентации*. Любое знание должно иметь операциональный характер и описывать или предписывать некоторую деятельность с объектом [8]. Функция репрезентатора состоит в указании действия, которое можно или невозможно осуществить с объектом, заданным в качестве референта. Особую роль в данном процессе играет язык, который фиксирует связь действий при характеристике референта и репрезентатора, а также связь последних друг с другом. Примерами, иллюстрирующими функции репрезентаторов, могут послужить многочисленные когнитивные модели: кластеры, схемы, фреймы, модели и т. д. Они приобретают выигрышный вид

при взаимодействии с вербальным языком. Таким образом, анализ концепций системных отношений «человек – мир» показывает, в каких формах и на каких уровнях реализуется репрезентация знания.

Примечания

1. *Towner, G.* The Architecture of Knowledge [Text] / G. Towner. Washington, 1980. P. 214.
2. *Intelligence, Mind and Reasoning: Structure and Development* [Text] / ed. by A. Demetriou & A. Efklides. Amsterdam; London; N.Y.; Tokyo, 1994. P. 239.
3. *Kosslyn, S. M.* Measuring the visual angle of the mind's eye [Text] / S. M. Kosslyn // *Cognitive Psychology*. Vol. 10. 1978. P. 356–389.
4. *Demetriou, A.* The person's conception of the structures of developing intellect [Text] / A. Demetriou & A. Efklides // *Genetic, Social & General Psychology Monographs*. Vol. 115. 1989. P. 371–423.
5. *Demetriou, A.* Experiential structuralism: A frame for unifying cognitive developmental theories [Text] / A. Demetriou, A. Efklides, M. Platsidou // *Monographs of the Society for Research in Child development*. Vol. 58. 1993. № 234. P. 25.
6. *Peschl, M. F.* Structures and Diversity in (Everyday) Knowledge: From Reality Over Cognition to Knowledge and Back [Text] / M. F. Peschl; ed. by J. Gardner, R. Buber, L. Richards // *Organizing knowledge, methods and case studies*. Hampshire, 2003. P. 3–27.
7. *Peschl, M. F.* Constructivism, Cognition, and Science: An Investigation of Its Links and Possible Shortcomings [Text] / M. F. Peschl // *Foundations of Science*. 6(1). P. 125–161.
8. *Розов, М. А.* Знание как объект исследования. Воспоминания о работе новосибирского семинара (1963–1980) [Текст] / М. А. Розов // *Вопросы философии*. 1998. № 1. С. 89–109.

НОВЫЕ КНИГИ

Долгих, А. Ю. Эллиническая и эллинистическая философия Древности [Текст] : учебно-методическое пособие / А. Ю. Долгих. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – 92 с.

Учебно-методическое пособие предназначено для студентов, обучающихся по специальности «Философия». Оно содержит лекционный материал, соответствующий первой части трехгодичного курса «История зарубежной философии» (130–140 аудиторных часов). Приведены также примерные планы семинарских занятий по предмету.

ИСТОРИЯ

В. И. Бакулин

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЭЙФОРΙΑ И РЕАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: МАРТ 1917 ГОДА В ВЯТКЕ

В статье исследуются политические, экономические, социально-психологические проблемы жизни губернского центра в переломный период падения российской монархии и становления февральского либерального политического режима. Показан процесс обновления системы управления городом и регионом, затронут вопрос об общественных настроениях и поведенческих реакциях определенных социальных групп в экстремальной исторической ситуации.

Автор данной статьи отнюдь не рассматривает себя в качестве первопроходца в теме «1917 год и Вятская губерния». В предшествующие десятилетия она разрабатывалась местными краеведами, начиная с 1920-х, но особенно активно – с 1950-х гг. Ей уделяли внимание такие исследователи, как Е. И. Садырина, А. С. Быстрова, Е. И. Кирюхина, некоторые другие историки, в последние годы – Ю. Н. Тимкин. Она затрагивалась и в таких обобщающих трудах, как «Очерки истории Кировской области» (1972 г.), «Очерки истории Кировской организации КПСС» (1965 г., часть 1-я). Однако и поныне далеко не все сюжеты указанной темы изучены достаточно глубоко и многоаспектно, не всегда авторам работ удавалось полностью уйти от политической «подсветки» событий, задаваемых идеологическими приоритетами как советского, так и постсоветского времени. Кроме того, обращение к относительно небольшому в хронологическом плане сюжету позволяет, с одной стороны, достаточно плотно включить местные события в контекст всероссийской истории, а с другой – уделить внимание не только «судьбоносным» явлениям, но и некоторым «живым» деталям жизни провинциального города, его обитателей в тех сложных, драматических и по-своему величественных условиях начинавшегося разлома российского общества.

В последнюю неделю февраля 1917 г. народное восстание в Петрограде, поддержанное

300-тысячным столичным гарнизоном, смело диктовало Романовых. В ночь на 2 марта оформилось Временное правительство во главе с князем Г. Е. Львовым. Он же возглавил Министерство внутренних дел, важнейшей задачей которого стало выстраивание местных органов управления и правопорядка. В либеральном по составу и духу кабинете тон задавала пробуржуазная партия кадетов. При этом правительство получило поддержку несколько ранее возникшего Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (далее – Совет РСД), в котором безраздельно господствовали умеренные социалисты (меньшевики, эсеры, энесы) и пока еще крайне слабо были представлены радикальные социалисты – большевики.

Лидеры умеренных социалистов, первоначально не претендуя на государственную власть, ориентировали своих однопартийцев и сторонников в регионах России на поддержку политики Временного правительства, включая дальнейшее участие страны в I мировой войне. Этой установке, которая тем более ужесточилась после непосредственного вступления в мае умеренных социалистов в правительство, неукоснительно следовали вятские эсеры, энесы, меньшевики.

Князь Львов приобрел большую известность в российском обществе задолго до 1917 г. как видный деятель земского движения, а с 1915 г. – как один из руководителей «Земгора», всероссийского объединения земских и городских органов самоуправления на местах. Именно этим органам он, после некоторого колебания, отвел ведущее место в деле строительства новой системы управления в регионах, санкционировав своей телеграммой от 5 марта отставку губернаторов и вице-губернаторов, с передачей их полномочий председателям губернских земских управ, назначаемых по совместительству губернскими комиссарами Временного правительства [1]. В соответствии с этим распоряжением в Вятке 6 марта губернатор Н. А. Руднев передал бразды правления руководителю регионального земства П. И. Панькову.

Однако ситуация в области управления была с самого начала осложнена инициативой «снизу». Тремя днями ранее (3 марта) на расширенном заседании Вятской городской Думы был сформирован в качестве полномочного революционного органа комитет общественной безопас-

ности. Подобные органы, выделявшие из своего состава для ведения текущей работы исполнительные комитеты (исполкомы), в первые же дни марта возникли в большинстве регионов страны. Правительство Г. Е. Львова какое-то время их игнорировало, явно не поощряя такого рода инициативы, ведущие к многовластию на местах [2]. Его опасения можно понять: уже в марте возникла так и не получившая в рамках февральского политического режима положительного разрешения проблема распределения властных полномочий и управленческих функций между комиссарами Временного правительства, комитетами общественной безопасности и старыми органами местного самоуправления – земствами и городскими думами.

Более того, список претендентов на участие в управленческих делах не исчерпывался лишь перечисленными выше. По мере развития революции к ним добавлялись быстро множившиеся профсоюзы, окрепшая кооперация, солдатские комитеты и офицерские Советы тыловых гарнизонов и, наконец, Советы рабочих, солдатских и (в сельской местности) крестьянских депутатов. В силу массовой социальной базы, включавшей в себя самые многочисленные и наиболее обездоленные слои населения, Советы несли в себе потенциальную угрозу новой власти даже в тех случаях (как это было в Вятке в период с марта по ноябрь 1917 г.), когда они демонстрировали ей свою лояльность. Наконец, миной замедленного действия, подложенной под политический режим, рожденный Февралем, оказалось традиционное крестьянское общинное и волостное самоуправление.

Февральская революция, взорвавшаяся в столице бурными и массовыми выступлениями «снизу», в относительно спокойную Вятку пришла телеграфными сообщениями «сверху»; но живая реакция значительных слоев городского населения, включая военнотрудовых стоявших в городе 106-го запасного пехотного полка и 697-й пехотной дружины, позволяет говорить о том, что событие это было ожидаемым. Особенно активно повели себя городские и губернские власти, а также местная интеллигенция и учащаяся молодежь.

Информация о революционных событиях в Петрограде первоначально доходила в Вятку в виде слухов, поскольку губернатор Н. А. Руднев запретил предавать огласке поступающие по телеграфу сообщения. Однако после отречения 2 марта Николая II и утром 3 марта его брата Михаила, распоряжением того же губернатора в Вятке было официально обнародовано сообщение о падении монархии в России.

С этого момента местная элита торопилась выразить свои верноподданнические чувства но-

вому Временному правительству. Губернатор, вице-губернатор П. П. Кандидов изъявили полное согласие подчиняться его распоряжениям, аналогичное решение было принято в тот же день, 3 марта, городской Думой. 4 марта издаваемая Н. А. Чарушиным газета «Вятская речь» опубликовала приветственные телеграммы губернатора Н. А. Руднева, председателя губернской земской управы П. И. Панькова, городского головы П. И. Шкляева первому председателю Временного правительства Г. Е. Львову. В лице епископа Вятского и Слободского Никандра присоединилась к этим приветствиям и поздравлениям и местная епархия, на несколько дней опередив в этом вопросе даже священный Синод [3]. В своем заседании 7 марта городская Дума – по предложению городского головы – выразила Никандру благодарность за правильное понимание текущего момента [4].

Формальная смена власти в губернии прошла легко и быстро по той простой причине, что она имела характер поверхностный, косметический, мало что меняла по существу. В городской Думе, в земских органах, в других управленческих структурах были представлены, как правило, те же лица, что и в дореволюционный период. Правда, комитет общественной безопасности и особенно городской Совет РСД, несколько более «простонародные», чем прочие органы, внесли свежую струю в политическую жизнь губернского центра, впрочем, радикально не изменив ее. Тем более остались непоколебленными отношения собственности и базировавшиеся на них взаимоотношения различных слоев и категорий местного населения. Лишь полицейские и жандармские управления, вскоре упраздненные Временным правительством, были ликвидированы и в Вятской губернии.

По указанной выше причине местные власти, городская и губернская элита были вполне удовлетворены первыми политическими результатами Февральской революции и приложили максимум усилий к тому, чтобы остановить ее на этом этапе, не позволить развиваться массовому народному движению. В те же мартовские дни местная пресса пестрела обращениями должностных лиц к гражданам с призывами соблюдать спокойствие и полностью довериться (как это было сформулировано, например, у Никандра) «в заботах о родине избранникам народным в Государственной Думе». Губернское объединение предпринимателей – Торгово-промышленный комитет – в его обращении к фабрично-заводским рабочим подчеркивал, что «свершившиеся для блага родины великие события» обязывают их трудиться с удвоенной энергией во имя победы над внешним врагом [5].

Интеллигенция, служащие, учащаяся молодежь к падению монархии отнеслись весьма одобрительно, нередко с ликованием. Газеты публиковали отклики на это событие как местных жителей, так и письма, поступавшие из уездов и с фронта. В них, как правило, присутствовали идеализация революции и уверенность в том, что светлое будущее уже наступило. «Вятская речь» напечатала текст телеграммы от земляка, земского деятеля Федора Польшера. В ней говорилось: «Из рядов ликующей армии приветствую родной край со светлой зарей новой жизни. Сбросив оковы, русский народ получил возможность свободного развития и самоопределения и начнет созидательную работу государственного строительства на началах права, правды и справедливости» [6].

Елабужское уездное земское собрание, проходившее под председательством гласного Н. А. Блинова, телеграфировало председателю губернской земской управы: «Чрезвычайное земское собрание приветствует в лице Вашем Вятское губернское земство с низвержением кошмарного управления измученной страны и осуществлением в действительности лучших чаяний всего русского народа» [7]. В столь же энергичных и восторженных выражениях (и на том же уровне политической наивности) была составлена редакционная статья чарушинской «Вятской речи» за 15 марта. Анонимный автор писал: «Героическим усилием великая страна сбросила, наконец, с себя ярмо политического деспотизма... Правительство теперь – сам народ в лице избранного им нового кабинета! Наша сила в нашем Новом Правительстве [так в тексте. – В. Б.]: организовав его, мы организовали самих себя и теперь для нас настали трудовые будни сознательного и планомерного, интенсивного и свободного труда» [8].

Остается только гадать, каким образом в сознании составителя данного текста самоназначенное и совершенно бесконтрольное Временное правительство князя Львова превратилось в образец демократизма и народного представительства. Да и радость восторженного интеллигента по поводу наступившей эры «свободного труда» вряд ли могли разделить в своей массе рабочие, продолжавшие и теперь трудиться на прежних хозяев, нередко за прежнюю, как правило, не слишком высокую, заработную плату, в условиях инфляции и быстрого роста цен на предметы первой необходимости.

11 марта в переполненном вятском городском театре прошел первый массовый митинг. Присутствовавшие почтили память борцов, погибших за свободу в прошлые годы. Звучал похоронный марш Шопена, а хор учащихся исполнил популярную в революционной среде песню

«Вы жертвою пали в борьбе роковой...» Дирижировал хором ученик городского реального училища, в ближайшем будущем один из лидеров местных большевиков юный П. П. Капустин. Секретарь редакции издаваемой земством «Крестьянской газеты» И. И. Войтов сделал беглый обзор истории революционного движения в России, а преподаватель реального училища И. П. Лашкевич произнес прочувствованную речь о задачах молодежи в новой России. К обороне Отечества призвал горожан выступивший после них солдат Григорьевский [9]. Наконец, все тот же Петр Капустин напомнил участникам митинга о том, что двое из числа выпущенных 4 марта из губернской тюрьмы политических заключенных находятся в зале, среди публики. Под бурную овацию на сцену театра на руках были вынесены меньшевики Манкевич и Смольчанский [10].

На следующий (воскресный) день в Вятке состоялся праздник революции. До тридцати тысяч человек собрались на площади кафедрального собора, в районе нынешнего Вечного огня. Развевались красные знамена, звучали революционные песни. Состоялся парад войск местного гарнизона, затем тронулись в путь колонны демонстрантов. Пройдя по улицам города (современным Московской – Карла Маркса – Красноармейской) и расположившись на площади Александровского собора, демонстранты устроили митинг [11].

В мартовские дни не было в Вятке более популярного слова, чем «свобода», а реализовалось оно в самых разных вариантах. Гласный губернского земского собрания Г. Ф. Шубин читал 26 марта в кинотеатре «Колизей» лекцию раненым солдатам на тему «Что такое свобода и для чего она нужна человеку»; на заседании городской Думы 27 марта затрагивался вопрос о переименовании главной улицы города Николаевской в улицу Свободы [12]. С другой стороны, в конце марта заместитель губернского прокурора Н. А. Липинский доводил до сведения граждан, что, в соответствии с указом правительства от 17 марта, вслед за политическими, в местах заключения города Вятки обретают свободу «несколько сотен так называемых уголовных преступников» [13]. Рабочие же депо станции Вятка-1, получив известие о падении монархии, первым делом освободили от занимаемой им должности ненавистного им начальника депо Горшкова [14].

Бывший железнодорожник Петр Хлебников утверждал, что на этой станции накануне революции действовал стачком, руководимый Гамаюновым, а он, Хлебников, являлся членом этого органа. Весть о революции железнодорожники отметили митингом, где выступали врач Трей-

тер, начальник участка пути Желваков и другие, причем все ораторы клеймили теперь уже бывшее царское правительство за его «неправильные действия». Пассажиры пропускались лишь по особому разрешению стачечного комитета [15]. В свете подобных событий понятно, в чей адрес в первую очередь звучали призывы местных высокопоставленных чиновников соблюдать спокойствие и порядок.

Впрочем, события марта и ряда последующих месяцев в городах Вятской губернии можно рассматривать как подтверждение тезиса о том, что российский рабочий класс в это время не был ориентирован на непримиримую борьбу с властью и капиталами имущими. Один из современных авторов, С. Г. Кара-Мурза, замечает: «Из материалов, характеризующих устремления, идеологические установки и практические дела фабзавкомов в Центральной России, где ими было охвачено 87% средних предприятий и 92% крупных, определенно следует, что рабочие уже с марта 1917 г. считали, что они победили в революции и перед ними открывалась возможность устраивать жизнь в соответствии с их представлениями о добре и зле. Поэтому вплоть до лета 1918 г., когда началась иностранная интервенция и гражданская война “детей Февраля”, установки фабзавкомов и Советов не были нацелены на классовую конфронтацию. Война никак не входила в планы трудящихся и их организаций» [16].

Думается, что автор приведенного текста обозначил слишком широкие хронологические границы описываемого явления. Скорее, можно утверждать, что данная тенденция преобладала в умах и поступках вятских рабочих до середины осени, а в более крупных промышленных центрах России – не далее лета 1917 г. Но то, что она существовала, – не подлежит сомнению. Именно поэтому рабочие промышленных и транспортных предприятий Вятской губернии на протяжении большей части 1917 г. не выходили за рамки экономических требований и охотно отдавали свои симпатии реформаторам – меньшевикам (реже – эсерам), чем более радикально настроенным большевикам. Вместе с тем сказанное не отменяет факты колебаний настроений вятских пролетариев, постепенной эволюции в сторону левого фланга значительного их числа.

Март – время частичной перестройки системы регионального управления, появления в ней некоторых новых элементов. Как уже отмечалось, 3 марта оформился комитет по охране порядка и спокойствия в г. Вятке, вскоре преобразованный в наделивший себя большими властными полномочиями губернский комитет общественной

безопасности (КОБ). Повседневную работу комитета вел более узкий орган – его исполнительный комитет. Подобные же структуры возникли в уездных центрах, а кое-где – и в волостях. Поскольку КОБы и их исполкомы рождались не по инструкциям и указаниям «сверху», а как продукт революционной инициативы политической активной части населения (в первую очередь – партийной интеллигенции), то и состав их определялся довольно произвольно.

В губернском комитете были представлены старые органы местного самоуправления (Дума, земство), офицеры частей вятского гарнизона, члены партийных организаций кадетов, меньшевиков, эсеров, энесов. Кто-то включился в него еще 3 марта, но состав комитета уточнялся, пополнялся и в последующие дни и недели. 17 марта солдатский комитет 697-й пешей дружины уполномочил представлять его в КОБе своего члена А. П. Кучкина. 18 марта губернское земское собрание делегировало в КОБ четырех гласных – Баранова, Жиринова, Ковалева, Тихонова. 23 марта региональное отделение возрождаемого всероссийского Крестьянского союза направило в него своим представителем энеса Н. А. Чарушина. От городской Думы заседал в КОБе Косолапов, вскоре смененный Желваковым. В роли председателя комитета выступал эсер П. Т. Саламатов [17].

Комитеты общественной безопасности сыграли большую, но далеко не всегда конструктивную роль в революции. С одной стороны, они изрядно потеснили более опытные в делах управления, более структурированные и более состоятельные в кадровом отношении городские Думы и земства, с другой – превратили в простое промежуточное звено между ними и «центром» комиссаров Временного правительства, призванных олицетворять «властную вертикаль». В результате этого многовластия в регионах послефевральская система управления Россией так и не обрела необходимой целостности и эффективности.

Лидер кадетов, министр иностранных дел в первом кабинете Временного правительства (март – апрель 1917 г.), профессор П. Н. Милюков в своих мемуарах спустя годы обвинял Г. Е. Львова в том, что тот фактически отдал бразды правления в провинции в руки всякого рода общественных организаций (далеко не последняя роль среди которых принадлежала КОБам. – В. Б.). «Такая санкция власти, – писал он, – разумеется еще усилила и оправдала продукты “революционного правотворчества”. Власть на местах вообще исчезла, как исчезли жандармы и полицейские в Петрограде. Партийные организации приобрели могущественное средство пропаганды самочинных действий» [18].

Будучи прав по существу проблемы многовластия, переходящего в безвластие, в своем упреке лично в адрес Львова лидер кадетов был не вполне объективен. Возможно, потому, что явно недолюбливал князя. Не все было в силах последнего. Выше уже отмечалось, что глава правительства, возглавляемое им Министерство внутренних дел в первой половине марта упорно «не замечали» общественные комитеты, а когда это стало уже невозможным по причине их активности и растущего влияния, спустили на места директиву от 14 марта, в которой КОБам предлагалось упорядочить внутреннюю структуру и отрегулировать отношения с другими учреждениями и организациями [19]. Разумеется, оба указания остались в области благих пожеланий. В условиях революции подобные вопросы не решались телеграммами из столицы: и состав комитетов, и место их среди других субъектов власти и управления определялись, главным образом, неустойчивым балансом социальных и политических сил в губерниях и уездах, а не директивами «сверху».

Революцией был рожден и Вятский Совет РСД. 7 марта на городском собрании рабочих было решено провести выборы его депутатов. В собрании участвовали члены рабочей группы областного Военно-промышленного комитета, работники железнодорожных мастерских, кожевенных заводов, спичечной фабрики, губернской типографии, а также ремесленных объединений («цехов») – сапожного, портновского, столярного [20]. Поэтому в Совете оказались не только посланцы промышленных предприятий, но и мелкие товаропроизводители, а также присоединившиеся к ним избранники воинских частей вятского гарнизона.

На состоявшемся 14 марта в помещении Народного Дома епархиального братства Св. Николая (ныне здание ТЮЗа) первом заседании Совета около сотни депутатов избрали председателем этого органа меньшевика И. И. Войтова. Кроме него в президиум Совета РСД вошли В. Н. Бердников, Ф. С. Князев, Н. А. Кролюницкий – все меньшевики. В целях координации действий и контроля над коллегами-управленцами Совет делегировал последнего из них и еще пять своих членов в городскую Думу [21].

С момента возникновения Вятский Совет РСД встал на позиции безусловной поддержки Временного правительства и даже поручил сам себе «наблюдение за местными органами... в целях предупреждения уклонений их с намеченного Временным правительством пути». Депутаты не отказывались и от защиты классовых интересов пролетариата, но лишь в той мере, в какой это допускали условия военного времени. Наконец, они поставили перед собой задачи широкой про-

паганды идей демократической республики и подготовки граждан к выборам в Учредительное собрание» [22].

Между тем жизнь продолжалась и от эйфории, связанной с падением самодержавия, учреждения и их руководители возвращались к текущим проблемам губернского центра, которые в условиях продолжавшейся войны неизбежно обострялись. Приходило в упадок городское хозяйство. На одном из заседаний городской Думы конца марта представлявший в ней интересы «лиц частного труда» Ф. П. Кунилов поднял вопрос о состоянии городских улиц, «сделавшихся в настоящее время трудно проходимыми». Действительно, согласился с ним коллега по Думе Желваков, тротуары в безобразном состоянии: «Когда я шел сюда с вокзала, то провалился и промочил ноги» [23].

Говорилось и о водоснабжении города. Городской водопровод обслуживал лишь центральную часть города; на окраинах имелось несколько водозаборных колонок («будок») в количестве, явно недостаточном для 40-тысячного населения Вятки [24]. Если качество водопроводной воды еще и в начале XX в. не вызывало нареканий [25], то граждане, лишенные централизованного снабжения (например, в районе Хлыновки), употребляли воду, опасную для их здоровья. Тот же гласный Желваков рассказывал: «Когда дали хлыновскую воду коту, то он не стал ее пить». «А мы пьем», – откликнулся другой участник заседания [26]. Отметив, что проведение водопровода на Хлыновку обойдется городу в 3 тысячи р., думцы передали вопрос на дальнейшую разработку в техническую комиссию, пополнив ее из своей среды Куниловым, Манохиным, Осокиным, Поповым, Рыжаковым [27]. Дальнейшая судьба проекта неизвестна, но вряд ли он был реализован в бурном 1917 г.

Часть городского населения из числа тех, кто не имел доступа к водопроводу, прибегала к услугам водовозов. Однако услуги эти дорожали, и в конце марта ведро воды стало стоить 3–4 к., что было уже не всякому вятчанину по карману. Отмеченное в это время сокращение потребления качественной воды ухудшало санитарную обстановку в городе, усиливало угрозу возникновения нередких в ту эпоху эпидемий тяжелых заразных болезней [28].

Растущие цены – естественный спутник военного лихолетья. Соотношение доходов граждан и их расходов на предметы первой необходимости – большая, требующая особого рассмотрения тема. В данном случае обозначим лишь «штрихами», дав читателям несколько цифр для сопоставления. В марте 1917 г. начальник милиции г. Котельнича получал зарплату 300 р. в месяц, его помощник – 200 р.; 1 фунт (около

400 граммов) муки стоил от 12,5 до 20 к. (т. е. 30–50 к. за килограмм), 1 кг сахара – от 62,5 до 72,5 к., 1 килограмм ореховой халвы – 4 р., 1 килограмм сливочного масла – 3 р. 75 к. [29]. К середине лета 1917 г., когда цены на все товары и продукты (за исключением немногих нормируемых и продаваемых по карточкам) значительно выросли, месячный оклад младшего милиционера в г. Вятке составлял 75 р., в сельской местности Вятского уезда – 50 р.; старшего милиционера в обоих случаях – 100 р. [30]. Тогда же, в июле, губернская земская управа приглашала желающих на вакантное место фельдшерицы родильного отделения губернской больницы с окладом 65 р. в месяц. Правда при этом она обещала 55% прибавки «на дороговизну» и выплату квартирных [31].

Рост цен, но первоначально не на все, а лишь на некоторые продукты, обозначился уже на начальных этапах войны. Так, в декабре 1914 г., в сравнении с январем того же года, в среднем по Вятской губернии (при определенном колебании местных цен) ржаная мука подорожала с 3,8 до 4,9 к. за килограмм, картофель – с 1,4 до 1,8 к., овес – с 2,9 до 4,4 к., сливочное масло – с 97 к. до 1 р. 02 к., мед – с 60 до 75 к., а говядина, напротив, подешевела с 28 до 25 к. за килограмм [32].

Таким образом, как видно из приведенных цифр, к марту 1917 г., в сравнении с концом года 1914-го, сливочное масло подорожало более чем в 3,5 раза, а ржаная мука – в 6–10 раз.

Базовым показателем жизненного уровня российских граждан в годы войны являлась степень удовлетворения их продуктами питания. Наиболее остро эта проблема стояла для жителей крупных промышленных центров, включая Петроград, и северных регионов России. Вятская губерния, отнесенная к числу продовольственных доноров («производящих» регионов), была обязана снабжать тех и других по продрозверстке, введенной еще царским правительством в последние месяцы 1916 г. Впрочем, плановые задания спускались ей и в предшествующие военные годы, и планы эти выполнялись плохо. На состоявшемся в середине марта в Вятке губернском продовольственном съезде докладчик, агроном Юдинцев, довел до сведения присутствующих, что задания на период 1915 – начала 1917 г. по заготовкам зерновых для нужд армии и населения страны Вятская губерния выполнила по овсу на 58% (от плана в 12 млн пудов), а по ржи и вовсе на 22% [33].

Большинство выступавших на съезде (проходившем под председательством все того же эсера П. Т. Саламатова) участников высказались за сохранение твердых, установленных государством закупочных цен на зерно, при некотором их повышении. Хорошо понимая жизненную важность

обсуждаемой проблемы и ее неизбежное обострение в ближайшей перспективе, 160 делегатов форума по итогам обсуждения доклада Юдинцева приняли резолюцию, которая степенью радикализма вполне могла соперничать с «Апрельскими тезисами» В. И. Ленина (к тому времени еще не вернувшегося из эмиграции в Россию).

В ней говорилось о необходимости выработки Всероссийским продовольственным съездом единого общегосударственного плана, которым должны руководствоваться все продовольственные органы страны. Последним, в свою очередь, должно быть предоставлено право не только нормированного распределения продуктов и предметов массового потребления, но и принудительного отчуждения таковых, а также контроля над их производством. Губернский продовольственный съезд признал целесообразной мобилизацию специалистов (техников, агрономов), просто «трудовых сил», сельскохозяйственных машин и инвентаря, а также использование труда военнопленных и солдат в той мере, в какой это «не вредит делу обороны». Кроме того, вопросы о снятии запрета на вывоз из губернии продуктов питания и о повышении фиксированных закупочных цен было решено передать на рассмотрение губернского продовольственного комитета. Орган этот, состоявший из 13 членов, также формировался съездом. Председателем губпродкома был избран кадет А. В. Юмашев, его заместителями – Н. И. Евсеев и Г. М. Наумов. Пост председателя первоначально настойчиво предлагался П. Т. Саламатову, но тот, очевидно вынашивая более амбициозные карьерные замыслы, категорически отказался [34].

Продовольственная ситуация в стране в этот период была уже тяжелейшая. Собственно, и сама Февральская революция в значительной мере являлась следствием продовольственных затруднений, в первую очередь в столице России [35]. Поэтому даже в целях самосохранения Временное правительство было вынуждено ввести государственную монополию хлебной торговли, а также утвердить положение о местных продовольственных органах – губернских продкоммах, пришедших на смену уполномоченным бывшего царского Министерства земледелия. Но тесно связанный с буржуазно-помещичьими кругами, не желая серьезного ущемления их финансовых интересов (в области спекуляций продовольствием в том числе), кабинет князя Г. Е. Львова действовал неспешно, как правило, вслед событиями, под давлением «снизу». Названные выше его решения датированы 25 марта 1917 г., в то время как необходимость введения государственной монополии была декларирована исполкомом Петроградского Совета РСД еще 4 марта [36], а полномочные губернские продкомы уже создавались

по стране (что мы видели и на примере Вятки), по крайней мере, в середине этого месяца.

Впрочем, в отдельных случаях, особенно в их посланиях на места, министры проявляли решительность. Во время работы губернского продовольственного съезда в адрес вятского губернского комиссара поступила телеграмма ответственного за продовольственные дела министра земледелия А. И. Шингарева, в которой говорилось: «Реквизицию продовольственных продуктов, скрытых в целях спекуляции, можете производить немедленно...» [37]. Реквизировать (то есть принудительно отчуждать, но – в отличие от конфискации – за плату, по ценам, установленным государством) было что и в Вятской губернии. Накануне, на заседании городской Думы 7 марта, приводились факты злоупотреблений, о которых говорилось в телеграмме министра. Вятский комитет общественной безопасности уже в первые дни своего существования провел соответствующее расследование и выявил у ряда местных торговцев (Мамаева, Палкина и др.) огромное количество продовольствия, хранимого «про запас» [38]. Подобное укрывательство в условиях существования дефицитов, естественно, вело к искусственному вздуванию цен.

Однако гласные городской Думы, заслушав сообщение члена комитета Косолапова, ограничились обменом репликами и никакого решения по данному вопросу не приняли. Шокированный Косолапов тут же сложил с себя полномочия члена исполкома КОБа [39]. Никак не отреагировали на телеграмму министра А. И. Шингарева и участники губернского продовольственного съезда, хотя текст ее был опубликован в дни его работы в местной прессе. Таким образом, уже на этом этапе стала проявляться характерная черта февральского политического режима, присущая не только центральным властям, но и вятским чиновникам: сочетание громких слов (та же резолюция губернского продовольственного съезда) и нерешительность, непоследовательность в практических действиях, особенно если они затрагивали интересы имущих, привилегированных слоев населения.

Если на первом этапе революции в Вятской губернии инициативой надежно овладели местные руководящие круги и интеллигенция, особенно партийная, то дальнейшее развитие событий в городе Вятке зависело не только от них, но и от таких относительно организованных (и быстро организующихся) категорий населения, как рабочие и солдаты, которые хотя и уступали численно «распыленным» мелким товаропроизводителям (ремесленникам, кустарям), торговцам, лицам без определенного рода занятий [40], но обычно превосходили их политической активностью. Именно поэтому они привлекали особое

внимание членов политических партий, главным образом социалистической ориентации.

Впрочем, тех и других было не так уж и мало. Наиболее заметные и влиятельные в событиях 1917 г. трудовые коллективы железной дороги и ткацкой фабрики Т. Ф. Булычева в общей сложности составляли около 2 тысяч человек [41]. Численность наиболее крупной воинской части вятского тылового гарнизона – 106-го полка – доходила до 10 тысяч человек [42]. Железнодорожники одни из первых в городе организовали свой профсоюз, контроль над которым установили меньшевики и эсеры. Достаточно популярными в среде железнодорожников были умеренные социалисты Ермолин, И. П. Колеватов, Н. Н. Поталицын и др. Заметный вклад в повышение их авторитета внес приехавший из Алапаевска, бывший в революционном 1905 г. председателем Вятского Совета РСД В. И. Калашников [43].

Легкое брожение, имевшее место в первые мартовские дни в воинских частях [44], окончилось ничем, тем более что в первые дни революции во всем гарнизоне обозначился лишь один большевик – служивший в 697-й пешей дружине солдат А. П. Кучкин. Офицеры воинских частей высказались в поддержку Временного правительства и обновленного местного губернского и городского руководства, а их представители вошли в состав губернского комитета общественной безопасности. Впрочем, никакой иной сценарий развития событий в тот период просто не просматривался. В 106-й полк было сдано оружие ликвидируемых полиции и жандармского управления. Из его же арсенала вооружалась вновь создаваемая милиция, причем в состав ее вошла группа солдат во главе с прапорщиком Дробининым [45]. Он же вскоре был назначен начальником городской милиции [46].

Однако именно в начале первого весеннего месяца в Петрограде случилось событие, которое оказало колоссальное влияние на последующую судьбу и русской армии, и самой Российской империи, достаточно громко аукнувшись и в далекой от столицы Вятке, в ее гарнизоне. 1 марта Петроградский Совет РСД утвердил знаменитый Приказ № 1, передавший реальную власть в армейских частях в руки выборных солдатских комитетов [47]. В условиях продолжавшейся мировой войны столь радикальная демократизация вооруженных сил страны гарантированно вела к их развалу. Именно так оценил этот документ и его последствия генералитет русской армии. Характерно, что в этой оценке с ним были солидарны и те, кто его принимал.

Хорошо осведомленный в вопросах военного строительства (командир корпуса, начальник Генерального штаба, командующий Западным фрон-

том в феврале-августе 1917 г.) генерал А. И. Деникин приводил в своих мемуарах высказывание видного меньшевика И. П. Гольденберга: «Приказ № 1 – не ошибка, а необходимость... он являлся единодушным выражением воли Совета. В день, когда мы “сделали” революцию, мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение и употребили... надлежащее средство» [48].

В свете известных на сегодня фактов понятно, что в те дни столичные умеренные социалисты изрядно преувеличили опасность армейской (промонархической) контрреволюции, а вот в разрушении армии как одной из главных опор российской государственности они явно преуспели. 14 марта Приказ № 1 был дополнен также рожденной в недрах ПетроСовета Декларацией прав солдата. Ее, позднее санкционированную военным министром А. Ф. Керенским, верховный главнокомандующий, генерал М. В. Алексеев назвал последним гвоздем, забитым в гроб русской армии [49].

Уже накануне Февральской революции более чем 12-миллионная армия была больным организмом. По разным оценкам, к началу 1917 г. от 1 до 2 млн солдат (т. е. не менее 10% личного ее состава) числились дезертирами [50]. Канун Февральской революции, сам политический переворот сильно ухудшили ситуацию. Служивший по мобилизации мастером в оружейных мастерских 106-го полка А. Ф. Коновалов вспоминал, что в этой воинской части «смутное время» началось еще до Февральской революции, с конца января 1917 г. В это время приостановилась отправка на фронт пополнений, происходили задержки с выплатой солдатского жалования, с выдачей обмундирования, постельного белья, ухудшилось питание, участились отлучки старших офицеров. А уже после того как во время одного из построений было объявлено о конце монархии, в этой воинской части значительно усилилось дезертирство и «дисциплина пала» [51].

Недели две после этого сообщения, – продолжал автор воспоминаний, – занятия по военной подготовке не проводились, командный состав отсутствовал, «а солдаты не знали, что делать». Затем образовались гарнизонный, полковой и ротные комитеты, а также Совет офицерских и солдатских депутатов. В последнем, как и в гарнизонном комитете, солдат было немного, большинство составляли офицеры, доктора, чиновники. Совет находился в одном из зданий по улице Московской, а более солдатский по составу полковой комитет – в угловом доме на пересечении улиц Преображенской и Никитской

(ныне Энгельса и Володарского) [52]. В менее подконтрольных властям, чем гарнизонный комитет и Совет, полковом и ротном комитетах вскоре начнут проявляться антивоенные настроения. Именно в них коренилась наибольшая опасность для создания на волне Февральской революции новых губернских властей; но реализуется она уже в последующие месяцы.

Примечания

1. Герасименко, Г. А. Народ и власть (1917 год) [Текст] / Г. А. Герасименко. М., 1995. С. 54–55.
2. Там же. С. 185 и др.
3. Вятская речь [Текст]. 1917 г. 4 марта. С. 1; Вятский край с древности до наших дней [Текст]. Киров, 2006. С. 212–213; О позиции РПЦ см. подробнее: Поляков, А. Г. Русская православная церковь и светская власть в 1917 – середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии) [Текст] / А. Г. Поляков. Киров, 2007.
4. См.: Вятская речь [Текст]. 1917 г. 9 марта. С. 1.
5. Вятская речь [Текст]. 1917 г. 4 марта. С. 1.
6. Вятская речь [Текст]. 1917 г. 14 марта. С. 3.
7. Там же.
8. Вятская речь [Текст]. 1917 г. 15 марта. С. 2.
9. Человеком слова и дела был В. С. Григоровский. 4 месяца спустя, в начале июля, уйдет он, будучи уже заместителем председателя Вятского Совета РСД, в составе маршевой роты добровольцем на фронт (Вятская речь [Текст]. 1917. 5 июля. С. 3).
10. Вятская речь [Текст]. 1917. 16 марта. С. 3; 18 марта. С. 3.
11. Очерки истории Кировской области [Текст]. Киров, 1972. С. 259.
12. Вятская речь [Текст]. 1917 г. 25 марта. С. 3; 28 марта. С. 3.
13. Вятская речь [Текст]. 1917 г. 29 марта. С. 3.
14. ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. Л. 32.
15. ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 35. Л. 10.
16. Кара-Мурза, С. Г. Второе предупреждение: Неполадки в русском доме [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. М., 2005. С. 32.
17. Вятская речь [Текст]. 1917 г. 22 марта. С. 2; 25 марта. С. 3; 28 марта. С. 2–3; Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии [Текст] : сборник документов. Киров, 1957. С. 96.
18. Милюков, П. Н. Воспоминания [Текст] / П. Н. Милюков. М., 1991. С. 480.
19. См.: Герасименко, Г. А. Указ. соч. М., 1995. С. 45.
20. Установление и упрочение... С. 93.
21. Вятская речь [Текст]. 1917 г., 16 марта. С. 3; 24 марта. С. 2–3; 28 марта. С. 2; Новоселов, А. Н. Вятская организация ВКП(б) в 1917–18 гг. [Текст] / А. Н. Новоселов // Октябрь и Гражданская война в Вятской губернии. Вятка, 1927. С. 67.
22. Установление и упрочение... С. 95–96.
23. Вятская речь [Текст]. 1917 г. 28 марта. С. 3.
24. Точнее – около 41 тысячи (См.: Вятский край на рубеже тысячелетий: История и современность [Текст]. Киров, 2002. С. 21).
25. О санитарном состоянии г. Вятки [Текст] // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1994. Т. 1. С. 106.
26. Вятская речь [Текст]. 1917 г. 28 марта. С. 3.
27. Там же.
28. Там же.

29. Вятская речь [Текст]. 1917 г. 14 марта. С. 1; 19 марта. С. 1; 24 марта. С. 3.
30. Вятская речь [Текст]. 1917 г. 5 июля. С. 1.
31. Вятская речь [Текст]. 1917 г. 8 июля. С. 1.
32. Статистический ежегодник Вятской губернии за 1914 год [Текст]. Вятка, 1915. Вып. II. С. 160–161, 164–165, 180–181, 188–189, 198–201.
33. Вятская речь [Текст]. 1917 г. 17 марта. С. 1.
34. Вятская речь [Текст]. 1917 г. 17 марта. С. 2; 18 марта. С. 2–3; 19 марта. С. 3.
35. См., в частности: *Лейберов, И. П.* Революция и хлеб [Текст] / И. П. Лейберов, С. Д. Рудаченко. М., 1990. Гл. I, II.
36. Там же. С. 97.
37. Вятская речь [Текст]. 1917 г. 18 марта. С. 3.
38. Вятская речь [Текст]. 1917 г. 9 марта. С. 3.
39. Там же.
40. Характеризуя типичные российские не только заштатные и уездные, но и губернские города той поры, историк В. П. Булдаков замечает, что в них «модернизирующие элементы» обычно «топили в массе мелких домовладельцев, пробавающих продажей молока, домашней живности и сдачей в наем комнат. Это было в полном смысле помещичье болото». (*Булдаков, В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия [Текст] / В. П. Булдаков. М., 1997. С. 16).
41. По свидетельству участника событий, рабочего-железнодорожника А. Т. Кувалдина (ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. Л. 30).
42. Вятская речь [Текст]. 1917 г. 19 июля. С. 4.
43. ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 36. Л. 36; *Новоселов, А. Н.* Указ. соч. С. 70.
44. См.: Очерки истории Кировской области [Текст]. Киров, 1972. С. 258; *Тимкин, Ю. Н.* 1917 год: От революции по телеграфу к революции на штыках [Текст] / Ю. Н. Тимкин // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1995. Т. 4. С. 338–339.
45. ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 35. Л. 49.
46. Там же. Л. 49об.
47. См.: Приказ № 1 [Текст] // Хрестоматия по истории России: 1917–1940 / под ред. М. Е. Главацкого. М., 1995. С. 13–14.
48. Цит. по: *Деникин, А. И.* Очерки русской смуты: Крушение армии и власти [Текст] / А. И. Деникин. М., 1991. С. 134.
49. См.: *Милюков, П. Н.* Указ. соч. С. 484.
50. См., например: *Булдаков, В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия [Текст] / В. П. Булдаков. М., 1997. С. 30.
51. ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 35. Л. 47об.
52. Там же. Л. 48.

Е. В. Кустова

ПРОБЛЕМЫ ГОРОДСКОГО ДОРЕФОРМЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ИЗ ОПЫТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЯТСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ (1793–1870)

В статье рассматриваются основные трудности и проблемные ситуации, которые возникали в работе Вятской городской дореформенной думы (1793–1870). Анализируются их причины, показан поиск путей их решения.

В России традиционно развивался государственный тип самоуправления. Общественные выборные учреждения создавались в первую очередь для удовлетворения государственных нужд. Для решения же собственно городских вопросов вплоть до конца XVIII в. они практически не имели реальных полномочий, средств и необходимой самостоятельности.

Городовое положение 1785 г. создавало принципиально новый тип самоуправления. В отличие от предшествующих органов, в центре его деятельности находилось решение местных задач. Новые учреждения имели широкое представительство, обладали городским бюджетом, достаточно широкой компетенцией и самостоятельностью. Кроме того, деятельность новых учреждений основывалась на законе, а не на нормах традиционного права.

Но, столкнувшись с российской действительностью, законодательство претерпело ряд существенных изменений. Многие принципы деятельности городского дореформенного самоуправления не были реализованы на практике.

Анализ деятельности думы позволяет выделить следующий круг проблем дореформенного самоуправления (см. табл.) [1].

Как видно из таблицы, **финансовые трудности** были основными в деятельности Вятской городской думы на протяжении всего дореформенного периода. Ограниченность городского бюджета сдерживала развитие городского хозяйства. Так, из-за недостатка средств дума занималась благоустройством преимущественно только центральной части города. Ей так и не удалось решить вопросы устройства пристани и новых торговых рядов. По финансовым причинам не была построена каменная двухэтажная больница, возникало немало проблем с размещением уездных и приходских училищ и др. [2]

При этом необходимо отметить, что Городовое положение 1785 г. существенно расширило

источники городских доходов. Помимо добровольных складок, городам были предоставлены доходы с городских имуществ, земель, акцизы с торговли и промышленности и другие доходы. Почему же финансовые трудности стали ведущими в деятельности городского самоуправления?

Во-первых, Вятская городская дума далеко не сразу сумела воспользоваться указанными в законе доходами. В конце XVIII – первой четверти XIX в. основу городского бюджета Вятки по-прежнему составляли добровольные складки горожан и поземельный сбор, предназначенный на содержание полиции. В частности, невосполнимый урон нанес длительный процесс отмежевания городу выгонных земель, которые должны были стать одним из основных источников городских доходов.

Практическое отсутствие до 1820-х гг. городских доходов заставляло купеческое и мещанское общество распределять необходимые суммы на городские нужды между собой. В первой четверти XIX в. они составляли от 1/3 до 2/3 средств, находящихся в распоряжении думы. Вместе с поземельными сборами деньги, раскладываемые на общество, составляли в этот период от 75 до 90% городского бюджета.

Однако думе со временем удалось переломить ситуацию. Во второй трети XIX в. происходит изменение структуры бюджета, где основную роль стали играть доходы с городской собственности, акцизы с промышленности и разнообразные пособия и займы. В результате в середине 1840–1860-е гг. общий показатель прямых общественных сборов снизился до 20–40%. Облегчением для горожан стала фактическая замена в 1828 г. добровольных общественных складок купцов и

мещан, обращенных на общегородские нужды, пособием из земского сбора. Это свидетельствовало о тенденции уменьшения прямых городских сборов с общества и увеличения косвенных налогов. В целом, в 1802–1868 гг. городские доходы выросли в 28 раз [3]. Но в середине XIX в. темпы роста городского бюджета Вятки стали отставать от общероссийских показателей, равно как и от увеличения городских потребностей.

Негативную роль сыграл и тот факт, что правительство, следуя старым традициям и практической необходимости, переложило на плечи городских обывателей множество повинностей, которые поглощали основную часть (40–63%) городского бюджета [4]. Так, городские средства шли на содержание полиции, пожарной части, жандармерии, тюрьмы, гауптвахты, а также расквартированного в Вятке полка.

Кроме того, ограниченность городских средств была вызвана экономической слабостью города, обусловленной общероссийскими процессами. Последствия «революции цен», изменение торговых путей и экономической конъюнктуры, усиление конкуренции со стороны крестьянства, отсутствие в городе крупных торгов и предприятий стали причинами замедления темпов экономического развития г. Вятки [5].

Негативное влияние оказала также традиционность сознания, привычка действовать по старым правилам и обычаям. Дума не проявила большой активности в поиске новых источников доходов и в максимально полном использовании существующих, что было характерно и для других российских городов.

Роль местной администрации в формировании городского бюджета была двойственной. С

Основные проблемы, возникающие в работе Вятской городской думы

Год	Пассивность, неспособность, нежелание горожан		Пассивность думы или отдельных гласных		Пассивность или давление чиновников		Финансовые проблемы		Отсутствие необходимой информации, материалов		Всего основных проблемных ситуаций	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
1795	1	16,7	1	16,7	–	–	3	50	1	16,7	6	100
1800	4	25	1	6,3	2	12,5	7	43,8	2	12,5	16	100
1805	4	23,5	2	11,8	1	5,9	7	41,2	3	17,6	17	100
1810	5	25	1	5	4	20	8	40	2	10	20	100
1816	3	15	1	5	7	35	7	35	2	10	20	100
1820	1	11,1	–	–	2	22,2	5	55,6	1	11,1	9	100
1826	2	16,7	1	8,3	2	16,7	5	41,7	2	16,7	12	100
1829	2	22,2	1	11,1	1	11,1	3	33,3	2	22,2	9	100
1835	1	5,6	2	11,1	4	22,2	8	44,4	3	16,7	18	100
1840	3	18,8	1	6,3	5	31,3	6	37,5	1	6,3	16	100
1856	8	21,6	–	–	12	32,4	13	35,1	4	10,8	37	100
В среднем	3,1	18,3	1	7,4	3,6	19	6,5	41,6	2,1	13,7	16,3	100

одной стороны, она затягивала рассмотрение многих проектов создания дополнительных источников доходов, предложенных думой. С другой стороны, сильное давление со стороны губернатора или правления на думу заставляли ее изыскивать средства в самых сложных ситуациях и проводить политику жесткой экономии городских средств.

Особо следует отметить бережливость гласных думы, которые нередко приобретали материалы и продукты хорошего качества по ценам ниже рыночных. Кроме того, при необходимости члены думы занимали деньги или выполняли те или иные работы в городе на личные средства. В результате, неоднократно оказываясь в непростых ситуациях с содержанием больницы, арестантов, постройкой городских объектов, дума показала свою хозяйственность и распорядительность [6].

Тем не менее недостаточное финансирование сдерживало инициативу «снизу». Дума, лишённая необходимых средств, и общество, обремененное податями и сборами, не могли в полной мере реализовать возможности городского управления. В результате деятельность думы оказалась направлена преимущественно на решение текущих вопросов городского хозяйства и управления, в ущерб перспективному развитию города.

Бедность горожан удерживала их от активного участия в работе городского самоуправления. Так, финансовые трудности в дореформенный период стали причиной отказа от должности гласного думы в 25% случаев [7].

Вторая большая группа проблем была вызвана взаимодействием органов городского самоуправления с **административно-полицейским аппаратом**. В дореформенный период думу и административно-полицейские органы объединял широкий спектр совместной деятельности. Взаимодействие государственных и общественных структур имело различное влияние на деятельность думы и ее эффективность.

Политика правительства в конце XVIII – первой половине XIX в. была направлена на планомерную централизацию управления, которая до предела была доведена в годы правления Николая I. Она парализовала работу многих учреждений, снизив эффективность работы думы. Расширение исполнительных и контролирующих функций дум, сокращение распорядительных возможностей привели к сужению ее самостоятельности. Существование многочисленных инстанций, от которых зависело утверждение смет и планов, значительно затягивало решение дел. Пассивность или противодействие чиновников в первой половине XIX в. обычно составляли от 11 до 35% среди проблемных ситуаций работы думы (см. табл.).

Несмотря на предоставленное городскому самоуправлению право решать исключительно

местные задачи, правительство не смогло отказаться от использования городских дум в реализации государственных задач. Так, в интересах государства в дореформенный период в среднем решалось 28–47% дел [8].

Следствием частичного огосударствления самоуправления стал процесс бюрократизации думы. Он выразился в усложнении делопроизводства, замедлении процесса решения дел, раздувании канцелярии, в усилении формализма в работе. В свою очередь, это привело к определенному падению интереса общества к городскому самоуправлению [9]. Только при Александре II были проведены реформы, направленные на децентрализацию управления и усиление общественного начала в самоуправлении.

Дума была не в состоянии избавиться от усилившегося давления и контроля со стороны государственного аппарата. Но она постаралась использовать свое положение в интересах города. Участие думы в различных государственных повинностях позволяло ей защищать интересы горожан перед лицом государственных органов. Тесная связь с губернатором давала возможность более эффективно воздействовать на пассивных чиновников, ускорять решение дел. Если же на думу возлагались незаконные повинности (содержание больницы, арестантов, перевоза), то рано или поздно ей удавалось от них избавиться [10]. В свою очередь, дума сумела переложить ряд исполнительных функций на плечи полиции, одновременно закрепив за собой некоторые важные контролирующие функции. В целом, она сумела сохранить ту степень самостоятельности, которая предполагалась законодательством. Благодаря образованному купечеству, хорошо разбиравшемуся в существующем законодательстве, дума оказалась способна противостоять многим незаконным требованиям местной администрации.

На работу органов городского самоуправления серьезное влияние оказала **традиционность сознания** вятчан, по существу их сельский менталитет, прагматичность в решении вопросов. Наложил свой отпечаток и прежние стереотипы, в частности, восприятие любой выборной должности как тяжелой повинности, а не права. В области образования сдерживающим фактором стала утилитарность сознания горожан. Так, в вятском обществе с большим трудом утверждалась мысль о необходимости введения женского и классического образования, которые не отвечали прагматизму обывателей [11].

Близкое к сельскому мировосприятие горожан сдерживало благоустройство города. У вятских обывателей представления о городском образе жизни в дореформенный период только еще начинали формироваться. В этих условиях катализатором процесса благоустройства в Вятке зачас-

тую выступала администрация. Причем это касалось, как правило, именно «городских» элементов благоустройства – заведения садов, скверов, бассейнов, прудков, освещения города, мощения улиц камнем и пр. [12] Обыватели не всегда понимали и принимали подобные инициативы «сверху» (по заведению общественного выгона, страхованию домов и пр.). Сами они предлагали дела, касающиеся, как правило, их практических интересов (например, по постройке моста через Вятку, чтобы соединить город с заречным выгоном). По мере проникновения городского образа жизни в сознание обывателей и увеличения городских доходов дума все активнее начинает заниматься вопросами городского хозяйства. Если в начале XIX в. суммы на эти цели составляли менее 6% от городских расходов, то начиная с 1820-х гг. они достигали от 6 до 26% [13]. Тем не менее, несмотря на серьезное преобразование Вятки в дореформенный период, следует отметить, что она сохранила свой сельский вид.

Существенное влияние на деятельность городского самоуправления оказал также **субъективный фактор**. Эффективность думы зачастую была обусловлена активностью городского головы, губернатора, а также обывателей, предлагавших произвести крупные работы в городе. От личности городского головы нередко зависела инициативность думы, действенность ее усилий по защите горожан от злоупотреблений чиновников. Ярким примером может стать Иуда Колошин, который, не испугавшись угроз со стороны губернского правления, направил свои требования в столичные инстанции [14].

Пассивность гласных думы занимает последнее место среди негативных факторов, которые характеризовали работу думы (7,4%). В деятельности думы были случаи уклонения от должности, «непокорности» гласных решению думы, безответственного отношения к работе [15]. Но эти факты являлись, скорее, исключением, чем правилом. Для вятских гласных были характерны достаточно высокие личностные и деловые качества [16]. В работе вятской городской думы не удалось зафиксировать случаев злоупотреблений со стороны гласных и городских голов своим положением, что нередко отмечалось в других губерниях. Все это положительно сказывалось на деятельности думы.

Если говорить об активности думы в целом, то она могла быть, вероятно, выше. Так, по инициативе думы в среднем решалось от 30 до 50% дел, в то время как по инициативе государства – 40–55% [17]. Но инициативность думы во многом сдерживалась недостаточностью городских средств.

Определенные трудности создавало и **географическое положение** г. Вятки. Благоустройство

тормозилось холмистым рельефом города, который требовал возведения многочисленных мостов; низменность противоположного берега р. Вятки не позволяла выстроить постоянный мост через реку и др. [18].

В целом, несмотря на указанные негативные факторы, городская дума позволила существенно улучшить решение широкого круга местных и государственных задач. В первой половине XIX в. думой в среднем решалось две трети от общего числа дел, что, с учетом неблагоприятных факторов, следует признать неплохим результатом. В то же время ограниченность городского бюджета, бюрократизация и огосударствление самоуправления, слабая инициатива снизу указывали на необходимость реформирования городского общественного управления.

Примечания

1. Вычислено по: ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 6, 11, 20, 28, 29, 34, 35, 41, 42, 47, 48, 60–71; Оп. 8. Д. 6, 36.
2. ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 22. Л. 349; Л. 24. Л. 548об.–549об.; Д. 39. Д. 95об., 97об. и др.
3. Подробнее см.: *Кустова, Е. В.* Городской бюджет дореформенной Вятки: основные источники и проблемы [Текст] / Е. В. Кустова // Библиотечное краеведение в развитии провинциальной культуры России. Киров, 2004. С. 209–217.
4. Вычислено по: ГАКО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 171; Оп. 6. Д. 955; Оп. 44. Д. 259; Оп. 48. Д. 41; Ф. 630. Оп. 1. Д. 5, 34, 97, 109, 155, 156, 208, 248, 272; Оп. 8. Д. 59, 161, 248, 412, 533, 627, 647, 749, 802; Ф. 711. Оп. 1. Д. 55, 162.
5. ГАКО. Ф. 630. Оп. 8. Д. 567. Л. 57, 60.
6. ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 23. Л. 174об.; Д. 41. Л. 75–76, 106, 345 и др.
7. ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 3. Л. 72–73; Д. 4. Л. 22–22об.; Д. 5. Л. 266об.; Д. 6. Л. 10; Д. 7. Л. 33; Д. 8. Л. 426; Д. 11. Л. 497; Д. 15. Л. 37–37об.; Д. 16. Л. 143; Д. 17. Л. 36, 166; Д. 20. Л. 64об., 76, 138; Д. 25. Л. 104; Д. 30. Л. 89; Д. 32. Л. 149; Д. 33. Л. 142; Оп. 8. Д. 12. Л. 27; Д. 106. Л. 14–15; Д. 136. Л. 19, 23об., 30, 51, 95.
8. Вычислено по: ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 6, 11, 20, 28, 29, 34, 35, 41, 42, 47, 48, 60–71; Оп. 8. Д. 6, 36.
9. Подробнее см.: *Кустова, Е. В.* К вопросу о бюрократизации городского дореформенного самоуправления (по материалам Вятской городской думы 1793–1870 гг.) [Текст] / Е. В. Кустова // Гуманитарные проблемы современного информационного общества. Киров, 2004. С. 19–24.
10. ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 12. Л. 564; Д. 18. Л. 401–405; Д. 27. Л. 339; Д. 34. Л. 128; Д. 65. Л. 178об. и др.
11. ГАКО. Ф. 630. Оп. 8. Д. 602. Л. 58–63; С. Заметки о необходимости женских училищ в Вятке и Вятском крае [Текст] / С. // Вятские губернские ведомости. Ч. неоф. 1858. № 27. С. 175.
12. ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 28. Л. 62; Оп. 8. Д. 131. Л. 1; Д. 684. Л. 35; ГАРФ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 34. Л. 15об.–16; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3254. Л. 537об.–538об. и др.
13. Подробнее см.: *Кустова, Е. В.* Городской бюджет дореформенной Вятки...
14. РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 111. Л. 7–12, 65; ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 21. Л. 600–601об.

15. ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 11. Л. 206; Д. 12. Л. 215; Д. 21. Л. 602об.-603; Д. 25. Л. 375; Д. 28. Л. 347.

16. Подробнее см.: *Кустова, Е. В.* Роль купечества в работе дореформенного городского самоуправления (на примере деятельности Вятской городской думы в конце XVIII – середине XIX в.) [Текст] / Е. В. Кустова // Вторые Стахеевские чтения. Елабуга, 2003. С. 126–131.

17. Вычислено по: ГАКО. Ф. 630. Оп. 5. Д. 6, 11, 20, 28, 29, 34, 35, 41, 42, 47, 48, 60–71; Оп. 8. Д. 6, 36.

18. ГАКО. Оп. 8. Д. 15; РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 1430. Л. 16, 18–19об.

Д. П. Кондратенко

К ВОПРОСУ О РАДИКАЛЬНОСТИ ПОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.

В статье обозначается, что внутренняя политика центральных властей и экономическая структура польских земель в Австро-Венгрии и России стали главными факторами, определившими большую радикальность национально-освободительного движения поляков в Российской империи.

В результате трех разделов Речи Посполитой в последней трети XVIII в. польское государство утратило некогда единую государственную структуру. Стремление вернуть былую целостность как залог сохранения и развития польской нации стало определяющим фактором истории польских земель в течение всего XIX в. [1] При этом следует понимать, что разделенные между Россией, Австрией и Пруссией польские земли в течение длительного времени оказались в сфере прямого воздействия внутренней политики названных государств. Это обстоятельство во многом определило степень политической активности «русских», «австрийских» и «немецких» поляков в осуществлении своего стремления к воссозданию независимой Польши.

Особенно сложной была ситуация в многонациональных Австрийской и Российской империях, которые воспринимали польский вопрос как один из многих национальных факторов в своей внутренней политике, при этом, однако, по-разному его решая. При общем стремлении поляков обоих государств к единому целому, к концу XIX в. в российской части проявились наиболее радикальные и активные представители этого вектора, нежели в австрийской. Хотя еще в середине XIX в. именно «австрийская Польша» воспринималась как основа будущего восстановленного единого

государства. Такая ситуация связана с рядом значимых факторов, характерных именно для второй половины XIX в. Наиболее значимыми из них следует назвать, во-первых, внутреннюю политику Австро-Венгрии и России в отношении польских земель, включавшую соответствующее отношение к польской культуре, и, во-вторых, различия в экономическом развитии двух империй и сопутствовавшую ему политику.

Получив после первого и третьего разделов Речи Посполитой Галицию, часть Подолии, Силезии и Моравии, Австрия обрела весьма серьезный клубок противоречий, связанных с отношениями польских дворян-землевладельцев и украинских крестьян (русинов). Тем не менее к середине XIX в. австрийские власти смогли добиться значительной лояльности со стороны поляков. Это было достигнуто, с одной стороны, большой терпимостью к развитию польской культуры и традиций, а с другой – использованием военной силы в противоречиях между польскими дворянами и украинскими крестьянами для поддержания привилегированного положения первых [2]. После же Соглашения 1867 г. Галиция получила широкую автономию. В частности, делопроизводство здесь велось на польском языке, получили широкое развитие польские школы, вузы, театры. С 1869 г. польский язык пользовался в Галиции статусом официального (Landessprache). Эти широкие права поляков в Галиции позволяли говорить о ней как о потенциальной основе будущего восстановления независимой Польши. Также следует отметить, что большинство польского населения составляло Западную Галицию с центром в Кракове. В Восточной же Галиции большинство составляли русины, при этом все привилегии поляков здесь имели силу.

Основой политики в Галиции было сохранение крупного польского землевладения и продолжавшаяся колонизация края. Со времени установления в Галиции автономии бразды правления обширным краем все в большей степени переходили к польским помещикам. Галицийская шляхта и шляхетская интеллигенция контролировали практически все органы местного самоуправления и даже стали поставлять кадры в высшие звенья венской бюрократии и в аппарат управления другими частями государства. Можно отметить, что в многонациональной Австро-Венгрии поляки фактически стали одним из элементов, поддерживавших центральную австрийскую власть.

Галиция пользовалась автономией в вопросах, касающихся внутреннего положения края. Областной сейм, находившийся во Львове, избирался по куриальной системе, что позволяло 3 тыс. землевладельцев избирать 30% всех депутатов, тогда как около 1 млн выборщиков от городской курии избирали менее 50%. Большинство

КОНДРАТЕНКО Дмитрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ

© Кондратенко Д. П., 2007

депутатов приходили в сейм от польских помещиков и буржуазии. В начале XX в. из 161 депутата только 24 составляли украинцы. При этом у сейма были ограниченные полномочия; принятые им решения вступали в силу только после утверждения австрийским императором. Фактически власть в Галиции принадлежала наместнику, назначавшемуся из числа польских магнатов.

Сохранилась и получила дальнейшее развития традиция выдвижения поляков на ключевые министерские должности, вплоть до главы кабинета министров (например, граф К. Бадени в 1895–1897 гг.) [3].

Ко второй половине XIX в. Галиция являлась сельскохозяйственной областью, где сохранялись значительные пережитки феодализма. К началу XX в. сельским хозяйством здесь занималось не менее 73% польского населения края и 94% украинского населения. В связи с тем что помещиками были исключительно поляки или ополяченные элементы, для большей украинской части края аграрный вопрос выступал в неразрывной связи с национальным. Своим основным противником они считали местных поляков, но были достаточно лояльны центральному правительству.

После аграрной реформы в руках крупных собственников в Галиции оказалось 42% всей земли [4]. Кроме того, польские помещики сохранили архаичные права пропинации (винокурения), охоты и т. п., оставались собственниками лесов и пастбищ, на которые крестьяне имели сервитутные права пользования.

К концу 90-х гг. в галицийской промышленности (включая домашнее производство) было занято менее 1/10 всех жителей края. Промышленный переворот здесь начался лишь в конце XIX в. и шел медленно. Помещики не хотели терять преобладание в обществе, и хотя часть из них активно занималась предпринимательством, сейм противился увеличению капиталовложений в промышленность. Тормозила ее рост и экономическая политика Вены, видевшей в Галиции лишь поставщика сырья для империи, и фискальными мерами искусственно задерживавшая рост промышленных предприятий края.

По сути, экономические меры австро-венгерского правительства имели своим результатом то, что Галиция стала сырьевым придатком империи со слабо развитым сельским хозяйством и промышленностью.

В состав Российской империи после разделов Речи Посполитой отошли значительные территории с преобладавшим там польским населением. Исторически непростые польско-русские отношения еще более обострились к середине XIX в., когда от бывшей автономии польских земель почти ничего не осталось. Были ликвидированы законодательный сейм и польская армия.

Новый Государственный Совет из исполнительного органа власти был преобразован в совещательное учреждение. Восемь воеводств получили статус губерний, но губернаторы в них назначались императором, а не избирались, как ранее. Во главе Царства Польского был поставлен наместник.

После восстания 1863–1864 гг. положение еще более ужесточилось, что сделало регион местом постоянного внимания со стороны российского правительства, определявшего свою политику в отношении польского населения по двум направлениям – корректировке государственного устройства Царства Польского и уточнении возможности использования польского языка. В первом направлении происходил процесс постепенного вытеснения католиков-поляков с ряда должностей на государственной службе и усиление власти Варшавского генерал-губернатора. Во втором – сокращалось количество часов изучения польского языка в школе. Русский язык вводился в качестве основного в различных государственных, общественных и образовательных учреждениях. В Варшавском университете с 1883 г. преподавание и делопроизводство велось на русском языке. Закон от 5 марта 1885 г. предполагал сохранение условий преподавания в начальных школах, утвержденных еще законом от 30 августа/11 сентября 1864 г. По нему учителя назначались ведомством народного просвещения, а преподавание почти всех предметов должно было вестись на русском языке (кроме закона Божьего иностранных исповеданий и «природного языка учащихся») [5]. Положение от 26 апреля 1893 г. предписывало вести переписку, делопроизводство и счетоводство в земском кредитном Обществе «исключительно на русском языке» [6]. Против тайного обучения польскому языку был направлен указ от 26 мая 1900 г., где «стремление к упрочению в губерниях Царства Польского образования юношества в духе русской государственности» подкреплялось «снабжением представителя высшей местной власти способами к пресечению тайного обучения» [7].

К концу XIX в. из всего населения бывшего Царства Польского 72% составляли поляки. Основная их часть проживала в сельской местности, а в городах доля польского населения не превышала половины (48,8%). Доля же русских в польских землях была крайне незначительной (2,8%) и являлась базой для пополнения местного чиновничества и состава частей армии [8].

В экономическом плане Царство Польское представляло собой достаточно развитую в промышленную территорию относительно самой России. Здесь были предприятия тяжелой индустрии и, соответственно, достаточно многочисленный слой пролетариата, причем правительство

сознательно поощряло развитие промышленности в Польше. Однако в сельском хозяйстве был введен ряд ограничений. Полякам было запрещено покупать и арендовать земли в девяти западных губерниях России [9]. По закону от 3 июня 1885 г. Польский банк был превращен в Варшавскую контору Государственного банка, а польские монеты изымались из обращения [10].

Таким образом, очевидны различия в экономических, политических и культурных составляющих польских земель в составе Австро-Венгрии и России. Так, Галиция, преимущественно сельскохозяйственная территория, имела значительные политические и культурные преференции со стороны австрийского правительства, умело направлявшего польско-украинские противоречия в выгодном для себя направлении. Следует также указать на еще один значимый фактор, влиявший на взаимодействие поляков и украинцев, – принадлежность их к разным религиозным конфессиям. Униатская церковь сыграла заметную роль в формировании современной украинской нации. Римо-католичество стало знаком не только конфессиональной, но и национальной принадлежности к польской нации [11]. В России же наоборот наблюдается нарастание ограничительных тенденций в отношении польского влияния в регионе. При этом именно польские губернии являлись одним из наиболее развитых промышленных районов империи. Эти, по сути, противоположные векторы в политике определили тот факт, что национально-освободительное движение поляков именно в российском государстве обрело более радикальные черты.

В 60–70-е гг. XIX в. на проявлениях общественной жизни Галиции лежал отпечаток государственной консервативной шляхты. В атмосфере консерватизма и клерикализма представителям демократически настроенной интеллигенции и буржуазии нелегко было сохранить демократические и радикальные позиции, что подтверждала судьба многих участников польского освободительного движения, после миграции поселившихся в Галиции. Попытка провести национально-освободительное движение по старому пути шляхетских восстаний свидетельствовала о силе инерции устаревшей шляхетской идеологии.

С точки зрения организационных форм галицийское социалистическое движение в 70–80-е гг. XIX в. находилось на уровне кружковой пропаганды осуществления борьбы только легальными методами.

В начале 90-х гг. XIX в. в Галиции шла консолидация польского социалистического движения. 31 января – 2 февраля 1892 г. во Львове легально собрался первый партийный съезд, на котором произошло объединение польских социал-демократических кружков и групп. Съезд выска-

зался в пользу самостоятельной политики социал-демократов и провозгласил создание Галицийской социал-демократической партии. Партия приняла на идейное вооружение Гайнфельдскую программу австрийской социал-демократии [12].

Уже в ближайшие годы вся деятельность партии сосредоточилась главным образом на парламентских методах борьбы. В марте 1893 г. состоялся II конгресс партии, на котором было принято решение выдвинуть требование избирательной реформы [13].

Трем представителям социал-демократической партии – И. Дашиньскому, Я. Казакевичу и Р. Ярошевичу – удалось после выборов, состоявшихся 11 марта 1897 г., стать депутатами парламента (рейхсрата). Социал-демократы получили официальную трибуну для высказывания своих взглядов. В июне 1897 г. VI конгресс австрийской социал-демократии принял решение о федерализации партии. Социал-демократические партии, ранее организованные по территориальному признаку, перестроились в автономные организации по национальному принципу, в связи с чем галицийская социал-демократия разделилась в сентябре 1897 г. на две самостоятельные организации – Польскую социал-демократическую партию Галиции и Тешинской Силезии (ППСА) и Украинскую социал-демократическую партию. Это обстоятельство подорвало единство действий польского и украинского крыльев социал-демократии Галиции.

В России же ситуация была несколько иной. Показательным фактом является активность польских социалистов. Так, в период с 1895 по 1900 г. из 59 уличных демонстраций, зарегистрированных в империи, только 3 пришлись на русские губернии, а 25 были в Царстве Польском.

Наиболее ярким фактом также является деятельность организованных в польских губерниях различных по социальной базе, но единых в конечной цели национальных политических партий.

Национально-демократическая партия Польши (НДПП), созданная в 1897 г. в Варшаве, провозгласила конечной целью своей деятельности отделение от Российского государства. Она стала идейной продолжательницей Польской лиги (1887 г.), реорганизованной в 1893 г. в Национальную лигу. Объявив себя представителем всего польского народа, эта партия ориентировалась преимущественно на среднюю или мелкую буржуазию, интеллигенцию и студенчество.

Название партии дало имя всему формирующемуся политическому направлению польской национальной (народовой) демократии. Программа НДПП, опубликованная в 1897 г., была не столько программой партии, сколько «декларацией о намерениях». Главной целью деятельности партии была провозглашена подготовка к борь-

бе против захватчиков «во имя защиты польских национальных интересов». Ближайшими задачами считались просвещение поляков и усиление роли средних слоев в польском обществе [14]. Таким образом, польские либералы отказались от вооруженной борьбы за независимость от России.

Осенью 1903 г. на съезде Национальной лиги в Кракове была принята вторая программа НДПП. В ее основу был положен принцип «национального эгоизма». Национал-демократы настаивали на признании того факта, что осознание поляками своего единства и общих интересов вызывает потребность в самостоятельном государственном существовании. Высшим мериллом политических ценностей для партии признавались интересы всего польского народа [15].

Анализируя программу НДПП, можно отметить два направления действий, определенных задачами внутренней и внешней политики. В основном документе НДПП указывалось, что «главной политической целью, вытекающей из положения народа, является достижение независимости и образование самостоятельного государства». При этом признавалось, что данная задача не может быть решена немедленно. Поэтому во внешней политике партия предполагала пока занять такую позицию, которая обеспечивала бы наибольшую самостоятельность, широкое развитие национальных сил, приближающее польский народ «к достижению государственной независимости в будущем». Для этого, в свою очередь, необходимо было бороться за возможно лучшие правовые, политические и экономические условия «путем всесторонней демократизации государственного строя применительно к национальным особенностям польского народа» [17]. Следует отметить, что Россия, Австро-Венгрия и Германия, в состав которых входили польские области, именовались не иначе как «захватчиками».

Следует отметить, что НДПП в своей программе, вопрос национального самосознания поляков ставила на первый план. Развитие народных сил должно было, по их мнению, способствовать не укреплению единства империи, а, наоборот, приближать независимость Польши [18]. Развитие же способностей простого народа «на почве общего подъема его культуры является одной из главных задач» национал-демократов, указывалось в программе [19]. Кроме того, НДПП очертила значимость церкви для польского народа. Она указывала, что считает римско-католическую церковь учреждением национальным.

Особую роль в польской истории играла Польская социалистическая партия, оформившаяся в Варшаве на II съезде в феврале 1894 г. В своей программе ППС объединяла национальные

и социальные лозунги. Она боролась за независимую Польшу, одновременно провозглашая необходимость ликвидировать социальное угнетение в воссоединенной родине.

Партия считала, что первоочередную задачу – борьбу за независимость – пролетариат должен начать первым, а буржуазия его поддержит. В основе платформы ППС лежало представление о социально-экономической и культурной отсталости России по сравнению с Королевством Польским. Естественным следствием этого положения было убеждение, что в конституционной России сохранится почва для национального неравенства. Высказываясь за отделение Королевства от России, ППС оставляла открытым вопрос о судьбах польских земель, находившихся под властью Австро-Венгрии и Германии. Ясного представления о социально-политическом облике будущей независимой Польше не давалось [20].

«Глубокая ненависть к России» стала лейтмотивом деятельности одного из лидеров ППС – Юзефа Пилсудского, который заявлял: «...От польского народа исходит та сила, которая превратит в прах власть царизма. Русское революционное движение может сыграть в этой борьбе только вспомогательную роль» [21]. Пилсудский выдвинул тезис более высокого исторического прошлого Польши, ее исторической роли в России и Европе. Отсюда задачу польского рабочего класса и ППС он видел в том, чтобы вести «за собой на борьбу трудящихся масс иных угнетенных народов», что должно обеспечить «свободу и освобождение» [22].

Таким образом, на примере политических сил польских земель Австро-Венгрии и России конца XIX в. можно четко увидеть, насколько более радикальные требования и методы национально-освободительной борьбы предлагали поляки российской части. При этом следует указать на тот факт, что российские власти наделили теми же привилегиями, что и у поляков Галиции прибалтийских немцев, которые также являлись достаточно надежной опорой трона. Это позволяет нам осторожно говорить о роли политических уступок в национальной политике как одном из эффективных факторов в расширении социальной базы власти. И, наоборот, неиспользование возможностей для диалога может привести к радикализации национальных политических сил.

Примечания

1. Я. Шимов полагает, что восстановление польской государственности после Первой мировой войны явилось фактом устранения существовавшего дисбаланса сил в Центральной Европе (наряду с объединением Италии и Германии). Шимов, Я. Австро-Венгерская империя [Текст] / Я. Шимов. М., 2003. С. 237–238.

2. Так в 1846 г. австрийские войска со стороны наблюдали, как русины жестоко уничтожали националистически настроенных шляхтичей.

3. Манусевич, А. Я. Очерки по истории Польши [Текст] / А. Я. Манусевич. М., 1952. С. 499.

4. Краткая история Польши [Текст]. М., 1993. С. 161.

5. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. СПб., 1887. Т. V. С. 95.

6. Там же. 1897. Т. XIII. Отд. I. С. 228.

7. Там же. 1902. Т. XX. Отд. I. С. 527.

8. Каптелер, А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 214.

9. Правила от 27 декабря 1884 г. (ПСЗРИ. 1887. Т. IV. С. 602–604); положение от 1 ноября 1886 г. (ПСЗРИ. 1888. Т. VI. С. 470).

10. ПСЗРИ. 1887. Т. V. С. 269–270.

11. Snyder, T. The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999 [Text] / T. Snyder. New Haven & London: Yale University Press, 2003. P. 131.

12. Общественное движение на польских землях. Основные политические течения и политические партии в 1864–1914 [Текст]. М., 1988, С. 96.

13. Там же. С. 129–130.

14. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. [Текст]. М., 1996. С. 386.

15. Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.) [Текст]. М., 1996. Вып. 2. С. 103.

16. Там же. С. 106.

17. Там же. С. 106–107.

18. Там же. С. 104, 106.

19. Там же. С. 108.

20. Общественное движение на польских землях... М., 1988. С. 120.

21. Парсадонова, В. С. Юзеф Пилсудский [Текст] / В. С. Парсадонова // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 57.

22. Там же. С. 56–57.

А. А. Калинин

КРИЗИС В АМЕРИКАНО-АНГЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПО ГРЕЦИИ В ДЕКАБРЕ 1944 г.

В статье рассматриваются американо-английские отношения в связи с восстанием левых сил в Греции в декабре 1944 г.

Период Второй мировой войны характеризовался функционированием американо-британского альянса, который сформировался как сила, противостоящая державам «оси». Однако отношения двух государств в это время развивались не бесконфликтно. Угроза со стороны Германии и Японии вытеснила на задний план конфликт интересов двух англосаксонских держав. Но в определенных ситуациях он проявлялся и ока-

зывал влияние на отношения обеих стран. Одним из примеров стали события в Греции в декабре 1944 г.

В западной историографии существуют исследования, посвященные взаимодействию дипломатий Лондона и Вашингтона [1]. В 80-е гг. в американской историографии значительно повысился интерес к Греции, что было связано со сложившейся постревизионистской концепцией происхождения холодной войны. В опубликованных работах, посвященных началу холодной войны и американо-английским отношениям, большое внимание уделялось Греции [2].

В отечественной историографии американскую политику в связи с событиями декабря 1944 г. затрагивала Н. Д. Смирнова, британскую – А. М. Некрич, некоторые аспекты темы также анализировал Ар. А. Улунян [3].

В октябре 1944 г. Германия начинает эвакуацию собственных войск из Греции, одновременно начинается высадка британских войск во главе с генерал-лейтенантом Рональдом М. Скоби [4]. Последний немецкий солдат оставил Грецию 10 ноября 1944 г. Проводником британских интересов в Греции должно было стать правительство национального единства во главе с Г. Папандреу, которое 18 октября возвратилось из эмиграции.

К моменту возвращения эмигрантского правительства Национальная народно-освободительная армия (ЭЛАС) контролировала большую часть территории страны. Именно войска народно-освободительной армии 12 октября освободили Афины. ЭЛАС ставила цель установить контроль над всей Грецией, а в дальнейшем де-юре оформить это положение. Папандреу прекрасно осознавал слабость своего правительства, зная военные и политические возможности ЭЛАС. Премьер рассчитывал главным образом на британскую военную и экономическую поддержку.

Англичане и правительство Папандреу поставили перед собой задачу подорвать влияние Национально-освободительного фронта (ЭАМ) и ЭЛАС в Греции. При этом не исключалась возможность силовых решений. 9 ноября в Афины в сопровождении промонархического «Священного батальона» (500 офицеров, обученных как командос) прибыла «Горная бригада» (4000 человек). Эти подразделения находились фактически под британским контролем. Ими командовали верные монархисты.

В то время как греческие роялисты вооружались, правительство Папандреу требовало разоружения ЭЛАС в связи с окончанием боевых действий против Германии. 30 ноября представители ЭАМ посетили греческого премьер-министра и категорически заявили, что подразделения ЭЛАС не будут разоружаться, пока «Гор-

КАЛИНИН Александр Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории ВятГУ
© Калинин А. А., 2007

ную бригаду» и «Священный батальон» не демобилизуют. Папандреу отклонил это требование. 2 декабря все министры ЭАМ (шесть человек) объявили о выходе из состава правительства. В тот же день кабинет Папандреу, уже без левых министров, принял решение о роспуске партизанских сил [5].

На 3 декабря ЭАМ назначил в Афинах массовую демонстрацию. Правительство Папандреу первоначально санкционировало ее проведение. Только 2 числа под давлением англичан было принято решение о запрете акции. Однако демонстрация на площади Конституции состоялась, и хотя она носила исключительно мирный характер, полиция открыла огонь по демонстрантам. Приблизительно 20 человек были убиты (в том числе женщины и дети), сто сорок ранены. Афинская трагедия вызвала взрыв возмущения в рядах левых сил [6]. Уже в конце дня войска ЭЛАС появились в предместье Афин. Была объявлена всеобщая забастовка. 4 декабря начались перестрелки с полицией. ЭАМ объявил правительство Г. Папандреу незаконным [7]. Премьер-министр вынужден был заявить о готовности уйти в отставку.

С 3 декабря британский премьер У. Черчилль взял ситуацию под свой личный контроль [8]. 4 декабря Р. Скоби в соответствии с указанием Черчилля сделал заявление о поддержке «конституционного правительства» всеми средствами вплоть до проведения свободных выборов [9].

На следующий день в конфликт вмешались английские войска. В последующие дни обстановка только ухудшалась. Черчилль, опасавшийся победы в Греции левых сил, отдал приказ немедленно расправиться с «бунтовщиками». По указанию британского премьера, Скоби должен был действовать так, будто он находится «в завоеванном городе». Все подразделения ЭАМ/ЭЛАС, которые будут подходить к столице, следовало нейтрализовать или уничтожить [10]. Черчилль обвинил ЭЛАС в подготовке заговора с целью захвата Афин. В действительности же руководство народно-освободительной армии оказалось не готово к подобному развитию событий. Никаких войск ЭЛАС в Афинах не было, более того, началась демобилизация бойцов армии в связи с окончанием боевых действий против немцев. 5 декабря британские войска заняли штаб ЭАМ и Коммунистической партии Греции (КПГ) в Афинах. Греция была вновь охвачена огнем гражданской войны.

Англичане не ожидали, что войска народно-освободительной армии окажут им серьезное сопротивление. Руководству ЭЛАС удалось перебросить в район Афин три дивизии и быстро установить контроль почти над всей областью Афины – порт Пирей за исключением самого центра

греческой столицы, который был подвергнут обстрелу артиллерийским и минометным огнем. Одновременно войска ЭЛАС развернули наступление против партизан ЭДЭС. К концу декабря войска Зерваса были полностью разгромлены, их остатки эвакуировал британский флот на остров Корфу, где они были разоружены и расформированы.

3 декабря американский посол в Греции Л. Маквей сообщил в Вашингтон об отставке представителей КПГ в правительстве Папандреу и демонстрации на Площади конституции [11]. Через два дня состоялась встреча американского посла с британским коллегой. Липер заявил, что Папандреу должен уйти с поста премьер-министра Греции [12].

4 декабря левая греческая пресса напечатала сообщение, в котором говорилось, что американский посол выступил против британского вмешательства в греческие дела. На следующий день Маквей сделал официальное опровержение. В телеграмме госсекретарю посол отмечал, что делает все возможное, чтобы не позволить вовлечь себя во внутренние дела Греции, а также не смущать англичан, учитывая чрезвычайную деликатность ситуации [13]. Греки левых взглядов стояли перед американским посольством с лозунгами, восхваляющими Рузвельта.

5 декабря в Палате общин Черчилль подчеркнул, что Греция находится в тяжелом экономическом положении. Лондон и Вашингтон прилагают усилия, чтобы помочь грекам. Премьер утверждал, что британские войска стремились предотвратить кровопролитие, но иногда использование силы является необходимым; в противном случае в Афинах воцарится анархия или будет установлена коммунистическая диктатура. Британский премьер заявлял, что якобы ЭЛАС заранее тщательно подготовился к операции по захвату области Афины – порт Пирей [14].

Наиболее удачная характеристика официальной позиции, занятой Вашингтоном во время декабрьского кризиса 1944 г., принадлежит, по-видимому, английскому политическому советнику верховного союзного главнокомандующего в Средиземноморье Гарольду Макмиллану – «недружественный нейтралитет» [15].

Антибританское чувство в Соединенных Штатах, как казалось британским дипломатам, достигло своего пика в декабре 1944 – январе 1945 г., и причиной этого стала политика правительства Его Величества в Италии, Бельгии и Греции [16].

5 декабря США подвергли критике британскую интервенцию в Греции. Заявление Э. Стеттиниуса, нового госсекретаря, которое формально относилось к ситуации в Италии, интерпретировалось в прессе, а в дальнейшем и в историографии, как скрытая критика британской политики

в Греции [17]. В заявлении говорилось, что итальянцы должны решить проблему их правительства самостоятельно на демократической основе «без влияния извне» [18].

Заявление официального Вашингтона вызвало гнев Черчилля. Он писал, что «удивлен едкости» заявления [19]. 6 декабря британский посол в США Галифакс убеждал Стеттиниуса, что британские войска находятся в Греции только для того, чтобы обеспечить мир, а не навязать непопулярный режим [20].

6 декабря сотрудники ближневосточного отдела госдепартамента Фой Колер и Уильям Бакстер подготовили президенту записку, критически оценивавшую британскую поддержку монархии и роялистской армии, но не решились ее отправить [21].

Нарастание критики англичан в прессе побудило Стеттиниуса сделать 7 декабря новое заявление, в котором он высказался в поддержку той части заявления Черчилля в Палате общин от 5 декабря, где тот говорил о праве греков самостоятельно выбрать форму правления. Однако глава госдепартамента не комментировал остальную часть выступления премьер-министра, в частности, где говорилось о необходимости поддерживать порядок в Греции, в том числе и силой оружия [22]. Вопреки намерениям дипломатов агентство «Ассошиэйтед Пресс» интерпретировало это заявление как новую атаку на британскую политику, и напряжение в англо-американских отношениях увеличилось, а не уменьшилось [23].

В тот же день в сенате Конгресса США сенатор от штата Алабама Л. Хилл выступил в поддержку заявления Стеттиниуса. Подчеркивалось, что греческий народ имеет право определить форму собственного правительства без всякого вмешательства извне. Любое такое вмешательство являлось бы грубым нарушением одного из фундаментальных прав греков [24].

Диапазон мнений по поводу ситуации вокруг Греции, раздававшихся из Капитолия, был очень широк. Выражалась поддержка позиции госдепартамента, который выступил в защиту принципов Атлантической хартии. Отмечалось, что британское правительство, по-видимому, считает, что эти принципы не распространяются на Грецию и Италию [25]. Неоднократно высказывалась критика британской политики в Греции. Говорилось, что пришло время «жестко вести себя» с Черчиллем [26].

Делались и антикоммунистические заявления вплоть до намеков на всемирный коммунистический заговор. Говорилось о стремлении Черчилля остановить «марш коммунизма в Европе», о намерениях коммунистов распространить стандарты советской диктатуры на весь мир [27].

В еженедельном обзоре британского посольства в США от 10 декабря отмечалось желание

нового руководства госдепартамента не действовать в фарватере британского курса. Шаги Лондона давали американцам все основания считать, что британская политика ведёт к созданию сферы влияния. В то же время в госдепартаменте не было единства по поводу оценки британской политики и необходимости американской реакции на нее [28].

Отмечалась приверженность американцев демократическим процедурам и в целом искренность заявления Стеттиниуса относительно неприятия грубого вмешательства извне. Однако когда новый госсекретарь и его подчиненные увидели результаты собственного заявления, то была предпринята попытка в какой-то степени отыграть назад, для чего Стеттиниус выступил 7 декабря с новым заявлением [29].

Тем временем американская пресса развернула кампанию критики действий англичан в Греции. В статье в «Нью-Йорк Таймс» говорилось, что Черчилль является «продуктом мысли девятнадцатого столетия, ведя войну двадцатого столетия во имя целей восемнадцатого столетия» [30]. 10 декабря в «Нью-Йорк Таймс» была опубликована статья «Сферы влияния вновь действуют в Европе». В ней говорилось, что греки опасаются, что если король возвратится, то они окажутся в пропасти фашизма. Действия англичан прямо связывались с защитой стратегических интересов Британской империи [31].

12 декабря редакция той же газеты опубликовала информацию о посещении госдепартамента делегацией руководителей организаций американцев греческого происхождения во главе с президентом греко-американского Комитета национального единства С. Пистолакисом, которые выразили протест против действий англичан в Греции. В этой акции приняли участие Афинское общество Нью-Йорка, Комитет федерации солдат-греков Нью-Йорка и др. [32]

Скандал вызвала очередная публикация известного журналиста Дрю Пирсона в газете «Вашингтон пост». Он издал текст инструкции Черчилля Скоби, где говорилось о действиях в Афинах как в «завоеванном городе». Рассерженный утечкой, Уайтхолл приказал, чтобы британские чиновники в Италии прекратили делиться деликатными сообщениями с американцами [33].

В то время как Черчилль обвинял ЭЛАС и КПГ в совершении всех мыслимых преступлений, установлении «господства террора по всей стране», в прессе отмечалось, что ни американские, ни английские корреспонденты, которые путешествовали в это время в Греции, не обнаружили никаких признаков этого [34].

В отчете британского посольства в Вашингтоне от 17 декабря говорилось, что в официальных американских кругах (в противоположность

широкой публике) росла озабоченность по поводу нарастающих американо-английских противоречий и готовность искать некую формулу, которая бы не вела к образованию трещины в американо-английском союзе, но в то же время позволяла бы американцам сохранить лицо [35].

Английские дипломаты считали, что ключевым пунктом, который вызывает неприятие общественного мнения Америки, является «королевский вопрос», а именно убеждение, что англичане твердо намерены восстановить в Греции короля Георгиоса II, который дискредитировал себя. «Негодование по поводу идеи восстановления предположительно непопулярного монарха – намного более сильный фактор здесь, – говорилось в отчете посольства, – чем симпатии к ЭАМ, которые ограничиваются либеральными кругами» [36].

Отмечался рост антибританских настроений в США. По данным социологических опросов декабря 1944 г., 54 процента американцев, не удовлетворенных сотрудничеством внутри большой тройки, обвиняли в этом Великобританию, в то время как только 18 процентов в этом обвиняли Россию. Во время опроса в феврале 1944 г. на вопрос с кем Соединенным Штатам, возможно, придется бороться в следующие пятьдесят лет, только 5 процентов ответили «с Великобританией». К марту 1945 г. число таких повысилось до 9 процентов [37].

В квартальном обзоре англо-американских отношений, который готовился в британском посольстве в Вашингтоне для министра иностранных дел А. Идена, за 4-й квартал 1944 г. анализировались основные тренды общественного мнения США. Озабоченность британских дипломатов вызывал новый образ англичан, который формировали американские корреспонденты в период греческого кризиса. Это образ страны, которую заботят только свои имперские интересы. Греция преподносилась как свободная нация, которую третировает и запугивает Великобритания. Отмечалось, что серьезно пострадала репутация Черчилля как демократического лидера и теперь он все больше сравнивается с советским руководителем Сталиным [38].

Личное отношение Рузвельта к британским действиям в Греции было негативным. Сын президента, Эллиот, вспоминал реакцию отца: «Греция! – сказал отец. – Английские войска ведут бои против тех самых партизан, которые на протяжении последних четырех лет дрались с нацистами».

Отец не пытался скрыть свой гнев...

– Как осмелились на это англичане! – воскликнул отец. – На что они только не пойдут, чтобы вернуть прошлое!». В то же время президент не считал необходимым выступать с пуб-

личным осуждением британской политики, так как это сыграло бы на руку странам «оси» [39].

Как справедливо отмечает Л. Уиттнер, госдепартамент решился критиковать англичан только конфиденциально. Госсекретарь выражал раздражение британскими действиями в Греции и Италии. Однако по поводу заявления от 5 декабря Стеттиниус дал понять, что если бы англичане предварительно проконсультировались с ними, то «этот инцидент никогда не произошел бы» [40].

Британский историк М. Гилберт считает, что американская враждебность к Великобритании достигла кульминации 9 декабря, когда американцы не разрешили использование их десантных судов для переброски английских войск в Грецию [41]. Только обращение британского премьера к Г. Гопкинсу позволило урегулировать данную проблему – запрет был снят [42]. Были временно прекращены американские поставки продовольствия и медикаментов греческому правительству [43].

В письме президенту от 8 декабря Маквей отмечал изменение общественных настроений в Греции в пользу некоторых симпатий к королю вследствие опасений по поводу коммунизма. Но он считал, что ни чистый роялизм, ни чистый коммунизм не имеют большого количества последователей в стране. Греки против диктатуры в любой форме. Глава ЭАМ А. Сволос сказал американскому послу, что «британцы *должны*, по крайней мере, создать впечатление у греков, что они являются свободными людьми». Маквей выдвинул идею создания комиссии в составе представителей США, Великобритании и СССР по греческим проблемам. Участие трех великих держав, считал Маквей, гарантирует беспристрастность комиссии и тем самым уменьшит эффективность пропаганды греческих коммунистов. Посол подчеркивал серьезность сложившейся в стране ситуации. Британский посол в Греции Липер заявил Маквею, что лично он также склоняется к идее трехсторонней комиссии [44]. Правда, следует отметить, что эта точка зрения не отражала позицию официального Лондона: Черчилль и Иден ее пока не разделяли.

Маквей сообщил госсекретарю 8 декабря о решении англичан не допустить отставки Папандреу и защищать Афины собственными силами [45]. В тот же день госсекретарю была направлена еще одна телеграмма, в которой была отмечена поляризация политических сил в Греции. Многие патриотически настроенные греки, поддерживающие теперь левые силы, подозревали, что в намерения правительства входит возвращение короля и, возможно, даже установление новой фашистской диктатуры. В то время тысячи не менее патриотически настроенных греков опасаясь

лись, что левые установят в их стране коммунистическую диктатуру. Маквей отметил, что британский посол в Греции Липер поддержал его идею трехсторонней комиссии, «чтобы наблюдать за проведением плебисцита о режиме и гарантировать беспристрастное урегулирование других критических проблем...». Этот шаг, писал дипломат, восстановил бы доверие греков к англичанам, изрядно подорванное последними действиями [46].

В Палате общин Черчилль активно защищал британскую политику в Греции. В своей очередной речи 8 декабря он обвинил ЭЛАС в том, что последние два года партизаны занимались преимущественно тем, что готовились к захвату власти [47]. Британский посол в США Галифакс сообщил Черчиллю, что Гарри Гопкинс и Джеймс Форрестол одобрили его речь от 8 декабря [48].

Британский премьер опасался, что с публичным заявлением Стеттиниуса от 5 декабря согласен и президент. Поэтому он попробовал повлиять на позицию ФДР через Г. Гопкинса. В письме Гопкинсу от 10 декабря Черчилль просил сказать «нашему другу», что восстановление порядка в Афинах является необходимым, что он не руководствуется принципом «никакого мира без победы» (об этом писала пресса), а, напротив, стремится дать возможность единой Греции самой определять собственную судьбу. «Я полагаю, — писал Черчилль, — что мы вправе рассчитывать на президентскую поддержку. Если на улицах Афин прозвучат слова, что Соединенные Штаты — против нас, то будет пролито больше британской крови и намного больше греческой. Меня очень огорчает, что я вижу признаки наших расхождений тогда, когда единство более чем важно...» [49].

12 декабря в радиопередаче «Голоса Америки» было передано заявление госдепартамента США: «“Голос Америки” уполномочен еще раз подтвердить, что политика Соединенных Штатов неизменно основывается на невмешательстве во внутренние дела других наций. В соответствии с этой политикой Соединенные Штаты тщательно воздерживались от вмешательства в дела других стран, которые были освобождены от немцев. Правительство Соединенных Штатов продолжит воздерживаться от вмешательства в дела других стран.

Если военная безопасность союзнических армий не находится под угрозой, Соединенные Штаты не сделают никакой попытки повлиять на состав любого правительства в любой дружественной стране. Американцы, естественно, смотрят с симпатией на стремления движений Сопротивления и антифашистских элементов в освобожденных странах. Американские люди знают, что эти группы, которые боролись так смело

против немцев, сейчас не имеют никакого намерения препятствовать всем важным военным операциям против Германии» [50].

13 декабря Стеттиниус направил Рузвельту меморандум с анализом ситуации в Греции. В качестве причин «вооруженного столкновения» в Афинах были названы недоверие ЭАМ правительству Папандреу, а также желание ЭАМ получить свою долю власти. Отмечалась глубокая озабоченность ЭАМ/ЭЛАС по поводу «Горной бригады» и «Священного батальона», которые англичане и Папандреу не желали распускать, в отличие от частей ЭЛАС. Роль детонатора сыграл расстрел греческими полицейскими демонстрации, отмечал Стеттиниус. Госсекретарь подчеркивал, что «серьезные последствия имело произвольное вето Черчилля на отставку Папандреу, которое сделало невозможными дальнейшие политические переговоры». Отмечалась и крайне негативная реакция общественного мнения на действия англичан. Стеттиниус писал, что в США публика поддержала позицию госдепартамента, но выдвигаются следующие требования: «1) серьезного представления англичанам; 2) посредничества Соединенных Штатов; 3) учреждения американско-советско-британской комиссии, чтобы обеспечить беспристрастное урегулирование». Госдепартамент пришел к выводу, что кризис может быть значительно ослаблен, если Георгиос согласится на учреждение регентства и сделать заявление, что не возвратится в страну без решения плебисцита. Стеттиниус также передал президенту копию телеграммы Маквея от 8 декабря с предложением о формировании международной комиссии по Греции [51].

В послании Рузвельта Черчиллю от 13 декабря была изложена американская программа урегулирования ситуации в Греции. Президент писал, что не имеет возможности игнорировать общественные настроения. Учитывая их, он не может поддержать британскую политику. ФДР отмечал, что ЭАМ, скорее всего, не доверяет намерениям короля Георгиоса. На правах «лояльного друга и союзника» президент предлагал, чтобы король одобрил учреждение регентства в Греции и сделал публичное заявление о намерении не возвращаться, если не будет положительного решения по его вопросу в результате всенародного плебисцита. Этот шаг был бы особенно эффективен, считал глава американской администрации, если выборы будут приурочены к некой точной дате. Также предлагалось заключить соглашение о разоружении и роспуске всех вооруженных групп в стране, включая «Горную бригаду» и «Священный батальон». Общественный порядок в стране должны были обеспечивать британские войска, «пока греческие национальные силы не могут быть воссозданы

на беспартийной основе и соответствующим образом снабжены» [52].

16 декабря Гопкинс направил Черчиллю телеграмму, в которой писал о прогрессирующем ухудшении общественного мнения по поводу ситуации вокруг Греции. Поэтому он не исключал возможности новых заявлений президента или госсекретаря в связи с кризисом. Однако в то же время в Вашингтоне опасались, что коммунисты могут захватить власть в Афинах [53].

Журнал «Тайм» 18 декабря напечатал репортаж о выступлении Черчилля в Палате общин с защитой политики англичан в Греции. Лейбористы и левые 28 раз прерывали премьер-министра. Черчилль потребовал вотум доверия, который в итоге и был получен подавляющим большинством: 279 к 30 [54]. Часть лейбористов воздержалась от голосования. Журнал отмечал, что британский парламент и страна глубоко обеспокоены политикой собственного правительства в Греции [55].

В меморандуме, подготовленном в ближневосточном отделе госдепартамента, от 19 декабря об американской позиции говорилось: «Правительство США дает ясно понять, что оно не солидаризируется с британской политикой вмешательства во внутренние дела Греции и с попытками сформировать и поддержать ориентированное на Великобританию греческое правительство, что было, в частности, отражено в заявлении госсекретаря от 5 и 7 декабря в отношении освобожденных стран. Хотя мы надеемся на возможно быстрое и удовлетворительное разрешение нынешних гражданских раздоров, тем не менее в военных операциях в Греции мы не участвуем. Те немногие американские офицеры, которые находятся в Греции, уполномочены заниматься исключительно вопросами оказания помощи по линии ЮНРРА (Администрации Объединённых Наций по оказанию помощи и восстановлению)» [56].

Реакция госдепартамента на предложение Маквея о создании комиссии великих держав оказалась вполне позитивной, однако вскоре обнаружилась тенденция уменьшения сферы деятельности комиссии. При передаче этого предложения президенту ближневосточный отдел указал, что англичане, вероятно, наложат вето на советское участие и что американское правительство должно отказаться от идеи формирования комиссии в составе только англичан и американцев. Однако замечание Идена в Палате общин 21 декабря о том, что в организации свободных выборов помощь союзников «будет приветствоваться», указывала на готовность Лондона согласиться на создание трехсторонней комиссии [57]. В меморандуме от 22 декабря, подготовленном помощником руководителя ближне-

восточного отдела госдепартамента Колером, идея участия в трехсторонней комиссии получила одобрение [58]. 26 декабря недавно созданный Комитет штата госсекретаря [59] в целом одобрил идею [60]. Решение комитета являлось симптомом зарождения новой американской политики.

Как отмечает Липер в своих мемуарах, отставка шести левых министров означала фактически распад правительства Папандреу. После того как Папандреу не удалось объединить греческие партии, ведущие политики в Афинах высказывали британскому послу мнение, что он не должен остаться у власти. Липер пришел к выводу, что необходимо возвратиться к прошлогодней идее назначения регентом архиепископа Афин Дамаскиноса и, по его словам, к 10 декабря ему удалось убедить в этом Лондон. Макмиллан и маршал Гарольд Александер, главнокомандующий союзническими силами в Италии, также поддержали эту идею [61].

11 декабря в Афины прибыли Макмиллан и Александер, Черчилль поставил им задачу найти компромисс, чтобы прекратить вооруженное столкновение в Греции. Для этого им были даны широкие полномочия. Макмиллан считал, что в этой критической ситуации Папандреу следует принести в жертву [62].

Король заявил, что должен посоветоваться со своим правительством. Липер 15 декабря на вопрос Маквея, что американцы могли бы сделать, попросил поддержать назначение регента, «поскольк у оно составляет единственную разумную надежду на спасение англо-американских (sic! – выделено Маквеем. – А. К.) позиций здесь» [63]. Из телеграммы А. Кирка из Италии от 15 декабря также следовало, что англичане стали рассматривать назначение архиепископа регентом как почти «единственный шанс» спасти ситуацию в Греции [64].

Назначение архиепископа должно было удовлетворить американское общественное мнение, а также укрепить пошатнувшийся престиж англичан. 15 декабря они обратились к Папандреу с настоятельной рекомендацией согласиться на регентство [65]. Черчилль отдал маршалу Александеру распоряжение немедленно добиваться назначения архиепископа Дамаскиноса премьер-министром, а Иден должен был убедить короля назначить Дамаскиноса регентом [66]. Однако Папандреу неожиданно высказался за идею регентского совета в составе трех регентов – архиепископа Афин Дамаскиноса, антикоммуниста генерала Николаса Пластираса и Филиппоса Драгоумиоса, по оценке Макмиллана, «очень уважаемого друга короля». Этот шаг должен был повысить шансы Папандреу сохранить пост премьера. Липер и Макмиллан высказались реши-

тельно против и телеграфировали Черчиллю просьбу любой ценой убедить короля назначить архиепископа единственным регентом [67]. Король 16 декабря ответил правительству, что не убежден в необходимости регентства. Под давлением англичан Папандреу направил Георгиосу новое обращение, на этот раз с просьбой назначить регентом одного Дамаскиноса [68]. Представители ЭАМ со своей стороны сообщили о согласии принять Пластираса как премьер-министра [69].

Вариант трех регентов Черчилль предложил ФДР в послании от 17 декабря. Премьер ссылался на отрицательную позицию правительства Папандреу, а также короля Георгиоса и честолюбие архиепископа. Более того, Черчилль писал об опасении, что индивидуальное регентство может привести к новой диктатуре в Греции [70].

Король Георгиос, по-видимому, вновь, как и в декабре 1943 г., надеялся на поддержку президента Рузвельта. 19 декабря он обратился к нему с личным посланием. Монарх уверял, что его цель – вернуть греков к «нормальной политической жизни». Он заверял в своей решимости сформировать после урегулирования кризиса правительство, «состоящее из представителей всех партий», для проведения плебисцита и свободных выборов, но ни словом не упоминал о регенте [71]. Однако на этот раз поддержки со стороны президента король не получил.

Англичане опасались, что упрямство короля может сорвать возможное урегулирование вооруженного конфликта [72].

Для «урегулирования» ситуации в Греции в срочном порядке воздушным путем из Италии были переброшены две британских дивизии, бригада 5-й индийской дивизии и несколько батальонов [73]. С прибытием британских войск военная обстановка кардинально изменилась. Афины были подвергнуты бомбардировке. Англичане, понеся немалые потери, смогли перейти в наступление. Партизаны были вытеснены из большей части Афин.

21 декабря состоялось заседание военного кабинета по Греции. Черчилль высказывал сомнения в правильности выбора кандидатуры регента, подозревая, что Дамаскинос является «предателем и коммунистом» [74]. В тот же день с королем разговаривал глава южного отдела Форин Офиса Дуглас Говард. На следующий день попытку убедить короля согласиться на регентство предприняли уже Иден и Черчилль. Однако Георгиос вновь отказался [75]. Англичан поддержал и Папандреу, который 20 декабря телеграфировал королю о поддержке идеи регентства.

В этой ситуации Черчилль и Иден приняли решение совершить визит в Афины, чтобы окончательно склонить все греческие политические

силы в пользу регентства и устроить «смотрины» Дамаскиносу. 25 декабря они прибыли в столицу Греции. В тот же день было выпущено заявление, в котором Черчилль и Иден предложили созвать конференцию, на которой были бы представлены все оттенки греческого политического мнения. Были приглашены и представители ЭАМ/ЭЛАС. Посол Соединенных Штатов и французский посол согласились посетить конференцию как наблюдатели. После некоторых колебаний к ним присоединился и представитель СССР (подполковник Г. Попов).

В 17.00 25 декабря конференция открылась. Председательствовал архиепископ Дамаскинос. Черчилль произнес речь [76], после чего англичане и наблюдатели от трех других союзных государств покинули конференцию, оставив архиепископа наедине с представителями политических сил Греции. Секретарь ЦК КПГ Сяндос возложил на правительство ответственность за кровопролитие. Однако коммунисты в итоге поддержали идею регентства.

На следующий день Дамаскинос изложил англичанам ход дискуссии. Архиепископ сделал вывод, что партии, входящие в ЭАМ, действуют единым фронтом, в то время как антикоммунистические партии раздроблены. Однако, по его мнению, несмотря на словесную храбрость, коммунисты хотели закончить гражданскую войну. Они желали формирования нового коалиционного правительства из представителей всех партий. Дамаскинос подчеркнул, что правительство Папандреу мертво. Он предложил сформировать правительство во главе с генералом Пластирасом, но без участия коммунистов [77]. Разговор с Дамаскиносом рассеял подозрения Черчилля, что архиепископ сочувствует коммунистам [78].

Черчилль обратился к Рузвельту с просьбой отдать распоряжение послу Маквею вступить в контакт с англичанами и оказать содействие их политике в Греции [79]. В тот же день ФДР ответил. Американскому послу в Афинах были даны инструкции оказать англичанам всю возможную помощь. Рузвельт выражал надежду, что присутствии главы британского правительства «приведет к достижению удовлетворительного решения» [80].

27 декабря состоялась беседа Черчилля с Маквеем. Британский премьер убеждал посла, что регентство является единственным возможным выходом из сложившейся ситуации [81]. Убеждение особо не требовалось, ибо Маквей и без него поддерживал идею регентства. Маквей сделал вывод, что Черчилль не исключает возможности создания трехсторонней союзнической комиссии по Греции. Глава британского правительства дал понять, что очень обижен критикой

его греческой политики в американской прессе, а также разочарован отсутствием понимания в Вашингтоне [82].

От встречи с делегатами ЭЛАС Черчилль откасался, несмотря на их настоятельную просьбу [83]. В тот же день состоялась пресс-конференция Черчилля в британском посольстве. Премьер уверенно заявил, что король не возвратится в Грецию без плебисцита [84].

Англичане в тот момент не исключали возможности провозглашения регентства вопреки воле короля Георгиоса. Если бы король все же отказался, было предусмотрено два варианта действий. Предполагалось наделение Дамаскиноса полномочиями регента либо в соответствии с мандатом трех великих держав, либо в соответствии с декларацией конференции греков. В этом случае англичане очень бы нуждались в недвусмысленной поддержке Соединенных Штатов [85].

Черчилль и Иден возвратились в Лондон 28 декабря. В послании Рузвельту по итогам поездки Черчилль кратко охарактеризовал ее итоги. Дамаскинос произвел на него вполне благоприятное впечатление. В поддержку этой кандидатуры выступил и ЭАМ, но премьер теперь был уверен в антикоммунизме архиепископа. Черчилль собирался оказать «самое сильное давление на греческого короля». В письме содержалась просьба направить Георгиосу телеграмму с рекомендацией назначить архиепископа регентом [86]. Против немедленного назначения регента выступила только Популистская партия, предлагая отложить его до принятия ЭЛАС условий перемирия, продиктованных англичанами [87].

28 декабря американский президент направил послание королю Георгиосу с одобрением идеи регентства и предложением приурочить выборы «к конкретной дате» [88]. На следующий день Черчилль выразил благодарность Рузвельту за его телеграмму греческому монарху [89].

29 декабря британский военный кабинет по докладу Черчилля принял решение потребовать от греческого короля согласия на регентство. Встреча Черчилля и Идена с королем Георгиосом началась в 22:00 29 декабря и закончилась только в 4:30 утра уже 30 декабря. Король санкционировал назначение регента [90]. Об этом было объявлено в тот же день [91]. 30 декабря в послании главе британского кабинета американский президент пожелал успехов «в решении греческой проблемы» [92]. В послании президенту Черчилль писал, что королю было сказано, что если он не согласится, вопрос будет решен без него и Лондон признает новое правительство при архиепископе вместо Георгиоса. Премьер просил по возможности оказывать поддержку архиепископу и его правительству [93]. 31 декабря

Черчилль писал ФДР, что король повел себя как джентльмен [94].

31 декабря на краткой церемонии, посещенной послом Маквеем, архиепископ Дамаскинос в присутствии Священного Синода принял присягу в качестве регента [95].

К концу декабря англичанам удалось установить практически полный контроль над Афинами и районом порта Пирей. 27 декабря командующий британскими войсками в Греции генерал Скоби поздравил своих солдат с успехом операции в Греции [96]. В ночь с 4 на 5 января 1945 г. ЭЛАС начал отвод войск из области Афины – порт Пирей.

В отчете британского посольства в США от 31 декабря 1944 г. концентрация критики на внешней политике Великобритании называлась «временной» [97].

1 января 1945 г. госсекретарь Стеттиниус ответил на вопрос прессы, связанный с политической ситуацией в Греции:

«Вопрос. Каково отношение Соединенных Штатов к недавно созданному регентству в Греции?»

Ответ. Это – важный шаг, который, кажется, прокладывает путь к разрешению существующей трудной ситуации в Греции и также приветствуется правительством Соединенных Штатов» [98].

3 января Маквей изложил Вашингтону намерения регента и англичан в Греции. Архиепископ при поддержке англичан планировал постепенно привлечь на свою сторону республикански, но не коммунистически настроенных греков, которые пока поддерживали ЭАМ/ЭЛАС [99].

По мнению американского историка Роберта Фрейзера, декабрь 1944 г. – самая низкая точка в англо-американских отношениях относительно Греции. Исследователь считает, что до 13 декабря американцы придерживались нейтралитета [100]. Анна Каралекас акцентирует внимание на негативистской позиции короля в период греческого кризиса [101].

В конце 1944 – начале 1945 гг. англичане еще стремились к одностороннему доминированию в Греции. Ценой немало напряжения сил им удалось добиться урегулирования ситуации. В то же время приходило осознание ограниченности ресурсов Британской империи. Лондон не имел возможности решить кризис чисто военным путем, а также оказать Греции адекватную экономическую помощь. В декабре англичане были вынуждены отказаться от ставки на Папандреу и вернуться к идее назначения регента.

Одновременно возростала и роль американского фактора. Лондон готов был уже идти на уступки и допустить некоторое участие США в греческих делах. Так, кризисная ситуация декабря 1944 г. побудила англичан согласиться с предло-

жением американского посла Маквея о создании трехсторонней союзнической комиссии по Греции. Правда, сами американцы еще не были готовы к масштабному вовлечению в дела этой страны.

Декабрьский кризис вызвал волну общественного возмущения во многих странах, в том числе Соединенных Штатах. Однако интересы ведения войны, традиция тесного англо-американского союза обусловили более осторожное отношение госдепартамента и президента к греческой политике Лондона, нежели резкая критика общественности. Президент Рузвельт, несмотря на собственное негативное отношение к британским действиям, не пошел на серьезную критику англичан. Все свелось к советам «лояльного друга и союзника». К тому же многим политикам и дипломатам в Вашингтоне импонировала борьба англичан против коммунистов в Греции. Посол Маквей также разделял антикоммунистические настроения.

Кризис декабря 1944 г. явился продолжением американско-британских трений по поводу заключения Лондоном и Москвой в мае-июне 1944 г. соглашения о влиянии в Греции и Румынии и «процентного соглашения» 9 октября 1944 г.

Греческие события декабря 1944 г. продемонстрировали всю неоднозначность американско-британского альянса периода Второй мировой войны. Стороны преследовали различные цели. Если Британия намеревалась восстановить собственные довоенные доминирующие позиции в Балканно-Средиземноморском секторе Европы, то Соединенные Штаты исходили из представления о неразделенном на сферы влияния мире.

В то же время конфликт показал и наличие в обеих странах серьезных сил, которые не могли допустить трещины в альянсе крупнейших западных держав. Это предопределило благополучный исход кризиса для англичан. Вашингтон не пошел на эскалацию конфликта. Однако кризис все же сыграл определенную роль, ибо стимулировал ускорение выработки Вашингтоном собственной позиции по важнейшим греческим проблемам. Уже в начале 1945 г. в госдепартаменте крепнет убеждение в необходимости пересмотра американской политики в пользу более масштабного вовлечения во внутренние дела Греции, что объективно подрывало позиции англичан в этой стране.

Примечания

1. *Frazier, R.* Anglo-American Relations with Greece. The Coming of the Cold War, 1942–1947 [Text] / R. Frazier. N. Y., 1991; *Karalekas, A.* Britain, the U.S., and Greece, 1942–1945 [Text] / A. Karalekas. N. Y.; L., 1988.

2. *Kuniholm, B.* The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece [Text] / B. Kuniholm. Princeton, 1980; *Anderson, T.* The United States, Great Britain, and the

Cold War, 1944–1947 [Text] / T. Anderson. Columbia; L., 1981; *Hathaway, R. M.* Ambiguous partnership: Britain and American 1944–1947 [Text] / R. M. Hathaway. N. Y., 1981; *Ryan, H. B.* The vision of Anglo-America: The US-UK alliance and the emerging Cold War, 1943–1946 [Text] / H. B. Ryan. Cambridge, etc., 1987 (перезид. в 2004 г.).

3. *Смирнова, Н. Д.* Политика США в Греции (1943–1945) [Текст] / Н. Д. Смирнова // Новая и новейшая история. 1984. № 1. С. 44–62; *Смирнова, Н. Д.* Политика США в Греции (к истории появления одного документа госдепартамента) [Текст] / Н. Д. Смирнова // Из истории Европы в новое и новейшее время. К 100-летию со дня рождения академика И. М. Майского / отв. ред. А. М. Самсонов. М.: Наука, 1984. С. 231–244; *Некрич, А. М.* Политика Англии в греческих делах (1941–1945 гг.) [Текст] / А. М. Некрич // Проблемы британской истории. 1972. М., 1972. С. 102–134; *Улуян, Ар. А.* Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории: КПГ в Национальном Сопротивлении, Гражданской и «холодной» войнах 1941–1956 [Текст] / Ар. А. Улуян. М., 1994.

4. Подготовка к операции велась по указанию Черчилля, которое тот отдал еще в сентябре 1943 г. Он обосновывал этот шаг необходимостью предотвращения коммунистического государственного переворота после ухода немцев. См.: *Ismay, H. L. I.* The Memoirs of General the Lord Ismay [Text] / H. L. I. Ismay. L., 1960. P. 367.

5. *Leeper, R.* When Greek Meets Greek [Text] / R. Leeper. L., 1950. P. 98.

6. Подробное описание событий см.: *Gerolymatos, A.* Red Acropolis, Black Terror. The Greek Civil War and the Origins of the Soviet-American Rivalry, 1943–1949 [Text] / A. Gerolymatos. N. Y., 2004. P. 103–107.

7. *Alexander, G. M.* Prelude to the Truman Doctrine: British Policy in Greece 1944–1947 [Text] / G. M. Alexander. Oxford, 1982. P. 78.

8. *Macmillan, H.* The Blast of War. 1939–1945 [Text] / H. Macmillan. L., 1967. P. 601.

9. Foreign Relation of the United States (далее – FRUS) [Text]. 1944. Vol. 5. P. 142.

10. *Churchill, W.* The Second World War [Text] / W. Churchill. Boston, 1985. Vol. 6. P. 252; Об этом 5 декабря сообщал в Вашингтон представитель Соединенных Штатов в Консультационном совете по Италии А. Кирк: FRUS. 1944. Vol. 5. P. 143–144; см. также: *Wittner, L. S.* American Intervention in Greece, 1943–1949 [Text] / L. S. Wittner. N. Y., 1982. P. 23; *Alexander, G. M.* Op. cit. P. 79.

11. FRUS. 1944. Vol. 5. P. 141.

12. Ambassador MacVeagh Reports: Greece 1933–1947 [Text] / ed. by J. O. Iatrides. Princeton (N.J.), 1980. P. 657.

13. FRUS. 1944. Vol. 5. P. 142–143; *Anderson, T.* Op. cit. P. 21.

14. Parliamentary Debates. House of Commons. Official Reports [Text]. Fifth ser. Vol. 406. L., 1945. P. 356–365; Voices of History. 1944–1945. Speeches and Papers of Roosevelt, Churchill, Stalin, Chiang, Hitler and other Leaders. Delivered During 1944 [Text]. N. Y., 1945. P. 595–598; Winston S. Churchill: His Complete Speeches. N. Y.; L., 1974. Vol. 7. P. 7049–7050; Documents on American Foreign Relations (далее – DAFR). Vol. 7. P. 889–890.

15. *Macmillan, H.* Op. cit. P. 666.

16. Ryan, H. B. Op. cit. P. 139.
17. См.: Reynolds, D. From World War to Cold War. Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s. Oxford, 2006. P. 51; Wittner, L. S. Op. cit. P. 23; и др.
18. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. L., 1984. Vol. 3. P. 436; FRUS. 1944. Vol. 3. P. 1162; Fleming, D. F. The Cold War and its Origins, 1917–1960 [Text] / D. F. Fleming. Vol. 1. L., 1961. P. 174; Gilbert, M. Winston S. Churchill. Vol. VII. L., 1986. P. 1088; Kimball, W. F. Forged in War. Roosevelt, Churchill, and the Second World War. Chicago, 2003. P. 296.
19. См. послание президенту от 6 декабря: Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 3. P. 437.
20. Anderson, T. Op. cit. P. 22.
21. Wittner, L. S. Op. cit. P. 24.
22. FRUS. 1945. Conferences at Malta and Yalta. P. 433; DAFR. Vol. 7. P. 890–891; The New York Times. 1944. Dec., 8. P. 13; см. также: Sweet-Escott, B. Greece: A Political and Economic Survey, 1939–1953 [Text] / B. Sweet-Escott. L.; N. Y., 1954. P. 38.
23. Stettinius, E. The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr.: 1943–1946 [Text] / E. Stettinius. N. Y., 1975. P. 192; не случайно Г. Макмиллан, например, очень негативно оценивает заявления Стеттиниуса: Macmillan, H. Op. cit. P. 602.
24. Congressional Record (далее – CR) [Text]. Vol. 90. Part 7. P. 8988.
25. Ibid. P. 9063.
26. Hathaway, R. Ambiguous Partnership. Britain and America, 1944–1947. N. Y., 1981. P. 96.
27. CR. Vol. 90. Part 7. P. 9205.
28. Washington Dispatches, 1941–1945: Weekly Political Reports from the British Embassy / ed. by N. G. Nicholas; with an introd. by I. Berlin. Chicago; L., 1981. P. 473.
29. Ibid. P. 474.
30. Anderson, T. Op. cit. P. 24.
31. The New York Times. 1944. Dec. 10. P. 3.
32. The New York Times. 1944. Dec. 12. P. 6.
33. Hathaway, R. Op. cit. P. 99.
34. Stavrianos, L. S. Greece: American Dilemma and Opportunity [Text] / L. S. Stavrianos. Chicago, 1952. P. 123; Fleming, D. F. Op. cit. P. 184.
35. Washington Dispatches, 1941–1945. P. 476.
36. Ibid. P. 476–477.
37. Anderson, T. Op. cit. P. 25.
38. Confidential Dispatches. Analyses of America by the British Ambassador, 1939–1945 / ed. with an Introductory Essay by T. E. Hachey. Evastone (III), 1973. P. 245–246.
39. Roosevelt, E. Op. cit. P. 222, 224.
40. The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr., 1943–1946. P. 191–192; Wittner, L. S. Op. cit. P. 24.
41. Gilbert, M. Winston S. Churchill. Vol. VII. P. 1096–1097.
42. Ibid. P. 1097–1098.
43. Nisbet, R. Roosevelt and Stalin: The Failed Courtship [Text] / R. Nisbet. Wash., 1988. P. 98.
44. Ambassador MacVeagh Reports. P. 659–662.
45. FRUS. 1944. Vol. 5. P. 144.
46. Ibid. P. 145.
47. Voices of History. 1944–1945. P. 608.
48. Churchill, W. The Second World War. Vol. 6. P. 258.
49. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 3. P. 451; Churchill, W. The Second World War. Vol. 6. P. 258–259; Gilbert, M. Winston S. Churchill. Vol. VII. P. 1096.
50. FRUS. 1944. Vol. 5. P. 147–148.
51. Ibid. P. 148–149.
52. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 3. P. 455–456; FRUS. 1944. Vol. 5. P. 150–151; Woodward, L. Op. cit. Vol. 3. P. 419–420; Churchill, W. The Second World War. Vol. 6. P. 261–262.
53. Churchill, W. The Second World War. Vol. 6. P. 263–264.
54. Parliamentary Debates. House of Commons. Official Reports. Fifth ser. Vol. 406. L., 1945. P. 1010–1014.
55. Time magazine [Electronic resource]. Dec. 18, 1944 – режим доступа: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,778264,00.html>, <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,778264-2,00.html>, свободный.
56. Меморандум «Политика Соединенных Штатов в отношении Греции. Итог» от 19 декабря 1944 года // Смирнова Н. Д. Политика США в Греции (к истории появления одного документа госдепартамента). С. 243–244.
57. Parliamentary Debates. House of Commons. Fifth ser. Vol. 406. Col. 1909.
58. FRUS. 1944. Vol. 5. P. 165.
59. Создан 20 декабря 1944 г. и действовал до 18 июня 1947 г., заменив Политический комитет и Комитет по послевоенным программам (см.: режим доступа: <http://www.archives.gov/research/holocaust/finding-aid/civilian/rg-353.html>, свободный [Electronic resource]).
60. FRUS. 1944. Vol. 5. P. 165.
61. Leeper, R. Op. cit. P. 119–120; см. также: Charmley, J. Churchill: the End of the Glory: A Political Biography [Text] / J. Charmley. L., 1993. P. 599.
62. Об этом госсекретарю из Италии телеграфировал А. Кирк: FRUS. 1944. Vol. 5. P. 146.
63. FRUS. 1944. Vol. 5. P. 155.
64. Ibid. P. 156–158.
65. Macmillan, H. Op. cit. P. 614.
66. Телеграмма А. Кирка от 14 декабря: FRUS. 1944. Vol. 5. P. 152–153.
67. FRUS. 1944. Vol. 5. P. 158–159; Ambassador MacVeagh Reports. P. 663–664; Macmillan, H. Op. cit. P. 614–615.
68. FRUS. 1944. Vol. 5. P. 160–161; Ambassador MacVeagh Reports. P. 664.
69. FRUS. 1944. Vol. 5. P. 162.
70. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 3. P. 466–467; FRUS. 1944. Vol. 5. P. 159–160; Woodward, L. British Foreign Policy in the Second World War: in 5 vols. [Text] / L. Woodward. L., 1970–1976. Vol. 3. P. 420–421.
71. FRUS. 1944. Vol. 5. P. 163–164; см. также: Iatrides, J. O. Revolt in Athens: the Greek Communist “Second Round” 1944–1945 [Text] / J. O. Iatrides. Princeton (N. J.), 1972. P. 240–241.
72. FRUS. 1944. Vol. 5. P. 164–165.
73. Stavrianos, L. S. Op. cit. P. 141.
74. The Diaries of Sir Alexander Cadogan. O. M. 1938–1945: in 3 vols. [Text] / ed. by D. Diks. L., 1971. P. 689.
75. Woodward, L. Op. cit. Vol. 3. P. 423.
76. Текст речи: Winston S. Churchill: His Complete Speeches. Vol. 7. P. 7076–7078; отчет американского посла см.: FRUS. 1944. Vol. 5. P. 170–171.

77. Woodward, L. Op. cit. Vol. 3. P. 426–427.
78. Alexander, G. M. Op. cit. P. 86; Gilbert, M. Winston S. Churchill. Vol. VII. P. 1119.
79. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 3. P. 471–472; FRUS. 1944. Vol. 5. P. 169–170; Churchill, W. The Second World War. Vol. 6. P. 273.
80. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 3. P. 472; FRUS. 1944. Vol. 5. P. 170; Churchill, W. The Second World War. Vol. 6. P. 273.
81. Woodward, L. Op. cit. Vol. 3. P. 427; Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 3. P. 473.
82. FRUS. 1944. Vol. 5. P. 172–173.
83. Woodward, L. Op. cit. Vol. 3. P. 430.
84. Winston S. Churchill: His Complete Speeches. Vol. 7. P. 7078–7081.
85. Woodward, L. Op. cit. Vol. 3. P. 429–430.
86. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 3. P. 473–474; FRUS. 1944. Vol. 5. P. 173–175; Churchill, W. The Second World War. Vol. 6. P. 277–278.
87. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 3. P. 474–475; FRUS. 1944. Vol. 5. P. 175.
88. FRUS. 1944. Vol. 5. P. 177; Иатридес отмечает, что данное послание было подготовлено в госдепартаменте: Iatrides, J. O. Op. cit. P. 241.
89. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 3. P. 479; FRUS. 1944. Vol. 5. P. 178.
90. Woodward, L. Op. cit. Vol. 3. P. 432; The Diaries of Sir Alexander Cadogan. P. 691.
91. Текст официального заявления короля Черчилль переслал Рузвельту 30 декабря: Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 3. P. 481; Churchill, W. The Second World War. Vol. 6. P. 279–280; его также приводит в мемуарах Р. Липер: Leeper, R. Op. cit. P. 126–127.
92. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 3. P. 480.
93. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 3. P. 480; FRUS. 1944. Vol. 5. P. 178.
94. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 3. P. 487–488.
95. FRUS. 1944. Vol. 5. P. 180.
96. Supreme Allied Commander Mediterranean: report by Supreme Allied Commander Mediterranean to the Combined Chiefs of Staff on Greece 12th Dec. 1944 to 9th May 1945 [Text]. L., 1949. P. 8–13.
97. Washington Dispatches, 1941–1945. P. 489.
98. FRUS. 1945. Vol. 8. P. 100.
99. Ambassador MacVeagh Reports. P. 666–667; FRUS. 1945. Vol. 8. P. 98–99.
100. Frazier, R. Op. cit. P. 70.
101. Karalekas, A. Op. cit. P. 150.

НОВЫЕ КНИГИ

Вопросы толерантности в изучении и преподавании новой и новейшей истории [Текст] : сборник научных статей / отв. ред. В. Т. Юнгблюд. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. – 238 с.

**ВОПРОСЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ
В ИЗУЧЕНИИ
И ПРЕПОДАВАНИИ
НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ
ИСТОРИИ**

В настоящем сборнике представлены статьи, подготовленные преимущественно преподавателями кафедры всеобщей истории Вятского государственного гуманитарного университета. Они объединены общим стремлением рассмотреть некоторые исторические сюжеты, представляющие интерес с точки зрения изучения проявлений различных граней толерантности (или интолерантности) в новой и новейшей истории отдельных зарубежных государств. Рассматриваются также тематически уместные аспекты теории и методики обучения истории в средней и высшей школе. Представленные материалы позволяют по-новому взглянуть на ряд проблем истории зарубежных стран и истории международных отношений XIX–XX вв., актуализированных современными политическими и международными процессами.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Г. Ю. Стернин

РУССКОЕ ИСКУССТВО XIX ВЕКА. ЦЕЛОСТНОСТЬ И ПРОЦЕСС

Автор статьи размышляет о проблемах, связанных с изучением исторической модели русской художественной культуры. В статье обосновывается подход, который позволяет рассматривать русское искусство XIX в. и как целостность, и как исторический процесс.

История русской культуры, вся она в перебоях, в приступах, в отречениях или увлечениях, в разочарованиях, изменах, разрывах. Всего меньше в ней непосредственной цельности. «Нам внятно все – и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений...» Этот дар «всемирной отзывчивости», во всяком случае, роковой и двусмысленный дар [1]. В этих словах Г. В. Флоровского, крупного богослова и историка русской духовной культуры, много глубокой, одновременно лестной и жесткой правды. В них – и реалии художественного пути России, и различившие, порою исключавшие друг друга оценки современниками всего того, что происходило в искусстве. Да и сама по себе мысль протоиерея Георгия Флоровского полностью включена в трудный процесс самопознания русской культуры.

Научная проблема, обозначенная в заглавии предлагаемой статьи, по формулировке могущая напомнить азы диалектики, рождена именно этим процессом, приобретшим в последние годы почти болезненную остроту. В самых разных аспектах – от философско-мировоззренческого до историко-художественного – она становится предметом очень заинтересованного внимания специалистов, чаще прямо, а иногда и косвенно отражая потребности культурной идентификации общества, меру его интереса к своей исторической памяти, к своим национальным художественным традициям.

Так, представляется весьма показательным, что в последнее время, когда речь заходит о построении исторической модели русской художественной культуры, в лексике гуманитарных на-

ук одним из самых ходовых, самых емких по философско-социальному содержанию оказывается слово «целостность». Говоря конкретнее, дело касается того, чтобы, анализируя динамику историко-культурного процесса, не упускать из виду определяющие черты художественного самосознания России – черты, обладающие способностью сильно видоизменяться во времени, но в своей сущности распознаваемые как устойчивые национальные признаки той или иной крупной эпохи.

В недавнем труде известный исследователь русской культуры Б. Ф. Егоров сетовал на неполноту таких определений слова «культура», когда акцент «в духе исторического материализма сделан на поэтапности, на исторических ступенях, а не на общих свойствах, на отличии культуры от некультуры» [2].

Схожий взгляд на проблему высказывал Ю. М. Лотман, уже непосредственно касаясь интересующей нас эпохи: «Обычно историческое изучение подчеркивает динамику и противоречивые тенденции в развитии русской классической литературы. <...> Вместе с тем, нельзя не заметить, что русская литература между Пушкиным и Чеховым представляет собой бесспорное единство. <...> Можно говорить о культурном пространстве между Пушкиным и Чеховым как о бесспорно едином историческом явлении» [3].

Возникают серьезные научные опыты, авторы которых видят свою основную задачу в том, чтобы создать философско-методологические конструкции, позволяющие объединить два разных взгляда на русскую культуру: один – дающий возможность исследовать динамику исторического процесса, другой – привлекающий внимание к ее целостной характеристике. Назову среди них интересную теоретическими интенциями работу И. В. Кондакова «Архитектоника русской культуры», в которой автор стремится «показать внутреннюю взаимосвязь между статикой культуры (феноменологической системностью) и ее динамикой (социокультурным развитием)» [4].

Культура XIX в. – случай несколько особый. Став уже явлением «позапрошлым», она все же еще не перешла целиком в разряд исторически дистанцированного «художественного наследия», хотя уже и утратила ореол прямых «родительских» заветов сегодняшнему дню. Но дело не только в теперешней двойственности ее статуса. Много

СТЕРНИН Григорий Юрьевич – доктор искусствоведения, профессор, главный научный сотрудник Государственного института искусствознания, чл.-кор. РАН, засл. деятель искусств РФ
© Стернин Г. Ю., 2007

значит то обстоятельство, что в советское время русская художественная культура XIX в. долгие годы служила официальной визитной карточкой духовного состояния России, представительство-вала от имени главных достижений отечественных мастеров. Вытекавшие отсюда последствия были весьма ощутимы: они касались и методов избирательного изучения искусства, и способов его интерпретации, и форм его общественной презентации. Давно и вполне справедливо заслужившая звание классической, русская литература XIX в. не только освящала своим высоким мировым авторитетом смежные виды художественного творчества, но в этом качестве способствовала определенной канонизации эстетических принципов музыки, живописи, театра той эпохи.

Вряд ли стоит умалять значение тех серьезных научных усилий, которые предпринимали наши не столь уж далекие предшественники для изучения русской художественной культуры XIX в., какими бы жесткими идеологическими установками ни были связаны руки исследователей, а благосклонность официальных кругов, скажем, к Чайковскому или же к передвижнической живописи сама по себе, понятно, никак не должна вызывать у нас идиосинкразии к Сурикову или к творцу «Пиковой дамы». Более того, нужно признать, что подобное пристрастие к «русскому классическому реализму» объективно шло на пользу науке о XIX в., помогая утвердить место этого столетия в истории русской художественной культуры.

Были совершенно очевидны и горькие плоды этой общественно-назидательной, постоянно выставившей напоказ любви к эпохе Пушкина и Глинки, Гоголя и Александра Иванова, Льва Толстого и Репина.

Любой эталон в культуре должен обладать внутренней согласованностью своих признаков. И потому, с одной стороны, ангажированная наука предпринимала всяческие попытки «собрать» воедино искусство XIX в., представить его в виде достойной подражания исторической целостности; но с другой – искусство и эстетические принципы именно этого периода оказались главным полигоном, на котором испытывалась, обкатывалась, внедрялась в жизнь известная теория «двух культур», членившая «по-живому» единую художественную плоть эпохи. Немаловажно и еще одно обстоятельство. Именно на примере XIX столетия обосновывалась и доказывалась универсальность эволюционно-позитивистской концепции «художественного прогресса». Соотносительная ценность художественных явлений заранее предопределялась временем их появления на свет – историческим ходом искусства.

Автор в данной статье не склонен предаваться глубокомысленному теоретизированию, тем

более что многое из того, о чем только что говорилось, ушло в прошлое, перестало быть предметом научных споров. Государственный институт искусствознания занят подготовкой фундаментальной комплексной «Истории русского искусства», и в связи с этой вполне конкретной исследовательской работой первостепенное значение приобретают практические аспекты вынесенной в заглавие проблемы. Их можно было бы назвать прикладными, если бы часто они не заставляли размышлять и о некоторых капитальных культуроведческих вопросах.

Какие аспекты аналитической работы с историко-художественным материалом позволяют полнее всего осуществить ту самую двоякую цель создаваемого труда, о которой все время идет речь? Какие принципы типологизации явлений искусства стоит при этом считать основными, структурообразующими, способными нагляднее обозначить целостный образ художественной России XIX в.?

Давно уже стала общим местом справедливая мысль о том, что любая серьезная характеристика русского искусства вообще и его внутренней целостности в частности предполагает достаточную осведомленность в его мировом художественном контексте. Следуя концептуальным наклонностям (а поиски целостности, желание раскрыть в «концах» и «началах» схожие свойства – верный путь к реализации этих наклонностей), специалисты неизбежно вовлекаются в сложную сферу историософских и культурфилософских изысканий, касающихся таких «глобальных» тем, как «Россия и Запад», «Россия и Восток». Кстати сказать, эти современные научные интересы, кроме всего, свидетельство устойчивости некоторых исторических моделей русского общественного сознания, а если конкретнее – в них можно видеть, словно ожившее, наследие идеологических споров и глубоких духовных исканий России XIX в.

Только что названные культуроведческие проблемы сейчас постоянно на виду в самых разных областях гуманитарного знания. О своей приверженности этому направлению в науке заявили и специалисты, изучающие русское изобразительное искусство интересующей нас эпохи. Веское доказательство тому – капитальный труд Д. В. Сарабьянова «Русская живопись XIX века среди европейских школ», вышедший в 1980 г.

Одно пояснение кажется необходимым. Сравнительная характеристика произведений различных национальных школ может стать ключом к определению творческой позиции художника. Бывает нередко и так, что в подобном сопоставлении нет прямой нужды, оно мало что добавляет к пониманию сущности изучаемого предмета. Но в обоих случаях – и это хочется подчеркнуть –

такой метод анализа позволяет увидеть отечественное искусство двойным зрением – «изнутри» и «снаружи». Совершенно разнородные понятия – «особость» и «цельность» – оказываются здесь объединенными внутренней логикой художественного развития России.

Любая академическая «история искусств» по определению предполагает именно историческое изложение материала, иными словами – описание художественного процесса в его хронологической последовательности. В этих условиях, как представляется, многое зависит от того, какими категориями и терминами пользоваться в таких описательных характеристиках, какими понятиями определять основные координаты смыслового поля культуры. Изучение объективных закономерностей исторического движения искусства, смены его реальных общественных функций здесь столь же существенно, как и внимательный учет именно тех сторон эволюции художественного мышления эпохи, которые в первую очередь влияли на самосознание современников, определяя способы и формы их историко-культурной ориентации. Для подхода к проблеме целостности и процесса, для адекватного описания возникавших здесь серьезных внутренних коллизий в равной мере значительно и то и другое.

В самом начале XX столетия известный исследователь русской литературы Е. А. Соловьев утверждал: «Мы <...> быть может, единственный в мире народ, где каждое десятилетие или прокликает предыдущее, или с особенной любовью и вниманием доказывает, какие же то были дураки» [5]. Мысль, явно навеянная быстрой и решительной сменой художественных взглядов на рубеже веков. Видеть в ней общее правило для всего XIX в. вряд ли правомочно. Нетрудно вспомнить много случаев, когда мастера – будь то писатели, художники или музыканты – открыто и горделиво называли себя прямыми наследниками своих близких и не очень близких предшественников. Особенно хорошо это свойство художественного сознания сказывалось в истории словесности и нагляднее всего – на высшем ее уровне: войти в русскую литературу в качестве последователей, если не восприемников, Пушкина или Гоголя мечтали и старались многие и многие писатели (объективных результатов подобных намерений здесь не касаюсь). И вместе с тем столь же легко вспомнить, что конфликт между «отцами» и «детьми» в сфере художественной культуры – вполне реальная проблема эволюции самого искусства и, главное, общественной психологии России позапрошлого века. Доказательство тому – ряд громких публичных демаршей и поступков в художественной, театральной, музыкальной жизни эпохи, имевших целью заявить

о разрыве с прошлым и обозначить новые культурные ориентиры.

Примерять к русской культуре сложившиеся на Западе историко-культурные категории и определения – одно из обычных занятий людей XIX в., причастных к художественным делам, существенный способ их самопознания. Разумеется, новые термины приходили в Россию не сами по себе – они возникали в культурном поле России именно потому, что за ними стояли важные явления в мировом художественном развитии. Говоря о подобных терминах, имею в виду прежде всего знаменитую триаду «классицизм – романтизм – реализм». Но в художественной жизни существовала и другая закономерность, и именно о ней в дальнейшем пойдет речь. Раз возникнув, эти понятия имели тенденцию обрастать условно-метафорическими смыслами, превращаться в многозначительные «слова», становиться самостоятельной системой историко-культурных обозначений, предназначенных для того, чтобы расставлять главные вехи в художественных процессах XIX в., иначе говоря, для того, чтобы быть основным свидетелем динамики исторического развития искусства. Такие притязания, особенно ясно проявившиеся в лексике журнально-критической полемики, не раз оказывались предметом иронии современников. Известно, например, замечание Белинского, высказанное им в 1834 г.: «Классицизм и романтизм – вот два слова, кои мы огласились пушкинский период нашей словесности; вот два слова, на кои были написаны книги, рассуждения, журнальные статьи и даже стихотворения, с коими мы засыпали и просыпались, за кои дрались на смерть, о коих спорили до слез и в классах и в гостиных, и на площадях и на улицах! Теперь эти два слова сделались как-то пошлыми и смешными <...> Только разве в каком-нибудь Дагестане можно еще с важностью рассуждать об этих почивших страдальцах – классицизме и романтизме – и выдавать нам за новость, что Расин немножко приторен, что энциклопедисты немножко ввали, что Шекспир, Гёте и Шиллер велики, а Шлегель говорил правду, и пр.» [6]

Тремя годами раньше Гоголь писал Пушкину: «Знаете ли, как бы хорошо написать эстетический разбор двух романов, положим: “Петра Ивановича Выжигина” и “Сокол был бы сокол, да курица съела”. Начать таким образом, как теперь начинают у нас в журналах: “Наконец, кажется, пришло то время, когда романтизм решительно восторжествовал над классицизмом и старые поборники французского корана на ходульных ножках (что-нибудь вроде Надеждина) убрались к черту. В Англии Байрон, во Франции необъятный великостью своею Виктор Гюго, Дюканж и другие в каком-нибудь проявлении

объективной жизни, воспроизвели новый мир ее нераздельно-индивидуальных явлений. Россия, мудрости правления которой дивятся все образованные народы Европы и проч. и проч., не могла оставаться также в одном положении. Вскоре возникли и у ней два представителя ее преобразованного величия. Читатели догадаются, что я говорю о гг. Булгарине и Орлове...” [7]

Пародийный смысл этих гоголевских рассуждений – не только язвительный отклик на совершенно конкретный эпизод литературной борьбы России 1830-х гг. В них – реакция писателя на привычку современников заменять содержательный анализ художественных явлений игрой в условные параллели, раскладыванием пасьянса из ходовых терминов и понятий, пасьянса, при котором сами эти понятия призваны обозначать основной механизм преемственного развития культуры, выражать ее телеологические принципы.

Об этих исторических примерах можно было бы здесь не упоминать, если бы триада «классицизм – романтизм – реализм» не завораживала бы и по сей день многих исследователей русского искусства XIX в., не наделялась бы ими полномочиями стать едва ли не основной смыслообразующей системой координат, определяющей конечные цели и результаты творческой деятельности мастеров культуры.

Разумеется, понятийный аппарат научных исследований не может обойтись без этой триады хотя бы потому, что за ней – традиционная и устойчивая типологическая схема русской художественной культуры XIX в., по крайней мере, номинально фиксирующая сходство исторических путей развития различных видов искусства. Более того, есть немало случаев, когда отдельные члены триады сами по себе стали нарицательным обозначением художественной сущности тех или иных явлений, и, скажем, называя русскую архитектуру первой трети XIX в. зрелым классицизмом (ампиром), мы тем самым определяем ее основной историко-культурный статус. Но за пределами этой схемы, полностью ориентированной на эволюционный подход к изучению материала, слово «романтизм», к примеру сказать, часто оказывается всего лишь «отсылочным» термином или, говоря по-другому, «конвенциональным» атрибутом научной лексики. Чтобы вобрать в себя конкретные историко-художественные смыслы, оно предполагает исследовательское внимание к иным культурно-типологическим «срезам» художественного процесса – видовым, жанровым, предметно-пространственным, образно-пластическим и т. д. Предполагает оно и постановку вопроса о месте искусства в повседневной жизни, о его роли в формировании духовной среды, окружающей человека.

Размышляя о таких принципах построения «истории искусства», которые позволили бы без умозрительных философских конструкций посмотреть на русскую художественную культуру XIX в. и как на целостность, и как на исторический процесс, сталкиваясь с еще одной серьезной проблемой. На нее уже обращали внимание специалисты, апеллируя, правда, к русской литературе той эпохи. В суть возникающих здесь сложных противоречий вводит очень точное суждение на этот счет В. Н. Топорова: «Два основных порока истории литературы связаны с принципиальной разнородностью (разноприродностью) материала, используемого ею. Историю литературы строят (если говорить о контрастных случаях) или на «лучших» образцах (вершинные достижения), или, наоборот, на наиболее эмпирически-характерных массовых («средних») явлениях. При первом подходе история литературы как описание развития бедна содержанием: развития как бы нет, т. е. отсутствует то, ради чего конституируется история как такое измерение, которое вскрывает новые и важные смыслы («вечность» великих текстов «не захватывается» инструментами исторического исследования). При втором подходе история литературы четко фиксирует изменчивость и направление развития, но из нее исключается главное – область «высших» («последних») смыслов, развертываемых только в «вечных» текстах» [8].

История пластических искусств, музыки, театра выдвигает перед исследователем ту же самую дилемму с той лишь, пожалуй, разницей, что указанный контраст касается здесь не только качественного уровня художественных произведений, но и их жанровой природы, их места в светском, культурно-бытовом и религиозном обиходах общества.

Желая представить художественный облик России как некую историческую целостность, любой серьезный специалист, естественно, в первую очередь станет ориентироваться на то лучшее, что было создано в эту эпоху, и, если дело будет касаться пластических искусств, творческое наследие таких фигур, как Воронихин, Кипренский, Венецианов, Росси, Александр Иванов, Суриков, Репин (перечень, понятно, нетрудно продолжить), окажется главным предметом его анализа. Именно в таком случае целостность может явить себя не как сумма постепенно возникавших художественных открытий, но как заданная духовными потенциями отечества и выстроенная по своим онтологическим принципам национальная картина мира. Рассматривая каждое из подобных явлений, можно сколь угодно внимательно учитывать социокультурную среду России того или иного периода, жизненную биографию мастера, зарубежные влияния и так далее, к выяснению же

самой природы художественного процесса, его исторических закономерностей все это будет иметь довольно косвенное отношение.

Свои изъяны имеет и другой подход. Сильно потускневшим, разъятым на части предстанет русский художественный XIX век, предъявленный читателю, зрителю, слушателю искусством «второго ряда». Зато в этом случае гораздо отчетливее выявятся не только его исторические причинно-следственные связи, но и – что немало важно именно для истории художественной культуры – формы его общественного бытования, его жизненные функции. Характерные судьбы салонной портретной живописи XIX в. или же жанровой и сатирической графики того же столетия могут служить здесь весьма наглядным примером.

Окончательно преодолеть это серьезное противоречие возможно, думается, лишь на уровне умозрительных схем и философских спекуляций. В любой «истории искусства», имеющей дело с вполне конкретными фактами, возникающие здесь контрверзы – такая же объективная реальность, как и сам художественный материал, они непосредственно связаны с той двойственностью, которая изучаемому материалу свойственна. Предлагаемые заметки хочется завершить некоторыми соображениями на этот счет.

Известный русский мыслитель и культуровед Г. П. Федотов как-то заметил, что в пушкинском «храме Аполлона было два алтаря: России и свободы» и что «Свобода и Россия – это два метафизических корня, из которых вырастает его личность». Заостряя свою мысль, Федотов придал ей вид почти оксюморона (если разуместь обиходный смысл слова), назвав Пушкина «певцом империи и свободы» [9].

Конечно, ни один из других видов русского искусства XIX в. не знал фигуры, соизмеримой с Пушкиным, и потому любые параллели и аналогии должны здесь проводиться с предельной осторожностью. И, тем не менее, думаю, что отмеченные Федотовым основополагающие, «метафизические» импульсы пушкинского поэтического гения безо всякой натяжки могут быть распространены на характеристику ведущих творческих интересов всей русской художественной культуры XIX столетия. Разумеется, было бы смешной наивностью считать особое внимание ко всему тому, что связано со словами «свобода» и «отечество», монополией лишь русского художественного сознания. Эти слова могли быть вынесены в определение творческого кредо многих западноевропейских художественных школ, и все зависело от того, в каком сочетании друг с другом, в каком религиозно-философском, социальном и политическом контекстах они воспринимались и интерпретировались. Более того,

можно сказать, что одна из важных особенностей национальных художественных школ XIX в. заключается как раз в особых смыслообразующих комбинациях этих двух кардинальных идейных ориентиров.

Между социальным утопизмом и национальным, подчас сакрализованным мифологизмом – вот где располагалось основное смысловое поле русского искусства XIX столетия, вот где рождались главные драматические коллизии художественного сознания эпохи. Образ России, государственный и частный, и судьба человека – так можно было бы обозначить те узловые, экзистенциальные проблемы, вокруг которых постоянно, на протяжении всего столетия, возникали трудные размышления о физической и духовной свободе личности. Речь идет, безусловно, не о сюжетном репертуаре искусства, хотя, скажем, привязанность русских мастеров к портретному жанру была в этом отношении сама по себе очень показательной. Предметом изображения становились библейские и евангельские сцены, драмы отечественной и мировой истории, солнечные пейзажи «Италии золотой», герои античных мифов и так далее – словом, номинальный художественный «космос» отечественных мастеров, особенно первой половины XIX в., был и многомерен, и многолик.

Да и сама «русская» тема в отечественном искусстве могла одновременно выражать себя и в виде своего рода научно-рационалистических формул национального самосознания общества (так называемый «русский стиль»), и сквозь поэтические размышления о смысле народного бытия, о жертвенном поступке как историческом деянии. Вглядываясь в Россию, русская художественная культура XIX столетия ощущала то как нелегкую ношу, то как дарованную свыше благодать, то как естественную норму существования способность воодушевляться и православной верой, и ригоризмом радикальных освободительных идей, и сказочным миром утопий.

Подводя итоги художественным достижениям России XIX в., Стасов на первое место поставил музыку. Игорь Грабарь, имея в виду, правда, всю многовековую историю русского искусства, утверждал, что Россия – «это по преимуществу страна зодчих». Александр Бенуа в «Истории русской живописи в XIX веке» сетовал на то, что русское общество оказалось менее всего способным стимулировать развитие именно пластических искусств (что, кстати сказать, не мешало ему очень высоко ставить некоторых мастеров кисти). Каждый из этих авторов имел, естественно, свои симпатии и пристрастия. У каждого из них были собственные критерии художественных оценок. Разобраться в таком разнообразии суждений – это уже следующая задача.

Примечания

1. Протоиерей *Георгий Флоровский*. Пути русского богословия [Текст] / Георгий Флоровский. Киев, 1991 (репринт). С. 500.

2. *Егоров, Б. Ф.* Очерки по истории русской культуры XIX века [Текст] / Б. Ф. Егоров // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 1996. С. 18.

3. *Лотман, Ю. М.* О русской литературе классического периода [Текст] / Ю. М. Лотман // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 1996. С. 429. Экстраполяция цитированного наблюдения ученого на другие сферы русской художественной культуры XIX в. требует, разумеется, специальной аргументации, но пока меня интересует лишь сама постановка вопроса.

4. *Кондаков, И. В.* Архитектоника русской культуры [Текст]: дис. в виде науч. докл. ... д-ра филос. наук / И. В. Кондаков. М., 1998. С. 4.

5. *Андреевич (Соловьев Е. А.)* Опыт философии русской литературы [Текст] / Андреевич. СПб., 1905. С. 4–5.

6. *Белинский, В. Г.* Полн. собр. соч. [Текст] / В. Г. Белинский. Т. 1. М., 1953. С. 67.

7. Переписка Н. В. Гоголя [Текст]: в 2 т. Т. 1. М., 1983. С. 137–138. Автор первого из упомянутых романов – Ф. В. Булгарин, второго – А. А. Орлов. Совершенно определенная репутация обоих писателей, поставщиков нравоучительно-развлекательных литературных поделок, усиливала иронический смысл этого гоголевского пассажа.

8. *Топоров, В. Н.* К вопросу о циклах в истории русской литературы [Текст] / В. Н. Топоров // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв. Таллин, 1985. С. 4–5.

9. *Федотов, Г. П.* Певец империи и свободы [Текст] / Г. П. Федотов // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 2. СПб., 1992. С. 141–142.

А. Н. Зорина

ЭТИКА САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА В ДУХОВНЫХ ИСКАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Статья посвящена этике самосовершенствования в философской мысли русского религиозного мыслителя В. С. Соловьева. Философ следует традиции, которая подразумевает под самосовершенствованием совершенствование духа. Отмечаются условия самосовершенствования, специфические черты данной концепции.

Властная потребность духовного становления, прорастания, укоренения в жизни, воспринимаемая человеком как прорыв к своей второй, подлинной природе, является процессом самосовершенствования. Самосовершенствование не может быть направлено извне, оно представляет собой

волевой порыв, захватывающий всего человека, всю его жизненную целостность.

Проблема самосовершенствования в философско-этической мысли обостряется в переломные моменты исторического развития.

Тема духовного становления человека, ответственность его за судьбу России получила разнообразное социально-политическое, философско-нравственное, религиозное и художественное выражение во второй половине XIX в. В русской художественной культуре этого периода можно назвать целую плеяду мыслителей, в творчестве которых образ России и судьба человека являются ведущими. Это Ф. М. Достоевский и А. Н. Толстой, М. П. Мусоргский и П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков и А. П. Бородин, В. И. Суриков и В. М. Васнецов.

В философской мысли две ключевые темы – образ России и судьба человека – воплотились в «русской идее».

В систематической форме русскую идею как своеобразную культурологическую концепцию изложил В. С. Соловьев (1853–1900) в докладе, прочитанном в 1888 г. в Париже. Русская идея, народно-религиозная по своей сути, должна, по Соловьеву, быть подчинена исходному принципу: «не бегать от мира, а идти в мир, чтобы преобразовать его». Соловьев предложил объединить три разновидности христианства: католичество, православие и протестантизм, – исходя из того, что все человечество представляет собой единый социальный организм. Следовательно, «органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенной жизни, – вот ее истинная национальная идея, предвечно установленная в плане Бога» [1].

Чтобы познать «истинную русскую идею», надо уяснить, полагал Соловьев, что должна сделать Россия во имя христианского начала и во благо христианского мира.

В 1889 г. он публикует в Париже на французском языке книгу «Россия и вселенская Церковь». В ней Соловьев положительно оценивает роль римско-католической церкви, которая создала всемирную надгосударственную организацию. Соловьев исходит из незримого мистического единства римско-католической и православной церквей и разрабатывает теократическую утопию (общество, которое бы управлялось не государством, а церковью). Согласно Соловьеву, соединение власти Римского папы с властью русского Царя явилось бы основой для осуществления на земле Царства Божьего. Эти идеи об управлении общества не государством, а церковью как духовной и нравственной силой присутствуют и в романах Достоевского.

В деле становления теократического государства Соловьев большое место отводит проблеме

ЗОРИНА Людмила Николаевна – кандидат культурологии, доцент по кафедре культурологии и рекламы ВятГУ
© Зорина А. Н., 2007

совершенствования человека. Он освещает ее в таких работах, как «Оправдание добра», «Смысл любви», «Красота в природе» и других. Отправной точкой в решении нелегкой этической задачи становится ответ на вопрос: для чего, во имя чего совершенствоваться, в чем смысл жизни?

В «Оправдании добра» Вл. Соловьев анализирует различные теории смысла жизни. Он против теорий, которые отрицают всякий жизненный смысл. Философ размышляет о самоубийцах («серьезных» отрицателей смысла жизни) на примере литературных и исторических персонажей: Ромео, Вертера, Клеопатры. Соловьев приходит к выводу, что их отрицание смысла жизни вытекает из крайне узкого представления о нем самом. Смысл жизни они связывали с осуществлением личных интересов или политических идей. Тем не менее сами факты самоубийств как отражение краха воображаемого идеала свидетельствуют о том, что и для самоубийцы жизнь имела определенный смысл.

Соловьев против взглядов Ф. Ницше. Смысл жизни немецкий философ видит в эстетической стороне: право на существование имеет лишь то, что сильно, красиво, величественно. Соловьев опровергает положение Ф. Ницше на примере Александра Македонского – хрестоматийного образца силы, могущества и красоты. Покорив многие земли, собрав несметные сокровища, став царем земным, он в итоге, как и все смертные, умирает, Соловьев саркастично вопрошает: «Разве сила, бессильная перед смертью, есть в самом деле сила? Разве разлагающийся труп есть красота?» Для философа-поэта только та сила и красота божественны и, значит, истинны, что неразрывно связаны с добром.

Всякое ли добро может быть смыслом жизни? Соловьев считает, что добро, не носящее характер всеобщности, не может быть символом человеческого существования. Философ выступает против теорий, которые, признавая, что смысл жизни в добре, рассматривают его как нечто данное раз и навсегда и осуществленное в непрерывных формах (семья, государство, историческая церковь). Все эти формы есть только исторические институты, постоянно развивающиеся и не носящие характера всеобщности. Соловьев не соглашается и с другой точкой зрения, где добро существует только в субъективных состояниях человека, в его личном добром отношении к людям. Взгляды эти также ошибочны, ибо добро здесь условно и преходяще. Итак, смысл жизни заключается в добре.

Для философа добро не может быть нравственно делимо. Если есть добро, то у него должно быть внутренние, собственные признаки и определения, не зависящие ни от чего. Сознательно и разумно делать добро человек может только тог-

да, когда он верит в добро, в его объективное, самостоятельное значение в мире. Другими словами, поясняет Соловьев, необходимо верить в нравственный порядок, в Провидение, в Бога.

Первым внутренним признаком добра как такового является его чистота, или автономия. Без чистоты добра, без возможности во всяком практическом вопросе различить добро от зла, жизнь была бы вовсе лишена нравственного характера и достоинства; без полноты добра, без возможности связать с ним все действительные отношения, во всех оправдать добро и всё добром исправить жизнь была бы одностороннею и скудною, наконец, без смысла добра, без возможности его окончательного торжества над всем, до «последнего врага» – смерти – включительно жизнь была бы бесплодна.

Внутренними свойствами добра определяется жизненная задача человека. Её нравственный смысл состоит в служении Добру чистому, всестороннему и всеильному. Такое служение, чтобы быть достойным своего предмета и самого человека, должно стать добровольным, а для этого ему нужно пройти через человеческое сознание. Чистое добро требует, чтобы его избирали только ради него самого. Человек в принципе или по назначению своему есть безусловная внутренняя форма для добра как безусловного содержания. Все остальное условно и относительно.

Идея добра присуща человеческой природе. Нравственный закон «написан» в человеческом сердце. Естественная нравственность, по мнению Соловьева, сводится к трем свойствам человеческой природы: чувству стыда, чувству жалости, чувству благоговения.

Настоящей основой добра является совесть как инобытие стыда. Совершив дурной поступок, мы не только жалеем о нём, мы стыдимся его. Соловьев считает, что его начало – в половом стыде, так как человек – единственное среди всего живого существо, которое стыдится половой любви, несмотря на то, что она составляет самую сущность природной жизни. В этом смысле человек – явление сверхживотное. В духе своем он противится темным влечениям природы, направляемым на воспроизводство поколений, поочередно вытесняя друг друга. Противится закону вечной смерти, замкнутого круга и таким образом стремится разорвать его и обрести в самом себе всю полноту вечной жизни, восстановить целостность своего существа и своей жизни при помощи истинной целомудренной любви. Вот эта целостность, потенциально заложенная в природе человека, и является, по учению Соловьева, единым существом нравственности. Итак, чувство стыда, в котором коренится наше должное отношение к материальной природе, есть нечто большее, чем простое психологическое яв-

ление. В нём открывается самоочевидная истина: человек есть духовное, сверхматериальное существо.

Второе нравственное данное человеческой природы – жалость. Естественный корень нашего нравственного отношения к другим заключается в жалости или сострадании. Тот, кто исполнен чувством жалости, конечно, никого не обидит, никому не причинит страдания. Истинная сущность жалости – в признании за другими собственного значения. Это чувство внутренне уравнивает нас с другими. Это форма справедливости, которая требует отношения к другим такого, как могли бы без противоречия желать, чтобы другие относились к нам, независимо от того или другого чувства. Таким образом, жалость *есть* правда и справедливость. Способность к жалости приводит к нравственной солидарности с другими, окончательно – со всеми живыми существами.

Наряду с двумя основами нравственности – стыдом и жалостью, в концепции Соловьева выступает и третья основа – чувство благоговения. Это нравственное отношение человека не к низшей стороне его собственной природы, а также не к миру подобных ему существ, а к чему-то особому, что признается им как высшее, чего он ни стыдиться, ни жалеть не может, а перед чем он может преклоняться. Основное религиозное отношение проявляется в чувстве благоговейной любви, в котором заключается стремление к действительной перемене себя и своей действительности (сущности) в смысле приближения к высшему совершенству: не только желай совершенства, а будь совершенен. Подлинным предметом для благоговения и почитания для человека не может быть существо, находящееся в одинаковом с ним состоянии, с теми же потребностями и способностями. Благоговение – это бесконечное совершенство, превращающееся в чистую, всеобъемлющую и безграничную любовь к Богу. Следовательно, благоговение требует признать, что силы для исполнения добра даются от Бога.

Итак, чувство стыда охраняет наше высшее достоинство по отношению к захватам животных влечений, и его дело – воздержание или пост; чувство жалости внутренне уравнивает нас с другими, и его дело есть милостыня; а в чувстве благоговения сказывается наше признание высшего Добра, и его дело есть молитва.

Исходя из первичных основ нравственности, Соловьев выводит три основных нравственных принципа: аскетизм, альтруизм, религиозность.

Преобладание духа над плотью необходимо для сохранения нравственного достоинства человека. Принцип истинного аскетизма есть принцип духовного самосохранения. Но внутренне самосохранение отдельного человека, существа

хотя и духовного, но в отдельности своей ограниченного, не может быть безусловным добром, или высшей и окончательной целью жизни. Рабство человека плотским влечениям, превращающее его в худший вид животного, есть, без сомнения, зло. Неспособность к сопротивлению животным инстинктам есть бессилие духа. Значит, способность к такому сопротивлению, или к воздержанию, есть добро. Аскетизм есть несомненный элемент добра. Правила аскетической нравственности в области телесной жизни: власть над дыханием и сном, ограничение в питании. Истинный аскетизм, т. е. духовное обладание плотью, ведущее к воскресению жизни, имеет два пути: монашество и брак.

Как из чувства стыда вытекает аскетизм, так из жалости вытекает правило альтруизма. Альтруизм имеет свой глубокий корень в нашей природе, именно в виде чувства жалости, общего человеку с другими живыми существами. Два правила альтруизма: не делай другому ничего такого, чего себе не хочешь от других; делай другому всё то, чего сам хотел бы от других. Первое, отрицательное, правило называется, в частности, правилом справедливости, второе – милосердия.

Родительская любовь также есть проявление альтруистических отношений. Все проявления жалости и вытекающего из нее альтруизма существенно обусловлены равенством, а неравенство является в них лишь случайным и переходящим моментом. Особым проявлением альтруизма Соловьев считает щедрость.

Третьей областью нравственных отношений является религиозное чувство, которое дает о себе знать как высшее или современное добро, безусловно и всецело осуществленное. Религиозное отношение непременно включает в себе различие и сравнение. Мы можем религиозно относиться к высшему, только сознавая его в этом качестве – как высшее – или сознавая его превосходство над собою, следовательно, свое недостоинство. А так как мы имеем идею о совершенстве, то наше сознание вызывает отрицание о преобразовании нашей действительности по высшему идеалу, т. е. по образу и подобию Божью. Полное религиозное отношение складывается из трех нравственных категорий: несовершенства (в нас); совершенства (в Боге); совершенствования (или согласования первого со вторым) как нашей жизненной задачи. Сознательно и разумно делать добро человек может только тогда, когда он верит в добро, т. е. в нравственный порядок, в Провидение, в Бога. Эта вера составляет то, что называется, естественно, религией. Не иметь этой веры – значит не верить в смысл собственной жизни, значит отказаться от достоинства разумного существа.

Соловьев показывает три вида совершенства: безусловно существующее (чистая осуществленность) – в Боге; потенциальное – в душе; действительное – становящееся во всемирно историческом процессе.

Основным условием самосовершенствования человека выступают свобода и любовь. Нравственный принцип требует, чтобы люди свободно совершенствовались. Положительная характеристика свободы задается направленностью: для чего, во имя чего ты хочешь быть свободным? Во имя человека, во имя гуманизма, во имя свободы и счастья человеческого. Свободная, гармонично развитая личность выступает в концепции Соловьева жизненно необходимой ценностью. Чем неповторимее, индивидуальнее каждая из частей целого, тем полнее целое (семья, общество, государство).

Нравственный интерес требует личной свободы как условия для утверждения человеческого достоинства, но человек не может существовать иначе как в обществе. Поэтому нравственный интерес также требует, чтобы проявления личной свободы сообразовались с реальными условиями существования общества, прежде всего с безопасностью всех его членов. Церковь является, по Соловьеву, высшей формой организации человечества. Ибо человек должен быть нравственным свободно, для этого нужно, чтобы ему была предоставлена и некоторая свобода быть безнравственным. Пусть только человек будет внутренне свободен от привязанности к внешним и случайным предметам, и он будет неизменно удовлетворен и благополучен. Не подчиняясь ничему постороннему, всецело обладая самим собою, он обладает всем, и даже больше, чем всем. Настоящую свободу человек должен сам заслужить внутренним подвигом.

Совершенство Добра окончательно определяется как нераздельная организация триединой любви. Влюбленный всецело отождествляет себя с предметом своей любви, принимая его радость и горе как свои. В любви человек преодолевает свой эгоизм. Свобода человека, воля индивидуального человека не противостоит другому, а открыта для другого.

Истина как живая сила, овладевающая внутренним существом человека и действительно выводящая его из ложного самоутверждения, называется любовью. Любовь как действительное упразднение эгоизма есть оправдание и спасение индивидуальности. Любовь заставляет нас не в отвлеченном сознании, а во внутреннем чувстве и жизненной воле признать для себя безусловное значение другого. Задача любви состоит в том, чтобы оправдать на деле тот смысл любви, который сначала дан только в чувстве. Требуется такое сочетание двух данных ограниченных

сущностей, которое создало бы из них одну абсолютную идеальную личность. Это задача нашей духовной природы, особенность которой состоит именно в том, что человек может, оставаясь самим собой, в своей собственной форме вместить абсолютное содержание, стать абсолютной личностью. Но истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих. Присущая любви идеализация показывает нам сквозь эмпирическую видимость далекий идеальный образ любимого предмета затем, чтобы мы им не только любовались, а чтобы мы силой истинной веры, действующего воображения и реального творчества преобразовали по этому истинному образцу несоответствующую ему действительность, воплотили его в реальном явлении. Не к какой-нибудь отдельной части человеческого существа, а к истинному единству двух основных сторон его, мужской и женской, относится первоначально таинственный образ Божий, по которому создан человек. Как Бог относится к своему творению, как Христос относится к своей Церкви, так муж должен относиться к жене. Отношение же между мужем и женой есть отношение двух различно действующих, но одинаково несовершенных потенций, достигающих совершенства только процессом взаимодействия. Дело истинной любви прежде всего основывается на вере. Внутренний аспект веры есть молитва.

Таким образом, дело любви состоит в воссоединении людей, а через них и всего тварного. Любовь должна осуществлять тройное воссоединение. Во-первых, она должна восстановить индивидуального человека, в истине скрепляя его союз с его естественным дополнением, женщиной. Во-вторых, она должна восстановить общественного человека, присоединяя его к обществу в прочном и надежном единении. В-третьих, она должна восстановить универсального человека, его внутреннее живое единство со всей природой мира, этим органическим телом человека.

Любовь персонифицируется у Вл. Соловьева в образе Софии. София для В. С. Соловьева есть личность, «живое духовное существо». По отношению к Богу София есть Его «другое». В этом смысле София рассматривается Соловьевым как «вечная Женственность». Во многих работах философ-поэт не применяет слова София, а использует термин «вечная Женственность». В данном случае Соловьев обращается к евангельской традиции, когда София предстает «женой, облеченной в солнце» (Апокалипсис, 12,1), т. е. небесной (вечной). В работе «Смысл любви» Владимир Сергеевич подробно останавливается на сущности Софии. Она, во-первых, есть универсальная субстанция Бога, едина с ним, во-вторых, как Его

«другое», есть конкретная субстанция, отличная от него. «Бог как единый, различая от себя свое другое, т. е. все, что Он Сам соединяет с Собою это все, представляя Себе его вместе и зараз, в абсолютно-совершенной форме, следовательно, как единое. Это *другое* единство, различное, хотя и неотделимое от первоначального единства Божия, есть относительно Бога единство пассивное, женское, так как здесь вечная пустота (чистая потенция) воспринимает полноту божественной жизни» [2] [Курсив В. С. – А. З.].

«Вечная женственность... не есть только бездейственный образ в уме Божиим, а живое духовное существо, обладающее всею полнотою сил и действий» [3]. София – не просто живое духовное существо, т. е. личность, она есть божественная, идеальная личность. В этом смысле можно выразиться о ней, что она «богиня». Пример такого словоупотребления встречается у Вл. Соловьева в цикле его софийных стихотворений. Знайте же: вечная женственность ныне // В теле нетленном на землю идет. // В свете немеркнувшей новой богини // Небо слилось с пучиною вод («Das Ewig – Weibliche»).

Трудно предположить, чтобы выражение «богиня» в применении к Софии у Вл. Соловьева было здесь обмолвкой, а не точным выражением его мысли.

Философ-поэт видит в ней наряду с божественной ипостасью и «таинственную подругу», наделенную человеческими чертами. Лишь забудешься днем иль проснешься в полночи, // Кто-то здесь... Мы вдвоем, – // Прямо в душу глядят лучезарные очи // Темной ночью и днем. («Лишь забудешься днем иль проснешься в полночи»).

Образ вечной Женственности проходит через все творчество Вл. Соловьева вместе с образом земной женщины. Но если земная женщина для него «бедный друг» или, в лучшем случае, «милый друг», то вечная Женственность – «царица», «богиня», «ненаглядная», «таинственная подруга». Преклонение перед Софией обусловлено тем, что Соловьев считает ее единственным существом, достойным истинной любви.

В неоконченной рукописи «Sophie» Соловьев различает три степени любви: натуральную, которая в своем происхождении есть любовь половая; интеллектуальную, которой мы любим предметы, недоступные непосредственно нашим чувствам; абсолютную, которая есть синтез двух предыдущих. Предметом любви является София, существо индивидуальное, доступное чувствам, но представляющее всеобщее начало.

В работе «Смысл любви» Соловьев подчеркивает, что бытие лица в трансцендентной сфере не есть индивидуальное в смысле здешнего реального бытия. В истине индивидуальное лицо есть только луч одного идеального светила –

всеединой сущности. «Это идеальное лицо, или олицетворенная идея, есть только индивидуализация всеединства, которое неделимо присутствует в каждой из этих индивидуализаций» [4].

Всеединство, будучи универсальным, не может не быть индивидуальным, ибо полнота бытия заключается в просторе частного бытия. Всеединство имеет личностный аспект – Софию. Оно устанавливается и держится посредством внутренних связей, осуществляемых Софией через любовь. Для Соловьева всякое внутреннее единство, всякое изнутри идущее соединение многих есть любовь (в том широком смысле, в котором это понятие совпадает с понятием лада, гармонии, мира или мира космоса).

София – жена, облеченная в солнце, «Вечная красота» – избавит мир от страданий и смерти, приведет к торжеству положительного всеединства: ...Всё, чем красна Афродита мирская, // Радость домов, и лесов, и морей, – // Все совместит красота неземная // Чище, сильнее, и живей, и полней (Das Ewig – Weibliche).

София для философа-поэта не есть только совокупность качеств мудрости, блага, красоты, любви и т. п. София есть для Соловьева «индивидуализация всеединства», «идеальное лицо». Важнейшей характеристикой Софии является ее светоносность: Она – «луч одного идеального светила».

При характеристике Софии Соловьевым важно учитывать психологический момент. София, преломляясь в сознании Соловьева-поэта, приобретает облик земной женщины. В принципе это не противоречит теоретическим выводам Соловьева-философа, ибо, будучи божественной Софией (универсальным существом), она не может быть индивидуальным лицом.

В исследовательской литературе выделяют многогранность соловьевской Софии. А. Ф. Лосев насчитывает десять аспектов Софии: нетварность, тварность, космизм, антропологизм, «вечная женственность», интимно-романтический аспект, эстетически-творческий, эсхатологический, магический, национально-русский. В плане многогранности Софии интересна «заклинательная» молитва об откровении великой тайны, написанная Вл. Соловьевым [5].

В этом тексте София раскрывается и как Пресвятая Божественная Премудрость, сладость сверхсущего Бога (теологический аспект), и как существенный образ красоты (эстетический аспект), и как светлое тело вечности, душа миров (космогонический аспект), и как единая царица всех душ (антропологический аспект). Молитвенное обращение к Софии определяет ее магический аспект. Интересен конец молитвы, где София должна явить положительное всеединство: «Пресвятая Божественная София, <...> молю

тебя: снизойди в темницу душевную, наполни мрак наш своим сиянием, огнем любви своей расплавь оковы духа нашего, даруй нам свет и волю, образом видимым и существенным явись нам, сама воплотись в нас и в мире, *восстановляя полноту веков, да покроется глубина пределом, и да будет Бог все во всем*» [6] [Курсив мой. – Л. З.].

Мысль о Софии как положительном всеединстве четко выражена Соловьевым в работе «Идея человечества у Августа Конта». Говоря об образе Софии Премудрости Божией, изображенной на новгородской иконе, Соловьев резюмирует: «Это великое, царственное и женственное Существо, которое, не будучи ни Богом, ни вечным Сыном Божиим, ни ангелом, ни святым человеком, принимает почитание и от завершителя Ветхого завета и от родоначальницы Нового, – кто же оно, как не само истинное, чистое и полное человечество, высшая и всеобъемлющая форма и живая душа природы и вселенной, вечно соединенная и во временном процессе соединяющаяся с Божеством и соединяющая с ним все, что есть» [7].

Важным признаком добра наряду с чистотой выступает полнота или всеединство, предполагающее солидарность существ. Единение в Добре не есть только совместность и фактическое уравнивание частных стремлений и действий в общем результате, а прямое содружество лиц и групп в единой деятельности для достижения общей цели: абсолютного совершенства, которое понимается и принимается как их собственная цель. Имея своей задачей осуществление безусловных норм добра, или деятельного (практического) совершенства, нравственная организация человеческой жизни определяется как совершенствование. Чтобы органически восполнить нравственную личность, собирательное целое должно быть не менее ее реальным и в этом смысле равносильным и равноправным с нею. Оно должно быть данным ей, а не созданным ею.

Естественными группами, реально расширяющими жизнь личности, являются семья, народ, человечество. Это три пребывающие степени воплощения собирательного человека, чему в порядке историческом соответствуют ступени: кровно-родовая, народно-политическая и духовно-вселенская. Таким образом, самосовершенствование личности возможно только в соборном, собирательном человечестве. Соловьев подробно останавливается на рассмотрении основ нравственности в семье, государстве, церкви.

Основным нравственным принципом развития всех общественных структур становится принцип всеединства: самостоятельность частей в единстве целого. Соловьев против диктатуры тоталитаризма, при котором господствует принцип подчинения. Философ против и социального ре-

ализма, согласно которому общественные интересы и институты имеют решающее значение в деле нравственного воспитания. Человек не может быть средством, не может быть орудием для блага других людей или даже для всеобщего блага. Нравственной нормой социальных институтов является принцип человеческого достоинства или безусловное значение каждого лица, в силу чего социальные институты определяются как внутреннее, свободное согласие всех.

Таким образом, семья, государство, религия имеют нравственное значение не сами по себе, а в зависимости от осуществления в них безусловного права человеческой личности, при сознательном и свободном содействии души человеческой высшему Духу.

Всеединство как добро охватывает и все сферы человеческой деятельности. Важным моментом в проблеме совершенствования является то, что Соловьев не ограничивается «знанием» души человека, а раскрывает нравственное значение человека в деяниях, сотворчестве с природой, человечеством, Богом. Человек сам оценивает свое участие в мировом процессе не по отношению только к данным явлениям, действующим на него как психологическое побуждение, а по отношению также к общему принципу всякой деятельности – к идее достойного и недостойного бытия, идее добра и зла, которая сама становится определяющим основанием или мотивом человеческой деятельности. Это высшее сознание, или внутренняя самооценка, ставит человека в определенное отношение к целому мировому процессу как деятельного участника в его цели, ибо, определяя все свои действия идеей добра, человек положительно участвует в общей жизни, лишь поскольку ее цель есть добро.

Кульминационной точкой нравственности Соловьев считает то, что человек может делать добро помимо и вопреки всяких корыстных соображений, ради самой идеи добра, из одного уважения к долгу или нравственному закону.

Сформируем некоторые нравственные принципы, вытекающие из концепции всеединства: по отношению к Богу – благоговение перед Высшим; по отношению к обществу – признание его как внутреннее, свободное согласие всех; по отношению к природе – борьба с хаосом, деятельное участие за возрастание организации в мире; к людям – человечность; по всем средствам деятельности – ответственность перед высшей нравственной целью, ответственное поведение.

Основная проблема Соловьева – это реализация всеединства в действительности. Эту реализацию философ рассматривает в эстетической сфере, ибо конечной целью процесса реализации всеединства является красота («осуществлен-

ное всеединство»). Красота в системе всеединства находится в развитии. Философ выделяет три фазы ее становления: «первая красота»; «природная красота»; «абсолютная красота».

В «Философских началах цельного знания» философ-поэт подробно останавливается на раскрытии природы «первой красоты» («первоначальной красоты» или «идеи красоты»). Наряду с истиной и благом красота является «образом» проявления абсолютно-сущего в идее. При этом красота обладает наибольшей актуальностью по сравнению с двумя первыми, так как она выступает последним окончательным осуществлением абсолютно-сущего в «первой материи».

Соловьев выдвигает тезис тесной взаимосвязи добра, истины и красоты. В этом плане показательна работа Соловьева «Общий смысл искусства». Центральными понятиями философии Соловьева становятся понятия осуществления познанной истины, воплощения признанного идеала, достижения начертанного совершенства.

Проблема осуществления осознается им как фундаментальная философская проблема, как воплощение высших нравственных ценностей: истины, добра и красоты. Для своей настоящей реализации добро и истина должны стать творческой силой в субъекте, преобразующей, а не отражающей только действительность. Но прежде чем творить в красоте или претворять неидеальную действительность в идеальную, нужно знать различия между ними – знать прежде всего в непосредственном чувстве, присущем художнику. Напомним, что красота есть только воплощение в чувственных формах того самого идеального содержания, которое до такого воплощения называется добром и истиною.

Таким образом, задача художника – воплощать в осязательных образах тот самый высший смысл жизни, которому философия дает определение в разумных понятиях, который проповедуется моралистом и осуществляется историческим деятелем как идея добра, чтобы образно изображать должное, достойное как абсолютную ценность. *«Всякое осязательное изображение какого бы то ни было предмета и явления с точки зрения его окончательного состояния, или в свете будущего мира, есть художественное произведение»* [8] [Курсив В. С. – А. З.].

Искусство – не для искусства, а для осуществления той полноты жизни, которая необходимо включает в себя и особый элемент искусства – красоту, но включает не как что-нибудь отдельное и самодавяющее, а в существенной и внутренней связи со всем остальным содержани-

ем жизни. Теория осуществления в действительности есть не что иное, как идеалистическая теория практики. Сам процесс осуществления мыслится Соловьевым в качестве предмета эстетического знания. Для познания истины, рассуждает он, достаточен теоретический разум, но задача исполнения истины, вовлечения ее в действительный процесс жизни превышает потенциальные возможности теории, ибо осуществленная истина уже означает воплощение всеобщего смысла мира, каковым является всеединство в самой жизни, и предполагает задачу пересоздания и совершенной организации действительности.

Осуществление всеединства, внутреннее упорядочение сущего, повышение уровня мировой целостности предполагает прежде всего глубочайшее и теснейшее взаимодействие между внутренним (или духовным) и внешним (или вещественным) бытием. Процесс реализации всеединства есть динамический процесс, то есть предмет эстетики. Это красота, или осуществленное всеединство. Это есть основное эстетическое требование. Совершенное воплощение этой духовной полноты в нашей действительности, осуществление в ней абсолютной красоты или создание вселенского духовного организма есть высшая задача искусства.

Достижение этих целей связано с всесторонним совершенствованием личности начала и более высоким и сложным развитием социальной жизни. Искусство превращается во вдохновенное пророчество, а в самой действительности набирают силу процессы одухотворения материи, которые завершаются созданием «вселенского духовного организма» как абсолютного состояния мирового целого. Этот уровень художественного развития, по убеждению философа, находится в отдаленной исторической перспективе.

Примечания

1. Цит. по: Основы теории и истории культуры [Текст] / под ред. И. Ф. Кефели. СПб., 1996. С. 489.
2. Соловьев, В. С. Смысл любви [Текст] / В. С. Соловьев // Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 144–145.
3. Соловьев, В. С. Соч. [Текст]: в 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 534.
4. Там же. С. 533.
5. См.: Лосев, А. Ф. Страсть к диалектике: литературные размышления философа [Текст] / А. Ф. Лосев. М., 1990. С. 232.
6. Там же.
7. Соловьев, В. С. Соч. [Текст]: в 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 577.
8. Соловьев, В. С. Общий смысл искусства [Текст] / В. С. Соловьев // Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 83.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

И. Ю. Козлихин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК ИНСТИТУТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается специфика политических партий как неотъемлемого института демократического общества, принципы их классификации, а также различные виды партийных систем.

Людам свойственно объединяться для защиты общих интересов и бороться за их удовлетворение. Так было всегда и всегда будет. В этом смысле партии (от латинского *partis* – часть) сопровождают человечество на протяжении всей истории и со времен Древней Греции и Рима являлись участниками политической борьбы. Вместе с тем политические партии как постоянные элементы политического процесса и «законные» элементы политической системы сложились лишь в XIX в., причем первоначально отношение к ним было отрицательным или, по меньшей мере, подозрительным. Ж.-Ж. Руссо был убежден в разрушительной силе партий, ибо партия представляет интересы лишь части народа, и, если она участвует в законотворчестве, происходит извращение существа закона, в котором должна выражаться общая, а не частная партийная воля [1]. Отрицательно относились к партиям и основатели США. Так, Дж. Мэдисон писал об опасности «крамольных сообществ», под которыми он разумел «некое число граждан – независимо от того, составляют ли они большую или меньшую часть целого, – которые объединены и охвачены общим увлечением или интересом, противным правам других граждан или постоянным и совокупным интересам всего общества» [2]. Появление таких сообществ непосредственно связано с природой человека, а их питательной средой является свобода. Но это отнюдь не означает, что свободу следует уничтожить. Это то же самое, как желать уничтожения воздуха потому, что он раздувает пламя. Однако можно умерить воздействие на общество крамольных сообществ. Прежде всего, следует исходить из того факта, что цивилизованные общества распадаются на раз-

личные классы: земледельцев, промышленников, торговцев, банкиров и т. д. Ими движут различные чувства и взгляды. «Урегулирование этих многообразных и противостоящих интересов и составляет главную задачу современного законодательства» [3]. Однако это законодательство пронизано партийным и групповым духом. Бороться с этим очень сложно. В лучшем случае можно умерить воздействие этого духа. И конституция США, по его мнению, как раз и была направлена на достижение этой цели.

А. де Токвиль, автор знаменитого исследования «О демократии в Америке», вышедшего в свет в 30-е гг. XIX в., писал: «Партии – это зло, свойственное демократическому правлению... Великие партии потрясают общество, малые его будоражат; первые раздирают его на части, вторые его развращают; великие партии его спасают, а малые без видимой пользы сеют смуту... Крупные партии отсутствуют в Соединенных Штатах, зато там в изобилии малые партии, и общественное мнение раскалывается на бесконечное количество группировок, объединяющихся вокруг вопросов, касающихся мелочей» [4]. Короче говоря, изменение отношения к партиям происходило очень медленно и одновременно со становлением в Европе и США современной демократии.

Дело в том, что в течение очень долгого времени демократия как власть народа ассоциировалась с небольшими обществами, образцом которых были древнегреческие полисы, например Афины. Еще в XVIII в. французский просветитель Ш. Монтескье обязательным условием демократического государства полагал его маленькую территорию [5]. Основатели США вообще считали себя противниками демократии, ибо понимали под ней прямую демократию, всевластие народа. Современная же демократия это прежде всего представительная демократия, т. е. такая политическая система, в которой создаются условия для представительства и удовлетворения разнообразных интересов, существующих в обществе. Здесь следует сделать одну важную оговорку. Под видом демократии могут выступать и тоталитарные политические режимы, например советского образца. Принципиальное отличие тоталитаризма (тоталитарной демократии) от собственно демократии заключается в том, что правящая группировка присваивает себе право выступать от имени всего народа и олицетворять

КОЗЛИХИН Игорь Юрьевич – доктор юридических наук, профессор по кафедре истории и теории государств и права Санкт-Петербургского государственного университета
© Козлихин И. Ю., 2007

его волю и интересы, навязывает свое понимание «правильной» жизни. В этом случае демократические процедуры носят чисто формальный характер, а существующая в этой системе политическая партия сливается с государством и выполняет как партийные, так и государственные функции. Тоталитаризм исходит из утопического представления о единстве или, по меньшей мере, непротиворечивости имеющихся в обществе интересов. Вообще, тоталитаризм склонен к упрощенным схемам социальной жизни. Демократия же основывается на признании разнообразия существующих в обществе интересов, которые в равной степени достойны уважения, поэтому она предлагает механизм согласования, признания и защиты интересов граждан и соответственно их объединений. Поддержание устойчивого политического демократического процесса требует юридической фиксации основных политических прав. Собственно, политические права как права на участие в политической жизни важны не сами по себе, по крайней мере, для большинства людей, а как средство реализации тех или иных интересов политическими средствами или в сфере политики. Их смысл состоит в том, чтобы предоставить всем равную возможность формулировать, выражать и отстаивать свои интересы.

Прежде всего, для формулирования и выражения интересов нужна свобода слова. Довольно условно свободу слова можно разделить на свободу предлагать что-либо и свободу выражать свое мнение по каким-то проблемам. Каждый гражданин в идеале должен иметь возможность указать обществу на важные, по его мнению, проблемы и пути их решения.

Вместе с тем неограниченная свобода предлагать может создать непреодолимые трудности. Количество предлагаемых вариантов может превысить объективную человеческую способность к восприятию. Поэтому во всех демократических государствах существуют соответствующие ограничения в отношении обязательных для рассмотрения предложений. Если свобода предлагать должна иметь какие-то рамки, то свобода выражать мнение ограничивается, по сути, лишь числом желающих его выслушать. Не может подлежать ограничениям ни при каких условиях свобода выражения критического мнения. Это право принципиально важно для существования политической оппозиции.

Свобода оппонирования абсолютно необходима, если рассматривать демократию как процесс конкуренции и борьбы между различными интересами и волями. Поэтому право оппозиции на критику принимаемых решений, на критику проводимого правительством политического курса, даже если он выражает интересы подавляю-

щего большинства, – условие, по сути, всех остальных политических прав и свобод. Свобода слова имеет и более широкие социальные последствия. Совместимо ли ограничение на свободу слова с демократией? Если речь идет о борьбе идей, предложений, проектов, то нет. Но если слово используется для подстрекательства к совершению насилия какого-либо рода, то – несомненно, ибо демократический политический процесс немислим, если кто-то из его участников готов применить насилие.

Из свободы слова логично вытекает и свобода на получение информации, не важно, из какого источника: правительственного, оппозиционного, независимого. Сознательное участие в политике невозможно без хотя бы относительно полной информации о фактах и о разнообразии их оценок. Это важно потому, что ошибки, сделанные одним источником информации, могут корректироваться другим. Декларирования права на свободу слова, печати, информации недостаточно, должны существовать объективные условия для этого. Во-первых, сбор и распространение информации – дело дорогостоящее и требующее профессионализма, поэтому существуют объективные финансовые и профессиональные ограничения. Во-вторых, деликатность проблемы состоит в том, что, с одной стороны, правительство стремится избежать критики, с другой – должно поддерживать свободу оппозиции, ибо в демократических странах оппозиция существует на основе закона, легально и защищается силой государства.

Свобода слова и печати отнюдь не означает, что голос каждого будет услышан, как и то, что средства массовой информации множатся бесконечно. Оптимальное число источников массовой информации связано со структурой демократического общества, с существованием не зависящих от прямого государственного давления организованных групп: профессиональных, политических, этнических, культурных, религиозных и так далее, обладающих собственными источниками информации или, по крайней мере, свободным доступом к ним. Отсюда вытекает право на ассоциации, т. е. право граждан объединяться в устойчивые группы для защиты тех или иных своих интересов.

Собственно, обычному человеку (обычному в том смысле, что он не расположен тратить время и силы на политическую игру, и нет нужды в том, чтобы его услышали именно его голос) важно, чтобы его интерес был учтен при принятии решений. Поэтому право и реальная возможность на образование и присоединение к различным политическим организованным группам – обязательное условие существования демократии и нормального функционирования политического

процесса. Заинтересованные группы и политические партии конкурируют между собой там, где их интересы пересекаются, что не исключает, а предполагает заключение компромиссов, союзов, сделок. В большей степени, конечно, конкуренция присуща партиям, поскольку партии отличаются от групп давления тем, что они нацелены на овладение органами государственной власти, даже если они никогда ими не владели и имеют очень мало перспектив на это. Но сталкиваться могут и заинтересованные группы, если удовлетворение интересов одной негативно сказывается на интересах другой.

Итак, право на свободу слова, выражение мнений, информацию должно дополняться правом на создание организаций (ассоциаций), что предполагает конкуренцию в обществе. Если успех заинтересованной группы заключается в проведении через тот или иной орган государства решения, отвечающего ее интересам, и оценивается ею самой, то успех партии оценивается гражданами, голосующими за нее. Здесь свобода слова преобразуется в свободу агитации и пропаганды: партии вербуют сторонников. Идеален вариант, когда конкурирующие партии имеют равные шансы для ведения агитации; в реальной жизни это, конечно, не так. Поэтому необходимо «искусственное» правовое, юридическое выравнивание возможностей партии для проведения агитации и пропаганды. Итоги же борьбы партий подводятся на выборах, судьями их успеха и неуспеха являются граждане, обладающие правом голоса. Поэтому право голоса и свободные выборы – обязательное условие демократии.

Политический процесс происходит в любой политической системе. Но если в системах недемократических ведущим принципом политического процесса остается принуждение (как угроза или реальность) и доминируют отношения господства и подчинения, то в системах демократических, где государственное принуждение возможно и применяется по отношению к нарушителям общепринятых норм, оно таковым не является. Демократия построена на принципах конкуренции и сотрудничества, конфликта и консенсуса – борьбы за реализацию определенных интересов и согласия по поводу путей и средств их достижения, т. е. по поводу основных принципов и процедур принятия решений.

Американский политолог Р. Даль предлагает использовать следующие критерии для оценки демократического политического процесса.

Во-первых, это эффективность политического участия. На стадии определения повестки дня (вопросов, требующих решения) граждане должны иметь необходимые и равные возможности для выражения своих мнений по поводу как постановки вопросов, так и путей их решения и харак-

тера окончательного решения. В противном случае нарушается требование равного рассмотрения и учета интересов, существующих в обществе.

Во-вторых, это принцип равной подачи голосов: на стадии окончательного решения каждому гражданину должны быть обеспечены равная возможность подачи голоса и гарантия, что его голос будет рассматриваться как равный по отношению к голосу любого гражданина. Это требование проистекает из принципа «внутреннего» равенства граждан и презумпции личной автономности.

В-третьих, поскольку демократия предполагает не просто выбор, но выбор сознательный, каждый гражданин должен иметь равную и достаточную возможность для определения своего выбора по решаемой проблеме в рамках отведенного времени с точки зрения лучшего обеспечения своих интересов. Демократия не означает, что все решения будут наиболее разумны, справедливы и целесообразны. Она означает лишь то, что предоставляет каждому возможность позаботиться самому о своих интересах.

В-четвертых, при демократическом процессе не может существовать вопросов, закрытых для обсуждения. Р. Даль в подтверждение этого тезиса вспоминает давнюю историю. Когда Филипп Македонский разбил афинян, он не закрыл афинское народное собрание, но запретил обсуждать вопросы международной и военной политики. Афиняне могли собираться 40 раз в году, как и прежде, и говорить о чем угодно, кроме наиболее важных для них в тот период вопросов. В общем, этот способ широко использовался, вероятно, и до, и особенно после Филиппа. Наложение табу на обсуждение тех или иных проблем – это принцип тоталитарных режимов, стремящихся сохранить видимость демократических атрибутов. Эти принципы не означают, что все вопросы должны решаться непосредственно народом, как полагал, например, Руссо. Решение многих вопросов народ делегирует своим представителям.

Современная демократия отличается тем, что она является формой жизни сложного неоднородного общества, что предопределяет неизбежность конфликтов. Исключить их из жизни демократического общества невозможно, вернее, возможно, но тогда это общество уже не будет демократическим. Поэтому демократию следует рассматривать с точки зрения неизбежности конфликтов в обществе и как наиболее целесообразную и справедливую форму их разрешения. Конфликты в обществе менее опасны для выживания общества, чем попытки их подавить. В демократии, в отличие, например, от тоталитаризма, ни одна группа не может полностью получить все, что она желает. Ведь чем шире включенность

в политику, тем больше конфликтующих интересов необходимо учитывать при принятии решений. Понятие общего блага начинает приобретать все более отвлеченный характер или же охватывать в общем узкий перечень проблем, касающихся выживания общества как такового.

Поэтому демократия требует обязательного создания ряда политико-правовых институтов: 1. Право принятия общегосударственных решений должно быть конституционно закреплено за избираемыми органами. 2. Свободные и справедливые выборы. 3. Всеобщее избирательное право: все взрослое население должно иметь юридическое право на участие в выборах. 4. Право быть избранным на любой государственный пост, хотя возрастной ценз при этом может (и должен) быть выше, чем дающий право на участие в выборах. 5. Свобода слова: граждане должны иметь право на выражение любых мнений без угрозы наказания по политическим мотивам, включая критику правительства, конкретных должностных лиц, режима, социально-экономического порядка, господствующей идеологии. 6. Право на альтернативную информацию, заключающуюся в праве искать альтернативные источники информации, существование которых защищается законом. 7. Автономность ассоциаций (организаций) граждан. Для реализации перечисленных и других политических и гражданских прав граждане имеют право формировать автономные (от государства) организации, включая заинтересованные группы и политические партии. Эти права не просто провозглашаются и словесно гарантируются, они должны реализовываться в реальной политической практике [6].

Иногда заинтересованные группы отождествляются с политическими партиями. Они действительно тесно связаны между собой, однако различаются и по целям, и по форме, и по стилю деятельности.

Если социальные группы, объективно сложившиеся в обществе, по тем или иным основаниям не имеют открытых, формализованных каналов, через которые они могут выражать свои интересы, нужды и требования, то вероятность их удовлетворения весьма проблематична и полностью зависит от субъектов, принимающих решения. Результатами этого могут явиться растущая неудовлетворенность тех групп, чьи интересы игнорируются, их отчуждение от политической системы и проявление с их стороны склонности к насильственным действиям по отношению к правящей элите и олицетворяемой ею политической системе. Вообще, все известные истории бунты, восстания и революции были вызваны игнорированием интересов каких-либо социальных групп.

Различные структуры, посредством которых выражаются те или иные интересы, могут быть

названы заинтересованными группами. Понятие «заинтересованная группа» нередко используется как синонимичное понятию «группа давления». Действительно, группа давления – это всегда заинтересованная группа, т. е. она складывается и действует на основе общих интересов объединяющихся в нее индивидов, которые совместно добиваются их удовлетворения. Вместе с тем, строго говоря, далеко не каждая заинтересованная группа имеет шанс превратиться в группу давления, т. е. реально отстаивать свои интересы в политическом процессе. Авторитарные, и в особенности тоталитарные, политические системы максимально препятствуют превращению заинтересованных групп в группы давления или, по крайней мере, стремятся сократить количество открытых каналов (или сузить их), по которым группа может транслировать свои интересы.

По формам организации и способам деятельности группы давления обычно разделяются на аномические (не подчиняющиеся установленным нормам); ассоциированные (организованные); неассоциированные (неорганизованные) и институционные.

Аномические группы складываются спонтанно и, как правило, носят временный характер. Они слабо организованы, по разным причинам не используют формализованные каналы выражения своих интересов и склонны к прямым действиям: демонстрациям, бунтам, восстаниям и т. п. Такого рода группы возникают чаще всего тогда, когда затруднено создание организованных групп, использующих открытые, формализованные каналы выражения интересов (или же если эти каналы отсутствуют), а также в случаях, если интересы группы в течение относительно долгого времени игнорируются политической системой. Латентное недовольство системой может вырваться наружу под влиянием какого-либо, на первый взгляд, незначительного инцидента, однако, в зависимости от глубины или широты распространения недовольства действиями властей, аномическое политическое поведение может привести к краху системы.

Ассоциированные группы хорошо организованы, они действуют в течение длительного времени и используют для выражения своих интересов, как правило, формализованные, легальные каналы. Это профессиональные союзы, организации промышленников, некоторые национальные организации и т. п. Их деятельность направлена на то, чтобы выражать и отстаивать вполне определенные, ясно выраженные интересы вполне определенных групп людей. Ассоциированные группы располагают профессиональным штатом сотрудников, упорядоченными внутренними процедурами. Они стремятся целенаправленно воздействовать на те государственные орга-

ны, которые принимают решения, затрагивающие их интересы. Такие группы складываются и эффективно действуют в условиях развитого гражданского общества с дифференцированными интересами.

Неассоциированные группы не имеют жесткой внутренней структуры и разработанных, упорядоченных процедур своей деятельности. Они включаются в политическую жизнь время от времени, чаще всего в тех случаях, когда их интересы оказываются задетыми решениями государственных органов или действиями других групп. Это могут быть этнические, региональные, лингвистические, конфессиональные, демографические (возрастные) и другие группы.

Институционные группы образуются внутри самих формальных политических институтов (бюрократия, легислатура, армия, политические партии, полиция, в некоторых странах – церковь).

Это организации, состоящие из профессионального штата с жестко формализованной, во многих случаях иерархической системой отношений. Вовне они могут выступать как корпоративное целое (интересы бюрократии, интересы военных) и в то же время как группы внутри самих этих институтов (различные группы бюрократии, военных, блоки депутатов в легислатуре и т. п.). Эти группы могут выражать и добиваться удовлетворения своих интересов или же, что также бывает нередко, представлять интересы других социальных групп, прежде всего тех, выходящими из которых они являются. Что касается партий, то внутри них складываются группировки, стремящиеся оказать давление на руководство партии и при назначении на различные должности в партийном аппарате, и при формулировании партийной программы.

Важным принципом классификации групп является также их автономность, самостоятельность. Все вышеперечисленные группы следует отнести к автономным, самостоятельно организованным и самостоятельно действующим за счет собственных материальных, духовных, интеллектуальных ресурсов. Вместе с тем практически в любых политических системах различным образом и с различными целями искусственно создаются и поощряются государством (или партией в тоталитарных системах) так называемые *реверсивные* (обратного действия) группы. Они, как правило, создаются для 1) обеспечения поддержки конкретных политических решений или в целом проводимого политического курса (в наибольшей степени такие группы свойственны тоталитарным политическим системам); 2) политической активизации и включения в политическую жизнь пассивных социальных, этнических и других групп с тем, чтобы не допустить их отчуждения от политической системы; 3) созда-

ния противовеса уже существующим группам, по каким-то причинам вызывающим тревогу властей, но которые власть не может или не хочет подавить, выступая от собственного имени.

Группы давления применяют различные методы воздействия на субъектов принятия решений. Наиболее эффективным, но в условиях стабильности политической системы наименее эффективным является прямое anomическое действие в виде демонстраций, спонтанных бунтов, террора и т. п. Такого рода давление выражает чаще всего несогласие, протест против проводимой политики, но не несет в себе позитивного заряда, оно направлено на разрушение, а не на созидание; оно в большей мере эмоционально, чем рационально. Вместе с тем следует помнить, что anomические действия могут использоваться или, точнее, иницироваться ассоциированными и даже институционными группами как дополнительный способ воздействия на субъектов принятия решений. А в некоторых политических системах, как правило, в тех, в которых ощущается недостаток открытых, легальных каналов воздействия, anomическое действие является обычным способом выражения мнений. Сказанное относится к странам, не обладающим достаточно развитой демократической политической системой. В таких странах массовые беспорядки, насилие становятся чуть ли не эквивалентом свободных выборов и нередко с помощью подобного рода действий решается судьба правительства. Однако отмеченный способ выражения требований угрожает всей политической системе и опасен для тех, кто его использует для реализации своих политических интересов. Ведь нельзя забывать, что массовые насильственные действия чрезвычайно сложно держать под контролем; они, в конечном счете, могут обернуться и против их инициаторов.

Если требования anomических групп почти всегда носят общий характер, то требования ассоциированных и институционных групп всегда или почти всегда конкретизированы: они осуществляют регулярное, целенаправленное воздействие на органы принятия решений. При этом используются формальные и неформальные способы. Во-первых, это личные контакты представителей группы с должностными лицами, от которых зависит принятие решений. Такие контакты наиболее эффективны, если оба субъекта связаны семейными, дружескими, социальными, образовательными, служебными и иными подобными узами. Во-вторых, непосредственное представительство группы в органах, принимающих решения. В наибольшей степени этот метод проявляется в избираемых законодательных органах. В-третьих, формальные способы воздействия: различные обращения к органам и должностным

лицам, принимающим решения, участие в разного рода консультативных, экспертных и иных органах. В-четвертых, воздействие через средства массовой информации. В современном мире такое воздействие может быть весьма действенным. Поэтому результативность давления во многом определяется либо обладанием средствами массовой информации, либо свободным доступом к ним.

Неассоциированные группы занимают промежуточное положение между анонимическими и организованными группами; в зависимости от ситуации они могут использовать различные методы выражения интересов [7].

Применительно к деятельности представителей групп давления часто используется термин «лоббирование» (от англ. lobby – коридор). Этот термин не имеет негативного характера, а обозначает все виды деятельности отстаивания групповых интересов в государственных органах. В ряде стран, например в США, приняты законы о лоббировании.

Политическая партия – более сложный, многофункциональный институт. Процесс происхождения партий, как правило, шел двумя путями: парламентским и внепарламентским. Парламентский путь демонстрируют либеральная и консервативная партии в Великобритании. Начало им положили внутрипарламентские группы депутатов: виги и тори – еще в XVII в. А XIX в., когда в связи с расширением избирательного права их деятельность вышла за пределы парламента, они преобразовались в либеральную и консервативную партии. Внепарламентским путем также в Великобритании сложилась лейбористская партия, основой которой послужили профсоюзные организации. Однако с точки зрения тех функций, которые осуществляют партии в современных политических системах, это уже не играет никакой роли.

От группы давления партия отличается прежде всего тем, что своей целью ставит приход к власти: революционные партии – путем революционных переворотов, парламентские – путем выборов. Партии стремятся обеспечить власть в государстве своим лидерам и таким образом создать условия для реализации своей политической программы, своего политического курса. В связи с этим партии выполняют задачи политической социализации и политического рекрутирования (подбор и подготовка кандидатов на государственные посты), организуют избирательные кампании, добиваясь поддержки электората (стимулируя таким образом политическое участие); представляют различные интересы в законодательных и иных избираемых органах; в зависимости от успехов на выборах формируют правительство или участвуют в его формировании.

Вместе с тем «сверхзадачей» партий, их системной функцией является агрегация, т. е. их суммирование и хотя бы относительно непротиворечивое объединение интересов, которые представлены различными заинтересованными группами. Политические партии, чтобы обеспечить себе максимальную поддержку, стремятся выразить различные политические требования и представить их в виде связной партийной программы, обещая ее реализацию в случае завладения институтами государства. Поэтому все партии могут быть классифицированы по способам и стилю агрегации интересов.

Во-первых, выделяются *прагматические* партии. Эти партии не придерживаются жестких идеологических принципов. Они ставят перед собой не какие-либо доктринальные цели, а вполне утилитарные, т. е. добиваются победы на выборах. Поэтому их программы с течением времени существенно преобразуются (хотя, разумеется, в известных пределах) в зависимости от изменения потребностей и настроений в обществе. Именно таким партиям свойственно перехватывать друг у друга популярные лозунги, слегка перефразируя их.

Во-вторых, *мировоззренческие* партии. Они обладают более или менее разработанной идеологией, принципов которой и стремятся придерживаться в своей деятельности. Нередко поддержание «чистоты» идеологии для них даже важнее победы на выборах. Эти партии безразличны к тому, чего действительно хотят люди, для них важно убедить их в том, что они хотят именно то, что данные партии предлагают. Таковыми являются партии коммунистические.

В-третьих, обладают спецификой партии, ориентированные на представительство интересов определенной константной группы населения (например, фермерские партии, партии национальных меньшинств), т. е. партии «одного интереса». Такие партии ограничивают себя узким кругом проблем, затрагивающих интересы своих членов. Они очень близки к группам давления, однако регулярное участие в выборах или стремление к этому участию превращает их в партии.

Строго говоря, предложенная классификация идеальна. В реальной политической деятельности партии используют все способы агрегации и представительства интересов, но в зависимости от доминирующего способа и стиля агрегации они могут быть отнесены к одному из трех приведенных типов.

У каждого стиля агрегации интересов есть свои плюсы и минусы. Считается, что прагматические партии в наибольшей степени обеспечивают стабильность демократической политической системы. Они обращаются к различным группам общества, пытаются сгладить противоречия, возник-

кающие между ними, и таким образом наиболее эффективно выполняют агрегативную функцию. Однако множественность интересов, которые они стремятся выразить в своих программах, неизбежно приводит к неадекватности этих программ отдельным интересам или же делает программы чрезвычайно расплывчатыми. В конечном счете, не лишено смысла заявление, что прагматические партии представляют всех вместе и никого в отдельности. Наиболее яркий пример прагматических партий – республиканская и демократическая партии США.

Мировоззренческие партии и партии одного интереса имеют то преимущество, что они могут предложить четкие программы, позволяющие избирателям потребовать отчета в их выполнении. Вместе с тем не беспочвенно мнение, что такого рода партии способствуют не интеграции общества, а, напротив, ведут к его дезинтеграции и интенсификации конфликтов между социальными группами [8].

Возможны и иные классификации партий по особенностям их организационного строения. Французский ученый М. Дюверже предложил различать партии кадровые и массовые, причем главный критерий здесь – не количество членов, а внутренняя структура партии. Кадровые партии – это объединение нотаблей, т. е. значительных людей. «Их цель, – пишет М. Дюверже, – подготовить выборы, провести их и сохранять контакт с избирателями. Прежде всего, это нотабли влиятельные, чьи имена, престиж и харизма служат своего рода поручительством за кандидата и обеспечивают ему голоса; это, далее, нотабли технические – те, кто владеет искусством манипулировать избирателями и организовать компанию; наконец, это нотабли финансовые – они составляют главный двигатель, мотор борьбы. И качества, которые здесь имеют значение – это степень престижа, виртуозность техники, размеры состояния». Массовые партии – это те партии, которые стремятся к увеличению числа членов и существуют в основном за счет взносов. Кроме того, М. Дюверже различает партии прямой и не прямой структуры. В первом случае членство в партии индивидуальное, во втором – опосредованное, через членство в одной из организаций, которая в полном составе входит в политическую партию [9].

Общепринятым критерием для классификации партий является партийная идеология. Основными европейскими идеологиями являются либерализм, консерватизм и социализм.

Влиятельной в современном мире является идеология либерализма (от лат. liber – свобода). Практически во всех демократических странах существуют политические партии либеральной ориентации. Однако надо помнить, что современ-

ный либерализм (неолиберализм, или реформистский либерализм) отнюдь не тождествен классическому либерализму.

Основополагающие принципы классического либерализма: личная свобода, правовое равенство, согласие управляемых, правовое ограниченное государство.

Личная свобода понималась классиками либерализма прежде всего как отсутствие произвольного вмешательства в частную жизнь индивида как со стороны государства, так и со стороны других индивидов. Свобода не отождествляется с вседозволенностью. Она состоит в возможности делать все, что не запрещено законами, и не нарушает свободу других.

Правовое равенство тесно связано с личной свободой и означает равенство в обладании правами, перед законом и судом. Правовое равенство не предполагает равенства социального и имущественного – эгалитаризм был чужд классическому либерализму.

Принцип правового ограниченного государства означает, что задачи государства узкоспециальны и состоят в защите жизни, свободы и собственности индивида, а также общества от внешнего нападения. Поэтому государство ограничивается правом и законом, его структура строится на основании разделения властей, а само оно черпает власть в согласии управляемых.

Принцип согласия (консенсуса) означает, что государство легитимно лишь тогда, когда покоится на согласии управляемых. Однако у классических либералов принцип консенсуса не коррелирует с принципом всеобщего избирательного права.

Свобода, правовое равенство, свободный рынок и конкуренция, по мнению классических либералов, в конечном счете обеспечивают реализацию принципа равных возможностей. Суть его в том, что каждый индивид, обладая равными с другими правами, выбирает ту сферу деятельности, в которой он может достичь наилучшего результата и получить соответствующее ему вознаграждение.

Но с конца XIX в. либералы все активнее начинают настаивать на вмешательстве государства в социальные и экономические отношения. Определенное государственное вмешательство в жизнь общества необходимо для уменьшения фактического неравенства, складывающегося между людьми в условиях свободной рыночной конкуренции. Неолибералы полагают, что правовая свобода теряет смысл для бедного человека, ибо он фактически ограничен в своих правах. Поэтому, если классические либералы признавали возможность ограничения свободы одного только свободой другого, что позволило, по их мнению, наиболее полно реализовать принцип

равных возможностей, то неолибералы полагают, что для этого необходимо определенное выравнивание людей в социально-экономической сфере. В связи с этим они настаивают на выполнении государством регулирующих функций, выступают за расширение социальных программ.

Легко заметить различие между классическими либералами и неолибералами в решении противоречия между свободой и равенством. Первые делают акцент на свободе, вторые – на равенстве, которое, как они считают, является необходимой предпосылкой свободы. Обеспечение свободы становится не только делом ее носителя – индивида, но и государства в целом. Оно должно создать условия для реализации принципа равных возможностей. Именно в рамках неолиберализма была разработана теория государства всеобщего благоденствия.

При оценке идеологии неолиберализма необходимо учитывать следующий важный момент. Неолибералы, отстаивая необходимость широких социальных программ, близки к современным социал-демократам. Однако роль государства ими видится более ограниченной. Государственное вмешательство допускается в той степени, в какой оно обеспечивает минимальный статус жизненных условий и способствует развитию индивидуальной свободы.

Слово «консерватизм» (от лат. *conservare* – охранять, сохранять) в обыденном понимании означает стремление к сохранению «статус кво», противодействие изменениям. Консерватор – это человек, предпочитающий известное неизвестному, испытанное неиспытанному, фактическое фантастическому, действительность возможности, существующее хорошее гипотетическому отличному и т. п. Как политическая философия и идеология консерватизм покоится на убеждении в ограниченности человеческого разума, несовершенстве природы человека и его неспособности кардинально улучшить свою жизнь. Консерватизму близка идея саморазвития, спонтанно устанавливающегося порядка, который складывается в результате взаимодействия многих людей, подчиняющихся общим нормам. Спонтанность в данном случае действует как фильтр по отношению к поспешным и поэтому вредным новшествам.

Итак, консерватизм очень осторожно, даже с подозрением относится к изменениям. Если есть хоть малейшее сомнение в полезности новшества, то лучшее, что можно сделать, – оставить все как есть. Однако неверно было бы думать, что консерватизм враждебен к изменениям как таковым. Вернее, ему свойственно уважительное отношение к коллективной мудрости прежних поколений, выраженной в традиционных нормах и институтах. Мудрость традиций не требует специальных доказательств: она подтверждается их

древностью. Живущие в каждый конкретный момент люди часто не способны понять заключенный в них глубокий смысл. Но это и не требуется: следует просто верить в их мудрость и поступать так, как они велят.

Основной принцип консерватизма – органичность социальной жизни: прошлое, настоящее и будущее находятся в единстве.

В середине XIX в. кредо английских консерваторов очень точно выразил лорд Дизраэли. По его словам, консерваторы против «формирования политических институтов на основании абстрактных принципов и теоретических рассуждений, но выступают за предоставление им возможности развиваться вместе с течением событий с тем, чтобы они складывались естественно в ответ на потребности нации».

Надо отметить, что консерватизм может наполняться различным конкретным содержанием в зависимости от того, какие ценности он стремится сохранить. В отличие от либерализма или социализма консерватизм не основывается на абстрактных космополитических принципах, он всегда национален.

С некоторой долей условности в современном европейском и североамериканском консерватизме можно выделить два течения: традиционализм, неоконсерватизм.

Традиционализм – это скорее стиль жизни, чем определенная идеология. Его суть раскрывается уже в самом названии: традиционализм означает приверженность традициям, моральным и религиозным ценностям, святость таких институтов, как семья, община, церковь. Традиционалистам свойственно делать упор не на правах, а на обязанностях и долге: упорный труд, бережливость, честность, дисциплина и т. п.; социальное неравенство оправдывается неравенством способностей людей.

Неоконсерватизм, включающий в себе многие черты традиционализма, возник на рубеже 60–70-х гг. XX в. как реакция на действия неолиберальных правительств, направленные на расширение государственного регулирования. Неоконсерваторы настаивают на сокращении государственного вмешательства в экономику и социальные отношения, хотя и признают его правомерность в некоторых случаях; необходимости передачи ряда социальных функций негосударственным институтам: семье, церкви, благотворительным организациям и т. д. В наиболее ярком виде неоконсерватизм проявился в политике М. Тэтчер в Англии и Р. Рейгана в США.

Современным демократическим обществам свойственно сосуществование неолиберализма и консерватизма. Главное расхождение между ними заключается в видении путей социальных изменений, в оценке роли государства. Кроме того,

если неолибералы больший акцент делают на социальном равенстве и реформаторстве, то консерваторы – на свободе и саморазвитии. Вместе с тем те и другие привержены принципам индивидуальной свободы, рыночной экономики и правового государства.

Современный социализм (от лат. *socialis* – общественный) представляет собой результат многовековых мечтаний человечества о справедливом обществе, основанном на принципе социального равенства. Вплоть до Нового времени социализм выступал, как правило, в религиозном облачении.

Светский социализм возникает в XVII–XVIII вв., когда появляются сочинения Т. Мора (1478–1535), Т. Кампанеллы (1568–1639), а затем Ж. Мелье (1664–1729), Г. Мабли (1709–1785) и др. Всех их объединяло неприятие частной собственности, стремление к максимальной регламентации жизни людей и полные провалы в попытках на практике реализовать свои идеи. «Утопия» (от греч. *ου* – нет и *τοπος* – место, т. е. место, которого нет) – название книги Томаса Мора – оказалось пророческим. Кроме того, к нему восходит обозначение всего данного направления как утопического социализма.

Уже в утопическом социализме наметились два взгляда на пути перехода от «несправедливого» к «справедливому» обществу: насильственный – революционный и ненасильственный – эволюционный. Расхождения в выборе пути к справедливости разделяют и современных социалистов. Приверженность к революционным преобразованиям демонстрируют коммунистические партии; на позициях постепенного реформирования капиталистического общества и «врастания» его в социализм стоят партии социал-демократические. Организационное разделение между ними произошло после Октябрьской революции в России и создания Коммунистического и Социалистического интернационалов, но идеологическое различие обозначилось гораздо раньше.

Революционный коммунизм, или, по определению его основоположников К. Маркса и Ф. Энгельса, научный социализм, видит в социальной революции путь к созданию справедливого общества, в котором реализуется принцип: от каждого по способностям, каждому по потребностям [10]. Одновременно с революционной теорией продолжала развиваться реформистская традиция в социализме, представленная Ф. Лассалем.

Реформистская линия в социалистическом движении быстро набирала силу. На реформистские позиции переходили многие социал-демократы, прежде считавшие себя приверженцами марксизма. Даже сам Ф. Энгельс в конце жизни пришел к убеждению, что в ряде стран, таких, как Англия и США, пролетариат может прийти

к власти, используя демократические средства. Эта метаморфоза вообще естественна для социал-демократов, живших в относительно демократических странах. Политическая система этих стран, включая в себя социал-демократов, не только требовала от них соблюдения определенных правил, но и предоставляла немало возможностей для отстаивания своего мнения, своих интересов. А поскольку ни одна политическая система не терпит чужеродных элементов, стремящихся взорвать ее, постольку и социал-демократические партии принимали предлагаемые правила игры. «Истинные» марксисты обвиняли западную социал-демократию в оппортунизме, и это справедливо, если следовать буквальному значению слова *opportunus* (лат. – удобный, выгодный).

Окончательный разрыв между революционным и реформистским крылом социалистического движения произошел после Октябрьской революции, которую не поддержала большая часть западной социал-демократии. Революционные коммунистические партии в 1918 г. объединились в Коммунистический Интернационал, просуществовавший до 1943 г. Социал-демократические партии с 1923 г. объединяются в Социалистический Интернационал.

Между двумя течениями социализма продолжают существовать принципиальные расхождения. Социал-демократия придерживается концепции «демократического социализма», суть которой сводится к тому, что переход к социализму возможен лишь демократическими средствами, что социализм нерасторжим с демократией, а она может быть только всеобщей, а не демократией для какого-то класса. Социал-демократы выступают не за «социалистическую», а за «социальную» демократию. Они ратуют за постепенное реформирование общества, за государственное регулирование экономики, но вместе с тем и за сохранение частной собственности, свободного рынка и за перераспределение доходов через налоговую систему.

Коммунистические партии продолжают отстаивать идею революционных преобразований, выступают против частной собственности, за всеобщее обобществление (огосударствление) и на этой основе создание планируемой экономики и социального равенства. Коммунистическая идеология продолжает претендовать на научность, утверждая, что в ее рамках познаны законы общественного развития.

Пространственное расположение политических идеологий и соответственно политических партий общепринято во всем мире. Термины «левые» и «правые» вошли в политический лексикон во время Великой французской революции. В 1789 г., когда созданные королем Генеральные штаты

объявили себя Национальным собранием, слева от председательствующего расположились те, кто выступал против монархической власти и отстаивал принцип народного суверенитета, а справа – приверженцы монархических принципов.

Современное употребление этих терминов связано с появлением социал-демократических и коммунистических партий. К левым стали относить тех, чья идеология высшей ценностью признает социальное равенство, а смещение вправо означает постепенный отказ от него.

Возможна и часто применяется другая классификация, в зависимости от роли, отводимой государству приверженцами той или иной партии. В этом случае коммунистические и фашистские партии, отстаивающие максимальное вмешательство государства в жизнь общества, оказываются в одной группе. Левых и правых также роднит радикализм их политических взглядов: они требуют решительных и быстрых действий для достижения своих программных целей и на деле готовы использовать для этого любые средства, в том числе и насильственные. Центристы же больше склонны к умеренности, терпимости, компромиссу, консенсусу: насильственные действия неприемлемы для них. Укорененность в общественном сознании центристской идеологии, влияние центристских партий обуславливают стабильность общественно-политической жизни.

В зависимости от количества реально действующих в стране политических партий, характера их взаимоотношений между собой и государством различаются: однопартийные системы; партийные системы с одной доминирующей партией; двухпартийные и многопартийные системы. *Однопартийная* система (точнее, однопартийное государство) – это система, в которой существует одна легальная партия, контролирующая все государственные органы и фактически сливающаяся с государством. Такие партийные системы характерны для тоталитарных и некоторых авторитарных режимов.

К фактически однопартийным относятся системы, где легально существует несколько партий, но они находятся под контролем одной правящей партии (например, в ряде стран Восточной Европы с конца 40-х до конца 80-х гг.).

Партийные системы с одной доминирующей партией складываются в том случае, когда такая партия на протяжении относительно длительного времени побеждает на свободных выборах, конкурируя с другими существующими партия-

ми и при наличии легальной оппозиции. Двухпартийная система вне зависимости от числа действующих партий характеризуется постоянной сменой у власти одной из них. Наиболее яркий пример – США с абсолютным господством республиканцев и демократов.

Многопартийная система имеет место тогда, когда несколько партий на выборах обеспечивают себе голоса в представительных органах. В этом случае, как правило, ни одна партия не получает большинства в законодательном органе. Поэтому правительство может опираться лишь на коалицию, создаваемую близкими по направленности партиями.

Все рассмотренные партийные системы можно объединить в две большие группы: неконкурентные и конкурентные. Первые исключают, а вторые предполагают свободную конкуренцию между партиями. Характер конкуренции во многом зависит от принятой избирательной системы. Так, при пропорциональной избирательной системе имеет место представительство партий в зависимости от числа полученных ими голосов избирателей. Такая система способствует становлению многопартийности. А при мажоритарной избирательной системе от каждого округа избирается лишь один депутат, получивший наибольшее (относительное или абсолютное) число голосов, что способствует формированию уже не многопартийной, а двухпартийной системы.

Примечания

1. Руссо, Ж.-Ж. Трактаты [Текст] / Ж.-Ж. Руссо. М., 1961. С. 170–171.
2. См: Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея [Текст]. М., 2000. С. 79.
3. См: Там же. С. 81.
4. См: Токвиль, А. Демократия в Америке [Текст] / А. Токвиль. М., 1992. С. 146.
5. См. Монтеस्कье, Ш. Л. Избранные произведения [Текст] / Ш. Л. Монтеस्कье. М., 1955. С. 266.
6. См: Dahl, R. F. Democracy and its Critics [Text] / R. F. Dahl. New Haven and London, 1989. С. 108–116.
7. См. подробнее: Almond, G. A. Comparative Politics [Text] / G. A. Almond, G. B. Powell. Boston, 1966. P. 73–98.
8. См: Ibid. P. 98–127.
9. См. Дюверже, М. Политические партии [Текст] / М. Дюверже. М., 2000.
10. См. подробнее: Козлихин, И. Ю. История политических и правовых учений [Текст] / И. Ю. Козлихин, А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. СПб., 2007. С. 328–339.

П. И. Кононов

ОБ ОСНОВАХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

В статье проанализированы структура административно-правового статуса индивидуального субъекта административного права, а также составные элементы административной правосубъектности применительно к индивидуальным субъектам.

В науке административного права выделяются два вида субъектов административных правоотношений: индивидуальные, то есть физические лица (граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства), и коллективные, то есть организации различных организационно-правовых форм [1].

Все субъекты административного права, в том числе индивидуальные, вступая в административные правоотношения и участвуя в них, обладают административно-правовым статусом.

В литературе по административному праву сформировались следующие основные подходы к пониманию административно-правового статуса индивидуальных субъектов.

В частности, Д. Н. Бахрах определяет административно-правовой статус индивидуального субъекта как правовое положение личности в ее отношениях с субъектами публичной административной власти, урегулированное нормами административного права, и включает в структуру этого статуса административную правосубъектность (правоспособность и дееспособность), а также реальные административные права и обязанности [2].

Ю. А. Дмитриев, А. А. Евтеева, С. М. Петров под административно-правовым статусом понимают совокупность прав и обязанностей физического или юридического лица, установленных нормами административного права, и включают в его структуру также административную правосубъектность [3].

Н. Ю. Хаманева характеризует административно-правовой статус гражданина как комплекс прав и обязанностей, закрепленных нормами административного права, а также гарантии реализации прав и обязанностей (охрана законом и механизм защиты органами государства и местного самоуправления) [4].

Аналогичную позицию занимает и Б. В. Росинский [5].

КОНОНОВ Павел Иванович – доктор юридических наук, профессор по кафедре государственно-правовых дисциплин ВятГГУ, судья Арбитражного суда Кировской области
© Кононов П. И., 2007

Приведенные выше суждения о понятии и структуре административно-правового статуса индивидуальных субъектов, по нашему мнению, требуют уточнения и дополнения.

Обозначим собственный подход к пониманию административно-правового статуса индивидуальных субъектов.

Индивидуальными субъектами административных правоотношений являются физические лица, то есть граждане России, иностранные граждане и лица без гражданства.=

Административно-правовой статус индивидуального субъекта может быть определен как правовое положение этого субъекта в административно-публичной сфере, в системе возникающих в ней административных правоотношений.

Административно-правовой статус индивидуального субъекта по своему содержанию представляет собой правовую характеристику этого субъекта как потенциального участника административных правоотношений.

В структуру административно-правового статуса индивидуального субъекта можно включить следующие элементы:

а) место и роль индивидуального субъекта в системе административных правоотношений;

б) общие и специальные административные права, имеющиеся у индивидуального субъекта в системе административных правоотношений;

в) общие и специальные административные обязанности, возложенные на индивидуального субъекта в системе административных правоотношений;

г) ограничения общих и специальных административных прав, принадлежащих индивидуальному субъекту в системе административных правоотношений;

д) юридическая ответственность за совершенные индивидуальным субъектом правонарушений в административно-публичной сфере.

Рассмотрим каждый из названных элементов административно-правового статуса индивидуальных субъектов.

1. Место и роль индивидуального субъекта в системе административных правоотношений.

В зависимости от места и роли индивидуальных субъектов в системе административных правоотношений можно выделить два вида таких субъектов:

а) властвующие индивидуальные субъекты, то есть физические лица, а именно граждане Российской Федерации, действующие в административных правоотношениях от имени государства или муниципальных образований и реализующие в этих отношениях их административно-публичные полномочия либо административно-публичные полномочия соответствующих государственных органов или органов местного самоуправле-

ния – государственные должностные лица и должностные лица местного самоуправления (Президент РФ, Председатель Правительства РФ, федеральный министр, губернатор, начальник органа внутренних дел, государственный налоговый инспектор и т. п.);

б) невластвующие индивидуальные субъекты, то есть все виды физических лиц, действующие в административных правоотношениях от собственного имени либо от имени представляемых ими организаций, реализующие в этих отношениях принадлежащие им административные права и возложенные на них административные обязанности и не наделенные административно-властными полномочиями в отношении других субъектов названных отношений (государственные служащие, не являющиеся должностными лицами, рабочие, индивидуальные предприниматели, студенты, пенсионеры и т. п.).

Место и роль индивидуального субъекта в системе административных правоотношений влияет на характер и объем возникающих у него административных прав, обязанностей и юридической ответственности в этих отношениях.

2. Общие и специальные административные права индивидуального субъекта.

Общие административные права индивидуального субъекта – это права, которыми он обладает в административных правоотношениях как обычное физическое лицо наравне с другими физическими лицами, вступающими в эти отношения. К числу общих административных прав индивидуальных субъектов можно, в частности, отнести право на обращение в административные органы с заявлениями и жалобами, право на получение от административных органов необходимой для них информации, право на получение в компетентных административных органах заграничного паспорта, право поступления в государственные образовательные учреждения на конкурсной основе и т. п.

Специальные административные права индивидуального субъекта – это права, которыми он наделяется в определенных административных правоотношениях в связи с особенностями его правового положения в этих отношениях и которые отсутствуют у иных обычных физических лиц, вступающих в данные отношения. Специальными административными правами, в частности, обладают властвующие индивидуальные субъекты – государственные должностные лица и должностные лица местного самоуправления, которые вправе совершать в отношении иных субъектов административных правоотношений административно-властные юридически значимые действия, издавать в отношении них нормативные и (или) индивидуальные правовые акты. Кроме того, специальными административными правами наделяют-

ся и некоторые другие категории физических лиц, в частности иностранные граждане и лица без гражданства, военнослужащие, лица, совершившие административные правонарушения.

3. Общие и специальные административные обязанности, возложенные на индивидуального субъекта в системе административных правоотношений.

Общие административные обязанности индивидуального субъекта – это обязанности, которые возлагаются на него в административных правоотношениях как на обычное физическое лицо наравне с другими физическими лицами, вступающими в эти отношения. К числу таких общих административных обязанностей можно, в частности, отнести обязанность соблюдать правила дорожного движения, правила пожарной безопасности, правила поведения в общественных местах.

Специальные административные обязанности индивидуального субъекта – это обязанности, которые возлагаются на него в определенных административных правоотношениях в связи с особенностями его правового положения в этих отношениях и которые отсутствуют у иных обычных физических лиц, вступающих в данные отношения. Специальные административные обязанности возлагаются, в частности, на властвующих субъектов административных правоотношений – государственных должностных лиц и должностных лиц местного самоуправления в процессе их административно-властной деятельности. Специальные административные обязанности возложены также на государственных гражданских служащих, военнослужащих, владельцев транспортных средств, иностранных граждан и лиц без гражданства.

4. Ограничения общих и специальных административных прав, принадлежащих индивидуальному субъекту в системе административных правоотношений.

Ограничения общих и специальных административных прав индивидуального субъекта – это установленные нормами административного права условия, при наличии которых временно приостанавливается реализация общих или специальных прав данного субъекта в административных правоотношениях. Ограничения общих и специальных административных прав индивидуальных субъектов могут быть введены, в частности, в случае совершения ими административных правонарушений и применения к ним мер административного принуждения, а также при необходимости обеспечения государственной и общественной безопасности. Примерами ограничения общих и специальных административных прав являются лишение физического лица права на управление транспортным средством, аннулирова-

ние разрешения на право ношения и хранения огнестрельного оружия, аннулирование лицензии на осуществление частной детективной или охранной деятельности, ограничение движения транспортных средств и пешеходов на отдельных участках дорог или улиц.

5. Юридическая ответственность за совершение индивидуальным субъектом правонарушений в административно-публичной сфере.

Индивидуальные субъекты могут совершать в административно-публичной сфере два вида правонарушений: административные и дисциплинарные – и соответственно могут привлекаться за их совершение к административной и дисциплинарной ответственности. При этом к административной ответственности могут быть привлечены любые категории индивидуальных субъектов, в то время как к дисциплинарной ответственности в соответствии с нормами административного права подлежат привлечению лишь отдельные категории индивидуальных субъектов, в частности государственные служащие, лица, обучающиеся в образовательных учреждениях, а также лица, принудительно содержащиеся в специальных государственных правоохранительных учреждениях.

В зависимости от особенностей правового положения индивидуальных субъектов в системе административных правоотношений можно выделить два вида их административно-правового статуса: общий административно-правовой статус, характеризующийся наличием административных прав и общих административных обязанностей, и специальный административно-правовой статус, характеризующийся наличием специальных административных прав и специальных административных обязанностей.

Входящие в структуру административно-правового статуса индивидуальных субъектов административные права, обязанности и юридическая ответственность могут быть реализованы этими лицами только при наличии у них административной правосубъектности.

Рассмотрим далее составные элементы административной правосубъектности (правоспособности, дееспособности и деликтоспособности) применительно к индивидуальным субъектам.

Общая административная правоспособность индивидуального субъекта, то есть его способность иметь общие административные права и нести общие административные обязанности, возникает с момента рождения этого субъекта и прекращается его смертью. Так, с момента рождения у гражданина РФ возникают такие права в административно-публичной сфере, как право на бесплатное медицинское обслуживание в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения, на получение образования и воспитания в дошкольных образовательных учреждениях, на спе-

циальную защиту со стороны государства. По мере взросления гражданина объем его общей административной правоспособности возрастает. Так, при поступлении в образовательное учреждение основного общего образования у гражданина возникают не только права, но и обязанности, связанные с соблюдением установленного в этом учреждении распорядка, учебной дисциплины, правил дорожного движения.

Общая административная правоспособность прекращается только смертью физического лица.

Специальная административная правоспособность индивидуального субъекта, то есть его способность иметь специальные административные права и нести специальные административные обязанности, возникает не с момента рождения субъекта, а с момента возникновения у него специального административно-правового статуса, например с момента назначения лица на должность государственной службы, с момента поступления его в высшее учебное заведение и т. п.

Прекращается специальная административная правоспособность с момента утраты индивидуальным субъектом специального административно-правового статуса, например с момента увольнения с государственной службы, с момента окончания высшего учебного заведения и т. п.

Общая административная дееспособность индивидуального субъекта, то есть его способность самостоятельно, собственными действиями осуществлять общие административные права и исполнять общие административные обязанности, возникает в полном объеме с момента достижения этим субъектом 18 лет. До достижения совершеннолетия индивидуальный субъект обладает частичной общей административной дееспособностью, то есть может самостоятельно, от своего имени осуществлять не все, а лишь некоторые общие административные права и исполнять некоторые общие административные обязанности. Например, несовершеннолетние граждане вправе самостоятельно осуществлять в административно-публичной сфере такие права, как право на образование, на медицинское обслуживание, на государственную регистрацию брака (с 16 лет), на управление мотоциклом (с 16 лет), а также самостоятельно исполнять такие обязанности, как обязанность соблюдать правила внутреннего распорядка в образовательных учреждениях, правила дорожного движения, правила пожарной безопасности, санитарно-гигиенические правила.

В то же время некоторые права и обязанности в административно-публичной сфере могут быть реализованы гражданами только с момента достижения ими совершеннолетия. К числу таких прав и обязанностей относятся, например, право на приобретение и использование огне-

стрельного оружия, право на управление автомобилем, право поступления на государственную службу, обязанность нести военную службу.

Специальная административная дееспособность индивидуального субъекта, то есть его способность самостоятельно, собственными действиями осуществлять специальные административные обязанности, возникает у субъекта с момента наделения его в установленном законодательством порядке специальным административно-правовым статусом, то есть с момента возникновения у него специальной административной правоспособности. Например, специальная административная дееспособность, которой обладает сотрудник милиции, возникает у гражданина с момента назначения его на соответствующую должность в органе внутренних дел.

Общая административная деликтоспособность, то есть способность нести предусмотренную нормами административного права административную и дисциплинарную ответственность за совершенные в административно-публичной сфере правонарушения, возникает у индивидуального субъекта с момента достижения им 16 лет. При этом к дисциплинарной ответственности индивидуальный субъект может быть привлечен и до достижения им 16 лет. В частности, учащиеся образовательных учреждений как общего, так и профессионального образования за нарушение учебной дисциплины могут быть привлечены администрацией этих учреждений к дисциплинарной ответственности в виде объявления замечания, выговора или отчисления из соответствующего образовательного учреждения.

Специальная административная деликтоспособность, то есть способность нести предусмотренную нормами административного права административную и дисциплинарную ответственность за совершенные в административно-публичной сфере правонарушения с соблюдением специального порядка привлечения к этим видам ответственности, возникает у индивидуального субъекта с момента приобретения им специального административно-правового статуса определенного вида, в частности с момента назначения на отдельные государственные должности. Специальной административной деликтоспособностью обладают, например, граждане Российской Федерации, замещающие должности государственной гражданской службы, воинские должности, должности в органах внутренних дел, уголовно-исполнительной системы, должности судей и прокуроров, а также иностранные граждане, обладающие дипломатическим иммунитетом. Перечисленные лица привлекаются к дисциплинарной и административной ответственности за совершенные ими дисципли-

нарные и административные правонарушения в особом порядке, с соблюдением специальных процедур.

Таковы наиболее общие основы административно-правового статуса индивидуальных субъектов административного права, которые конкретизируются в специальных нормативных правовых актах, регулирующих отдельные виды административных правоотношений.

Примечания

1. См., например: *Старилов, Ю. Н.* Курс общего административного права [Текст] : в 3 т. / Ю. Н. Старилов. М.: Норма, 2006. Т. 1. С. 426–427.
2. См.: *Бахрах, Д. Н.* Административное право России [Текст] : учебник / Д. Н. Бахрах. М.: Эксмо, 2006. С. 61–66.
3. См.: *Дмитриев, Ю. А.* Административное право [Текст] : учебник для юридических вузов / Ю. А. Дмитриев, А. А. Евтеева, С. М. Петров. М.: Эксмо, 2005. С. 92.
4. См.: Административное право России [Текст] : курс лекций / под ред. Н. Ю. Хаманевой. М.: Проспект, 2008. С. 117.
5. См.: *Бахрах, Д. Н.* Административное право [Текст] : учебник для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Росинский, Ю. Н. Старилов. М.: Норма, 2006. С. 128.

О. А. Голубцова

СИСТЕМА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАДЗОРА МЧС РФ И ФОРМЫ РАБОТЫ ИХ С СУБЪЕКТАМИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ПРИ ТЕХНИЧЕСКОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Защита жизни и здоровья граждан, имущества физических или юридических лиц, государственного или муниципального имущества от пожаров является одной из основных целей технического регулирования, а пожарная безопасность выделена в самостоятельное направление обеспечения безопасности [1].

Обеспечение пожарной безопасности является одной из важнейших функций государства.

По данным Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее МЧС России), сегодня в стране ежедневно происходит 586 пожаров, в результате которых погибают 43 человека и получают травмы 36 человек. С начала 2006 г. в России зарегистрировано 177 тысяч 494 пожара, следствием которых стала гибель 12 тысяч

ГОЛУБЦОВА Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГУ
© Голубцова О. А., 2007

949 человек, еще свыше 10 тысяч человек получили ожоги и травмы [2].

МЧС России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию, а также по надзору и контролю в области обеспечения пожарной безопасности.

Обеспечение пожарной безопасности является одной из трех стратегических целей МЧС [3]. Ее выбор в этом качестве обусловлен наличием постоянной угрозы природных, техногенных и военных опасностей и недостаточной защищенностью населения и территорий от них в настоящее время.

Так, например, численность пострадавших от различных чрезвычайных ситуаций ежегодно составляет десятки тысяч человек, при этом погибает около 70 тыс. человек. От пожаров ежегодный ущерб составляет свыше 20 млрд руб., а смертность – около 20 тыс. чел. [4]

Уровень социального риска (частоты возникновения чрезвычайных ситуаций, приводящих к поражению определенного числа людей) в России от 10 до 100 раз выше, чем в других промышленно развитых странах.

Эти показатели в 5–15 раз выше аналогичных показателей наиболее развитых зарубежных стран. При этом в настоящее время сохраняется тенденция возрастания этих показателей на 3–8% ежегодно за счет роста числа возникающих чрезвычайных ситуаций, пожаров и их масштабов.

В докладе «О результатах и основных направлениях деятельности МЧС период 2007–2009 гг.» выделяется ряд объективных и субъективных факторов, являющихся причинами этого:

- недостаточный надзор за состоянием потенциально опасных объектов и соблюдением правил пожарной безопасности;

- не всегда эффективное осуществление превентивных мероприятий;

- недостаточный уровень

- подготовки и ответственности соответствующего руководящего состава, должностных лиц и специалистов, непосредственно связанных с решением задач в данной области,

- подготовки населения страны к действиям в условиях чрезвычайных ситуаций.

Достижение данной стратегической цели МЧС России стремится обеспечить решением следующих тактических задач:

1. Повышение эффективности надзора в области пожарной безопасности.

2. Обеспечение пожаротушения и спасения людей при пожарах.

3. Оснащение федеральной противопожарной службы техникой и имуществом, разработка и внедрение новых технологий пожаротушения.

Выполнение тактической задачи по профилактике пожаров осуществляется, прежде всего, через контроль за соблюдением требований пожарной безопасности и пресечения их нарушений системой обеспечения пожарной безопасности, которая представляет собой совокупность сил и средств, а также мер правового, организационного, экономического, социального и научно-технического характера, направленных на борьбу с пожарами [5].

Основные элементы системы обеспечения пожарной безопасности – органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации, граждане, принимающие участие в обеспечении пожарной безопасности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Среди функций системы обеспечения пожарной безопасности одними из основных являются разработка и осуществление мер пожарной безопасности и создание и организация деятельности пожарной охраны, одной из задач которой является организация и осуществление профилактики пожаров.

Пожарная охрана подразделяется на следующие виды:

- государственная противопожарная служба;

- муниципальная пожарная охрана;

- ведомственная пожарная охрана;

- частная пожарная охрана;

- добровольная пожарная охрана.

Государственная противопожарная служба является составной частью сил обеспечения безопасности личности, общества и государства и координирует деятельность других видов пожарной охраны. МЧС России на федеральном уровне осуществляет управление, координацию, контроль и реагирование в области обеспечения пожарной безопасности, а также управление деятельностью федеральных органов исполнительной власти в рамках единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Для этого в центральном аппарате МЧС предусмотрена должность Главного государственного инспектора РФ по пожарному надзору, пользующегося правами заместителя министра Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, а также управления Организации пожаротушения и специальной пожарной охраны и Государственного пожарного надзора.

Законодательством определен специальный вид государственной надзорной деятельности, осуществляемой должностными лицами ГПС МЧС России – государственный пожарный надзор. Это осуществляемая в порядке, установлен-

ном законодательством Российской Федерации, деятельность по проверке соблюдения организациями и гражданами требований пожарной безопасности и принятие мер по результатам проверки [6].

Организация и осуществление государственного пожарного надзора в Российской Федерации основывается на положениях Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» (с последующими изменениями и дополнениями), Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 134-ФЗ «О защите юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора)» (с последующими изменениями и дополнениями), Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (с последующими изменениями и дополнениями), Федерального закона от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» (с последующими изменениями и дополнениями), Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (с последующими изменениями и дополнениями), Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, Уголовном кодексе Российской Федерации.

Система органов государственного пожарного надзора определена прежде всего в Федеральном законе от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности». К ним относятся:

1) структурное подразделение центрального аппарата МЧС России, в сферу ведения которого входят вопросы организации и осуществления государственного пожарного надзора – им является [7];

2) управления государственного пожарного надзора территориальных органов МЧС России – региональных центров по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий;

3) управления (отделы, отделения) государственного пожарного надзора территориальных органов МЧС России – органов, специально уполномоченных решать задачи гражданской обороны и задачи по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций по субъектам РФ, и их территориальные отделы (отделения, инспекции);

4) отделы (отделения, инспекции, группы) государственного пожарного надзора подразделений федеральной противопожарной службы, созданных в целях организации профилактики и тушения пожаров в закрытых административно-территориальных образованиях [8].

Органы государственного пожарного надзора в рамках своей компетенции:

1) организуют и осуществляют надзор за соблюдением требований пожарной безопасности федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, а также должностными лицами и гражданами;

2) проводят в соответствии с законодательством Российской Федерации дознание по делам о пожарах и по делам о нарушениях требований пожарной безопасности;

3) ведут в установленном порядке производство по делам об административных правонарушениях в области пожарной безопасности;

4) осуществляют официальный статистический учет и ведение государственной статистической отчетности по пожарам и их последствиям.

Осуществлять деятельность от имени органов государственного пожарного надзора могут государственные инспекторы по пожарному надзору.

На федеральном уровне

1) главный государственный инспектор РФ по пожарному надзору,

2) заместители главного государственного инспектора:

– начальник Государственного пожарного надзора МЧС России, в сферу ведения которого входят вопросы организации и осуществления государственного пожарного надзора,

– и его заместители;

3) государственные инспекторы РФ по пожарному надзору:

– сотрудники Государственного пожарного надзора МЧС России,

– сотрудники управлений государственного пожарного надзора территориальных органов МЧС России – региональных центров;

в субъектах РФ

4) главные государственные инспекторы субъектов РФ по пожарному надзору – начальники управлений (отделов, отделений) государственного пожарного надзора территориальных органов МЧС России,

и их заместители – соответственно заместители начальников управлений (отделов, отделений);

5) государственные инспекторы субъектов РФ по пожарному надзору – сотрудники управлений (отделов, отделений) государственного пожарного надзора территориальных органов МЧС России;

в закрытых административно-территориальных образованиях

6) главные государственные инспекторы закрытых административно-территориальных образований по пожарному надзору – начальники отделов (отделений, инспекций, групп) государ-

ственного пожарного надзора подразделений федеральной противопожарной службы

и их заместители – соответственно заместители начальников.

7) государственные инспекторы по пожарному надзору – сотрудники отделов (отделений, инспекций, групп) государственного пожарного надзора подразделений федеральной противопожарной службы, созданных в целях организации профилактики и тушения пожаров в закрытых административно-территориальных образованиях;

в муниципальных образованиях

8) главные государственные инспекторы городов (районов) субъектов РФ по пожарному надзору – начальники территориальных отделов (отделений, инспекций) государственного пожарного надзора управлений (отделов, отделений) государственного пожарного надзора территориальных органов МЧС России

и их заместители – соответственно заместители начальников;

9) государственные инспекторы городов (районов) субъектов Российской Федерации по пожарному надзору – сотрудники территориальных отделов (отделений, инспекций) государственного пожарного надзора управлений (отделов, отделений) государственного пожарного надзора территориальных органов МЧС России.

Кроме того, государственный пожарный надзор осуществляется и другими уполномоченными федеральными органами исполнительной власти.

Здесь возможно несколько вариантов. Во-первых, возможно создание органов ведомственной функциональной подсистемы единой системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций под руководством какого-либо министерства [9]. Во-вторых, создание ведомственной противопожарной службы министерства или ведомства [10], осуществляющей ведомственный пожарный надзор. Возможность создания ведомственного пожарного надзора в целях обеспечения пожарной безопасности и органов управления и подразделений ведомственной пожарной охраны предусмотрена ст. 1, 12 ФЗ № 69-ФЗ от 21.12.1994 «О пожарной безопасности». Пожарный надзор осуществляется в порядке, установленном положениями об их ведомственной пожарной охране, согласованными с главным государственным инспектором РФ по пожарному надзору.

Такая практика применяется, например, на объектах Министерства обороны РФ, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной службы безопасности РФ и Службы внешней разведки РФ.

В-третьих, отдельно осуществляется надзор за соблюдением требований пожарной безопасности в лесах (как входящих, так и не входящих в

лесной фонд РФ), а также на подземных объектах и при производстве, транспортировке, хранении, использовании и утилизации взрывчатых материалов в организациях, ведущих взрывные работы с использованием взрывчатых материалов промышленного назначения.

Дополнительно существуют и органы муниципальной пожарной охраны, которая создается органами местного самоуправления на территории муниципальных образований для обеспечения первичных мер пожарной безопасности в границах населенных пунктов поселений [11].

Кроме того, в населенных пунктах и организациях РФ могут создаваться органы и подразделения частной пожарной охраны – для оказания услуг в области пожарной безопасности. Участие граждан в обеспечении первичных мер пожарной безопасности осуществляется в форме добровольной пожарной охраны.

Но полномочия на проведение проверок пожарной безопасности имеют органы государственного и ведомственного пожарного надзора – подразделения федеральных органов государственной власти.

При осуществлении надзора за предпринимательской деятельностью объектом контроля (надзора) является деятельность юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан по выполнению обязательных требований в области пожарной безопасности, в том числе на их имущественном комплексе (или его части), включая территорию, здания, сооружения, транспортные средства, технологические установки, оборудование, агрегаты, изделия и иное имущество.

Надзор за соблюдением требований пожарной безопасности на объектах контроля (надзора) осуществляется в ходе проверок, проводимых в рамках мероприятий по контролю.

Права государственных инспекторов по пожарному надзору перечислены в Положении о государственном пожарном надзоре, которое утверждено Постановлением Правительства РФ от 21 декабря 2004 г. № 820. Согласно ему инспекторы обладают широкими полномочиями при проверке помещений организаций и индивидуальных предпринимателей. Например, они вправе беспрепятственно входить в занимаемые фирмами помещения, если у них есть основания беспокоиться о пожарной безопасности. Причем они могут нагрянуть даже в нерабочее время (пп. 2 п. 9 Положения).

Кроме того, пожарные инспекторы вправе осмотреть товары, которые продает организация, образцы продукции, а также ознакомиться с внутренними документами.

Надо сказать, что проведение мероприятий по контролю субъектов предпринимательской деятельности – это в основном прерогатива государ-

ственных инспекторов городов (районов) субъектов РФ, вышестоящие должностные лица, как правило, координируют их деятельность и проводят проверки государственных органов и органов местного самоуправления.

Мероприятия по контролю проводятся государственными инспекторами во время исполнения служебных обязанностей с участием руководителей организаций или выделенных ими представителей.

Одна из главных задач проверки – удостовериться, что лицо соблюдает Правила пожарной безопасности в Российской Федерации (ППБ 01-03) [12].

Правилами пожарной безопасности (ППБ) называются:

1) комплекс положений, устанавливающих порядок соблюдения требований и норм пожарной безопасности при строительстве и эксплуатации объекта;

2) вид нормативного документа по пожарной безопасности, регламентирующего для группы однородных объектов защиты или видов деятельности требования пожарной безопасности, которые устанавливают правила поведения людей, порядок организации производства, выполнения работ (услуг) и (или) содержания помещений, зданий (сооружений) и территорий, обеспечивающие безопасность людей, предупреждение и тушение пожара.

Для этого потребуют у проверяемого субъекта инструкцию о мерах пожарной безопасности для каждого пожароопасного участка. Она должна быть в каждой организации и у каждого предпринимателя. В ней указываются места для курения, обязанности и действия работников при пожаре, в частности эвакуационные пути, как вызвать пожарную охрану, как отключить вентиляцию и электрооборудование при пожаре.

Инспектор должен удостовериться, что в помещениях на видных местах должны висеть планы (схемы) эвакуации людей в случае пожара.

Если на одном этаже здания работают больше 10 сотрудников, на видном месте должны находиться схемы эвакуации людей при пожаре. Также необходимо предусмотреть систему пожарного оповещения, которая должна соответствовать Нормам пожарной безопасности [13].

А если на этаже находятся свыше 50 человек, директор обязан выпустить инструкцию о том, как действовать этим работникам в случае пожара. Руководство должно организовывать практические тренировки по данному документу не реже чем два раза в год, а их результаты заносить в журнал противопожарного инструктажа.

Особое внимание инспекторы уделяют подъездным путям к торговому зданию, выходам, пожарным и поэтажным лестницам, водосточникам. Они всегда должны быть исправными, свобод-

ными, не загроможденными, а зимой – очищенными от снега и льда.

Также инспекторы обычно проверяют количество, тип и исправность пожарных щитов и огнетушителей в организации. О том, сколько и каких средств тушения должна иметь фирма в зависимости от площади и видов помещений, написано в Приложении 3 к Правилам пожарной безопасности.

А вот когда организации следует обзавестись автоматической системой пожаротушения или пожарной сигнализацией, сказано в Нормам пожарной безопасности (НПБ 110-03) [14]. Например, если площадь торгового зала менее 200 кв. м и расположен он в цоколе или подвале, то фирма обязана установить пожарную сигнализацию. Если более 200 кв. м – систему пожаротушения.

Результаты проверки оформляются актом проверки соблюдения требований пожарной безопасности – документом строгой отчетности установленной формы, составленным по результатам мероприятия по контролю на объекте контроля (надзора).

При несоответствии деятельности организации или индивидуального предпринимателя Правилам пожарной безопасности государственный орган государственного пожарного надзора выдает предписание об устранении выявленных недостатков. Это обязательный для исполнения документ строгой отчетности установленной формы, составленный и направленный (врученный) от имени органа государственного пожарного надзора юридическому лицу, индивидуальному предпринимателю, должностному лицу или гражданину и содержащий законные требования по устранению нарушений требований пожарной безопасности, приостановлению полностью или частично работы предприятий (отдельных производств), производственных участков, агрегатов, эксплуатации зданий, сооружений, помещений, проведению отдельных видов работ, устранению нарушений требований пожарной безопасности при производстве товаров (работ, услуг), снятию их с производства, прекращению выпуска или приостановлению реализации товаров (работ, услуг). При этом возможно приостановление предпринимательской деятельности до устранения выявленных недостатков в указанный срок, но только в судебном порядке. На практике бывает, что проверяющие в предписании просто рекомендуют организации устранить нарушение в разумный срок.

Выполнение данного предписания может являться одним из оснований для проведения внеплановой проверки.

Проверки могут быть плановые и внеплановые.

– Плановые проверки проводятся с целью контроля за выполнением обязательных требо-

ваний пожарной безопасности на объектах контроля (надзора). Проводятся не более одного раза в два года.

– Внеплановые проверки проводятся с целью контроля исполнения предписаний об устранении нарушений обязательных требований пожарной безопасности, выявленных в результате проведения плановой проверки.

Кроме того, внеплановые проверки проводятся также в случаях:

1) получения информации от любых лиц, например СМИ, о возникновении аварийных ситуаций, об изменениях или о нарушениях технологических процессов, а также о выходе из строя сооружений, оборудования, которые могут непосредственно причинить угрозу жизни, вред здоровью людей, окружающей среде и имуществу граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;

2) возникновения угрозы жизни и вреда здоровью граждан, повреждения имущества, в том числе в отношении других юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей. Частой причиной внеплановых проверок являются уже случившиеся пожары. В таких случаях инспекторы, скорее всего, проверят несколько организаций, занимающихся одинаковым видом деятельности;

3) обращений граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей с жалобами на нарушения их прав и законных интересов лиц, связанными с невыполнением ими обязательных требований пожарной безопасности;

4) иной информации, подтверждаемой документами и иными доказательствами, свидетельствующими о наличии признаков таких нарушений (анонимность не может служить основанием для проведения внеплановой проверки).

Продолжительность всех действий, входящих в мероприятие по контролю за обеспечением пожарной безопасности в отношении одного юридического лица или индивидуального предпринимателя, не должна превышать один месяц. Но в исключительных случаях, связанных с необходимостью проверки большого количества зданий, проведения специальных исследований (испытаний), экспертиз со значительным объемом работы на основании мотивированного предложения государственного инспектора, срок проведения мероприятия по контролю может быть продлен, но не более чем на один месяц.

Кроме проверок государство использует и другие методы по профилактике пожаров и соблюдению пожарной безопасности.

В 2006 г. по инициативе МЧС России, одобренной Президентом Российской Федерации, была проведена работа по созданию системы независимой оценки рисков, которая получила название «аудит безопасности».

По оценке экспертов МЧС России, аудит безопасности позволит совместными усилиями государства, общественности и бизнеса качественно улучшить защищенность граждан от чрезвычайных ситуаций, снизит административное давление на объекты предпринимательства при осуществлении государственного контроля и надзора и существенно сузит поле для коррупции в этой сфере деятельности.

С помощью предлагаемого механизма планируется исключить непосредственное участие инспекторов государственных контрольных органов в проверках части предприятий и организаций, а также их влияние на принятие решений о прекращении их деятельности.

Государственный контроль сохранится лишь на критически важных для национальной безопасности объектах, в местах и организациях с массовым пребыванием людей (таких, например, как школы), а также на предприятиях атомной энергетики.

Независимую оценку рисков должны проводить «аудиторские» и консалтинговые компании. Эти компании должны быть обязательно проверены и рекомендованы государственным органом, иметь подготовленных специалистов различного профиля, нормативную правовую базу, специальные системы, лаборатории и, соответственно, право на проведение аудита безопасности.

С принятием Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного объекта», который принят Госдумой в первом чтении, все промышленные потенциально опасные объекты будут обязаны страховать свою ответственность перед третьими лицами.

В настоящее время в МЧС России подготовлена концепция создания системы независимой оценки рисков в Российской Федерации и план по ее реализации.

В 2006 г. МЧС России в целях предупреждения и профилактики пожаров, привлечения внимания общественности к проблеме пожарной безопасности в местах массового пребывания людей в центральных СМИ и на официальном сайте Министерства были опубликованы списки объектов, на которых грубо нарушаются нормы и требования пожарной безопасности и создалась реальная угроза жизни людей. В обществе они быстро получили название «черные списки МЧС».

Публикация первого списка вызвала бурную реакцию среди населения и руководителей пожароопасных объектов, дала толчок такому движению, как борьба населения за пожарную безопасность жилых зданий. Во многих регионах России активно развернулось общественное движение на выявление самого пожаробезопасного дома республики.

В результате проведенной работы на сегодняшний день устранены грубые нарушения пожарной безопасности на 67 объектах, попавших в этот список (58,3% от общего их числа).

В канун нового учебного года инспекторами ГПН были проверены свыше 64 тысяч общеобразовательных учреждений России. По итогам этой проверки в очередной «черный список МЧС» попали 88 школ, работа которых была приостановлена по решению судов.

Уже к концу сентября в 57 школах (64,7% от общего их числа) грубые нарушения норм и требований пожарной безопасности были устранены.

Третий «черный список МЧС» подготовлен недавно и сейчас размещен на официальном Интернет-сайте МЧС России. В него вошли 77 объектов с массовым пребыванием людей, на которых имеется реальная угроза здоровью и жизни людей.

Таким образом, при работе по профилактике и предупреждению пожаров и нарушению норм и требований пожарной безопасности государство использует самые разнообразные формы и методы: от деятельности государственных органов и должностных лиц до привлечения механизмов социального контроля общества.

Примечания

1. В соответствии со ст. 6, 7 Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (в ред. Федерального закона от 09.05.2005 № 45-ФЗ).

2. Данные МЧС «Обеспечение пожарной безопасности на территории Российской Федерации».

3. В докладе «О результатах и основных направлениях деятельности МЧС период 2007–2009 гг.»

4. Отражено в Государственном докладе «О состоянии защиты населения и территорий Российской

Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2004 году».

5. Ст. 3 ФЗ от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности».

6. Ст. 1 ФЗ от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности».

7. Постановление Правительства РФ от 21.12.2004 № 820 «О государственном пожарном надзоре».

8. См. ФЗ от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», Постановление Правительства РФ от 21.12.2004 № 820 «О государственном пожарном надзоре», Приказ МЧС РФ от 17.03.2003 № 132 «Об утверждении инструкции по организации и осуществлению государственного пожарного надзора в Российской Федерации».

9. См., например, Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 21 июля 2006 г. № 213 «О функциональных подсистемах единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС) Минсельхоза России».

10. См., например, Приказ ФСИН от 4 августа 2005 г. № 697 «Об утверждении положения о ведомственной пожарной охране уголовно-исполнительной системы».

11. Относится к вопросам местного значения поселения – см. Федеральный закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

12. Утверждены Приказом МЧС РФ от 18.06.2003 № 313 «Об утверждении правил пожарной безопасности в Российской Федерации» (ППБ 01-03).

13. Утверждены Приказом МЧС РФ от 20.06.2003 № 323 «Об утверждении норм пожарной безопасности «Проектирование систем оповещения людей о пожаре в зданиях и сооружениях» (НПБ 104-03)».

14. Утверждены Приказом МЧС РФ от 18.06.2003 № 315 «Об утверждении норм пожарной безопасности «Перечень зданий, сооружений, помещений и оборудования, подлежащих защите автоматическими установками пожаротушения и автоматической пожарной сигнализацией» (НПБ 110-03)».

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. Г. Кихней, Т. С. Круглова

МИФОПОЭТИКА ЛИЧНОГО ИМЕНИ В ЛИРИЧЕСКИХ ОБРАЩЕНИЯХ М. ЦВЕТАЕВОЙ И В ПОЭТИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ АКМЕИСТОВ

В статье рассмотрены специфические особенности ономастической поэтики Цветаевой на материале ее стихотворных посланий.

Поэтика личного имени, глубоко разработанная Мариной Цветаевой, имеет ряд соответствий в акмеистической практике. Это обусловило постановку задачи данной статьи: показать некоторые специфические особенности ономастической поэтики Цветаевой на фоне аналогичных художественных поисков акмеистов.

Прежде всего бросается в глаза тот факт, что личное имя обретает чрезвычайную важность в коммуникативно-диалогической модели цветаевской лирики. Иными словами, личное имя – это, как правило, имя адресата (как реального, так и условно-литературного, мифологического), к которому обращен текст. Об этом свидетельствуют уже сами заголовочные комплексы адресованных циклов Цветаевой, в структуру которых входит имя собственное в дательном (реже – именительном) падеже, знаменуя тем самым принадлежность этих произведений к жанру послания Ср., например, названия циклов: «Стихи к Блоку», «Ахматовой», «Вячеславу Иванову», «Маяковскому», «Стихи к Пушкину», «Федра», «Овридика – Орфею», – предназначенных быть озвученными и услышанными (реально или условно). Но именное обращение в этих циклах не только выполняет коммуникативную функцию, указывая на конкретного получателя текста. Проговаривание имени адресата, «окликание» его по имени в пространстве самого текста играет эпистемологическую роль, служит постижению его сущности, а в ряде случаев – и лирико-магическую роль, становясь прообразом некоего ритуального «заговаривания».

КИХНЕЙ Любовь Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор по кафедре истории журналистики и литературы ИМПЭ им. А. С. Грибоедова (г. Москва)

КРУГЛОВА Татьяна Сергеевна – ст. преподаватель кафедры романо-германской филологии Пензенского государственного университета

© Кихней А. Г., Круглова Т. С., 2007

Более того, личное имя в поэтических обращениях Марины Цветаевой играет роль смыслового интегратора, своего рода фоносемантической матрицы.

Так, в «Стихах к Блоку» знаковое имя поэта (его имя и фамилия) задано эксплицитно – вынесено в заглавие цикла. Однако в самих стихах оно упоминается лишь единожды («Святое сердце Александра Блока!» [1]), ибо автор не задается целью завязать диалог с адресатом, втянуть его в свои рассуждения («И по имени не окликну...», 1, 67).

В 1-м стихотворении Цветаева создает ассоциативно-звуковой «ореол» вокруг имени адресата, что способствует его превращению в контекстуальный (едва ли не сакральный) символ, который является ключом к потаенному смыслу 1-го стихотворения и всего цикла. При этом само имя «Блок» не только не называется, но даже и не выражается в фонических (аллитерационно-ассонансных структурах). Цветаева идет другим путем: она описывает субъективные ощущения, связанные с кинестетической сферой восприятия, которые становятся «планом выражения» гипостазированной сути имени адресата. В первой строфе кинестетические образы связаны с осязательно-мускульными и вкусовыми ощущениями, а во второй – со слуховыми.

При этом она прибегает к поэтике загадки, как бы заставляя читателя самого выстраивать тождества между именем и звуковой ассоциацией, которую она не имитирует в звуке, а дает ее косвенное описание, как это принято при загадывании загадки:

*Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твоё гремит.
И назовёт его нам в висок
Громко щелкающий курок.* (1, 65)

Неназывание имени (данного в артикуляционно-осязательно-слуховой кодировке, через нанизывание образных энигм) обретает здесь магическую подоплеку (связанную с табуированием имени высшего существа), которая смыкается с сакрально-христианскими запретами, в частности с 3-й божьей заповедью: «Не поминай имени господа Бога своего всуе» (ср. у Цветаевой: «Имя твоё – ах, нельзя!»). В таком контексте сакрального умалчивания имя «Блок» для Цветаевой отождествляется со словом «Бог».

Не случайно она далее прибегает к парафрастической конструкции: «И имя твое, звучащее словно: ангел» (поясняющая звуко-семантическое тождество *Блок = Бог*). В эту сакральную парадигму вписывается еще одно звуковое стяжение: «ангел» – «Александр». Это сближение мотивируется автором, очевидно, тем, что этимологически имя «Александр» имеет значение «защитник людей». Ведь ту же функцию выполняют и ангелы-хранители. Из этого сопоставления сублимируется новый смысл: в цветаевской этимологии Александр Блок – ангел-хранитель. Это потаенное тождество обуславливает и литургические жанровые мотивы, поддержанные цитатами (ср.: «Свете тихий – святые славы – / Вседержитель моей души», 1, 67), заимствованными из церковно-ритуальных текстов.

В итоге имя «Александр Блок» в символической интерпретации Цветаевой становится неким ядром *авторского мифа* о Блоке, включающего строй его души, поэзии, судьбы, ключевым моментом в котором является сакральная модальность, проступающая в цветаевском цикле.

По тому же принципу построено и 1-е стихотворение цикла «Ахматова». В нем «звуковой слепок» имени адресата – *Анна Ахматова* – «разыгрывается» в ряде ассоциаций, выстраивающихся в целостную смысловую парадигму, в котором из междометия «Ах!», приравненного к горестно-удивленному вздоху, вырастает авторская мифологема Ахматовой, суть которой также сакральна: *бестелесный голос – Муза – Душа – Дух*.

Та же семантическая многослойность имени сохраняется и в цветаевских квазипосланиях, построенных на мифолого-литературном материале (см., например, цикл «Федра» или «Эвридика – Орфею»). Но цель именования, а стало быть, и принципы работы с именем здесь меняются.

Так, в первом стихотворении цикла «Федра» многократно повторенное имя *Ипполит* воспринимается как некий семантический зародыш, из которого, собственно, и вырос весь текст. Имя выполняет функцию психологической характеристики лирической героини: многократное повторение ею имени Ипполита передает силу ее одержимости страстью.

В то же время, входя в несколько контекстуальных упорядоченностей, имя *Ипполит* одновременно образует несколько смысловых рядов. При этом оно обретает значения, не свойственные ему в реальной жизни, в бытовом узусе. Ср.:

*Ипполит! Ипполит! Болит!
Опаляет... В жару ланиты...
Что за ужас жестокий скрыт
В этом имени Ипполита!*

*Ипполит! Ипполит! Спрячь!
В этом пеплуме – как в склепе.
Есть Элизиум – для – кляч:
Живодерня! – Палит слепень! (1, 210)*

В итоге в «Жалобе» отчетливо выявляются фонетически родственные имени *Ипполит* образы, создающие сквозной фонический ряд: *Ипполит – болит – опаляет – <в жару> ланиты // Пеплум – склеп – слепну – слепень – плен – лава взамен плит – леним – плащ*. В этом ряду имя *Ипполит* является звуко-смысловой матрицей, инвариантом, задающим две семантические парадигмы: *пламени* [страсти] (*болит – опаляет – палит слепень – плач – лава – пылкий – запаленный – утоли*) и *склепа* [гибели] (*плен – склеп – плащ – пеплум – слепну – пепел – пила – опилки*). При этом вторая смысловая парадигма несет в себе семантические обертоны «закрытости» и «пленности», то есть попытки сдерживания запретного чувства.

Имя, обрстая метафорически-ассоциативными значениями, оказывается внутренне расщепленным, и именно эта смысловая амбивалентность имени определяет внутренний сюжет стихотворения – как роковую нераздельность – неслиянность души и тела, страсти и долга, любви и смерти.

В «Послании» (втором стихотворении цикла) семантика имени (сохраняя память о контекстуальных смыслах, обретенных в первом стихотворении) несколько сдвигается: имя *Ипполит* выступает как символ телесной и духовной жажды и недостижимости ее утоления («Ипполит, утоли...»).

Можно сделать вывод, что имя в цикле «Федра» определяет ее внутреннюю – мифопоэтическую – форму, которая, в свою очередь, обуславливает закономерности мотивно-образного и сюжетно-композиционного развертывания авторского мифа о любви-страсти как роковой стихии.

Таким образом, Цветаева, используя буквально все фоно-семантические возможности имени, в конечном итоге разворачивает имя в миф – но не в классический миф (последний может служить материалом для ее мифо-семантических построений), а в авторский миф. Но этот авторский миф создается по тем же законам, что и миф традиционный, более того, он в цветаевском творчестве выполняет креативные функции смыслопорождения, которые дают цепную реакцию новых образных ассоциаций.

Слово в концептуальных построениях акмеистов напрямую связано с религиозно-мифологической и онтологической основой мира. Показательна в связи с этим концепция имени как мифа, разработанная в поэтике Гумилева и предвосхитившая философские идеи А. Ф. Лосева. Акмеисты религиозно-мифологические и философские истоки слова усматривали в прологе Евангелия от Иоанна («Слово было Богом»).

В понимании акмеистов вещи только в имени обретают свой бытийственный статус. Поэтому предметы как бы томятся без имен, стремятся воплотиться в слове (но не в любом, а в слове поэта, отсюда второе название течения – аданизм, поскольку именно Адам впервые нарекал предметы именами). Ср. у Мандельштама: «*Как женщины жаждут предметы / Как ласки заветных имен. / Но тайные ловит приметы / Поэт в темноту погружен*» [2]; «*В лазури мучилась заноза: – Не забывай меня, казни меня, / Но дай мне имя, дай мне имя!..*» [3]. Но после революции слово, имя, согласно концептуальным построениям акмеистов, оказывается еще и хранителем «памяти культуры». Наиболее ярко эта философская установка, теоретически обоснованная Мандельштамом в статьях 1921–1922 гг., в творческой практике проявилась у Н. Гумилева. В художественном пространстве его последнего сборника «Огненный столп» (1921) стягиваются воедино культурные и исторические пласты – с помощью парадигматической игры этимологически родственными именами.

Идея «памяти слова» у Гумилева реализуется в буквальном смысле, на корневом уровне: слово становится хранилищем исторических контекстов, при этом возникает своеобразный феномен *реинкарнации* корня. Этот процесс «перевоплощения слова» с сохранением памяти о его прошлых значениях является структурно-семантическим стержнем стихотворения «Ольга», в котором происходит собирание различных культурно-исторических смыслов на уровне корней слов, восходящих к заглавию стихотворения (посвященном Ольге Арбениной). Автор выстраивает культурно-ассоциативный ряд образов: *Ольга – Ольга – Олег – Валгалла – Валькирии*, фонетически и (как будет показано далее) семантически сближенных; причем некоторые из них, как, например, *Олег*, спрятаны в подтекст. Имя *Ольга* становится историческим символом, отсылающим к знаковым ситуациям русской истории. Так, например, в тексте воспроизводится летописный эпизод мести княгини Ольги древлянам за смерть ее мужа, князя Игоря (ср.: «*Ольга, Ольга! – вопили древляне / С волосами желтыми, как мед, / Выцафатывая в раскаленной бане / Окровавленными ногтями ход*»).

Этимологически имя Ольга восходит к именам Хельга или Эльга. «И то и другое имя, – пишет П. Флоренский, – пришли к нам из Скандинавии, и оба глубоко принятые русским народом и сделавшиеся именами особенно русскими, будучи усвоенными русским языком претерпели здесь звуковую переогласовку» [4]. Вот почему стихотворение начинается именно с эмфатического клича: «*Эльга, Эльга! – звучало над полями*», – отсылающего к суровым реалиям военной

жизни викингов, и только потом автор обращается к древнерусскому эпизоду мести княгини Ольги, как бы соотнося историческую хронологию с этимологической трансформацией имени.

Далее по ассоциативно-фонетическому принципу в тексте возникает отсылка к деяниям князя Олега, родственника Рюрика, совершившего удачный поход на Византию: «*И за дальними морями чужими / Не уставала звенеть, / То же звонкое вызванивая имя, / Варяжская сталь в византийскую медь*». Таким образом, именная парадигма Эльга – Ольга – Олег оказывается связанной с ключевыми эпизодами скандинавской и древнерусской истории, что «объясняет» семантико-этимологическую близость этих имен.

Подтверждением правильности нашего предположения может служить появление «одноколенного» имени Вольга в стихотворении «Змея». Харизматически-волевое начало воплощено в образе былинного богатыря Вольги, который в авторском мифе Гумилева выведен змеборцем. Но в древних былинах традиционно змеборцем считался Добрыня Никитич. Гумилев же реконструирует миф, поскольку имя Вольга несет в себе историософский подтекст, связанный с семантикой именной парадигмы, в которую входит Ольга (скандинавский корень имени отсылает к варягам, создавшим в свое время российскую государственность) и Олег, совершивший поход на Царьград. Соответственно, в эту именную парадигму в большей мере «вписывается» былинный богатырь Вольга (а не Добрыня Никитич), именно он согласно этимологии имени должен охранять Святую Русь от хтонических разрушительных сил и в то же время иноверческих, «панмонголистских» набегов (ср. геософскую семантику мусульманского центра Лагора как обиталища Змея), персонифицированных в мифологическом образе Змея.

Но вернемся к стихотворению «Ольга». Именная ассоциация переносит лирического героя из реального исторического прошлого в вымышленное, мифологическое пространство, в котором, по наблюдению Н. А. Оцуца, «Ольга, героиня русских летописей и легенд», сливается с героиней германского эпоса «Песнь о Нибелунгах» Брюнгильдой. Ольга, как и Брюнгильда, жестоко мстит за смерть мужа [5]. Отсюда – сравнение Ольги с Валькирией, воинственной девой, уносившей павших в битве героев в Вальгаллу (причем по фонетическому сближению все эти три имени также образуют мифолого-онимастическую парадигму). Ср.: «*Сумасшедших слов Валгаллы / Славных битв и тиров я жду. <...> И валькирией надо мною, / Ольга, Ольга, кружишь ты*». Знаменательно, что П. Флоренский, комментируя характерологическую семантику имени *Ольга*, также усматривал в носитель-

ницах этого имени «душевное строение девы Валькирии» [6].

Стяжение разных культурно-исторических пластов в «матричном» имени «Ольга» придает ему статус мифологической «свертки», хранящей события древнерусской истории в тесном взаимодействии со «скандинавскими влияниями», в итоге имя воистину становится «маленьким Акрополем», собирающим разные национально-исторические и культурно-мифологические векторы в единое целое русской истории и культуры. Таким образом, идея «памяти слова» у Гумилева реализуется в буквальном смысле, на корневом уровне – слово становится резервуаром значений, накопленных историей и культурой за многие века.

Если сравнить ономастические поиски Цветаевой с аналогичными разработками поэтики личного имени у акмеистов, то можно увидеть сходство и разницу в природе и приемах мифопоэтической работы со словом, определяемой в конечном итоге различиями философско-эстетических и коммуникативных установок. Так, в акмеизме смысловое единство имени-мифа реализуется на синтагматическом уровне. Акмеистское имя обретает способность хранить память о прошлом, причем смысловое наращивание происходит за счет ассоциативно-фонетических связей, выстраиваемых в пространстве стихотворения или цикла.

Уникальность ее ономастических опытов заключается в том, что она в своем зрелом творчестве усвоила философские и художественные разработки имени акмеистов (вспомним ее восторженное отношение к поэзии Ахматовой и Гумилева и близкие личные и творческие отношения с Мандельштамом, отразившиеся в стихотворениях и статьях!); в то же время она во многом пошла дальше акмеистов. У Цветаевой мы наблюдаем как бы и синтагматическое и парадигматическое единство смысла в личном имени, развернутом в миф.

Примечания

1. Цветаева, М. Соч. [Текст] : в 2 т. / М. Цветаева. М., 1988. Т. 1. С. 70. (Ссылки на это издание далее приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы.)

2. Мандельштам, О. Соч. [Текст] : в 2 т. / О. Мандельштам. М., 1990. Т. 1. С. 278.

3. Там же. Т. 1. С. 152.

4. Флоренский, П. Имена [Текст] / П. Флоренский. М., 2001. С. 170.

5. Цит. по: Гумилев, Н. С. Полн. собр. соч. [Текст] : в 10 т. / Н. С. Гумилев. М., 2001. Т. 4. С. 317.

6. Флоренский, П. Указ. соч. С. 177.

О. А. Полякова

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Х. КАМЕНЬСКОГО

В статье рассматриваются основные положения теории реалистического искусства, разработанной Х. Каменьским, известным польским философом, литератором и общественным деятелем.

Процесс становления польского реалистического романа начался в 40–50-е гг. XIX столетия и достиг своей наивысшей точки в 80-е гг., когда были созданы лучшие произведения Б. Пруса и Э. Ожешко. Как справедливо заметила Е. З. Цыбенко, этот расцвет был подготовлен предыдущим периодом, периодом творческих поисков и накопления опыта. Именно тогда роман становится не просто равноправным, но и ведущим жанром польской литературы, и в ходе оживленной дискуссии складывается концепция реалистического романа, дающего широкую панораму жизни общества [1].

Во вступлении к роману «Пан Юзеф Бояльский» Х. Каменьский, анализируя состояние польской прозы на 1854 г., категорично заявил: «Нет польского романа!», – имея в виду не роман вообще, а социальный роман, призванный отражать польскую действительность со всеми присущими ей закономерностями и проблемами.

Требовательный и взыскательный критик не обнаружил в современной ему литературе ни одного прозаического произведения, по художественным достоинствам и идейной направленности равного поэме «Пан Тадеуш» А. Мицкевича, хотя романов в тот период издавалось достаточно много. Что же заставило Каменьского так остро поставить вопрос? Чтобы разобраться в этой ситуации, следует вспомнить особенности польской литературной жизни в 40–50-е гг. XIX в.

Характер литературного процесса в Польше в этот период совпадал с общеевропейским развитием литературы: романтизм, правда, возникший несколько позднее, чем в Германии, Англии и Франции, и представленный творчеством крупнейших поэтов А. Мицкевича и Ю. Словацкого, постепенно уступал место реализму. Для того и другого методов были характерны национальные особенности, обусловленные исторической ситуацией.

Польша, разделенная между Австрией, Пруссией и Россией, не раз поднималась на восстания, но все они, в том числе и крупнейшие – 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., – были подавлены.

ПОЛЯКОВА Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре зарубежной литературы и английского языка ВятГГУ
© Полякова О. А., 2007

Поэтому наиболее важными и злободневными для литературы XIX в. являлись проблема народности и тема исторической судьбы поляков. Ведущей и наиболее острой продолжала оставаться проблема национальной независимости, но из-за жестокой цензуры ее могли затрагивать только авторы, находящиеся в эмиграции.

Кроме того, в 40–50-е гг. вследствие развития буржуазных отношений обостряются социальные противоречия. Создателям художественных произведений необходимо было осмыслить сложные вопросы современности, проанализировать новые аспекты польской действительности, а также найти новые социально-психологические типы героев, чьи мысли, чувства, поступки были бы обусловлены эпохой. Исторический, бытовой, психологический и сатирический романы, широко распространенные в польской литературе до этого времени, не могли в полной мере справиться с этими серьезными задачами. Выделение социального романа как жанровой разновидности, постепенно занимающей ведущее место в литературе, происходило в Польше на фоне бурной полемики. Дискуссия развернулась вокруг определения роли и задач романа, принципов его построения. По сути дела, речь шла о типологии жанра, но споры эти носили не столько теоретико-литературный, сколько идейно-политический характер.

Следует заметить, что термин «реализм», введенный в Польшу М. Мохнацким в 1825 г., долгое время употреблялся крайне редко и вновь вошел в обиход лишь в конце 50-х гг. XIX в. Поэтому в центре внимания критики 1840–1850-х гг. находится не столько реализм как художественный метод, сколько основной его жанр – социальный роман.

Х. Каменьский был активным участником полемики вокруг социального романа и принадлежал к числу тех критиков, которые плодотворно разрабатывали в своем творчестве концепцию реалистического искусства. Первоначально в работах польского мыслителя в центре внимания были вопросы, касающиеся поэтического творчества, в частности идея о важной роли поэзии в преобразовании общества и воспитании общественного сознания. Эти мысли отличались глубиной и оригинальностью, но трактовались исходя из идеологических задач. Постепенно логика его умозаключений приводит к размышлениям о значимости прозы, о ее современном состоянии, и Каменьский все увереннее начинает проявлять себя как литературный критик и теоретик нового реалистического направления в литературе.

Свои суждения о явлениях литературной жизни Каменьский излагает на страницах периодической печати, а также в форме теоретических

трактатов. Он подчеркивает огромное значение романа о современности и его пусть «медленное, постепенное», но глубокое воздействие на читателей. Основная мысль, которая проходит через все критические работы Каменьского, сводится к тому, что без современного содержания невозможно никакое искусство.

Именно поэтому в творчестве Каменьского значительное место отводится разработке реалистического метода в художественном творчестве, в частности романа, посвященного актуальным проблемам современности. В 1840-х гг. он публикует в журнале «Научное обозрение» цикл статей, посвященных роли и функциям литературы в жизни народа. Важнейшим элементом эстетики Каменьского в эту пору является идея о самопознании общества посредством литературы.

Впервые эти мысли польский критик развивает в этапной статье «Захолустье», опубликованной в 1843 г. Статья явилась откликом на только что вышедший из печати первый том «Захолустья» Лешека Дунина-Борковского. Эта книга представляла собой серию очерков, издававшихся с 1843 по 1849 г., которую читатели приняли за роман, хотя сам автор определил их как «материал для романа»: эссе, фельетоны перемежались с бытовыми сценками, диалогами, ситуациями. Задумав создать сатиру на высшее общество, Л. Дунина-Борковский сумел сделать серьезные обобщения.

Каменьский рассматривает это произведение, посвященное критике обычаев и нравов, как типичное. Из-за цензуры он не говорит подробно ни об авторе, ни о самом произведении, но использует проблематику романа как повод высказать свои мысли о реализме в литературе.

Критик обосновывает идею о том, что литература оказывает важное воздействие на общественное сознание. Литературное произведение, описывающее быт и нравы, помогает познать жизнь, образовывает читателя, поэтому писателю необходимо в своих творениях затрагивать главные проблемы времени. Только тогда можно будет исправить «дурные привычки», «пороки и грехи», только тогда произведение заинтересует публику, а к автору придет литературная известность.

Польский критик разрабатывает основы реалистической сатиры. Современная бытовая повесть и драма, по его мнению, не дают полного реалистического видения действительности, хотя и основаны на жизненном материале. Посвященные критике обывателей, они показывают вырождение тех, кто присвоил себе право управлять народом. Однако писатели создают карикатуру на общество, поэтому критика нравов и обычаев нередко носит «водевильный» характер. «Если

критика устоев общества, вместо того чтобы быть серьезной и суровой, будет легкой и шутовой, не соскользнет ли она на приятельские отношения, не выявляя зла в источнике порока?» – задает вопрос критик.

Чтобы избежать «легкомысленного» отношения к серьезным и важным проблемам, авторам следует как можно глубже проникать в их суть, а для этого исследовать действительность во всех ее проявлениях и закономерностях. Х. Каменьский был убежден, что общественная жизнь есть процесс, подчиненный определенным законам, которые нельзя безнаказанно нарушать и которые можно и необходимо познать. Бытие человека может быть логически понято только тогда, когда будут установлены законы его развития.

Х. Каменьский заостряет внимание на том, что предметом критики в литературном произведении должны выступать не конкретные личности, а пороки. Иначе оно превращается в жалкий пасквиль, а реализм в этом случае носит поверхностный, ограниченный характер, так как воспроизводит не действительность, а ее видимость. Позднее, формулируя основные положения социальной философии, писатель будет утверждать, что отдельные индивиды не несут ответственности за зло «общественной системы, что виной всему общественные установления, а не люди». Таким образом, заключает в своей статье Каменьский, писатель, избравший предметом своего творчества критику обывательства, должен прежде всего учитывать важнейшие проблемы эпохи и через создание типических образов раскрывать их в своем произведении. Пороки, которые «весьма распространены» в обществе, следует представить «в смешном виде» или показать их так, чтобы «общество почувствовало необходимость изменения», а сами «люди с дурными привычками» невольно перевоспитывались под воздействием правды. Критик рассматривает смех как средство для «лечения общества от собственных язв и пороков», причем средство «приятное и полезное».

Писателю, сатирику-моралисту, следует стремиться прежде всего «истинную суть явлений раскрыть и наиважнейшее зло искоренить». Его критика должна быть «наукой жизни», должна исходить из понимания отечественных особенностей исторических процессов и специфики народной культуры. Уклады жизни, считает Каменьский, различны в разных странах, в каждом есть свои достоинства и недостатки, поэтому ошибается тот, кто стремится распространять традиции своей страны на другую: каждый обычай должен вырастать на собственной почве. Критик настаивает на том, что основное внимание писатели должны сосредоточить на изучении и описании «обычаев, пороков, достоинств и недостатков» собственной страны.

Бытовые повесть и драма, метко освещающие пороки общества, не могут ограничиться лишь констатирующей критикой. Они должны проникнуть до глубинных причин этих пороков. Сам автор не называет этих причин, но вынесенное в заглавие понятие «захолустье» становится в его статье обобщением и своеобразной метафорой. Захолустье – это не просто место действия, далекое от культурных центров, глухая провинция. Это определенный образ жизни, присущий как высшему свету, так и низам, при котором ценятся пошлые идеалы, притворство, мишура; когда ложные критерии становятся основой суждения о людях, когда рутинерство и обскурантизм царят в обществе. Именно захолустье порождает в человеческом характере «мелочность и пустячность, желание летать при отсутствии крыльев». Основа комического в этом случае лежит в «противопоставлении (контрасте) больших претензий и малой ценности».

В своей статье Каменьский одним из первых польских критиков вводит понятие реалистической типизации. Он утверждает, что задача «современного романа и бытовой драмы состоит в том, чтобы верно и всесторонне охватить действительность во всех ее проявлениях с помощью изображения характеров, являющихся типами, и через их взаимоотношения представить картину взаимодействия доброго и злого начал в жизни; картина эта и станет для общества актом самопознания» [2].

Литературный образ выполняет коммуникативную функцию, подчеркивает Каменьский. Он общественно важен, поскольку играет роль «популяризатора и распространителя» знаний о действительности. Но он правдиво отражает действительность только тогда, когда сам имеет «общественную обусловленность», то есть является типическим.

Заслуга Каменьского, как справедливо замечает Е. З. Цыбенко, состоит в том, что он одним из первых не только в польской, но и во всей западноевропейской критике различил понятия «характер» и «тип» и заострил проблему сочетания индивидуальных и типических черт в реалистическом литературном образе [3]. Это положение стало существенным звеном в теории реализма, поскольку, как известно, в XIX в., особенно в теории драмы, произошло семантическое противопоставление двух понятий: под «типом» понимали литературный образ, включающий «до неправдоподобия преувеличенные черты всего вида», в то время как «частные, второстепенные детали, характеризующие конкретную личность и определяющие ее своеобразие», во внимание не принимались. Характер же определялся как индивидуализированный, созданный в соответствии с требованиями жизненного прав-

доподобия образ. К синтезу этих понятий стремились крупнейшие писатели-реалисты, например Бальзак. Это требование вело к усложнению структуры образа литературного героя и, следовательно, позволяло изображать действительность во всех ее многогранных проявлениях.

Х. Каменьский в качестве основного критерия оценки литературного творчества, в частности реалистического изображения действительности, выдвигает правдивость. «Правда никогда не принесет зла», – считает критик, поэтому художественное произведение неизменно должно утверждать «доброе и положительное». По сути дела, Каменьский раскрывает здесь понятие эстетического идеала, который должен присутствовать в художественном произведении как средство преобразования действительности и раскрытия всего многообразия жизни. Ориентация на «доброе и положительное» не случайна, она обусловлена взглядами философа на исторический процесс как на вечное движение вперед, подъем на более высокие ступени развития и постоянное усовершенствование человечества. Писатель средствами искусства должен выявлять тенденции развития жизни, ставить вопросы о должном. Он обязан помочь читателям понять и предвидеть поступательное развитие общества. В этом его особое предназначение. Идеал, освещая все сферы и области человеческих взаимоотношений, становится своего рода мерилом ценности применительно ко всем отрицательным явлениям жизни, изображение которых приобретает особый смысл, поскольку вызывает у читателей представление о том идеале, который в них нарушен.

В учении о художественной правде как объективном критерии прекрасного, постигаемом с помощью типизации, Каменьский продолжает идеи Гегеля, который утверждал, что только благодаря художественной правде, следованию ее принципам возникают классические произведения.

Предисловие и авторские комментарии к роману «Пан Юзеф Бояльский» (1854 г.) стали итогом размышлений Каменьского о проблемах реалистического искусства. Примечательно, что к этому времени он хорошо знал критические статьи В. Г. Белинского, творчество Н. В. Гоголя, В. Одоевского, Н. Полевого и других русских «бытописующих» авторов. Тесное знакомство с русской литературой произошло в период вятской ссылки (1846–1850 гг.), когда Каменьский активно изучал русский язык, участвовал в литературных «четвергах» в доме А. П. Тиховидова, преподавателя русского языка и литературы Вятской гимназии, был знаком с начинающим свой творческий путь М. Е. Салтыковым-Щедриным. Безусловно, все это помогло Каменьскому утвердиться в своих взглядах на литературу, расширило

горизонты его творческого диапазона и, возможно, побудило к созданию собственного романа. Если в самом произведении ощутимо влияние повествовательной манеры Гоголя, то в предисловии прослеживаются параллели с идеями В. Г. Белинского.

Предисловие к «Бояльскому» имеет форму диалога с вымышленным читателем. Каменьский, продолжая традиции философского диалога, использует его возможности для развенчания закосневших взглядов на литературу. Форма диалога-дискуссии необходима ему для того, чтобы предельно заострить рассматриваемые проблемы. Предисловие достаточно точно передает картину острой литературной полемики, развернувшейся в Польше в 1840–1850-е гг. «Нет польского романа!» – заявляет автор в самом начале и поясняет, что это утверждение не претензия на оригинальность, не проявление нигилизма, а искреннее убеждение, основанное на ведущем положении гегелевской эстетики: «То, что художники предлагают взору и мысли своих современников и чем они хотят заинтересовать их, должно быть взято из жизненного содержания этого времени» [4].

Установка Каменьского – правдиво и честно разобраться в «болезненном» вопросе о состоянии современной польской прозы. Читатели призывали к тому, что произведения основаны на игре воображения, что они развлекают и забавляют публику, а потому им совсем не важно, присутствует ли в книге правда или вымысел, и даже вымысел оказывается предпочтительнее, так как он ничем не ограничивает писателя, стремящегося произвести сильное впечатление. Но писатель «не акробат, не придворный художник», чтобы льстить и только развлекать публику. Каменьский прекрасно понимает, что своим заявлением бросает вызов тем читателям, которые относятся к литературе потребительски, а потому усмотрят в его словах «яд и кровь». Тем не менее он продолжает разговор, убедительно и последовательно излагая свои основные требования к литературе.

Критик соглашается с доводами оппонентов о том, что есть способные писатели, которые создают прозаические произведения на польском языке, но утверждает, что назвать их польской прозой нельзя, потому что они не отражают основных черт национальной современной жизни. И дело не в том, что политические условия мешают писателям говорить обо всем правдиво и откровенно, так как, считает автор, даже изображая частную жизнь, писатель должен следовать жизненной правде: «Разве в домашней, семейной жизни, наитишайшей и очень личной, не отражаются взаимоотношения всего народа?»

Критик резко выступает против той прозы, которая «пытается очернить светлые чувства

простых людей», которая «умышленно лишена черт и основ народности». Заметим, что под народностью Каменьский понимал национальное своеобразие произведений, когда писатели органично связывали изображаемое с жизнью народных масс и, в идеале, поэтически выражали сознание народа, удовлетворяя в то же время его духовные запросы. Это понятие подразумевало также соответствие повествования жизненной правде, когда авторы верно и высокохудожественно изображали самые значительные моменты в жизни той или иной нации, имевшие общечеловеческое значение. Без этого невозможно создать современное произведение, утверждает критик.

Дальнейший разговор посвящен проблеме создания типического художественного образа. Каменьский вновь подчеркивает необходимость реалистического подхода при описании характеров и ситуаций и уточняет – «в их специфических проявлениях». Герой любого произведения должен пройти через «великое испытание» на лучшие моральные качества, и это испытание – умение сопереживать народному горю и страданию. Подобные сцены несут огромную идейную и эмоциональную нагрузку, поэтому должны быть подобны древнегреческой трагедии, чтобы читатель смог испытать катарсис и постичь высшую правду.

Критик требует, чтобы персонажи в прозе были представлены «целиком», «без ограничений», как в жизни: «Если бы художник, рисуя человеческую фигуру, стал замазывать ее черными пятнами то тут, то там, разве то, что осталось, можно было бы назвать картиной?» Правдивые персонажи – а в произведении их должно быть много – раскрывают полноту жизни только «в отношениях с другими людьми, а не с курами».

Требование Каменьского создавать образ литературного героя, описывая не только личную, но и общественную деятельность, исходило из его философских убеждений, касающихся теории общества: «Духовная жизнь человека протекает не иначе, как через жизнь сообща или через общение», – отмечал он в «Философии материальной экономики».

Однако вовсе не обязательно в произведении описывать многих людей, считает Каменьский. Необходимо выбрать наиболее яркие типы, в которых убедительнее всего проявляются черты определенной группы похожих людей. При этом писателю не следует голословно делить героев на положительных и отрицательных, а предоставлять это право читателю. Например, в своем романе в авторских отступлениях после описания заглавного героя Каменьский поясняет: «Моей целью было только стремление нарисовать верный образ и представить его на суд читателя, который, если ему это интересно, и будет делать

выводы». И автору при создании характера литературного героя, и читателю при его восприятии следует быть объективными, учитывая все аспекты поведения персонажа, поэтому так важно изобразить героя в поступках, в образе жизни как в семейном кругу, так и вне дома: «Образ героя не будет полным, если не показать, как он выглядит при исполнении своего дела».

Современные же прозаики избегают этого, они не используют всего богатства «средств изображения человеческих сердец», не затрагивают злободневных вопросов, а потому польский роман лишен основных черт народности. Каменьский вынужден констатировать: «Гибнет всякая проза, гибнет из-за отсутствия действительности и правды».

Художественное произведение «нельзя безнаказанно основывать на миражах, необходимо связать его с определенным временем и местом, наполнить красками, вдохнуть жизнь». Многие писатели из-за цензуры совершенно напрасно тратят усилия, создавая образы исключительно положительных людей. Тем самым они привыкают к хождению в путях и уже не способны на бег [5].

В польской литературе есть примеры подлинно народных произведений, считает Г. Каменьский. Это прежде всего «Пан Тадеуш» А. Мицкевича. Однако это поэтическое произведение, а вот проза «таких высот не достигает». Поэзия воспевае «небесные красоты», но кроме этого необходима и «земная правда». По мысли критика, «эти драгоценные жемчужины не заменят потребности общества в скромной повести». И хотя Мицкевич, утверждает автор, пробовал в своей поэме «сойти с горних вершин», нарисовать земную правду жизни, но очевидно, что он не рожден для обыденной работы: поэт всегда берет в нем верх. Поэтому исследователь обычаев и нравов, устоев общества едва ли может черпнуть в его произведении что-либо ценное.

Отвечая на вопрос своих оппонентов, зачем же нужна земная правда, если с ней приходится сталкиваться в жизни каждый день, Каменьский раскрывает общественную функцию литературы. Именно она, литература, помогает человеку понять самого себя. Проза, подобно семейным портретам в доме, учит чувству родины, способствует национальному самосознанию и самопознанию. Литература играет роль не просто исторического памятника, по которому будут судить о дне сегодняшнем последующие поколения, но памятника духовного, «памятника внутренней жизни» народа. По этой причине очень важно обновить польскую прозу, придать ей новое современное звучание. «Польская проза, явись!» – восклицает критик. При этом Каменьский прекрасно понимает, что его рассуждения – это

вызов, который будет воспринят с особым пристрастием, поскольку автор выносит на суд читателей свое произведение.

Далее, рассуждая о природе творчества, Каменьский доверительно сообщает, что «писатель никогда не может быть уверен, когда у него зародился замысел произведения». Создание реалистического художественного произведения для автора – это не просто игра воображения или «описание того, что действительно случилось», это сложный процесс, включающий в себя как осмысление определенного жизненного материала, так и «порыв, вдохновение, вымысел».

Цель писателя не деньги, не успех, не слава, он обязан браться за перо ради «сердечного сочувствия» и ради «собственной совести»; он должен преподать нравственные уроки.

В то же время автор предостерегает писателей от стремления выстраивать свои произведения исходя «из заранее продуманной морали», «подгонять» под определенную идею весь художественный материал. Такая тенденциозность противоречит реалистическому методу отражения действительности. Поведение героев, их характеры не должны диктоваться субъективной волей автора, а должны быть обусловлены обстоятельствами и психологией персонажей. Мораль обязана присутствовать в произведении незримо, пронизывать ткань художественного текста» и деликатно воздействовать на читателя. Это настоящая и серьезная наука, которую Каменьский называет «наукой человеческого сердца» [6].

Таким образом, Хенрик Каменьский в числе первых польских критиков начал разрабатывать концепцию реалистического искусства. Его работы отвечали запросам складывающегося польского реализма. Заслуга Каменьского состояла в том, что его искания сопровождалось глубоким анализом современной ему польской прозы, в которой он усматривал органическую связь литературы с потребностями общества, поэтому так остро ставил проблему обновления польской словесности. Особенно актуален был его тезис о том, что художественное произведение должно быть проникнуто духом современности, давать толчок общественному сознанию, поднимать важные социальные вопросы и искать пути их решения. Он показал значение современной темы, особенно в связи с историческими условиями, в которых находилась Польша в тот период; подчеркнул важность проведения определенной цели в романе.

Идею общественного назначения искусства он связывал с проблемой народности художественного творчества. По его мысли, литература мо-

жет существовать лишь при условии, если она является отражением духовной жизни народа. Понимание литературы как воплощения общенародных стремлений и исканий сближало его с демократически настроенными писателями и критиками России.

Каменьский раскрыл специфические особенности реалистических произведений, обратил внимание на их связь с жизнью, на необходимость правдивого и глубокого отражения действительности и отказа от необычных сюжетов. Он выдвинул программу социального романа как высшей стадии развития этого жанра, поставив проблему жанра в прямую связь с общественным развитием. Обосновав преимущества романа, определив его черты, он во многом подготовил почву для его распространения критиками следующих десятилетий.

Выдающийся мыслитель одним из первых в Польше начал разрабатывать теорию социальной сатиры: искусство, являясь верным изображением сложной, многогранной жизни, имеет полное право на выявление общественных « пороков и недостатков », мешающих историческому прогрессу.

Основная заслуга Каменьского состоит в том, что он в числе первых критиков сформулировал принципы реалистической типизации.

Важно отметить, что основные положения концепции реалистического искусства, выдвинутой Каменьским, во многом совпадали с достижениями русской литературной критики того времени, а развитие реалистического романа как в России, так и в Польше шло по пути усиления социального анализа и психологического раскрытия характеров в плане выявления диалектических отношений между человеком и средой и интеграции жанрово-видовых признаков. В целом для обеих литератур была характерна адекватность содержательно-конструктивных принципов жанра реалистического романа определяющим тенденциям развития эстетического сознания эпохи, в результате чего роман приобрел важную функциональную роль в литературном процессе второй половины XIX в.

Примечания

1. Цыбенко, Е. Ц. Польский социальный роман 40–70 гг. XIX в. [Текст] / Е. Ц. Цыбенко. М., 1971. С. 25.
2. H. K.[amienski] Parafian'szyczna [Text] // Przegląd Naukowy. 1843. № 27. С. 351–352.
3. Цыбенко, Е. Ц. Указ. соч. С. 54.
4. Kamienski, H. Pan Jozef Bojalski [Text] / H. Kamienski. Warszawa, 1955. С. 47.
5. Ibid. С. 48–50.
6. Ibid. С. 52.

Е. Н. Шамова

**ОСОБЕННОСТИ
СМЫСЛОВЫХ СВЯЗЕЙ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ (ЛСГ)
«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО ОДАРЕННЫЙ»**

В настоящей статье рассматриваются наиболее частотные единицы лексико-семантической группы прилагательных, участвующих в выражении понятия «интеллектуально одаренный». Подчеркивая особенности семантических структур единиц исследуемой группы, автор раскрывает характер смысловых связей между прилагательными, составляющими ядро ЛСГ, и периферийными единицами и приходит к выводу об их качественном различии.

Лексико-семантическая группа слов, участвующих в выражении понятия «интеллектуально одаренный» в современном английском языке формируется ядерными прилагательными *clever* и *intelligent*, а также периферийными прилагательными *wise*, *reasonable*, *sensible*, *shrewd*, *witty* и другими (ЛСГ «интеллектуально одаренный» включает более 140 единиц. В настоящей статье рассматриваются наиболее частотные адекватные слова со сложной семантической структурой). Анализ показал, что словам данной группы свойственна многосторонняя и многоаспектная характеристика свойств человека [1].

Основной лексической единицей, выражающей понятие «интеллектуально одаренный», является прилагательное *clever*, семантическая структура которого представлена следующими лексико-семантическими вариантами:

- 1) «обладающий умом» – о непосредственном носителе признака (*a clever man*);
- 2) «свидетельствующий об уме» – о внешности человека (*clever eyes*);
- 3) «свидетельствующий о находчивости, живости ума» – о речевых произведениях, результатах творческой деятельности человека, о предметах, создание которых является результатом синтеза умственной и физической деятельности человека (*a clever book, a clever invention, a clever machine*);
- 4) «обладающий хитростью, неразборчивый в средствах» – о лицах, характеризующихся отрицательной оценкой (*a clever go-getter, a clever swindler*);
- 5) «свидетельствующий о хитрости» – о деятельности человека, характеризующейся отрицательной оценкой, и ее результате (*a clever fraud, a clever scheme*);
- 6) «обладающий мастерством» – о людях, названных по роду занятий (*a clever dressmaker*);

7) «свидетельствующий о мастерстве» – о деятельности человека, требующей специальной подготовки (*clever playing, clever insertions*).

Что касается прилагательного *intelligent*, то его семантическая структура состоит из 3 лексико-семантических вариантов, объединенных синонимическим отношением:

- 1) «обладающий умом» – о непосредственном носителе признака (*an intelligent woman*);
- 2) «свидетельствующий об уме» – о внешности человека, о результате речевой и интеллектуальной деятельности; о поведении и свойствах характера человека (*an intelligent countenance, an intelligent conversation, intelligent civility*).
- 3) «осознанный, идущий от ума» – о чувствах, поступках (*intelligent compassion, intelligent interest*).

Важными особенностями семантики прилагательных как особого лексико-грамматического класса слов являются, как известно, их семантическая элементарность и гомогенность. В содержании исследованных в настоящей работе прилагательных *clever, intelligent* эти общеадекватные свойства проявляются в следующем:

- 1) ядерные денотативные семы представлены в их семантике лишь семой «ум»;
- 2) периферийные семантические признаки, дополняющие содержательное ядро данных прилагательных, не выходят за пределы понятия «умный» и передают наиболее важные аспекты этого широкого понятия. Представляется, что сложность, многоаспектность понятия «умный» является тем объективным, внеязыковым фактором, который обуславливает широту семантических возможностей исследуемых слов, не нарушая при этом их смысловую гомогенность.

Так, потенциальными семами *intelligent-1* являются:

- 1) «способность учиться, получать образование»;
«I said you were highly intelligent, intelligent enough to seize the point straight away without any wearisome emotionalism» [2];
- 2) «образованность»;
But the house of an intelligent, civilized and sophisticated man should never seem to have sprouted from the clods [3];
- 3) «сообразительность»;
She was much too intelligent not to know in what estimation the public held her, but she was modest about herself [4].

Можно предположить, что совмещение этих сем в структуре *intelligent-1* основывается, во-первых, на причинно-следственной связи – ум является предпосылкой и способности учиться, и образованности. С другой стороны, можно предположить, что закреплённость именно этих сем в содержании *intelligent* обусловлена внеязыковой

действительностью – возрастающей ролью образования в жизни современного общества.

Потенциальными семантическими признаками в *clever-1* являются:

1) «способность учиться, получать образование»;

He knew her to be clever, to have a *quick apprehension* as well as good sense, and a fondness for reading, which, properly directed, must be an education in itself [5];

2) «талант, изобретательность»;

Presumably his journalistic instinct was stronger than his prejudices, as, indeed, it often is in clever journalists; and he asked a good many questions, the answers to which interested and surprised him [6];

3) «деловой, практический склад ума»;

«He was clever, of course – everyone said he was brilliant – *in his work*, I mean» [7];

4) «сообразительность, находчивость, живость ума».

Большее по сравнению с *intelligent-1* число потенциальных сем в *clever-1* и большее число лексико-семантических вариантов, составляющих его смысловую структуру (7 и 3 ЛСВ соответственно), позволяет утверждать, что смысловые возможности *clever* значительно шире, чем смысловые возможности *intelligent*. Это подтверждает известное положение о том, что исконное слово, как правило, обладает более богатым семантическим потенциалом по сравнению с заимствованным словом.

Смысловые отношения *clever-1* и *intelligent-1* должны быть определены как синонимические [8]. Основанием для этого является совпадение их ядерных сем; частичное совпадение сочетаемости с существительными – общими именами лица; возможности заменяться в стилистически нейтральных контекстах. В них *clever*, *intelligent* указывают на способность определяемого лица понимать собеседника, оценивать разнообразные ситуации действительности, а также на способность учиться, получать образование.

Индивидуальные смысловые особенности данной синонимической пары обусловлены прежде всего различными наборами их потенциальных сем.

Отсутствие в *intelligent-1* семы «деловой, практический ум» позволяет ему функционировать в контекстах, в которых оно прямо указывает на неспособность человека добиться успеха в житейском смысле слова, например:

[..] he realized he was too intelligent to be a success in life [9].

С другой стороны, однородность выражаемого *intelligent-1* содержания, сгущение в нем интеллектуального признака обуславливает возможность его употребления в несвойственных прилагательному *clever* контекстах, связанных с обо-

значением рассудочного, рационального подхода к жизни, преобладания разума над чувствами, например:

She was simply too intelligent to consent to love on human instinctive terms [10].

Отношения между *clever-2* и *intelligent-2* «свидетельствующий об уме» следует также рассматривать как синонимичные по своему характеру. Частично совпадающей и единственной для *clever-2* группой их сочетаемости являются существительные, описывающие внешность человека. Передаваемое *clever-2*, *intelligent-2* в этом случае содержание является, по нашему мнению, идентичным. Следует отметить, однако, что *intelligent* значительно чаще, чем *clever*, употребляется для описания внешности.

Результаты исследования позволяют утверждать, что основой переноса изучаемых прилагательных на результаты умственной деятельности человека являются разные семы. В случае переноса *clever-1* – *clever-2* основной является потенциальная сема «сообразительность, находчивость, живость ума», в случае переноса *intelligent-1* – *intelligent-2* – ядерная сема «ум». Вследствие соотнесенности *clever-3*, *intelligent-2* с интеллектуальной сферой между ними имеется определенная степень семантической близости, которую, однако, вряд ли можно трактовать как синонимические отношения. Формальным следствием расхождений в содержании *clever-3* – *intelligent-2* является значительное расхождение их сочетаемости.

Clever-4, *5*, *6*, *7* и *intelligent-3* являются членами разных парадигматических группировок лексики и не вступают друг с другом в системные семантические связи.

По сравнению с прилагательными *clever* и *intelligent*, варьирующими собственно интеллектуальный признак, периферийные прилагательные исследуемой группы характеризуются меньшей смысловой однородностью. Так, *wise* сочетает в себе указание на «ум» с указанием на нравственные качества; *reasonable*, *sensible* сочетают указание на «ум» с указанием на качества характера, а именно «умеренность, сдержанность». Как «нравственные достоинства», так и «умеренность, сдержанность» представляют собой граничащие с умом участки реальной действительности, что и является основой смысловой связи соответствующих сем, а следовательно, и исследуемых прилагательных. Названные семы могут рассматриваться как связующие звенья между лексико-семантической группой прилагательных, выражающих наличие ума, и лексико-семантическими группами, выражающими нравственные понятия и черты характера человека. Таким образом, сочетание в структуре значения прилагательных сем, указывающих на разные стороны

человеческой личности, обеспечивает непрерывный характер семантических связей данной лексико-семантической группы в лексической системе языка.

Смысловые отношения между членами подгруппы периферийных прилагательных (*wise*, *reasonable*, *sensible*, *shrewd*, *witty*; особенности их смысловых структур и семного состава обобщены в таблице) являются видовидовыми (эквонимическими) отношениями, которые устанавливаются на основе их родовидовой отнесенности к ядерным прилагательным *clever* и *intelligent*. Последние могут в условиях соответствующего контекстуального уточнения передавать более узкое содержание видовых терминов, например:

1) указывать на способность правильно оценивать бытовые, житейские ситуации (что составляет семантическую специфику *sensible-1*, *wise-3*):

He was too clever to resent such trifles [11]

или

2) на пронизательность (что является семантической спецификой *shrewd*):

He was too intelligent (clever) to be deceived over people [12].

Однако родовые имена не могут быть взаимозаменяемы видовыми в контекстах, в которых реализуются дифференциальные признаки последних. Так, взаимозаменяемость родовыми именами *clever*, *intelligent* оказывается невозможной для *reasonable* и *sensible* в контекстах, обуславливающих реализацию их общей дифференциальной семы «умеренность, сдержанность», (хотя *reasonable* и *sensible* оказываются в этих условиях взаимозаменяемы друг с другом), например:

If one is sensible, if one is *reasonable*, if one never allows oneself a base thought or an envious emotion, [...] [13].

Видовые имена (по отношению к семантическому ядру группы, образованному родовыми прилагательными) могут являться синонимами по отношению друг к другу. В пределах исследуемой подгруппы синонимические отношения связывают прилагательные *reasonable-1,2* и *sensible-1, 2*. Данные прилагательные выражают различные стороны понятия «разумный, здравомыслящий», причем первое подчеркивает способность умозрительно воспринимать вещи отвлеченного характера; второе – способность правильно оценивать бытовые, житейские ситуации, непосредственно касающиеся носителя признака. Они характеризуются совпадающей сочетаемостью с общими именами лица. Однако если в сфере сочетаемости *reasonable-1* преобладают существительные – *man*, *gentleman*, *fellow*, обозначающие лиц мужского пола, то среди существительных, сочетающихся с *sensible-1*, наиболее

частотными оказываются существительные *woman*, *girl*, называющие лиц женского пола.

Instead of being sensible, she burst out laughing [14]. Mother was wild [...] Father was reasonable enough [15].

При переносе *reasonable* на результаты деятельности человека ведущей является дифференциальная сема «логичность»; в соответствующем переносе *sensible* участвуют все семы его основного значения. Это обуславливает почти полное расхождение лексической сочетаемости *reasonable-2* и *sensible-2* и меньшую по сравнению с их основными значениями степень их семантической общности.

Другой синонимичной парой в пределах исследуемой подгруппы являются прилагательные *sensible-1* и *wise-3*. Эти лексические единицы являются выразителями единого понятия «разумный, здравомыслящий», характеризуются частичным совпадением лексической сочетаемости и семного состава и оказываются взаимозаменяемыми в контекстах, обуславливающих реализацию их дифференциальной семы «практичность» (т. е. осторожность, способность предвидеть отрицательные последствия совершаемых поступков), например:

«I never drink before dinner» – «You are sensible (wise)» [16].

Характерным для *wise*, в отличие от *sensible*, является употребление в модели AV+ Inf.

«You are wise to let me do it» [17].

Sensible и *wise* являются близко синонимичными и в своих переносных значениях (*sensible-2*, *wise-4*). Об этом свидетельствуют сходство их семного состава, частичное совпадение сочетаемости и возможность взаимозаменяемости в сочетаниях с существительными, обозначающими результаты умственной деятельности как основу чьих-либо последующих действий. К особенностям синтаксической сочетаемости *sensible-2*, *wise-4* следует отнести типичное для *wise-4* и мало характерное для *sensible-2* функционирование в модели *it is* + Adj. + Inf., например:

It's not wise to go there [18].

Прилагательное *shrewd-1, 2* интерпретируется нами как видовое по отношению к *clever-1, 2* и *intelligent-1, 2* на основе имеющейся в его семантической структуре дифференциальной семы «острота ума, пронизательность».

I imagined that [...] a shrewd, *intelligent* woman sat there [...] [19].

Her wavy hair, glossy and impeccably set, framed the pale oval face, smoothly powdered and unmarked by wrinkles, the long mouth and the shrewd eyes, *intelligent*, practical, reliable, full of power [20].

Отношения между *clever-1, 2*, *intelligent-1, 2* и *witty-1, 2* определяются как родовидовые:

Like her old man she was *clever, witty, pensive, industrious, hot-tempered, and – well – pretty damned sexy* [21].

The conversation would bubble and sparkle most entertainingly, for these three were supremely *witty and intelligent* people [22].

«You see, at my time of life I can't very well play young lovers, and authors don't seem to write the parts they used to when I was a young fellow. [...] You know the sort of thing I mean, a duke, or a cabinet minister, or an eminent K.C. who says *clever, witty* things...» [23].

Как свидетельствуют примеры, отношения между *clever-1, 2, intelligent-1, 2* и *witty-1, 2* дополняются различием градуального характера.

Таким образом, исследование показало, что полисемантические ядерные прилагательные анализируемой группы проявляют отношения синонимии в своих основных значениях и не вступают в системные отношения друг с другом, употребляясь в производных значениях.

С периферийными единицами ядерные прилагательные связаны родовидовыми отношениями, в некоторых случаях дополняемыми различиями градуального характера. Соответственно смысловые отношения между членами подгруппы периферийных прилагательных являются эквонимическими. Видовые имена (по отношению к се-

мантическому ядру группы) могут являться синонимами по отношению друг к другу.

Примечания

1. *Овсянникова, В. И.* Лексическая сочетаемость и семантическая структура группы английских прилагательных со значением умственных способностей [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. И. Овсянникова. М., 1984, 16 с.; *Тарханова, Т. В.* Системные отношения в лексико-семантической группе (на материале АСГ прилагательных, обозначающих умственные способности человека в современном английском языке) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Тарханова. Челябинск, 1987, 16 с.; *Шамова, Е. Н.* Особенности понятия «интеллектуально одаренный, умный» в современном английском языке [Текст] / Е. Н. Шамова // Вестник ВГПУ. 2000. № 2. С. 105–106.
2. *Braine, J.* Room at the Top [Text] / J. Braine. M.: Foreign Languages Publishing House, 1961. P. 161.
3. *Huxley, A.* Crome Yellow [Text] / A. Huxley. M.: Progress Publishers, 1976. P. 95.
4. *Maugham, S.* Theatre [Text] / S. Maugham. M.: Manager, 1998. P. 140.
5. The Penguin Complete Novels of Jane Austen [Text]. Harmondsworth: Penguin Books, 1984. P. 460.
6. *Chesterton, G. K.* The Father Brown Stories [Text] / G. K. Chesterton. L.: Lowe & Brydone LTD, 1966. P. 321.
7. *Christie, A.* The Adventure of the Christmas Pudding and a Selection of Entrees [Text] / A. Christie. Glasgow, 1986. P. 67.

Смысловая структура и семный состав периферийных прилагательных АСГ «интеллектуально одаренный»

ЛСВ	Обладающий (качеством)	Свидетельствующий (о качестве)	Ум	Положительная оценка	Нравственные достоинства	Знания, опыт	Логичность	Умеренность, сдержанность	Практичность, осторожность	Острота ума	Оригинальность мышления	Быстрота мышления	Чувство юмора	Высокая степень интенсивности	Невысокая степень интенсивности
Wise 1	+		+		+	+								+	+
Wise 2		+	+	+	+	+								+	
Wise 3	+		+	+					+						
Wise 4		+	+	+					+						
Reasonable 1	+		+	+			+	+							
Reasonable 2		+	+	+			+	+							
Reasonable 3	+														+
Sensible 1	+		+	+				+	+						
Sensible 2		+	+	+				+	+						
Sensible 3									+						
Shrewd1	+		+	+						+					
Shrewd 2		+	+	+						+					
Witty 1	+		+	+							+	+	+		
Witty 2											+	+	+		

8. Бережан, С. Г. К семасиологической интерпретации явления синонимии [Текст] / С. Г. Бережан // Лексическая синонимия. М., 1967. С. 43–56; Вилюман, В. Г. Английская синонимика [Текст] / В. Г. Вилюман. М., 1980. 128 с.
9. O'Connor, F. Complete Stories [Text] / F. O'Connor. N. Y., 1971. P. 23.
10. Oates, J. C. Crossing the Border: Fifteen Tales [Text] / J. C. Oates. N. Y.: The Vanguard Press, 1976. P. 35.
11. Greene, G. A Burn-out Case [Text] / G. Greene. Harmondsworth: Penguin Books, 1981. P. 90.
12. Priestley, J. Angel Pavement [Text] / J. Priestley. M.: Progress Publishers, 1968. P. 75.
13. The Norton Anthology of Short Fiction [Text] / ed. by R. V. Cassil. Fifth edition. N. Y.; L.: W.W. Norton & Company, 1995. P. 997.
14. Priestley, J. Op. cit. P. 56.
15. Barstow, S. A Raging Call [Text] / S. Barstow. L.: Michael Joseph, 1968. P. 89.
16. Braine, J. Op. cit. P. 19.
17. Maugham, S. The Moon And Sixpence [Text] / S. Maugham. M.: Progress, 1969. P. 67.
18. Michener, J. A. Tales of the South Pacific [Text] / J. A. Michener. L.: Corgi Books, 1967. P. 43.
19. Christie, A. Dumb Witness [Text] / A. Christie. L.: Pan Books, 1978. P. 112.
20. Murdoch, I. The Sandcastle [Text] / I. Murdoch. London: Penguin Books, 1960. P. 28.
21. Michener, J. A. Op. cit. P. 278.
22. Christie, A. Dumb Witness. P. 37.
23. Maugham, S. Theatre. P. 12.

А. В. Балакова

КРИТЕРИЙ ПРАВДОПОДОБИЯ В ПОНИМАНИИ Т. РАЙМЕРА

В статье рассматривается один из принципов французской классицистической школы – принцип правдоподобия – в трактовке английского литературного критика эпохи Реставрации Томаса Раймера, сочинения которого не переведены на русский язык и поэтому малоизвестны в отечественном литературоведении, за исключением общих положений. Правдоподобие для Раймера предполагает логичную последовательность событий и связано с обязательным соблюдением принципа здравого смысла. Руководствуясь данным подходом, критик анализирует несколько трагедий елизаветинцев и заключает, что ни в одной из них не соблюден принцип правдоподобия, что существенно умаляет достоинства этих произведений.

Томас Раймер (1643?–1713), один из ведущих английских литературных критиков семнадцатого столетия, был убежден в необходимости переноса для английского театра эпохи Реставрации. Свою задачу Раймер видел в том, чтобы указать современным ему драматургам на недостат-

ки их произведений и затем найти пути решения для реформирования английской сцены.

Его творческое наследие составляют три работы: предисловие к переводу на английский язык трактата Рене Рапэна «Размышления о “Поэтике” Аристотеля» (1674), «Трагедии прошлого века, рассмотренные и проанализированные в соответствии с практикой древних и здравым смыслом всех времен» (The Tragedies of the Last Age Consider'd and Examin'd by the Practice of the Ancients, and by the Common Sense of All Ages, 1678) и «Краткий взгляд на трагедию; ее происхождение, расцвет и упадок. С некоторыми размышлениями о Шекспире и других, писавших для сцены» (A Short View of Tragedy; its original, excellency, and corruption. With some reflections on Shakespeare, and other practitioners for the stage, 1693). Все три очерка посвящены анализу трагедии и представляют собой единое целое, связанное общей целью, – реформировать английскую сцену, обратившись к «Поэтике» Аристотеля и теории французских классицистов.

По мнению большинства исследователей (Дж. Сейнсбери, Дж. Даттона, Дж. Грейс, К. Уитли, Дж. Эббза, К. Зимански), в основе критических взглядов Раймера лежат «Поэтика» Аристотеля, «Наука поэзии» Горация и учения французских классицистов: работы Ла Менардье, Д'Обиньяка, Рапэна, в меньшей степени Дасье и Ле Боссю. Почему критик обратился именно к ним? Скорее всего, процветание театра в соседнем государстве подсказало Раймеру этот путь, а также на его взгляды, по-видимому, существенно повлияло творчество Рапэна. Следует заметить, что Раймер взял на вооружение правила французской школы и применил их при разборе английских произведений, твердо веря в непревзойденный потенциал английского драматургического гения. В своих сочинениях Раймер выделяет следующие принципы создания драматического произведения: нравственная задача, здравый смысл, правило единства места, времени и действия, правдоподобие образов и событий, правило декорума, поэтическая справедливость.

В данной статье мы рассмотрим критерий правдоподобия и его понимание Т. Раймером. Правдоподобие является для критика первым требованием здравого смысла. В предисловии к переводу Рапэна Раймер отмечает, что в поэзии «не может быть ни жизни, ни какого-либо действия без правдоподобия. Она, возможно, развлечет простых людей, но оставит равнодушными мудрых, для которых она и предназначена» [1]. Даттон полагает, что концепция правдоподобия у Раймера не отличается от понимания правдоподобия французскими классицистами, такими, как Шаплен, Ла Менардье, Мамбурн, Геделин, чью

БАЛАКОВА Анна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре романо-германской филологии ВятГГУ
© Балакова А. В., 2007

концепцию затем переняли и развили Рапэн, Ле Боссю, Дасье. Представители французской школы, основываясь на высказывании Аристотеля о возможном правдоподобии и неправдоподобной возможности, создали теорию «строго рационального правдоподобия», и Раймер ее разделял, так как в отношении пьесы Ролло Раймер писал следующее: «В истории подобное возможно, но Аристотель был бы возмущен» [2].

Правдоподобие у Раймера несколько отличается от правдоподобия французских классицистов, которые призывали к открытому обману. Понятие правдоподобия у Раймера связано с его видением разницы между историей и поэзией, а также исходит из цели трагедии – преподать моральный урок [3]. На грань между драмой и историографией указывали еще английские критики эпохи Возрождения. Джордж Паттенхем в «Искусстве английской поэзии» отмечал, что выдуманный или даже мифологический сюжет может приносить не только больше удовольствия, чем истинный и правдоподобный, но и является гораздо лучшим примером. Критик полагает, что нет необходимости в фактической точности; главное в том, чтобы рассказанное заключало в себе моральный урок [4].

Позднее Филип Сидни в трактате «Защита поэзии» также писал о родстве поэзии с философией и историей и доказывал ее превосходство. Историк, по его мнению, находится в сфере единичных событий, происшедших в прошлом, которые не выходят за пределы частного факта. Философ, представляя всеобщее скучно и труднодоступно, отталкивает тех, кто к нему обращается. Поэт же соединяет крайности. Кроме того, поэт способен побуждать к учению, а не только учить, так как «кто станет учиться, если его не побудили захотеть учиться?» Сидни имеет в виду обучение добродетельным поступкам на соответствующих примерах, а историк, имея дело с фактами, не всегда способен представить необходимые примеры [5].

Позиция Раймера здесь практически аналогична. Объясняя возникновение правила правдоподобия в трагедии, Раймер прибегает к суждениям древних, которые считали, «что, если использовать историю в грубой форме, она не годится ни для того, чтобы обучать, ни для того, чтобы развлекать. Поэтому они не позволили истории выступить в качестве примера, но они усовершенствовали историю и сочиняли нечто более философское и правильное, чем история» [6]. Под «историей в грубой форме» понимается реальная человеческая жизнь, со всеми страстями и насилиями. Но нельзя не заметить, что взгляд Раймера на концепцию правдоподобия сходен с подходом Д'Обиньяка, который также основывался на разнице между историей и искусством.

«Короче говоря, историк должен просто рассказывать о том, что произошло (если он судит о происшедшем, то делает лишнее), – утверждает французский критик, – эпопея должна приукрашивать события с помощью величественных замыслов, как бы погружая в эти вымыслы истину; театр же должен воссоздавать происшедшее в виде правдоподобного и приятного. Не подлежит сомнению, что если сама история обладает всеми достоинствами, необходимыми для создания драматической поэмы, то поэт обязан сохранить все, что в этой истории истинно; в противном же случае он располагает правом подчинить все замыслу, который ему нужно воплотить с помощью своего искусства» [7]. Кроме того, Д'Обиньяк так же, как и Раймер, высказывает мысль о том, что «для суждения о правдоподобии достаточно здравого смысла и природного ума» [8].

Правдоподобие предполагает следование «идеальной природе», поэтому у Раймера страсти возможны лишь в рамках здравого смысла и декорума [9]. Чтобы примирить на сцене историю и идеальную природу, древние поэты избирали своими героями людей незаурядных и известных. Они понимали, что, во-первых, зрителям легче поверить в события, если они знают их участников; во-вторых, с людьми выдающимися могут происходить необычные вещи, которые вряд ли случатся с простыми смертными. Раймер полагает, что «поэзия требует чего-то красиво выдуманного и при этом сохраняет правду истории» [10]. Следовательно, сюжет должен быть поэтичным, но разумным и правдоподобным. Характеры героев и их поступки также должны согласовываться с этими правилами. Например, поэты не должны представлять на сцене героев, которые получают удовольствие от совершенного ими зла, так как «порок не может доставить радость, если он не раскрашен и не одет как добродетель». Если человек знает, что творит зло, «и с открытыми глазами предпочитает совершать зло, его должно считать величайшим чудовищем, и глупо видеть в нем образ того, что естественно и подходит для человека» [11].

Сидни был первым английским критиком, который ввел в английскую литературу требование соблюдения правил о единствах, что в 1570 г. в Италии сделал Кастельверто, а во Франции в 1572 г. Жан де ля Тай [12]. Сидни видел недостатки современной ему английской трагедии в том, что на протяжении двух часов зритель успеваешь побывать в Азии и Африке, а королевства на сцене так часто меняются, что актер вынужден сообщать о своем местонахождении. Сидни, чтобы примирить сюжет с правилами о единствах, предлагает вводить в спектакль вестника, который будет рассказывать о происшедших когда-то

и где-то событиях [13]. Позднее Бен Джонсон в книге «Открытия или наблюдения над людьми и явлениями, сделанные во время ежедневного чтения и отражающие своеобразие отношения автора к своему времени» (1641) также выступит за соблюдение единства и укажет, что действие пьесы не должно превышать одного дня [14].

Раймер, в отличие от французских классицистов, не настаивает на строгом соблюдении единства места и действия пьесы. Главное – это соотносить правдоподобие образов героев с моральной целью пьесы. Если на сцене необходимо подражать идеальной природе, то жестокие герои, нескромные женщины, лживые короли неправдоподобны. Следовательно, они больше подходят для комедии, чем для трагедии [15]. Единства – механические части трагедии, и на них стоит обращать внимание, если соблюдены основные принципы построения драматического произведения. «Нелепости такого рода не могут сломать основной костяк, – пишет Раймер. – Они могут дурачить нас, но не причинят вреда нашей морали» [16]. Зрители могут поверить в то, что Отелло между актами может проплыть расстояние от Венеции до Кипра, или в такой нетипичный характер, как Яго. Но если принцип правдоподобия нарушен в самом действии трагедии, единства времени и места не стоит рассматривать. Раймер не уделяет должного внимания единствам, потому что правдоподобие в пьесе – мера ее успеха, и она должна быть разумной.

Правдоподобие для Раймера означает логичную, фактическую связь между событиями и характерами. Чтобы понять эту связь, зрителю нет необходимости прибегать к психологическим исследованиям или утонченному восприятию – вполне достаточно здравого смысла. Раймер стремится подчеркнуть обязательную последовательность поведения героев трагедии; он настаивает на том, чтобы образ был либо идеальный («Трагедии прошлого века»), либо нормированный, типичный («Краткий взгляд на трагедию»). Грейс полагает, что Раймер «не чувствует двусмысленностей в человеческом поведении», к тому же оставляет без внимания замечания Аристотеля о «правдоподобной невозможности» в сюжете и «последовательно непоследовательных характерах» [17]. Поэтому он не осознает, что в жизни могут быть ситуации, когда поведение человека можно понять с помощью чувств, воображения или жизненного опыта [18]. «Мудрый зритель» не приемлет на сцене любое проявление грубой страсти или насилия. Истинный поэт не допустит на сцене безнравственного поведения или неприличных ситуаций благодаря присущему ему инстинкту. Раймер пишет: «Историей замечен некий инстинкт, который удивительным образом помешал многим противоестественным действи-

ям. Я уверен, у поэта должен быть этот инстинкт или некий добрый дух, готовый при случае послужить герою и предотвратить неприятные и шокирующие непристойности, которые иначе произойдут» [19].

Анализируя пьесы елизаветинцев с позиций классицистической теории, критик обвиняет драматургов в том, что их трагедии лишены правдоподобия, и подчас крайне резко указывает авторам на их ошибки.

Один из способов добиться правдоподобия в пьесе – избрать в качестве главного героя известную историческую личность. «Мы обычно замечаем, – пишет Раймер, следуя за Аристотелем, – что, если рассказывают о приключении и смешном происшествии, чтобы привлечь внимание слушателя и получить его одобрение, главным героем выбирают лицо известное. Кроме того, многие поступки правдоподобны для Александра, Антония и других незаурядных личностей, потому что они существовали в действительности, но эти поступки не могут быть правдоподобны для простых людей, и тому, кто станет выдумывать своих героев, придется ограничить свою фантазию до правдоподобия простых смертных» [20].

В сюжете пьесы «Король и не король», считает критик, есть «и пропорции, и формы, и на первый взгляд все достаточно красиво». На самом деле сюжет не более, если не менее, интересен, чем история. Причина этого в том, что в сюжете «много невероятных событий и они самого низкого сорта, так как не способствуют возникновению чуда. Что может быть более неправдоподобно, чем тот факт, что мать, которая задумала убийство обманщика, не сообщает своей дочери, что Арбасис не ее брат, а лишь вассал, и таким образом хочет помешать их любви? Так же невероятно и то, что Гобриас не стремится раскрыть этот секрет своему сыну, чтобы его попытки покорить принцессу выглядели подобающим образом» [21].

Гораздо больше неточностей и несовпадений Раймер находит в трагедии Шекспира «Отелло», сюжет и образы которой он придирчиво и постепенно, сцену за сценой исследует в «Кратком взгляде на трагедию».

Главный недостаток фабулы этой пьесы – ее вопиющее неправдоподобие. Шекспир, отмечает Раймер, изменил версию Чинчио только в худшую сторону, наполнив ее множеством абсурдных событий. У Шекспира не было никаких исторических оснований титуловать главного героя «Венецианским мавром»; Дездемона, будучи простой горожанкой у Чинчио, превращается в дочь сенатора; брак заключается без согласия родителей. Неправдоподобно выглядит и то, что Дездемона влюбляется в Отелло за его речи (хотя

у Чинчио ее пленяет добродетель мавра, что более вероятно). Любовь Дездемоны абсурдна, так как девушка высокого сословия не полюбит чернокожего мужчину только за его рассказы. Возникновение чувств по подобной причине кажется Раймеру смешным: «Вот то очарование, то приворотное зелье, любовный порошок, который околдовывает дочь благородного венецианца. Этого было бы достаточно для того, чтобы черный мавр стал белым, и для того, чтобы уладить все остальные погрешности сделки» [22]. Вся ситуация выглядит глупо еще и оттого, что отец Дездемоны верит в способность своей дочери полюбить Отелло за его разговоры.

Т. Найджел по этому поводу утверждает, что Шекспир дает объяснение любви Дездемоны к мавру в монологе Бранцио, где отец героини ссылается на волшебство и химические средства (I, III) [23]. Найджел также иронично отмечает, что, очевидно, Шекспир не разделял «предрассудок Раймера против расы». Более того, Шекспир использует расовый предрассудок и делает его основанием для последующей пропасти, которая возникнет между Отелло и Дездемоной. Затем именно этот предрассудок позволяет Яго действовать и достичь своей цели. Драматург умышленно наделил Яго, Бранцио, Родриго этим предрассудком и сделал его частью пьесы. Но ответ на все подобные возражения Шекспир вложил в уста Дездемоны в третьей сцене первого акта (I, III), и герцог принимает этот ответ, а Томас Раймер – нет, потому что не верит ему [24].

В конечном итоге все, что происходит в Венеции, с точки зрения Раймера (возвышение мавра, его брак с дочкой сенатора, его членство в тайном совете), представляется верхом неправдоподобия, и критик делает следующий вывод: «Пусть в данном государстве принято нанимать иностранцев для участия в войнах, но следует ли по эту фантазировать до такой степени, чтобы позволить им (венецианцам) назначить негра генералом или доверить мавру защищать их от турок. У нас мавр мог бы стать трубачом, но у Шекспира он – генерал-лейтенант. У нас мавр мог бы жениться на уличной девке, Шекспир отдает ему дочь и наследницу знатного сеньора или тайного советника, и весь город считает их очень подходящей парой. При всем этом англичане не питают ненависти и отвращения к маврам, как венецианцы, которые страдают от их вечной враждебности. Нет ничего отвратительнее в природе, чем неправдоподобная ложь, и, конечно, не было еще пьесы более неправдоподобной, чем “Отелло”» [25].

В том, что Шекспиру в 3-м акте удалось так быстро перенести действие из Венеции на Кипр, Раймер усматривает нарушение правила единства

действия и времени: «Если во времена, когда приходские священники Лондона разыгрывали сцены из Ветхого завета, израильтяне могли пересечь Красное море, то сейчас у нас нет Моисея, который бы заставил воды расступиться перед нами». Но, как было сказано выше, по мнению исследователей Зимански, Даттона, Спингарна, Грейс и других, Раймер не так настойчиво требует соблюдения единства, как французские классицисты. Он не рассматривает данный принцип так же тщательно, как декорум или поэтическую справедливость, но с одобрением отзываясь о единствах в «Трагедиях прошлого века» и упоминает о них в «Кратком взгляде». Кроме того, в своей собственной героической пьесе «Эдгар» Раймер точно указывает продолжительность действия – десять часов – и не нарушает другие единства.

В пьесе Шекспира, по мнению критика, помимо нарушения единств, есть более важные недостатки. В сцене прибытия флота на остров после шторма разговор о женитьбе Отелло между Монтанио и Кассио в подобных условиях неуместен. Диалог между Кассио и Дездемоной также выглядит странно, так как солдат вряд ли мог быть знаком с такой знатной девицей, как Дездемона. Удивительно и то, что Дездемона знакома со всеми в сенате Венеции и на Кипре. Ее имя известно всем, кроме Монтанио; он, как отмечает Раймер, видимо, неграмотный. Ответ Кассио слишком изыскан – простой солдат не может изъясняться так красиво. А беседу Дездемоны и Яго Раймер считает подходящей лишь для деревенской кухарки и ее дружка. Венецианская дама очень приятно проводит время, когда в любой момент может ожидать самых худших новостей о судьбе своего мужа. Раймер сравнивает эти сцены с постановками французских бродячих актеров, труппами плотников, сапожников и тому подобных, кто специально затягивал время действия, чтобы выудить побольше денег у публики. «Шекспир, – пишет Раймер, – был большой мастер в этом ремесле. Неудивительно, что в его трагедиях так много фарса и апокрифистики» [26]. Драматургу следовало бы показывать людей и манеры, давать моральные уроки, демонстрировать здравый смысл и человечность, а он вместо этого все придает осмеянию. Разве правдоподобно, что генерал во время первой брачной ночи бросается улаживать пьяную драку, при этом ругаясь странным для солдата образом? Кроме того, за проклятиями должны последовать действия. Возникает ощущение, что солдаты Шекспира воспитывались не в лагере, а где-нибудь в конторе. Далее, для человека, которого отвлекли от божественной Дездемоны, Отелло ведет себя вяло и двусмысленно. Но его жена – странный характер – также появляется среди солдат. Разго-

вор Кассио и Яго о генерале и его жене неправдоподобен: так можно говорить о паре, прожившей рядом какое-то время, а не о вчерашних женихе и невесте. Но Раймер отмечает, что этот разговор – завязка сюжета, он необходим автору, так как в нем заключается источник ревности Отелло.

Беседа Дездемоны с Отелло в первое утро супружества о красивом молодом лейтенанте неуместна, так как этого, как полагает Раймер, было вполне достаточно, чтобы заставить мавра ревновать. Поэтому следующая сцена, где Яго ужимками и полунамёками доводит Отелло до ревности, не нужна: она может лишь «утомить зрителя нудным повторением» [27]. Мнение, что эту сцену считают лучшей в английских трагедиях, Раймер объясняет хорошей игрой актеров, «гримас и ужимок, мимики, усмешек и жестикулляции» – ведь Арлекины и Скарамуши пользуются такой же популярностью. Если бы эту сцену играли в Риме, Яго и Отелло сняли бы сандалии, и зритель увидел бы, что ревность наполняет их «до кончиков пальцев». Слова должны способствовать развитию событий, но здесь язык загромождает действие и препятствует его развитию. Во всех своих поступках Отелло не проявляет характера солдата; он, «как скучный, медлительный, ручной гусь, открывает рот от удивления, когда другая домашняя птица что-то нашептывает ему, и пытается быть ревнивым, хватается за любое надутое предположение» [28]. Трагедия, считает Раймер, должна побуждать зрителя к состраданию или вызывать другие трагические разумные чувства, в «Отелло» же можно обнаружить лишь «ужас и отвращение, что отвратительно и горестно для публики» [29].

Анализируя пьесу Бена Джонсона «Катилина», критик упрекает автора за то, что, зная основные принципы создания драматических произведений, он все-таки отступает от них. Хор в трагедии Джонсона «Катилина» представляет собой странное явление: он присутствует на сцене постоянно – и в спальне, и в штабе армии, и интересуется происходящим, и делает выводы по окончании нескольких актов. И если призрак Силлы мог попасть в комнату Катилины «через замочную скважину», то как там смог оказаться весь хор? К тому же «Аурелия вскоре также оказывается там, но, возможно, поэт обеспечил ее низенькой кроватью в чулане рядом со спальней Катилины?» Очевидно, что поэт нарушил правила единства времени и места. К тому же хору приходится пребывать на сцене без еды и питья все время представления, пока не стихнут аплодисменты. Корнель начинал писать, не зная правил, руководствуясь лишь здравым смыслом. Тем прискорбнее для Бена Джонсона, что он, обладая здравым смыслом, зная правила, хоро-

шо разбираясь в комедии, не смог расположить порядок действия в пьесе разумно и целенаправленно, считает Раймер [30]. Он также полагает, что сама пьеса «в трех частях трагедии: манерах, мыслях и в форме выражения» – дословный перевод «Катилины» Горация. Сюжет не представляет собой логичное и пропорциональное действие, и, наконец, поэту не следовало включать в сюжет так много элементов комедии и апокрифистики [31].

О необходимости присутствия хора в трагедии Раймер заявляет в самом начале работы «Краткий взгляд на трагедию». Эта мысль уже звучала в работе «Трагедии прошлого века». Исследователи отмечают, что сейчас, в 1693 г., Раймер подчеркивает эту необходимость еще и потому, что последние трагедии Расина, «Эсфирь» (1689) и «Аталия» (1691), были поставлены с участием хора. Раймер, без сомнения, знал об этом, и это не могло не импонировать его взглядам. Хор является важной частью трагедии, потому что он сообщает публике о событиях в постановке, так как «зритель должен быть уверен, что поэт не обманет его, не станет шутить о месте и времени пьесы»... [32] То, что Раймер настаивает на восстановлении хора, не является неразумным, если вспомнить, какую роль играл хор в древнегреческих трагедиях. «Хор поддерживает героя в его правой борьбе, – пишет Бояджиев, – осуждает его ошибки, гневно корит за преступления, хор впадает в отчаяние при бедствиях, рыдает над погибшими, но во всех случаях сохраняет образ мыслей, свойственный народу... Не участвуя в сюжете в трагедии, хор создавал эмоциональную атмосферу, в которой пребывал герой, и эта атмосфера менялась по ходу событий трагедии...» [33] Раймер, безусловно, не отводил хору роль выразителя народных взглядов, но важность хора была для него несомненной.

Кроме того, критик отмечает, что для поэта преимущества хора также очевидны: хор сам по себе уже «хорошее представление», которое привлечет зрителя, и драматургу не нужно его изобретать [34].

Сама идея о восстановлении хора не была новой для английской критики: Бен Джонсон писал об этом в предисловии к «Падению Сеяна» (1605) и применил хор в «Катилине» (1611). Джон Мильтон использовал хор в трагедии «Самсон-борец» (1671), Е. Филлипс в предисловии к «Theatrum Poetarum» высказал предположение, что возвращение на сцену хора способствовало бы решению проблемы декорума [35]. Но на позицию Раймера по отношению к хору, как полагают исследователи, повлиял Дасье. Даттон делает такой вывод исходя из того, что, во-первых, Раймер подробно касается хора только в

последней работе «Краткий взгляд на трагедию» (1692), то есть уже после появления сочинения Дасье «La Poetique» (1675). Во-вторых, английский критик приводит те же обоснования необходимости в трагедии хора, что и Дасье [36], который писал: «Мы должны восстановить хор, что повлечет за собой восстановление правдоподобия в трагедии. Это даст возможность объяснить зрителю те особые чувства, которые вы пытаетесь в них пробудить, и рассказать, что есть порочно или похвально в тех характерах, которые представлены» [37]. Раймер добавил к аргументу Дасье мысль о том, что хор является сам по себе хорошим зрелищем. Применение хора позволит драматургу сохранить правдоподобие в пьесе и в то же время включить дополнительное театрализованное действие. Кэннен убежден, что Раймер подразумевал в трагедии еще одну функцию для хора: осуществление юридической власти критика на сцене, прямо посреди представления [38].

Соблюдение принципа правдоподобия является для Раймера обязательным при создании драматического произведения. В первую очередь критик связывает данный критерий с концепцией здравого смысла: то, что противоречит здравому смыслу, не может быть правдоподобным. Кроме того, необходимость следовать принципу правдоподобия в трагедии определяется у Раймера его видением разницы между историей и поэзией. Пьеса должна доставлять удовольствие и поучать, а для этого недостаточно лишь перечислить или описать исторические факты. Поэт должен, передав точность событий, увлечь публику и зрелищем, и добродетельным примером. Одно из средств сохранить правдоподобие в пьесе заключается, по мнению критика, в возвращении на сцену хора: его присутствие не позволит автору пьесы нарушить этот принцип. Рассмотренные Раймером произведения Бомонта и Флетчера, Шекспира и Джонсона неправдоподобны с точки зрения критики и не могут быть признаны лучшими образцами английской драматургии, несмотря на их успех у публики.

Примечания

1. Rymer Thomas. The Critical Works of Thomas Rymer [Text] / ed. by C. A. Zimansky. New Heaven, 1956. P. 8.

2. Ibid. P. 6.; Dutton, G. B. The French Aristotelian Formalists and Thomas Rymer [Text] / G. B. Dutton // PMLA. 1914. Vol. 29. P. 155.

3. *Аристотель*. Сочинения [Текст] : в 4 т. Т. 4 / Аристотель. М.: Мысль, 1984. С. 648.

4. Решетов, В. Г. Джон Драйден и становление английской литературной критики XVI–XVII веков [Текст] / В. Г. Решетов. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1989. С. 33.

5. Там же. С. 58–59.

6. Rymer Thomas... P. 22.

7. Литературные манифесты западноевропейских классицистов [Текст] / под ред. Н. П. Козловой. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 334–335.

8. Там же. С. 339.

9. Spingarn, J. E. A History of Literary Criticism in the Renaissance [Text] / J. E. Spingarn. New York: Columbia Un. Press, 1924. P. 115.

10. Rymer Thomas... P. 25.

11. Ibid. P. 24.

12. Литературные манифесты западноевропейских классицистов. С. 231.

13. Сидни, Ф. Астрофил и Стелла. Защита поэзии [Текст] / Ф. Сидни. М.: Наука, 1982. С. 204.

14. Джонсон, Б. Драматические произведения [Текст] / Б. Джонсон. М.; Л.: Академия, 1931. С. 178–179.

15. Rymer Thomas... P. 34.

16. Ibid. P. 142.

17. *Аристотель*. Указ. соч. С. 661.

18. Grace, J. G. Tragic Theory in the Critical Works of Thomas Rymer, John Dennis and John Dryden [Text] / J. G. Grace. London, 1975. P. 46–48.

19. Rymer Thomas... P. 35.

20. Ibid. P. 24–25.

21. Ibid. P. 41–42.

22. Ibid. P. 133.

23. Nigel, A. Thomas Rymer and «Othello» [Text] / A. Nigel // Shakespeare Survey. 1968. № XXI. P. 70.

24. Ibid. P. 71.

25. Rymer Thomas... P. 134.

26. Ibid. P. 145.

27. Ibid. P. 149.

28. Ibid. P. 149.

29. Ibid. P. 150.

30. Ibid. P. 170–171.

31. Ibid. P. 173.

32. Ibid. P. 84.

33. Бояджиев, Г. Н. История западноевропейского театра от возникновения до 1789 года [Текст] / Г. Н. Бояджиев, А. К. Дживелегов. Л.: Искусство, 1941. С. 17.

34. Rymer Thomas... P. 84.

35. Cannan, P. D. A Short View of Tragedy and Rymer's Proposals for Regulating the English Stage [Text] / P. D. Cannan // The Review of English Studies, New Series. 2001. Vol. 52. № 206. P. 222.

36. Dutton, G. B. Op. cit. P. 181–182.

37. Cannan, P. D. Op. cit. P. 223.

38. Ibid. P. 223.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

А. К. Гребенкина

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНО-НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ

Статья посвящена рассмотрению основных форм организации учебно-научно-исследовательской деятельности будущих учителей в вузе. Кроме того, раскрывается содержание деятельности студентов при осуществлении исследовательской работы.

Развитие школы невозможно без исследовательских подходов, инновационных идей, моделей и проектов педагогических технологий, без сотрудничества ученых, педагогов-практиков, родителей и учеников. Каждая инновация требует апробации, проверки временем. Создание нового опыта, поиск оптимальных решений осуществляется в ходе научно-исследовательской, опытно-экспериментальной деятельности. Научно-исследовательской, опытно-экспериментальной считается деятельность, основанная на научном анализе существующей теории и практики образования, направленная на создание условий для эффективной реализации социально-педагогических инициатив с целью модернизации и развития образовательного учреждения.

Известный педагог А. И. Кочетов [1] справедливо утверждает, что стать исследователем нельзя иначе, как непрерывно совершенствуя свою повседневную жизнь и самого себя на основе изучения педагогической науки и внедрения ее идей в практику.

Составной частью профессиональной подготовки будущего педагога, специалиста в течение всего времени обучения в вузе является учебно-исследовательская (УИРС) и научно-исследовательская работа (НИРС). Учебно-исследовательской работой, как правило, управляют кафедры вуза, ориентируя преподавателей на реализацию исследовательского подхода в учебно-воспитательном процессе при использовании активных методов обучения с целью выработки у будущих специалистов умений исследования и научного поиска.

Включение в научно-исследовательскую работу предусматривает решение дидактических, практических и развивающих задач. Первая задача направлена на обучение методологии и методике исследования, компетентному ведению научной работы и, соответственно, расширению и углублению знаний педагогической теории. Вторая – предполагает целенаправленное и систематическое участие студентов в исследовательской деятельности, вооружение их технологией научного поиска, творческого подхода к исследованию педагогических проблем. Третья задача способствует развитию у студентов таких качеств и психических свойств, как память, наблюдательность, воображение, творческие способности, рефлексивные умения, самостоятельность суждений и выводов. Каждая из перечисленных задач является необходимой для научного поиска, организации самостоятельной исследовательской работы. В ходе научной работы студент знакомится с методологией педагогического исследования, овладевает исследовательскими умениями, а также приемами теоретического мышления, которое опирается на анализ, синтез, классификацию, обобщение и систематизацию изучаемых явлений и процессов.

Руководит НИРС в вузе студенческое научное общество (СНО), а учебно-исследовательской работой студентов – кафедры факультетов.

Педагогическое исследование осуществляется студентами в учебно-воспитательной и научно-исследовательской деятельности школы и вуза, в самостоятельной, внеаудиторной работе и различных видах педагогической практики. Формы организации научного исследования разнообразны: это спецсеминары по введению в научное исследование, научные кружки и исследовательские группы, творческо-экспериментальные объединения при школах, участие в научной работе кафедр, научные конференции, круглые столы, подготовка и публикации результатов научного исследования. Конкретными формами научного исследования по педагогике являются рефераты и творческие задания различного уровня, курсовые, дипломные и конкурсные работы, доклады на научно-практических конференциях, издание статей и тезисов сообщений и т. п.

Рассмотрим назначение, сущность, методику подготовки и процедуру представления (презентацию) основных форм научного исследования в вузе.

ГРЕБЕНКИНА Лидия Константиновна – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой педагогических технологий РГУ им. С. А. Есенина (г. Рязань)
© Гребенкина А. К., 2007

Любая форма педагогического исследования студентов начинается с выбора темы и научного анализа литературы, поскольку педагогическое исследование всегда предполагает опору на достижения науки. Не случайно каждая статья, книга включает в себя ссылки на используемые источники. Даже в таких формах исследования, как доклад или реферат, должен содержаться обзор главных источников по проблеме.

В исследовании анализ литературы выполняет ряд функций:

– помогает устанавливать актуальность и степень разработанности исследуемой проблемы, сформулировать объективную цель и задачи исследования;

– определяет её концептуальные идеи с учетом того, что сделано в науке;

– даёт материал для определения содержания работы в целом, позволяет сравнить результаты однородных поисков, осуществить их анализ, разработать методологию исследования.

Методологические основы педагогического исследования включают 3 основные части. При первоначальном анализе литературы студенты знакомятся с состоянием изучаемой проблемы, анализируют идеи, которые могут стать опорными, сопоставляют и обобщают различные точки зрения. Особое внимание уделяется понятийному аппарату. С целью научного обоснования тех или иных категорий необходимо проанализировать те или иные педагогические явления, события, процессы, которые дают разные ученые, сопоставить их с общепринятыми понятиями в педагогической, справочной литературе (учебных пособиях, энциклопедиях, словарях).

Анализ литературы сопутствует всему ходу научного исследования. Так, на заключительной стадии исследования важно сравнить полученные результаты с данными других ученых, установить общее, типичное и особенное, обосновать собственное открытие.

При описании научного исследования, как правило, во введении дается раздел, посвященный анализу литературы, на основе которого определяется актуальность и формулируются концептуальные основы темы исследования. Иногда обзор литературы представляет самостоятельный раздел работы.

При обзоре литературы, систематизации взглядов педагогов необходимо придерживаться следующей логики: что в науке говорится о сущности данного педагогического явления, процесса; что говорится о путях решения данной проблемы на практике; какие трудности встречаются при практическом решении задач; какие условия эффективности учебно-воспитательного процесса в данной области выделены учеными; что является наиболее актуальным в решении данной проблемы.

На основе анализа литературы и опорных позиций определяются противоречия, проблема, тема, цель, задачи, объект, предмет и гипотеза научного исследования.

Как правило, конкретных задач исследования ставится не больше двух-трех, направленных:

1) на изучение сущности явления;

2) выявление условий, факторов развития;

3) описание методики, организации, технологии изучаемого процесса или явления;

4) изучение, обобщение передового педагогического опыта.

При определении задач важно исходить из состояния изучаемого вопроса науки, наличия противоречий, состояния и потребностей практики, а также собственных возможностей. На основе противоречий формулируется научная гипотеза.

Научная гипотеза – это предположение о том, в чем сущность явления и как оно будет протекать. Это своего рода исходный элемент поиска истины, умозаключение. Гипотеза нацелена на объяснение неизвестных научных явлений, на собственное толкование той или иной научной проблемы. На основе поставленных задач и разработанной гипотезы ставится эксперимент и проводится опытная работа, цель которых – собрать факты, получить научные результаты, подтверждающие или опровергающие выдвинутую гипотезу. Экспериментальные данные проверяются, уточняются, доказываются данными, полученными при помощи других методов. К основным методам педагогического исследования относят теоретические (анализ научных источников и литературы, математические и статистические методы); эмпирические (наблюдение, беседа, интервьюирование и анкетирование, метод педагогического консилиума, метод педагогической диагностики, метод педагогического эксперимента).

Комплексная методика педагогического исследования способствует получению и сопоставлению разносторонних сведений, установлению связей между полученными цифрами и фактами, объективными выводами и рекомендациями по совершенствованию учебно-воспитательного процесса в школе.

Как уже отмечалось, в опыте работы вузов существует несколько видов исследовательской работы студентов. Студенты-первокурсники занимаются научной работой в кружках и исследовательских группах, где знакомятся с методикой НИР и приобретают элементарные исследовательские умения (как провести анкету, беседу или интервью с учащимися, учителями, родителями, как изучить и обобщить передовой педагогический опыт и т. п.). Итогом работы в кружке или исследовательской группе является подготовка реферата или творческого задания.

Реферат как форма научного исследования представляет логически законченное повествование об одной или нескольких актуальных, связанных между собой педагогических идеях. Выбор темы реферата осуществляется студентом с учетом его интересов и способностей.

Реферат состоит из введения, основной части и выводов. Во введении обосновываются актуальность, цель, задачи и методы исследования, дается краткий обзор источников. В главной части реферата на основе анализа психолого-педагогической литературы, периодической печати, опыта работы школ (учителя) раскрывается решение поставленных задач. В заключительной части формулируются краткие обоснованные выводы по итогам работы. Объем реферата не менее 15 страниц печатного текста. Основное содержание реферата студент докладывает на научной конференции, заседании кружка или другой форме НИР по подведению итогов научной работы студентов.

Творческое задание – это вид исследования той или иной педагогической проблемы. Представляется в форме эссе, тезисного описания ведущих теоретических идей (3–5 страниц) или в форме методической разработки с таблицами, схемами, диаграммами, или буклета, доклада, газеты и т. п. Внешнее оформление творческого задания предусматривает художественное исполнение, соответствующее теме и фантазии автора.

Реферат и творческое задание являются начальным этапом научно-педагогического исследования. Наиболее актуальные и качественно выполненные работы могут перерасти в курсовую, а затем в дипломную работу.

Курсовые и дипломные работы – это одновременно и виды самостоятельной, научно-исследовательской работы, и формы изучения актуальных вопросов воспитания и обучения учащихся, оптимальной их организации в учебно-образовательном учреждении. Базой курсовых и дипломных работ является самостоятельное изучение литературы по проблеме, ее научный анализ, наблюдение за работой учителей, учащихся, передовой педагогический опыт и постановка эксперимента, а также результаты исследования в целом.

Существующая практика написания курсовых и дипломных работ по педагогике предлагает такую последовательность: выбор темы, изучение литературы по проблеме, постановку задач, составление ориентировочного плана работы, определение методологической базы и методов исследования, сбор материала, анализ и обобщение полученных данных. Завершающим этапом является оформление курсовой или дипломной работы и их защита. При выполнении курсовых и дипломных работ следует придержи-

ваться следующих требований (алгоритма действий):

1. Обоснование актуальности темы исследования.
2. Определение целей и задач исследования.
3. Краткий обзор психолого-педагогической литературы по теме.
4. Использование комплекса методов исследования.
5. Изучение теории вопроса и изложение её в главах или основных разделах.
6. Изучение и обобщение передового педагогического опыта.
7. Обоснование собственной точки зрения относительно рассматриваемых вопросов.
8. Четкость, новизна и обоснованность выводов.
9. Соответствующее оформление курсовой или дипломной работы.
10. Подготовка доклада для защиты.
11. Защита (презентация) основных идей и результатов исследования.

В Рязанском университете ежегодно проводятся конкурсы на лучшую научную работу студентов по психолого-педагогическим дисциплинам [2]. На конкурс подаются законченные самостоятельные научные работы студентов по актуальным проблемам обучения и воспитания учащихся. Конкурсная работа также должна отвечать определенным требованиям:

- актуальности,
- четкости и логической последовательности изложения,
- убедительности аргументации выдвигаемых идей,
- научной новизны и творчества,
- конкретности и оригинальности изложения,
- доказательности выводов и обоснованности рекомендаций,
- практической значимости.

Конкурсная работа должна быть правильно оформлена, включать титульный лист, аннотацию, отзыв руководителя, состоять из введения, обзора литературы, материалов и методов исследования, результатов собственного опыта, заключения, выводов и практических рекомендаций, списка использованной литературы.

Любое педагогическое исследование предполагает изучение опыта. Педагогический опыт – это такой опыт школы (учителя), который позволяет достигать высокого качества, хороших результатов в учебно-воспитательной работе при сравнительно невысоких затратах сил, средств и времени.

Экспериментальная работа в школе проводится на основе специальной программы системного подхода. В этой программе обосновывается необходимость для школы данного эксперимен-

та, формулируются проблема и тема, цели и задачи, определяется объект, предмет исследования, гипотеза, комплекс используемых методов, уточняются направления и этапы работы, сроки, участники и руководители [3].

Преподаватель вуза выступает в роли научного руководителя или консультанта. Студенты получают соответствующие задания для разработки курсового или дипломного проекта, включаясь в исследовательский микроколлектив образовательного учреждения.

Как правило, студенты изучают опыт творчески работающих учителей, мастеров педагогического труда. Студент-исследователь, обобщающий опыт работы школьного коллектива, администрации школы, отдельного учителя, классного руководителя, разрабатывает рекомендации по совершенствованию обучения и воспитанию учащихся. При обобщении опыта во внимание принимаются следующие основные компоненты: задачи учебно-воспитательной работы; основные идеи педагогического опыта; деятельность учителей, учащихся и других участников педагогического опыта; достижения и конкретные результаты обучения и воспитания учащихся; новизна и преимущество инноваций авторов опыта; зависимость опыта от условий школы; реальные пути и средства внедрения передового опыта.

Этапами изучения педагогического опыта являются:

- 1) поиск образца работы учителей, воспитателей, классных руководителей, педагогических коллективов;
- 2) выявление критериев отбора и оценки педагогического опыта;
- 3) выбор методики изучения педагогического опыта;
- 4) сбор разнородной информации;
- 5) отработка собранных фактов, имеющих материалы;
- 6) выявление общей идеи для внедрения опыта.

Полученные материалы на основе изучения педагогического опыта анализируются и оформляются с учетом требований, предъявляемых к той или иной форме научного исследования (реферат, курсовая, дипломная, конкурсная работа).

К вариативным видам учебно-исследовательской работы (УИРС) в университете относятся педагогические олимпиады и конкурсы профессионального мастерства, включающие подготовку и защиту инновационных проектов на основе научных подходов. Так, например, конкурсы включают ряд мини-конкурсов, предусматривающих выявление научной эрудиции, использование полученных данных педагогического поиска, проявление качеств исследователя: наличие психолого-педагогического мышления, умений формулировать цели и задачи исследования, вы-

делять основополагающие идеи, формулировать концепции, разрабатывать технологии, изучать и обобщать педагогический опыт. Так, традиционный конкурс профессионального мастерства, проводимый в РГУ под девизом «За нашим веком мы идем», включал ряд мини-конкурсов, требующих при подготовке и проведении реализации исследовательского и творческого подходов: конкурс рекламы, конкурс актёрского мастерства, интеллектуальный конкурс, школьный конкурс, конкурс индивидуальных творческих проектов. Например, конкурс творческих проектов «Нетленые мысли» предусматривал толкование педагогического факта, процесса или явления, представленного в тексте в форме гипотезы (предположения) решения проблемы, определение ее новизны, практической значимости и собственный оригинальный взгляд на педагогическую профессию, на организацию учебной и внеурочной деятельности, педагогические находки в практической работе с детьми.

Одним из критериев оценки конкурса было умение применять научные знания в решении вопросов педагогической практики, соответствие цели и содержания; научная и практическая значимость, нестандартный подход при защите проекта.

Итоги учебно-научно-исследовательской работы студентов (УИРС и НИРС) ежегодно подводятся на заседаниях кафедр или методических объединений, секционных заседаниях общевузовской научной студенческой конференции.

Цель студенческой конференции – анализ и подведение итогов научной работы в кружках, исследовательских и творческих группах, уточнение перспектив НИРС, награждение студентов.

На конференциях заслушиваются лучшие доклады и сообщения, обобщающие результаты научных исследований по актуальным проблемам педагогики.

Формы проведения конференции могут быть различными: традиционные (пленарное, секционные заседания), «круглые столы», творческая дискуссия и др.

Основными ориентирами при подготовке выступлений являются актуальность темы, цель и задачи, составление плана и написание текста, разбивка сообщения по времени, подготовка наглядных материалов и новых информационных технологий.

Выступления и презентация докладов, участие в научных дискуссиях, «круглых столах» и прениях являются для студентов школой научного творчества, постоянного поиска, самосовершенствования исследовательских умений. Критерии оценки докладов: актуальность, теоретическая и практическая значимость, новизна и оригинальность представленных идей, четкость и конкретность содержания, логика изложения.

Студенты, достигшие определенных успехов в научно-исследовательской работе, имеют право печатать тезисы докладов в научных сборниках и могут быть рекомендованы на выпускном курсе в аспирантуру.

В научно-исследовательской работе должен принимать участие каждый студент. Будущий учитель в условиях вуза должен повышать свой интеллектуальный потенциал, учиться исследовательскому, научному подходу к организации учебно-воспитательного процесса в образовательных учреждениях, овладевать методикой и умениями педагогического поиска.

Таким образом, учебно-научно-исследовательская, опытно-экспериментальная работа студентов и преподавателей становится мощным и действенным фактором, влияющим на результативность труда педагогического коллектива вуза, развитие субъектов деятельности, уровень образованности и культуры общества.

В свою очередь научно-исследовательская работа студентов представляет важнейший этап подготовки к профессиональной деятельности, способствует углублению знаний, помогает выработать исследовательские умения, развивает педагогическое мышление, творческие способности учителя-исследователя.

Примечания

1. Кочетов, А. И. Культура педагогического исследования [Текст] / А. И. Кочетов. Минск, 1996.
2. Введение в научное исследование. Программа курса [Текст] / сост. Л. А. Байкова. Рязань, 1999.
3. Эксперимент в школе: организация и управление [Текст] / под ред. М. М. Поташника. М., 1991.

Н. А. Низовских, В. М. Шкурихина

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЖИЗНЕННЫХ ПРИНЦИПОВ И ВОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ

Статья посвящена дискуссионному вопросу формирования волевых качеств личности. Рассматривается связь между волей и жизненными принципами личности. Анализируются результаты исследования, проведенного среди студентов Кировских вузов.

Волевые качества традиционно относят к числу самых существенных в структуре личности. Во всем великом и героическом, что делал человек, волевые качества всегда играли значительную роль, – писал С. Л. Рубинштейн. Сформированность волевой регуляции является важным пока-

зателем развития личности [1]. Значимость формирования волевых качеств студентов определяется глубокими преобразованиями в экономической жизни страны, обусловившими потребность в новом типе специалистов, которые «должны уметь адаптироваться к непростой динамике современных производственных отношений, в полной мере реализовывать свои профессиональные, творческие возможности» [2].

Понятия волевой регуляции и волевых качеств личности не являются в психологии окончательно устоявшимися. Вопросы, связанные с проявлением воли, до настоящего времени остаются достаточно дискуссионными, и несмотря на то, что в последние десятилетия проблеме воли уделяется достаточно много внимания, она все еще далека от разрешения [3]. Особенно мало разработаны вопросы о психологических средствах и механизмах формирования волевых качеств личности.

Цель данного исследования состоит в выявлении наличия и характера взаимосвязи жизненных принципов и волевых качеств личности в юношеском возрасте. Гипотеза заключается в предположении о том, что волевые качества личности взаимосвязаны с ее жизненными принципами. Методологической основой исследования выступает культурно-деятельностный подход к решению проблемы воли, представленный в отечественной психологии работами А. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Б. С. Братуся, Ф. Е. Василюка, В. А. Иванникова и др.; а также базирующаяся на работах В. Ф. Петренко психосемантическая трактовка личностного саморазвития человека как его специфической деятельности по созданию нового в своем сознании, отношениях, переживаниях и поведении при помощи социальных по своей природе психологических средств.

Для формирования волевой личности исключительное значение имеет усвоение ценностей, превращение их в мотивы поведения, в том числе и волевого. Ф. Е. Василюк указывает на то, что на уровне личности воля обнаруживает себя прежде всего силой мотива. В мотивах «фиксируется вся жизненная энергия личности, которая делает возможным волевое удержание и реализацию жизненного замысла» [4]. Для волевого человека перестает быть актуальной проблема борьбы мотивов, потому что система ценностей уже определяет наиболее значимое для субъекта направление его жизнедеятельности. Это происходит благодаря тому, что в свете ценности становится хорошо видна подлинная направленность того или иного намерения, легко определяется его «цена», и властью ценности может быть отказано неподходящему намерению [5]. Сказанное определяет значимость вопросов о трансляции социальных ценностей и об их интеграции в

НИЗОВСКИХ Нина Аркадьевна – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой практической психологии ВятГГУ

ШКУРИХИНА Вера Михайловна – студентка V курса факультета психологии ВятГГУ

© Низовских Н. А., Шкурихина В. М., 2007

жизненный мир человека. Жесткий и тотальный внешний контроль со стороны взрослых на ранних этапах онтогенеза формирует либо ригидную личность, которая четко следует «самоприказам», либо, как результат внутреннего протеста и сопротивления, личность совершенно безвольную. Напротив, привитие ценностей на фоне разумного контроля и предоставление возможности их самостоятельного выбора пробуждают ответственность за себя и собственную жизнь, формируют интрогенное волевое поведение.

Особую роль в формировании волевых качеств личности играют жизненные принципы. С точки зрения И. Канта, принципы составляют стержень человеческого характера [6]. Кант связывал характер человека с волей и определял его как образ мыслей и следование принципам: «Иметь характер – значит обладать тем свойством воли, благодаря которому субъект делает для себя обязательными определенные практические принципы, которые он собственным разумом предписывает себе как нечто неизменное. Хотя эти принципы иногда бывают ложными и ошибочными, все же формальное в воле вообще, а именно [правило] поступать согласно твердым принципам (а не бросаться туда и сюда подобно туче комаров), заключает в себе нечто ценное и достойное удивления, потому оно и бывает редко. Здесь главное не то, что делает из человека природа, а то, что он сам делает из себя» [7].

Жизненные принципы рассматриваются нами как средство саморазвития человека [8]. Психологическим субстратом их выступают развернутые речевые высказывания. О решающем значении речи в построении личности писал А. С. Выготский. Опираясь на идею П. Жане о метаморфозе языка в волю, он показал, что слово, выполнявшее первоначально функцию команды по отношению к другим, затем применяется как команда по отношению к себе и, тем самым, позволяет овладеть собственным поведением. Именно воля как «речевое командование» по отношению к себе лежит в основе построения личности.

Студенческий возраст является исключительно значимым этапом становления личности. В задачи юношеского возраста входит осознание своей жизни как «дела», планирование жизнен-

ного пути, активное рефлексирование над философией своей жизни. Сформулированные в сензитивные юношеские годы руководящие жизненные принципы часто сохраняются на всю жизнь.

Организация и методы исследования

Эмпирическое исследование проводилось в сентябре-октябре 2007 г. (данное исследование выполнено как часть выпускной квалификационной работы В. М. Шкурихиной). Участниками исследования стали студенты I–V курсов ВятГГУ (факультеты: исторический, физико-математический, психологии, информатики) и ВГУ (строительный факультет). Всего 102 респондента в возрасте от 17 до 22 лет. Все респонденты – мужского пола.

Исследование проводилось в групповой форме. Студенты приглашались к участию в исследовании ценностных ориентаций (о том, что изучаются волевые качества личности в их взаимосвязи с жизненными принципами, не сообщалось, чтобы устранить внушение).

В соответствии с инструкцией участники исследования вначале заполняли ретроспективную анкету установок (автор – Н. А. Низовских [8]), а затем им предлагался опросник волевых качеств личности (автор – М. В. Чумаков [9]). Это позволило избежать влияния опросника волевых качеств на формулировки жизненных принципов респондентов.

В ретроспективной анкете установок опрашиваемым предлагается записать правила (принципы) своей жизни, указать приблизительно возраст, в котором было сформулировано каждое правило, источник его получения, оценить в баллах следование данному правилу в реальной жизни.

Инструкция: «Каждый человек в своей жизни руководствуется определёнными правилами. Эти “правила жизни” (жизненные принципы, установки) приходят к нам разными путями. Одни установки дают родители, близкие люди, учителя. Например, в детстве ребёнку говорят: “Будь умницей!” или “Не бери чужое”. Другие установки мы извлекаем из книг, телепередач, песен, стихов, или формулируем сами, опираясь на жизненный опыт. Например, “Не позволяй душе лениться...” или “Всегда стремись к самой высшей

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ АНКЕТА УСТАНОВОК

№	Возраст	Источник	Установки (жизненные принципы, правила)	Следование правилу в реальной жизни (в баллах от 0 до 10)	Примечания
1					
2					
...					
15					

из доступных тебе целей!». У каждого человека свой набор таких жизненных правил, установок. Сейчас Вам предстоит вспомнить и записать в анкете свои правила жизни. Всего приблизительно 15. В графе «№» отмечен порядковый номер установки. В графе «возраст» укажите свой возраст, в котором Вы получили эту установку. Хронологию при этом можно не соблюдать. В графе «источник» отметьте, кто дал Вам такую установку или откуда Вы её извлекли. В графе «установка» записываются «правила (принципы) жизни». Оцените по десятибалльной системе (в графе «следование»), насколько Вам удаётся следовать данной установке в реальной жизни (0 – никогда, 10 – практически всегда). В графе «примечание» можно что-то пояснить. Особенно желательны пояснения для многозначных выражений типа «Хочешь жить – умей вертеться!». Хорошо, если Вы поясните, о чём идёт речь (о деле, об отношениях с другими людьми и т. д.), раскройте смысл данного принципа. Это поможет при обработке и интерпретации анкет. В заключение подчеркните три самые значимые для Вас установки. Благодарим вас! Надеемся, Вам интересно будет работать с анкетой!»

«Опросник диагностики волевых качеств личности (ВКЛ)» М. В. Чумакова направлен на общую оценку степени развитости волевой регуляции, обеспечивающей сознательное, намеренное, осуществляемое на основе собственного решения поведение. Респондентам предлагается утверждения типа «Я могу быстро сосредоточиться, если нужно», «Я хорошо знаю, чего хочу», «Меня не пугают отдаленные цели», «Я – мягкий человек» и др. (всего 78 суждений). При этом предлагаются четыре варианта ответов: «неверно», «скорее неверно», «скорее верно», «верно».

Обработка полученных данных позволяет охарактеризовать основные компоненты волевой регуляции поведения личности по следующим девяти шкалам опросника: ответственность, инициативность, решительность, самостоятельность, выдержка, настойчивость, энергичность, внимательность, целеустремленность. Обработка результатов данной методики позволяет определить и уровень развития каждого из девяти волевых качеств у респондентов, и подсчитать итоговый балл.

Результаты

В 2007 г. было собрано 102 ретроспективные анкеты, содержащие в общей сложности 685 жизненных принципов респондентов. При классификации ценностных суждений (принципов) выделились разделы, отражающие отношение респондентов к себе, к другим людям, труду и учению, другим сторонам жизни, внутри которых в результате дальнейшей классификации было сформировано 34 обобщающих конструкта. В 2004 г. в тех же образовательных учреждениях и на тех же факультетах проводилось аналогичное исследование с применением ретроспективной анкеты установок (тогда в 102 анкетах содержалось 793 жизненных принципа студентов-юношей). Заслуживает внимания сравнение распределения жизненных принципов в разделе «Отношение к себе», поскольку именно данный раздел содержит суждения, отражающие ценность волевого поведения.

Как видно из табл. 1, структурно и даже в количественном отношении жизненные принципы респондентов, отражающие их отношение к себе, в двух исследованиях вполне сопоставимы.

Таблица 1
Распределение жизненных принципов в разделе «Отношение к себе» (в иерархии 2007 г.)

Раздел и обобщающие конструкты	Кол-во принципов (%) по годам исследований	
	2004	2007
Отношение к себе в т. ч.:	296 (37,3)	285 (41,6)
1. Здоровый образ жизни, безопасность жизни	135 (17)	125 (18,2)
2. Активность, целеустремленность	32 (4,0)	29 (4,2)
3. Долг, ответственность, дисциплинированность	19 (2,4)	28 (4,1)
4. Самостоятельность	22 (2,8)	20 (2,9)
5. Сила, независимость	17 (2,1)	19 (2,8)
6. Самообладание	13 (1,7)	19 (2,8)
7. Самопознание, саморазвитие	7 (0,9)	14 (2,0)
8. Отношение ко времени	11 (1,4)	10 (1,5)
9. Самоидентичность, ценность себя	15 (1,9)	7 (1,0)
10. Скромность, хорошость	9 (1,1)	6 (0,9)
11. Аккуратность	12 (1,5)	3 (0,4)
12. Мужественность	3 (0,4)	3 (0,4)
13. Целомудрие	1 (0,1)	2 (0,3)

Иерархия средних значений по шкалам опросника волевых качеств (по выборке в целом)

№	Волевое качество	Стены	№	Волевое качество	Стены
1	Выдержка	6,13	6	Целеустремленность	5,49
2	Самостоятельность	5,97	7	Внимательность	5,45
3	Решительность	5,95	8	Ответственность	5,36
4	Инициативность	5,73	9	Энергичность	5,23
5	Настойчивость	5,62	Итоговый балл		5,66

Поскольку в исследованиях 2004 и 2007 гг. участвовали студенты одних и тех же факультетов, но не те же самые студенты (!), можно говорить о некоторых закономерностях в функционировании феномена жизненных принципов.

Цель настоящего исследования, как было отмечено выше, – выявление наличия и характера взаимосвязи жизненных принципов и волевых качеств личности. Применение опросника диагностики волевых качеств личности (ВКЛ) М. В. Чумакова позволило оценить общую степень развитости волевых качеств наших респондентов (табл. 2).

Наиболее выраженными являются такие волевые качества студентов, как выдержка, самостоятельность и решительность. Как отмечает автор теста, высокий балл по шкале «выдержка» характерен для людей, умеющих контролировать свои эмоции, терпеливо переносить нагрузки, справляться с монотонной деятельностью. В некоторых случаях выраженность этого качества может приводить к тому, что человек справляется с обстоятельствами, которые, возможно, целесообразнее было бы изменить. В меньшей степени у участников исследования выражены ответственность и энергичность.

Выявление взаимосвязи жизненных принципов и волевых качеств респондентов осуществлялось с помощью рангового коэффициента корреляции Спирмена. В ретроспективных анкетах были вычленены жизненные принципы, отражающие ценность волевого поведения. Формулировки жизненных принципов респондентов с этой целью сопоставлялись с суждениями, составляющими шкалы опросника волевых качеств личности. Например, если жизненным принципом респондента являлось «Быть целеустремленным» (или «Всегда добиваться своих целей», «Иметь цель в жизни» и т. п.), то в матрицу для корреляционного анализа в столбец «Принцип целеустремленности» заносился балл следования респондента данному принципу в жизни (по его соб-

ственной оценке, предусмотренной ретроспективной анкетой установок). И так в отношении всех девяти типов жизненных принципов, связанных с ценностями волевой регуляции поведения.

В результате корреляционного анализа установлена умеренная положительная связь ценности целеустремленности, представленной в жизненных принципах респондентов, и целеустремленности как волевого качества, диагностированного при помощи опросника ($r = 0,316$; $p < 0,05$). Целеустремленность, представленная в жизненных принципах участников исследования, коррелирует также с такими волевыми качествами, выявленными при помощи опросника, как решительность ($r = 0,247$; $p < 0,01$), энергичность ($r = 0,197$; $p < 0,01$), внимательность ($r = 0,260$; $p < 0,05$). Выявлена взаимосвязь между выдержкой как ценностью, представленной в жизненных принципах респондентов, и их самостоятельностью как волевым качеством, выявленным при помощи опросника ($r = 0,220$; $p < 0,01$). Полученные результаты подтвердили выдвинутую гипотезу и нуждаются в осмыслении и интерпретации.

Примечания

1. Чумаков, М. В. Опросник диагностики волевых качеств личности (ВКЛ) [Текст] : руководство / М. В. Чумаков; НПЦ «Психодиагностика». Ярославль, 2004. С. 4.
2. Гетте-Борисова, И. В. Психологические условия развития волевых качеств личности у студентов вуза [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. наук / И. В. Гетте-Борисова. Сочи, 2005. С. 3.
3. Там же.
4. Василюк, Ф. Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций [Текст] / Ф. Е. Василюк. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 125.
5. Там же.
6. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения [Текст] / И. Кант. СПб.: Наука, 1999. С. 250.
7. Там же. С. 385.
8. Низовских, Н. А. Человек как автор жизни: психосемантика жизненных ориентаций [Текст] / Н. А. Низовских. Киров: Изд-во ВятГПУ, 2000.
9. Чумаков, М. В. Указ. соч.

Н. В. Перешеина

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье автором представлены методологические аспекты анализа социально-психологических проблем девиантного поведения. Проанализированы труды как отечественных, так и зарубежных исследователей, занимающихся изучением проблем девиантного поведения. Рассмотрены типы социальных отклонений личности и стадии развития асоциального поведения. Принцип диагностического изучения личности, необходимость динамического и системного подхода в воспитательном воздействии на трудного ребенка находят отражение в современных исследованиях.

В зарубежной науке психология девиантного (отклоняющегося) поведения сложилась как самостоятельная наука. В России эта наука не имеет такого теоретического и эмпирического опыта: она на пути становления. Значительно активизировались исследования ученых в области отклоняющегося поведения лишь в последние годы.

В мировой научной литературе существует несколько подходов к определению девиантного поведения и его причин. Одни считают, что девиация – отклонение от нормы, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение или другое наказание индивида (Н. Дж. Смелзер), другие видят причину девиации в разрыве между целями общества и социально одобряемыми средствами существования этих целей (Р. К. Мертон), третьи подчеркивают, что девиация возникает в результате конфликтов между культурными нормами (С. Селлин). Я. И. Гилинский под девиацией понимает 1) поступки, действия человека, не соответствующие официально установленным в данном обществе нормам; 2) социальное явление, выражающееся в массовых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе нормам [1].

Зарубежные ученые, занимающиеся изучением данной проблемы, склонны считать, что девиантное поведение проявляется в поступках и социальных действиях индивида, вступающего в конфликт с социальными нормами общества [2]. Средой проявления девиантного поведения являются улица, семья, трудовой (учебный) коллектив, соседские отношения и т. д. Стимулируют девиантное поведение социально-экономические

условия, семейно-бытовые отношения, потребности, социально-культурное окружение, межличностные отношения и общение людей друг с другом.

Научный интерес к проблеме отклоняющегося поведения в России возник с середины XIX в., что было обусловлено реформированием социально-политической жизни, переходом к новой нормативно-ценностной системе. В обществе появились люди, которые не смогли приспособиться к новым социальным стандартам, и их поведение воспринималось окружающими как социально опасное. С. Я. Завражин, анализируя состояние проблемы отклоняющегося поведения детей и подростков в дореволюционной России, в своём исследовании отмечает, что вышеназванные причины стимулировали процесс научной рефлексии рассматриваемой проблемы [3].

Большая заслуга в становлении научного изучения вопросов сущности и предупреждения отклоняющегося поведения принадлежит И. М. Сеченову [4]. Известный русский физиолог установил зависимость человеческих поступков от внутренних и внешних условий. Он считал, что моральное чувство воспитывается, а не даётся от рождения, поэтому при правильном воспитании можно исправить нежелательное поведение. Конечный результат такой деятельности будет зависеть от того, насколько своевременно она начнется. Чем меньше ребёнок, тем продуктивнее будет результат перевоспитания. Таким образом, Сеченовым была выдвинута идея естественной детерминации психики и человеческого поведения.

Одним из первых, кто сделал попытку обоснования связи между модальностью поведения и характерологическими особенностями ребенка, был известный ученый Н. В. Щелкунов [5]. Щелкунов считал, что такие качества характера, как раздражительность и впечатлительность, могут приобрести в одних случаях нравственную уродливость, а в других – высокую духовность, чуткость. Результат будет зависеть от условий среды и воспитания.

Таким образом, в своих научных взглядах Щелкунов обосновал необходимость учета биопсихических особенностей личности при ведущей роли микросоциальных факторов в детерминации отклоняющегося поведения детей. Проблеме отклоняющегося поведения известный отечественный педагог Ушинский рассматривал с позиции социологизаторского подхода. В генезисе детской преступности особое значение придавал воспитанию. Исходя из этой позиции, Ушинский одним из первых в отечественной педагогике внес предложение об использовании профилактических мер в решении проблемы отклоняющегося поведения. В качестве основных средств профилактики предлагал использовать всесторонность

ПЕРЕШЕИНА Надежда Васильевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии ВятГГУ, действительный член МПА, член-корреспондент МАПН
© Перешеина Н. В., 2007

и комплексность изучения воспитанника, индивидуализацию обучения и воспитания, личностный подход в воспитании, единство педагогических требований, целостность учебно-воспитательного процесса, поэтапное включение детей в систему адаптивно-профилактических структур, подготовку воспитанников к самостоятельному выполнению разнообразных профессиональных и социальных ролей [6]. Необходимость своевременного диагностирования отклонений в поведении высказывалась и выдающимся ученым XIX в. П. Ф. Лесгафтом [7]. Ученым была предложена классификация основных типов детей, которая описывала качественные различия проявления отклонений в поведении детей, дающая возможность их диагностировать и строить учебно-воспитательный процесс в соответствии с уровнем нравственного и умственного развития ребенка. Описанные Лесгафтом детские типы соответствуют трем степеням умственного и нравственного развития ребенка. Лицемерный тип личности соответствует первому уровню и характеризуется преобладанием подражательных явлений; честолюбивый тип характеризуется слабым развитием анализа и рефлексии, стремлением к первенству; добродушный тип относится к третьему уровню развития и отличается привычкой рассуждать, анализировать явления и руководствоваться этими рассуждениями в поведении. Идеи, высказанные Лесгафтом, находят широкое отражение и в современных исследованиях.

Приоритетные идеи ученых XIX в. явились основой новой научной ветви – педагогической патологии, изучающей отклоняющее поведение трудновоспитуемого ребенка и определяющей характер превентивных мер воздействия.

Проблема трудновоспитуемых детей особое значение приобрела в первые годы Советской власти, после гражданской войны, когда значительно увеличилось количество беспризорных детей. Детская беспризорность становилась народным бедствием. У истоков разрешения этой проблемы стояли П. П. Блонский, Л. С. Выготский, А. С. Макаренко, С. Т. Шацкий.

Работа Шацкого и его коллег в школе-колонии подготовила их к глубокому познанию проблем детства, создала опыт воспитания на основе уважения к личности ребенка, индивидуального подхода к нему через доверительные отношения между детьми и взрослыми.

В концепции изучения личностных качеств школьников Шацкий выдвинул положение о том, что в процессе изучения детей необходимо научиться понимать их внутренний мир, а не истолковывать поведение детей только с позиции взрослого человека. Важное значение Шацкий придавал учету возрастных особенностей учащихся, условий среды и способности взрослых активно вли-

ять на них, устраняя вредно действующие факторы. В этом отношении Шацкий опирался на разработанную Ушинским программу комплексного изучения личности и особой ответственности воспитателя [8].

Большая заслуга в разработке научных основ воспитания и обучения трудных детей принадлежит русскому врачу и педагогу Кащенко. Главным стержнем его педагогической деятельности являлось стремление помочь детям понять свое «я», сознательно бороться с отрицательными чертами своей личности, выработать и закалять свой характер. Ценным вкладом в развитие психологической науки является положение ученого о требованиях к изучению личности ребенка. В частности, он считал, что при изучении личности ребенка нужно знать ее отклонения, которые отражались бы в объективных показателях. Существенное различие между нормальными и ненормальными людьми, по мнению Кащенко, состоит в том, что психические черты у нормального развивающегося ребенка являются случайным признаком, от которого можно избавиться при необходимости и волевым усилием со стороны ребенка. Чтобы признать отклонения от нормы, нужно, чтобы эти отклонения были достаточно значимыми, а именно, чтобы они так или иначе практически отражались на поведении ребенка в обществе.

Несомненный интерес представляют работы видного педагога и психолога Блонского. По его мнению, трудные дети требуют к себе особого, дополнительного внимания со стороны педагогов. В личности трудного ребенка он видел силы, способные разрушить отрицательные нравственные понятия, негативные стороны поведения. Задача педагога – выявить эти силы, стимулировать их развитие. Блонский считал, что залог успеха в перевоспитании трудных детей заключается в творческом сотрудничестве учителя и ученика, в оптимистической позиции педагога, вере в удачу и стремлении развития положительных внутренних сил ребенка.

Значительный интерес представляют показатели нормально развивающегося ребенка, сформулированные Блонским. К таким показателям он относил многосторонность интересов, способность увлекаться одновременно многим, творческое решение поставленных задач, хорошее развитие речи, особенно письменной, умение общаться с людьми, инициатива. Понятие нормы позволило Блонскому составить классификацию отклонений в поведении детей с указанием соответствующих причин [9]:

1. Ученики – дезорганизаторы, трудновоспитуемость которых обусловлена несдержанностью, расторможенностью моторики. Для них характерны выкрики, разговоры на уроках, беготня на

переменах, неподчинение требованиям учителя, конфликты с товарищами, упрямство.

2. Трудновоспитуемые дети с невысоким уровнем общей культуры, элементарной невоспитанностью. Признаки поведения детей данной группы часто сочетаются с признаками первой группы.

3. Трудновоспитуемые дети с нарушениями психопатического характера (дети, склонные к аффектам).

Во всех случаях, когда ребенок обнаруживает отклонения в поведении, надо, по мнению Блонского, понять сущность этих отклонений, выявить их причины и создать условия для преодоления недостатков. Это положение основано на том, что Блонский рассматривал нравственность как сложное явление, имеющее не биологические, а социальные корни. Тем самым он нанес удар по распространенной в 30-е гг. «моральной дефективности», согласно которой дети, с которыми не справлялись малоквалифицированные педагоги, причислялись к категории морально дефективных. Блонский утверждал, что диагноз умственному развитию может ставить только специалист. В случаях отсутствия клинически реальных болезней педагоги имеют дело с «педагогической запущенностью». Интерес для практических работников представляет план изучения ребенка, предлагаемый Блонским, который включает анкетирование (анамнез), тестирование (сопоставление с нормой развития), диагноз, этиологический анализ, педагогические рекомендации. Данная структура была положена в основу современного диагностического обследования ребенка.

Стремление помочь педагогам решать проблемы трудного детства мы находим в психологической деятельности Выготского. По-новому сейчас звучат мысли, высказанные ученым много лет назад, что педагогам необходимо целостное знание о развитии человека. Обоснованный принцип диагностического изучения личности, необходимость динамического и системного подхода в воспитательном воздействии на трудного ребенка находят отражение и в современных исследованиях. Известно, что в 30-е гг. педологи часто использовали в качестве ведущего метода обследования психометрические тесты, в результате чего нормальные дети направлялись во вспомогательные школы. В наше время мы также можем наблюдать увлеченность тестированием, наносящим вред ребенку. В этом плане актуальны высказывания Выготского в отношении тестовых испытаний: тесты должны органично применяться в сочетании с длительным наблюдением, изучением продуктов детской деятельности, игры и всех сторон поведения ребенка, только тогда мы сможем претендовать на точность в постановке диагноза [10].

Огромная роль в определении требований к личности педагога-воспитателя трудных детей, к становлению его педагогического мастерства принадлежала Макаренко, который большую часть своей педагогической деятельности посвятил перевоспитанию беспризорников и несовершеннолетних правонарушителей. Макаренко считал, что правонарушители – это дети, нуждающиеся, прежде всего, в помощи. Характер работы с трудновоспитуемыми детьми и подростками зависит как от личности педагога, так и от исправительно-воспитательных воздействий. Одним из основных факторов, влияющих на формирование поведенческих девиаций, по мнению Макаренко, является социальная среда [11]. Причиной формирования патологических черт характера может быть и неправильно организованное воспитание. В связи с этим Макаренко большие требования предъявлял к подготовке педагогов. Важными качествами личности педагога он считал высокую квалификацию, деловитость, доброжелательность, отзывчивость, терпимость, справедливость, способность к экспериментированию, умение находить оптимальные способы педагогического воздействия. «Трудный ребенок» в этот период понимался как не поддающийся целенаправленным педагогическим воздействиям. Большой вклад в решение данной проблемы внес Сухомлинский, педагогические мысли которого пронизаны идеями гуманизма. Главную задачу воспитательной работы с трудными известным педагог видел, прежде всего, в «...умении видеть и развивать в ребенке все лучшее» [12].

Особый интерес в плане нашего исследования представляют идеи ученых, связанных с требованиями к личности педагога, работающего с трудными детьми. По мнению О. А. Казанского [13], взаимное самораскрытие участников субъект-субъектных отношений возможно при соблюдении следующих условий:

- высокий уровень интеллектуального развития;
- нравственно-волевое развитие личности;
- развитие способностей и умений педагогического общения;
- создание атмосферы доброжелательности и уважения.

Основные недостатки в работе педагога с трудными детьми В. Г. Сенько связывает с неспособностью устанавливать психологически целесообразные взаимоотношения, с недооценкой положительных качеств личности, с неверием в интеллектуальные и нравственные возможности ребенка, с отсутствием должного контроля за поведением, с использованием однообразных методов обучения и др. В качестве методов корректировки поведения таких детей автор пред-

лагают организацию коллективной деятельности, выработку положительных качеств через игру, осуществление индивидуального подхода [14].

По мнению С. А. Беличевой [15], педагоги-психологи будут подготовлены к работе с трудными детьми, если «получат в системе превентивные психологические знания о причинах формирования отклонений, особенностях личности дезадаптированных подростков», будут владеть конкретными технологиями взаимодействия.

Необходимость специальной подготовки к работе с «трудными» доказана в исследовании В. В. Трифонова [16]. Подготовку специалистов для работы с трудными автор рассматривает как компонент процесса формирования общепедагогических знаний, умений и навыков. Автор разделяет точку зрения большинства ученых о сложности и невозможности группировки и выделения универсальных параметров категории трудных детей. В зависимости от профессионального интереса педагога, дефектолога, психолога, юристы классифицируют их по ряду общих признаков. Трифонов отмечает, что на сегодняшний день наиболее распространенными терминами, характеризующими трудных детей, являются следующие: педагогически запущенные, социально запущенные, аномальные дети с девиантным поведением, делинквенты (несовершеннолетние правонарушители). Трифонов делает вывод о том, что первые признаки трудновоспитуемости проявляются уже в дошкольные годы в непослушании, игнорировании запретов взрослых, нанесении обиды малышам, лжи и др. Придя в школу, ребенок попадает в строго регламентированные условия обучения и воспитания, что способствует проявлению вышеперечисленных признаков на новой, специфической основе.

По Трифонову, девиантное поведение – это сложное социально-психологическое проявление, которое характеризуется большим разнообразием признаков [17]:

- отсутствие положительных интересов и стремлений;
- низкая общая культура;
- неуважительное отношение к окружающим;
- агрессивность, грубость, злость, вспыльчивость;
- недисциплинированность;
- вредные привычки (курение, употребление нецензурных выражений, токсикомания).

В основе девиантного поведения лежат отклонения от моральной нормы в поведении, которые можно откорректировать психолого-педагогическими средствами.

В научной литературе для характеристики термина «человеческая норма» используются разные понятия: психическая норма, поведенческая

норма, норма развития, возрастная и индивидуальная норма. Определение психической нормы является одной из сложных проблем, что объясняется индивидуальностью и субъективностью человеческой психики. Восприятие, оценка и ответная реакция людей на происходящие вокруг события могут зависеть от возраста, пола, особенностей воспитания, культуры, жизненного опыта, настроения.

Для нормальной человеческой психики характерна определенная свобода выбора вариантов поведения. Бывают случаи, когда трудно установить нормы и патологии (болезни). Ученые считают, что не существует количественного перехода между нормальной и патологической психикой. Чаще всего разница между ними имеет качественный характер. Представление о норме поведения зависит от определенной культуры, традиций, общественных взглядов, терпимости. Например, некоторые обычаи жителей Южной Африки, являющиеся для них нормой, неприемлемы для европейцев. Нормальное человеческое поведение не всегда является результатом взвешенных и продуманных планов. Чаще всего оно зависит от конкретной ситуации, человек не свободен в своем поведении и действует под воздействием усвоенных им образцов.

Один из первых отечественных психологов, обратившихся к исследованию различного рода поведенческих отклонений, А. Г. Ковалев считал, что основным признаком отклонения от норм поведения человека является несоответствие этого поведения социальным требованиям, выраженным в социальных установлениях – законах и моральных правилах. Такая практика отклоняющегося поведения заостряет внимание на его наиболее характерных признаках и тем самым ориентирует на действительные причины, лежащие в его основе. Она в корне отличается от толкований, широко используемых наукой. Например, довольно известный американский социолог Т. Саллин, отвергая наличие «антисоциального поведения», считает наиболее разумным вести разговор о поведении нормальном и ненормальном, то есть соответствующем поведенческим нормам и отклоняющемся от них. Причем свою позицию он аргументирует тем, что нормы поведения можно обнаружить там, где имеются социальные группы, которые выступают в качестве нормоустанавливающих. Эти нормы не представляют продукт творчества какой-либо одной группы; они не связаны политическими границами; не обязательно, чтобы они были воплощены в законе [18].

Следуя подобной логике, поведение любого человека (включенного в соответствующую социальную группу), которое противоречит прямо или косвенно нормам этой группы, может быть

признано отклоняющимся. И под него можно подвести поведение любого человека, у которого обнаружена неадекватная реакция на те или иные требования данной группы. В результате стирается грань между нравственно ценным и отрицательным поведением личности.

Развитие любого ребенка подчиняется определенным возрастным особенностям. В связи с этим исследователи выделяют понятие «возрастная норма». Это среднестатистический показатель, который свидетельствует о том, что некоторая особенность характерна для большинства детей данного возраста [19]. Давая оценку развития ребенка, психологу и педагогу необходимо знать и учитывать его индивидуальные темпы развития, которые могут несколько отличаться от среднестатистического показателя, но не говорить о ненормальности. Большие заблуждения по поводу определения поведенческой нормы С. С. Степанов объясняет тем, что взрослые чаще всего оценивают поведение ребенка со своей точки зрения о «правильном поведении». Проблемы поведенческого характера имеются у каждого ребенка, но они не мешают ему оставаться нормальным.

От понятия «норма поведения» необходимо отличать «норму развития», норма развития – это оптимальный с точки зрения общества уровень, соотношенный с индивидуальными особенностями ребенка. Отклонения практически здорового ребенка формируются в результате гетерономного (противоестественного) влияния окружающей среды.

И. А. Невский отклонения от нормы связывает с искаженным, неполноценным, противоречивым опытом детей [20]. В исследовании Р. М. Хмурич рассматривается понятие «отклонение в нравственном развитии детей», которое определяется степенью несоответствия индивидуального поведения общественным правилам и нормам. В качестве основных причин отклонений в нравственном развитии детей автор выделяет их неосознанность и несовпадение личных мотивов с общественными [21].

Определение нормального человека мы находим в исследованиях Макса Люшера, который рассматривает это понятие с позиции функциональной психологии. Метод функционального подхода позволяет научиться оценивать других людей и контролировать собственное ролевое поведение.

Люшер считает, что нельзя употреблять понятия «нормальность» и «средний показатель» как равнозначные. Это можно продемонстрировать на примере достижений гениальных людей. «Нормальность» этих людей ничего общего не имеет со средним показателем, тем не менее все они были нормальными людьми. Люшер предла-

гает оценивать поведение человека как нормальное, если оно соответствует ситуации. «Нормальность в гораздо большей степени измеряется тем, насколько настоящими, подлинными, неподдельными, истинными, соответствующими действительности являются благоразумие и поведение» [22].

В итоге проведенного анализа понятий «норма» и «отклонение» вслед за Кащенко, Степановым, Люшером в качестве рабочего принимаем следующее определение:

– «норма» – среднее, часто встречающееся значение, которое зависит от социально-экономических, культурно-исторических, климатических и других условий;

– «отклонение» – расхождение с некоторой нормой. Анализ исследований показал, что понятие «отклоняющееся поведение» в научной литературе используется для характеристики самых разных проявлений детского и юношеского негативизма – от непослушания до противоправных действий. Самым устоявшимся понятием является «трудный» ребенок, которое употребляется как не поддающийся обычным мерам педагогического воздействия.

Понятие «трудный» А. С. Белкин считает очень субъективным, поэтому кавычки в термине отражают субъективную точку зрения людей, сталкивающихся с ребенком. Существуют, по мнению автора, трудные дети и без кавычек. Неумение и нежелание соблюдать общественные нормы поведения ведут к возникновению конфликтов с окружающими, что делает детей трудными. В характеристике трудных детей Белкин выделяет ряд причин, вызывающих девиации поведения [23]:

1) отклонения в нервной системе, психофизиологическом состоянии (повышенная раздражительность, мнительность, подозрительность в отношении с окружающими, эмоциональная неустойчивость);

2) особенности темперамента.

Белкин выделяет следующие этапы формирования нравственного отклонения личности:

– дошкольный, связанный с недостаточными навыками жизни в коллективе;

– младший школьный возраст, когда возникают отрицательные тенденции в нравственном развитии, когда школьник не воспринимает нормы жизни детского коллектива;

– подростковый период, когда происходит углубление отрицательных тенденций в нравственном развитии, когда подросток начинает выступать против общественных норм поведения.

Диагностическая программа определения педагогической запущенности рассчитана на школьный возраст, сам же автор отмечает, что многие нарушения в поведении возникают уже в дош-

кольном возрасте [23]. Ссылаясь на данное утверждение, можно сделать вывод о необходимости более ранней диагностики и профилактики отклонений. Для преодоления педагогической запущенности детей Невский предлагает выявление и изучение педагогом «трудных», педагогически неблагополучных семей, контроль за состоянием здоровья детей, организацию их досуга в школе и по месту жительства. В качестве основных средств коррекционной работы автор выделяет педагогические, а не медицинские, которые, по его мнению, выполняют вспомогательную роль. Тем самым Невский высказывает идею об интеграции педагогики и медицины, культивируя мысль о применении лечебной педагогики.

Проблемами педагогической запущенности занимался Л. М. Зюбин. Им сделана попытка дифференциации этих двух понятий. Автор считает, что понятие «трудный» характеризует результат воспитания ребенка, а «педагогическая запущенность» – историю этого воспитания, поэтому педагогически запущенный рано или поздно становится трудным [24].

Анализ большинства исследований привел нас к выводу, что педагогическая запущенность связана с отклонениями от нормы в сознании, поведении, деятельности ребенка. Основными признаками педагогической запущенности являются:

- труднообучаемость (неорганизованность, неуспеваемость, трудности в отборе методов педагогического воздействия);

- трудновоспитуемость (стойкие изменения поведения: повышенная возбудимость или заторможенность, агрессивность, конфликтность, неумение подчинять личные интересы коллективным, быстрая смена настроения, эффективность, систематически повторяющиеся проступки).

Проведенный анализ исследований позволил нам выделить типы педагогически запущенных детей:

- избалованные, – расторможенные,
- отверженные, – агрессивные,
- безнадзорные, – «эгоисты»,
- конфликтные, – тревожно-мнительные.

Некоторые исследователи различают отклонения **корыстного, агрессивного и социально пассивного типа** [25]. К социальным отклонениям **корыстной направленности** относят правонарушения и проступки, связанные со стремлением незаконным путем получить материальную, денежную и имущественную выгоду (хищение, взятки, кражи, мошенничество и т. д.).

Социальные отклонения **агрессивной ориентации** проявляются в действиях, направленных против личности (оскорбление, хулиганство, побои, изнасилование, убийство). Социальные отклонения корыстного и агрессивного типа могут носить как вербальный (оскорбление словом), так и невербальный характер (физическое воздействие) и проявляться на уровне как докриминогенном, так и посткриминогенном, т. е. в виде проступков и аморального поведения, вызывающих моральное осуждение, и в виде преступных уголовно наказуемых действий. Отклонения социально пассивного типа выражаются в стремлении к отказу от активной жизнедеятельности, уклонении от своих гражданских обязанностей, долга, нежелание решать как личностные, так и социальные проблемы. К такого рода проявлениям можно отнести уклонение от работы, учебы, бродяжничество, употребление алкоголя, наркотиков, токсических средств, погружающих в мир искусственных иллюзий и разрушающих психику. Крайнее проявление социально пассивной позиции – самоубийство, суицид (см. таблицу).

Особенно большое распространение у нас в стране и за рубежом получила такая форма социально пассивных отклонений, как употребление наркотиков и токсических средств, что ведет к быстрому и необратимому разрушению

Типы социальных отклонений поведения личности

Социальные отклонения корыстной направленности	Социальные отклонения агрессивной ориентации	Отклонения социально пассивного типа
Правонарушения и проступки, связанные со стремлением незаконным путем получить материальную, денежную и имущественную выгоду: хищения, взятки, кражи, мошенничество и т. д.	Действия, направленные против личности (оскорбление, хулиганство, побои, изнасилование, убийство; вербальный и невербальный). Докриминогенный уровень – в виде проступков аморального поведения, вызывающих моральные осуждения. Посткриминогенный уровень – в виде преступных уголовно наказуемых действий	Стремления к отказу от активной жизнедеятельности, уклонения от своих гражданских обязанностей: уклонение от работы, учебы, бродяжничество, употребление алкоголя, наркотиков, токсических средств. Крайнее проявление – самоубийство, суицид

психики и организма. Такое поведение получило на Западе название «саморазрушающего» поведения.

Большинство исследователей проблемы девиантного поведения молодежи склоняются к выводу, что отклоняющееся поведение является результатом неблагоприятного психолого-социального развития и нарушений процесса социализации, что выражается в различных формах детско-подростковой дезадаптации уже в достаточно раннем возрасте.

В психологическом словаре «девиантное» (отклоняющееся) поведение связано с такими негативными проявлениями личности, как преступность, алкоголизм, наркомания, самоубийства, проституция, т. е. термин «девиантность» используется для характеристики и криминального поведения. Данному положению больше соответствует термин «делинквент» (совершающий проступок) – правонарушитель, которого характеризуют уголовно наказуемые действия: воровство, разбойные нападения, хулиганство и т. п. С этим термином связан юридический термин «деликт». Всякое влияние правонарушения подростка на его судьбу неоднозначно: многочисленные статистические данные говорят о том, что средняя делинквентность у большинства подростков с возрастом прекращается. Под делинквентностью подразумевается отклоняющееся поведение несовершеннолетнего, противоречащее интересам данной социальной группы. На оценку поведения (в качестве делинквентного) со стороны населения существенное влияние оказывают социальное положение, религиозная принадлежность, возраст и так далее представителей различных групп населения.

В зарубежной психологии предпочитают говорить о так называемом проблемном поведении. Проблемное поведение подразделяют на интернализированное (направленное на себя) и экстернализованное (направленное на других). Тогда асоциальное поведение оказывается крайним случаем экстернализованного проблемного поведения.

Исследователи рассматривают следующие стадии развития асоциального поведения:

- неодобряемое поведение (эпизодические шалости, озорство);
- порицаемое поведение (связанное с более систематическим осуждением со стороны воспитателей);
- девиантное поведение (нравственно-отрицательные проявления и проступки);
- делинквентное поведение (преступное);
- деструктивное поведение.

Такое стадийное рассмотрение процесса формирования асоциального поведения достаточно традиционно, где первоисточником антиоб-

щественного поведения выступает совокупность объективных и субъективных факторов, детерминирующих неприспособленность подростков и юношей к конкретным условиям социально полезной деятельности (их дезадаптацию). Дезадаптация влечет отчуждение несовершеннолетних от социально-позитивных связей и отношений, и, как следствие, вызывает десоциализацию его личности. Десоциализация неразрывно связана с деморализацией личности, первоначальным выражением которой является трудновоспитуемость. Та или иная степень деморализации личности лежит в основе соответствующих форм антиобщественного поведения» [26] (см. рисунок).

В отечественной психологии существуют различные взгляды на проблемное поведение. В исследовании Б. Н. Алмазова проблемное поведение представлено как противоправное и делинквентное. Такое деление им было сделано в связи с тем, что социальная практика воспитания требует соотносить провинность с мерой ответственности: «несовершеннолетним свойственно путать, какие действия подлежат наказанию, а какие заслуживают только порицания» [27]. И, если для педагога противоправное поведение порою представляется не столь значительным с точки зрения общих тенденций личностного развития, особенно в тех случаях, когда его причиной были импульсивность, внушаемость, легкомыслие или неопытность, а делинквентное поведение кажется значительно важнее, когда в его основе лежат устойчивые деформации характера, учитывать правовую значимость содеянного все-таки необходимо. С этой позиции нарушение закона остается фактом антиобщественного поведения, тогда как делинквентное поведение – всего лишь риском его появления.

Кроме делинквентного Алмазов выделяет отдельно противоправное поведение, т. е. уголовно наказуемое. Подавляющее большинство противоправных деяний составляют агрессивное поведение и присвоение чужого.

Многие исследователи рассматривают девиантное поведение как форму **социальной дезадаптации**.

Анализ проблемы социальной дезадаптации требует рассмотрения основных характеристик данного явления. По мнению А. А. Реана, эта проблема является одной из сложнейших проблем психологии [28] и в ее исследовании можно выделить три направления: **психоаналитическая концепция**, согласно которой социальная адаптация является результатом гомеостатического равновесия личности с требованиями внешнего окружения (среды), **гуманистическая психология**, в качестве цели адаптации рассматривают достижение позитивного духовного здоровья и соответствия ценностей личности ценностям социу-

ма и основным критерием адаптированности определяют степень интеграции личности и среды, и, наконец, **когнитивная психология**, в подходе к проблеме социальной адаптации выделяющая два уровня: адаптация (отсутствие переживания угрозы) и дезадаптация (выраженное эмоциональное переживание).

Подходы отечественных авторов связаны с выделением критериев социальной адаптации личности внутреннего (психоэмоциональная стабильность) и внешнего плана (соответствие реального поведения личности требованиям среды и правилам нормативного поведения). Дезадаптация по внешнему критерию проявляется как конфликтное, асоциальное поведение, но при этом может иметь место «внутренняя гармония» личности, т. е. адаптированность по внутреннему критерию. Системная социальная адаптация – это способность личности к самоактуализации в гармонии с реальным социумом [29].

Синдром нарушенного поведения, социальная дезадаптация, по мнению М. Раттера, характеризует такие нарушения поведения, которые вызывают сильное неодобрение окружающих [30]. Сюда относятся варианты плохого поведения, а также целый ряд других типов поведения, для которых характерны ложь, грубость, драчливость, вспыльчивость и др. Отдельные случаи социальной дезадаптации могут включать совершение противоправных поступков, а некоторые ограничиваются плохим поведением дома. Раттер считает, что диагноз синдрома нарушения поведения зависит от социокультурных норм, очень важно, какая система ценностей преобладает в семье трудного ребенка. Там, где родители не последовательны в своих требованиях и поступках, не в состоянии владеть ситуацией, начинают проявляться склонности к «неправильным» с точки зрения общества поступкам. Дезадаптация рассматривается рядом авторов как нарушение

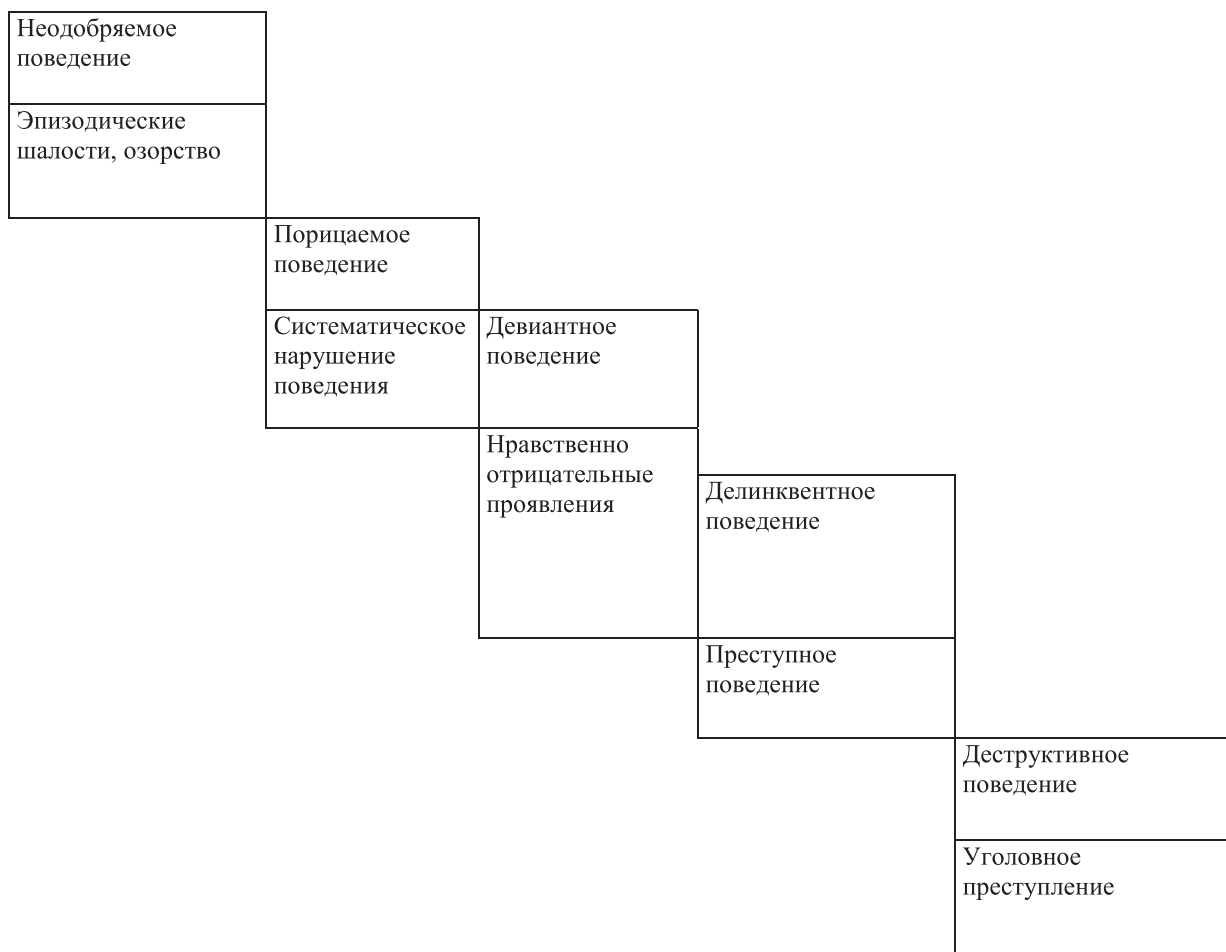

Рис. 1. Стадии развития асоциального поведения (по А. И. Миллеру)

или утрата полноценного взаимодействия индивида с окружающим миром, совокупность признаков, свидетельствующих о несоответствии взаимодействия человека с окружающей средой [30].

В зависимости от степени деформации процесса социализации выделяются две стадии социальной дезадаптации [31]:

- стадия школьной дезадаптации, представленная педагогически запущенными учащимися;
- стадия социальной запущенности детей и подростков (бродяжничество, наркомания, пьянство, алкоголизм, правонарушения, аморальное поведение).

Выделенные некоторыми исследователями признаки отклоняющегося поведения в настоящее время нуждаются в уточнении. Существенной задачей в этом отношении является разграничение стиля поведения, его внешних черт и опыта личности, который отражает ее привычки, потребности, ценностные ориентации. Практика показывает, что внешние и внутренние стороны одного и того же поведения могут не совпадать. За внешним лоском и мнимой воспитанностью может таиться циничная, глубоко аморальная натура человека. И наоборот, что очень часто наблюдается у подростков, за внешней бравадой, кажущейся распушенностью скрывается желание выглядеть оригинальным, выглядеть личностью, которой известны все стороны жизни – и плохие, и хорошие.

И если в последнем случае достаточно обычных мер нравственной корректировки личности, то в первом предстоит сложная, трудоемкая работа, направленная на перевоспитание подростка. Это закономерно. Сформированные аморальные качества личности (жестокость, жадность, лживость и т. д.) как бы обретают собственную логику движения и развития. Такого рода личность избирательно реагирует на различные внешние воздействия, отдавая, естественно, предпочтение сугубо отрицательным.

Длительное взаимодействие негативных внешних влияний и аморальных качеств человека придает отклоняющемуся поведению внутренне целеустремленный, отрицательный характер. Все это вместе взятое и определяет остроту противоречий, которые возникают между общественными требованиями и ценностными ориентациями личности. Нередко она попытается активно противодействовать, сопротивляться проникновению норм морали не только в собственное сознание, но и в сознание людей, которые принадлежат к ее микроокружению. Поэтому под девиантным поведением необходимо иметь в виду такое поведение человека, специфичность которого проявляется не только во внешних, поддающихся визуальному наблюдению чертах, но и во внутреннем содержании, часто скрывающемся от глаз

постороннего и трудно поддающемся диагностике. Его основу, как мы полагаем, составляет направленность личности, представляющая собой синтез отрицательно выраженных мотивов, потребностей и привычек, которые придают ее деятельности соответствующую поведенческую окраску, формируют своеобразный психологический склад личности, ее характер и выступают регуляторами ее аморальной и противоправной активности.

Процесс социализации подростка, его социального становления тесно связан с самосознанием подростков, он активно влияет на формирование нравственно-правовых качеств личности. Субъективные представления несовершеннолетних о себе, отношении к собственным личностям в одном случае стимулирует проявление достоинства, трудолюбия, честности или, наоборот, безответственности, эгоизма, антиобщественной устремленности, если в основе этих представлений и субъективных отношений заложены отрицательные потребности.

Самосознание личности выступает ведущей предпосылкой становления деятельности самовоспитания, его наиболее важным условием и средством. Психолого-педагогическая оценка самосознания на уровне воспитательно-профилактической и психолого-корректной работы необходима, в первую очередь, потому, что педагогическая запущенность личности наносит, как правило, существенный урон ее развитию, следствием чего является девиантное поведение подростка. Знать объем, глубину деформаций, причины, вызвавшие проявление этих деформаций – первейшая обязанность педагога в его профилактической работе девиантного поведения учащихся.

Ученые считают подростковый возраст тем этапом психического развития личности, в рамках которого начинается бурное развитие и качественное изменение самосознания.

Н. Ф. Добрынин (Г. М. Потанин, В. Т. Косенко) связывает это с усиленным развитием абстрактного мышления, с потребностью в самоутверждении; П. Р. Чамата – с активизацией общественной деятельности подростка; Т. В. Драгунова и Д. Б. Эльконин – с формированием чувства взрослости; А. В. Введенков – с развитием потребности в общении; Б. Т. Лихачев – с углублением и качественным изменением отношений между подростками; А. И. Кочетов рассматривает развитие самосознания как процесса открытия подростка самих себя [32].

Таким образом, оценки источников развития самосознания носят различный характер. Применительно к педагогически запущенным подросткам и несовершеннолетним правонарушителям они в своей совокупности позволили обнаружить

интересное обстоятельство. Все эти источники оказывали деформирующее воздействие на подростков. Начало такого воздействия своими корнями, как правило, уходит в раннее детство. Вероятно, поэтому абстрактное мышление таких подростков отличается низким уровнем. В своем большинстве по интеллектуальному развитию они отстают от своих сверстников, не испытывавших действия отклоняющегося поведения. Общественная деятельность их слабо интересует либо приобретает искаженный характер: в форме вожачества, лидерства среди недисциплинированных сверстников.

Потребность в самоутверждении чаще всего реализуется примитивно, аморальным, а иногда и противоправным путем. Формирование чувства взрослости происходит с акцентом на отрицательном поведении. Открытие своего внутреннего мира, своего «Я» осуществляется искаженно. В основе столь противоречивого развития самосознания подростков с отклонениями в поведении лежат причины первого и второго порядка. К причинам первого уровня относятся ошибки семейного воспитания, прямое либо косвенное влияние микроклимата неблагополучной семьи, просчеты и ошибки школьного воспитания; негативное воздействие на самосознание личности отрицательно направленного обучения.

Эти причины способствуют возникновению в структуре самосознания подростка различных отрицательных тенденций, которые, в свою очередь, оказывают вторичное отрицательное влияние на личность и как бы довершают деструктивное развитие этого явления изнутри: под влиянием лжи, эгоцентризма, беспринципности, возникших как результат влияния отрицательных факторов первого порядка.

Исследования ученых по проблеме девиантного поведения подростков показывают, что реальная самооценка, являющаяся стержнем самосознания, способствует закреплению общественно ценных устремлений личности, а неадекватная, неправильная, наоборот, стимулирует аморальные поступки и действия. Она существенно усложняет отношение несовершеннолетнего с окружающими людьми, формирует индивидуализм. Завышенная самооценка, в частности, способствует возникновению чрезмерного самолюбия, которое в сочетании с аморальными способами самовыражения приводит личность к девиантным отклонениям.

Кроме того, теоретический анализ показал, что ни у зарубежных, ни у отечественных авторов нет единой точки зрения на термин «отклоняющееся поведение». Тем не менее большинство исследователей «отклоняющееся (девиантное) поведение» рассматривают как систему поступков или отдельные поступки, про-

тиворечащие принятым в обществе правовым или нравственным нормам, т. е. поведение, в котором устойчиво проявляются отклонения от социальных норм.

Примечания

1. Воспитательная работа с трудновоспитуемыми учащимися [Текст]. М.: Высш. шк., 1982. 168 с.
2. *Skinner, B. F.* Behaviorism and pfenomenology [Text] / B. F. Skinner; ed. by T. W. Wann. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1964. 402 .
3. *Завражин, С. А.* Подготовка педагогических кадров в работе с трудновоспитуемыми детьми и подростками в учреждениях Наркомпроса РСФСР (1917–1935 гг.) [Текст] : дис. ... канд. пед. наук / С. А. Завражин. М., 1989. 210 с.
4. *Сеченов, И. М.* Избранные произведения [Текст] : в 2 т. Т. 1 / И. М. Сеченов. М.: АПН СССР, 1952. 772 с.
5. *Щелкунов, Н. В.* Избранные педагогические сочинения [Текст] / Н. В. Щелкунов. М.: АПН РСФСР, 1954. 403 с.
6. *Ушинский, К. Д.* Человек как предмет познания [Текст] : собр. соч.: в 11 т. Т. 8 / К. Д. Ушинский. М., 1950.
7. *Лесгафт, П. Ф.* Семейное воспитание ребенка и его значение [Текст] : собр. соч. / П. Ф. Лесгафт. М., 1987. 438 с.
8. *Шацкий, С. П.* Острые вопросы педагогического образования [Текст] / С. П. Шацкий // Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: ПМ, 1980. 323 с.
9. *Блонский, П. П.* Избранные педагогические и психологические сочинения [Текст] : в 2 т. Т. 2 / П. П. Блонский; под ред. А. В. Петровского. М.: Педагогика, 1979. 399 с.
10. *Выготский, А. С.* Диагностика развития и педагогическая клиника трудного детства [Текст] / А. С. Выготский. М.: Учпедгиз, 1936. 25 с.
11. *Макаренко, А. С.* Сочинения [Текст] : Т. 5 / А. С. Макаренко. М., 1958. 77 с.
12. *Сухомлинский, В. А.* Трудные дети [Текст] / В. А. Сухомлинский // Избранные педагогические сочинения: в 3 т. Т. 3. М., 1981. С. 121.
13. Психологическое обеспечение социального развития человека [Текст] : межвуз. сб. / под ред. А. А. Крылова. Вып. 13. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1999.
14. *Сенько, В. Г.* Преодоление отклонений в поведении младших школьников в процессе воспитания [Текст] : автореф. дис. ... канд психол. наук / В. Г. Сенько. М., 1985. 20 с.
15. *Маркова, А. К.* Психология труда учителя [Текст] : кн. для учителя / А. К. Маркова. М.: Просвещение, 1993. 192 с.
16. *Беличева, С. А.* Социально-психологические основы предупреждения десоциализации несовершеннолетних [Текст] : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. / С. А. Беличева. М., 1989. 28 с.
17. *Трифонов, В. С.* Система подготовки будущих учителей к работе с трудными подростками [Текст] : дис. ... д-ра пед. наук / В. С. Трифонов. Алма-Ата, 1992. 354 с.
18. *Ядов, В. А.* Социологические исследования: методология, программа, методы [Текст] / В. А. Ядов. Самара: Изд-во СамГУ, 1995. 332 с.

19. Степанов, С. Ю. Личностно-рефлексивный диалог в развитии творческих возможностей учащихся [Текст] / С. Ю. Степанов, И. Н. Семенов // Общение и диалог в практике обучения, воспитания и психологической консультации: сб. науч. трудов. М., 1987. С. 76–82.

20. Невский, И. А. Подростки группы риска в школе [Текст] / И. А. Невский. М., 1997. 112 с.

21. Хмурич, Р. М. Подготовка студентов педагогического института к профилактике отклонений в нравственном развитии и поведении младшего школьника [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Р. М. Хмурич. Киев, 1987. 22 с.

22. Люшер, М. Сигналы личности: ролевые игры и их мотивы [Текст] / М. Люшер. Воронеж: НПО «Модек», 1993. 160 с.

23. Белкин, А. С. Диагностика педагогической запущенности учащихся. [Текст] / А. С. Белкин. Свердловск: ПИ, 1979. 107 с.

24. Зюбин, А. М. Индивидуальный подход к учащимся в трудных случаях учебно-воспитательной работы [Текст] / А. М. Зюбин. М., 1974. 86 с.

25. Психосоциальная коррекция и реабилитация несовершеннолетних с девиантным поведением [Текст]: пособие / под ред. С. А. Беличевой. М.: Редакционно-издательский центр консорциума «Социальное здоровье России», 1999. 180 с.

26. Palmer, S. Deviant Behavior: Patterns, Source and Control [Text] / S. Palmer, J. Humphery. N.Y.: L Plenum Press, 1999.

27. Алмазов, Б. Н. Профилактика конфликтов в работе с педагогически запущенными учащимися [Текст] / Б. Н. Алмазов. М.: МВНМЦ ПТО, 1991. 187 с.

28. Мунирова, А. Р. Формирование у младших школьников коммуникативных умений в процессе дидактической игры [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / А. Р. Мунирова. М., 1992. 22 с.

29. Реан, А. А. Психология педагогической деятельности (проблемный анализ) [Текст]: учеб. пособие / А. А. Реан. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1994. 83 с.

30. Раттер, М. Помощь трудным детям [Текст] / М. Раттер; пер. с англ. Е. А. Алексеевой, С. Нуровой. М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. 432 с. (Сер. «Мир психологии».)

31. Беличева, С. А. Основы превентивной психологии [Текст] / С. А. Беличева. М.: Ред.-изд. центр консорциума «Социальное здоровье России», 1993. 199 с.

32. Кочетов, А. И. О психолого-педагогической характеристике самосознания подростков [Текст]: сб. трудов / А. И. Кочетов. Шадринск: Шадринский пединститут, 1970. 215 с.

Е. А. Кувалдина

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ КИРОВСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Статья содержит результаты исследования познавательных интересов 344 подростков 8–10-х классов в семи МОУ СОШ г. Кирова. Полученные данные сравнивались с результатами аналогичных исследований, проведенных в г. Москве в 1993 и 1999 гг.

Формирование познавательных интересов учащихся является неотъемлемым компонентом работы по совершенствованию учебного процесса. В частности, его развитие способствует решению таких задач, как оптимизация обучения, построение системы развивающего обучения и воспитания творческой личности, целенаправленного формирования положительных мотивов учения и учебной активности школьников, создания в коллективе учащихся атмосферы сознательного и творческого отношения к знанию и интеллектуальным ценностям жизни. Познавательный интерес относится к числу «смыслообразующих мотивов» деятельности и поэтому имеет прямое отношение не только к обучению и развитию, но и к воспитанию в процессе обучения. При условии развития познавательных интересов обучение и воспитание выступают как специфическая форма единой системы жизнедеятельности личности.

Подростковый возраст является сензитивным для формирования новых, зрелых форм учебной мотивации и развития познавательных интересов, он открывает возможности перехода к новой, более высокой форме учебной деятельности, в которой для учащихся раскрывается смысл познавательной деятельности для самообразования и самосовершенствования, а также для профессионального самоопределения.

Мы проводили исследование познавательного интереса на базе семи МОУ СОШ г. Кирова, в нем участвовали 344 подростка 8–10-х классов. Для выявления уровней сформированности познавательного интереса старших подростков мы использовали систему показателей, определенных исходя из понятия познавательного интереса. Под познавательным интересом понимают *устойчивое, избирательное отношение личности к познавательной деятельности, к её процессу, способам и результатам в силу его личной значимости и эмоциональной привлекательности* (А. Г. Ковалев, Г. И. Щукина). Сущностными характеристиками в данном понятии яв-

КУВАЛДИНА Елена Алексеевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры педагогики ВятГГУ
© Кувалдина Е. А., 2007

ляются: избирательное отношение, которое определяем через *направленность интересов* и *познавательную мотивацию*, личная значимость и эмоциональная привлекательность, которые проявляются в *активности* и *познавательной самостоятельности*; критерии – *углубленность* и *устойчивость* интересов мы определяем как показатели, характеризующие процесс развития познавательных интересов.

Диагностика осуществлялась посредством модифицированных методик, составленных нами на основании группы методик: «Как вы относитесь к учебе по отдельным предметам?» (П. И. Третьякова, И. Ю. Сенновского [1], Т. И. Шамовой [2]), анкеты-шкалы для изучения мотивации учения (О. С. Гребенюк, М. И. Рожков [3]), «Что нам интересно?» (Л. М. Фридман, Т. А. Пушкиной, И. Я. Каплунович [4]), методик для изучения уровней развития познавательного интереса, достоверность которых доказана в исследовании Л. П. Петуховой [5]. Данный комплекс модифицированных методик прошел апробацию в школах г. Кирова среди школьников 8-х и 9-х классов. Результаты апробации носили нормативный характер, что позволило использовать данный комплекс для диагностики уровней развития познавательного интереса подростков.

Результаты исследования говорят о том, что только 7% школьников всегда было интересно учиться, 45,2% школьников, у 39% иногда возникал интерес к учебе, у 8,8% процесс учения

никогда не вызывал интереса, да они и не задумывались об этом. Выясняя *направленность интересов* школьников, мы исследовали приоритеты в изучении отдельных школьных предметов. Среди интересных и очень интересных школьных предметов подростки называли (здесь мы указываем количество выборов предметов, а не количество учеников, так как один школьник по каждому вопросу мог выбрать один или несколько предметов, а иногда и совсем не указать ни одного предмета): алгебру – 18,2%, историю – 17%, иностранный язык (в т. ч. английский, немецкий, французский, испанский) – 15%, химию – 12,7%, геометрию – 12,4%, физику – 11,3%, литературу – 10,3%, информатику – 10,3%, географию – 10%, обществознание – 7,5%, русский язык – 7%, физкультуру – 6,5%, биологию – 5,5%, труд – 3,75%, ОБЖ – 3,15%. Эти данные проиллюстрированы диаграммой (рис. 1).

Среди скорее интересных, чем не интересных предметов приоритетные места занимают снова математика (алгебра и геометрия, так как в этом вопросе школьники чаще объединяли эти предметы) – 15,2%, затем химия – 9,5%, биология и физика – по 8,9%, русский язык – 8,2%, иностранный язык – 7,6%, литература – 7%, география – 6,3%, история – 5%.

Скорее неинтересными и совсем неинтересными предметами школьники называют: биологию – 8,6%, русский язык – 7,9%, иностранный язык – 7,85%, химию – 6,6%, литературу, гео-

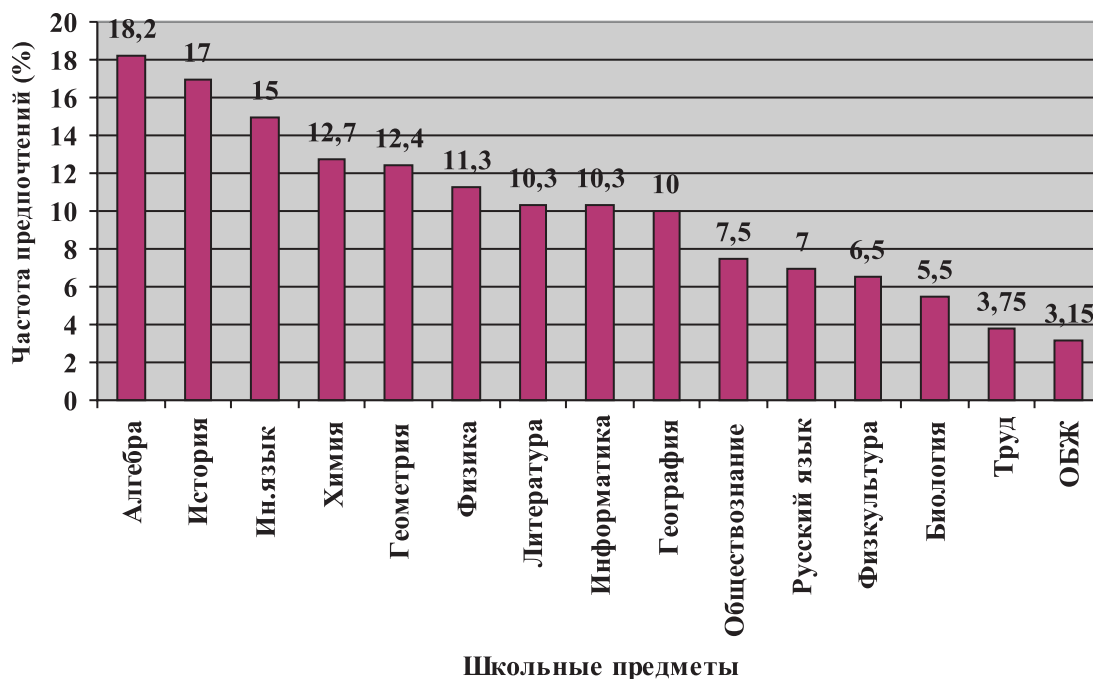

Рис. 1. Диаграмма частоты предпочтений самых интересных школьных предметов

графию, геометрию по – 5,7%, физику – 5,6%, труд – 4,7%, физкультуру – 3,4%, алгебру – 2,8%, ОБЖ – 2,2%, историю – 1,9%, черчение – 1,25%. Данные проиллюстрированы диаграммой (рис. 2).

При подведении итогов замечена явная тенденция к тому, что школьники одного и того же класса больше интересуются тем предметом, который преподает любимый учитель, так как он умеет увлечь, заинтересовать изучением своего предмета и умеет установить дружеские, доброжелательные отношения на уроке, способствующие развитию интереса, и владеет способами стимулирования познавательных интересов учащихся на уроке. Интеллектуальный фон класса складывается и тогда, когда учащиеся ставят перед собой значимые жизненные цели, а учитель стремится дать ученикам более широкие знания, которые соответствуют их интересам. В целом подростки значительно чаще, более четко называют интересные предметы, чем не интересные.

В исследовании *познавательной мотивации* при ответе на вопрос: почему вам интересны эти предметы? – мы получили следующие результаты. Наиболее часто школьники выбирают мотивы, связанные с желанием узнавать что-либо новое в данной области знаний (74,5%) и с перспективами для будущей жизни и профессиональной деятельности (55,4%). Далее школьников привлекают те учебные предметы, которые преподает любимый преподаватель (52,2%) и на которых они получают хорошие оценки (50,3%). Следую-

щими в рейтинге идут процессуальные мотивы – нравится добиваться результата (42%) и нравится процесс работы на уроке (40%). Тех подростков, кого привлекает актуальность предмета, 23,5%. Следующая группа выбирает мотивы отдыха, утверждая, что им нравится какой-либо школьный предмет, потому что на уроке можно отдохнуть и расслабиться (21,6%), не ругает учитель (19%), а также есть возможность общаться с друзьями (12%). И совсем небольшое количество школьников говорят, что они интересуются учебными предметами, потому что этот предмет нравится моим друзьям (3,2%), потому что «нравится, и все» (1,2%) и потому что «учитель рассказывает интересные истории» (0,6%).

Следующая часть исследования была посвящена изучению *активности* школьников. Мы выясняли, как школьники проявляют свою активность, если им нравится учиться. Большинство подростков ограничиваются тем, что внимательно слушают объяснения учителя (38%) и активно работают на уроке (33%). 21% читают дополнительную литературу, таким образом самостоятельно развивая собственные интересы. Только 2,5% занимаются в предметном кружке, 1% изучают научную литературу и 4,5% стремятся придумать что-либо новое, усовершенствовать, осознанно осуществляя активную самостоятельную познавательную деятельность по развитию собственных познавательных интересов.

Изучая уровень развития *самостоятельности* в познавательной деятельности, мы выясня-

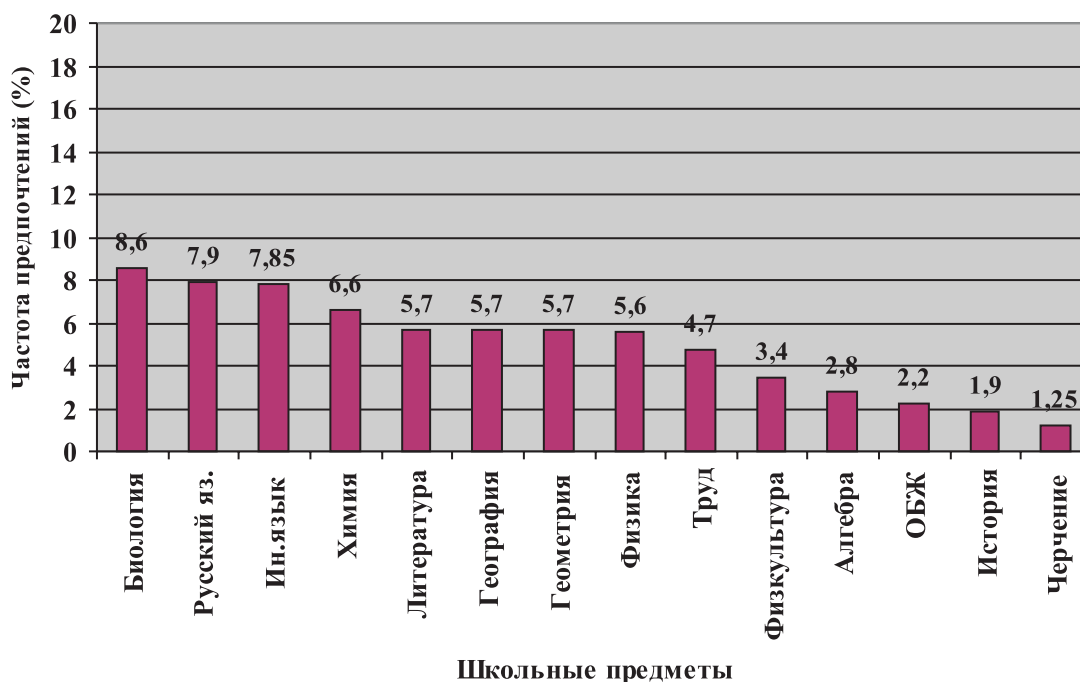

Рис. 2. Диаграмма частоты предпочтений самых неинтересных школьных предметов

ли, как будут поступать школьники, если им задано сложное задание, связанное с интересным им предметом. Большинство (70,7%) ответило: постараюсь выполнить сам, если не смогу, попрошу помощи. Это соответствует высокому уровню развития самостоятельности, но часто не подтверждается реальностью, а лишь соответствует возрастным особенностям подросткового возраста, когда подростки проявляют излишнюю самоуверенность. Эти выводы подтверждаются в беседах с классными руководителями, которые утверждают, что в 30% случаев подростки переоценивают себя из-за излишней самоуверенности, характерной для подросткового возраста. 10,8% подростков прямо ответили, что попросят подсказку, 4,5% сразу спросят ответ у других. 14% утверждают, что если им задано сложное, но интересное задание, то они во что бы то ни стало постараются выполнить его самостоятельно. Эти данные соответствуют очень высокому уровню развития самостоятельности в познавательной деятельности и характеризуют высокую степень развития умений к самостоятельному преодолению трудностей и способностей к независимым действиям в процессе познания.

Далее мы изучали *углубленность* познавательных интересов школьников. Уровень углубленности познавательных интересов показывает степень глубины познания в процессе изучения предмета интереса. Мы выяснили, что привлекает школьников в предметах, которые им интересны. 39% подростков ответили, что их привлекают новые факты, занимательные явления, о которых можно узнать от других. 40% утверждают, что им нравится разбираться в том, что и как происходит. 15% говорят, что им интересно доходить до сути событий и явлений, выяснять, почему они происходят. 6% говорят, что им интересно, используя свои знания, придумывать, конструировать что-либо новое.

Чтобы выяснить, каким образом школьники реализуют свои интересы, мы исследовали степень развития *устойчивости* познавательных интересов. Этот показатель характеризует временные и содержательные качества уровня развития познавательного интереса. Познавательный интерес может быть кратковременным, ограниченным вниманием только к внешней стороне фактов и явлений, привлекающих необычностью, оригинальностью. Но может развиваться и до уровня длительного интереса, перерастающего в потребность познавать всегда и везде, переходя в стремление к исследовательской деятельности и в профессиональный интерес в юношеском возрасте. В нашем исследовании 32% подростков утверждают, что занимаются выбранным предметом только на уроке. 47% иногда дополнительно занимаются дома. 12% углубляют свои зна-

ния на занятиях кружка в школе или вне школы. 9% говорят, что много занимаются дополнительно и надеются, что эти знания помогут им в будущем.

Исследуя интересы школьников в свободное время, мы получили данные о разнообразных способах проведения досуга у подростков: самое большее количество выборов школьники сделали в пользу не занятий по интересам, а в пользу отдыха. 47,1% указали, что они предпочитают «гулять», «общаться с друзьями» и «разговаривать по телефону». Это объясняется тем, что учебная и эмоциональная нагрузка очень велика и школьники устают, что подтверждается и тем, что 33,7% в свободное время смотрят телевизор, а 16,5% прямо заявляют, что в свободное время они любят «балдеть», «отдыхать», «спать». Несмотря на распространенное мнение о том, что школьники много времени проводят за компьютером, наши данные говорят о том, что большее количество выборов все-таки падает на такие занятия, как читать книги (33%), слушать музыку и заниматься музыкой (21%) и заниматься спортом (19,7%). Только после этого в рейтинге указывается – играть в компьютерные игры (19,6%). Далее идет перечень увлечений, которые можно считать широко распространенными среди подростков: 7,6% в свободное время любят рисовать, 5,7% – танцевать, 4,5% – ходить в кружок, 3,8% – «гулять с собакой», «играть с котом», 3% любят шить, 3% – готовить, 1,9% – проводить время с родителями (вместе смотреть телевизор, кататься на лыжах и т. п.), 1,9% – помогать маме по дому, 1,9% – ходить в кино, 0,6% занимаются бисероплетением. И все-таки 5,7% в свободное время любят учить уроки, а 1,3% – изучать иностранные языки.

Данные по уровням развития познавательных интересов старших подростков мы представили в таблице:

Уровни развития познавательных интересов	Количество школьников	
	в абсолютных числах	в процентах (%)
Низкий уровень	31	9,01
Средний уровень	244	70,93
Высокий уровень	69	20,06
Очень высокий уровень	0	0

Анализируя в целом данные по всем показателям, можно сделать вывод о том, что познавательный интерес развит лишь у пятой части старших подростков (20,06%). У подавляющего большинства учащихся развитие познавательных интересов находится на среднем уровне (70,93%). Этот уровень развития интереса характеризуется нестабильностью, неустойчивостью, кратковременностью, эпизодичностью его проявления к эффективным, занимательным сторонам деятель-

ности, а также неустойчивыми приоритетами в выборе предмета интереса, эпизодическим проявлением активности и самостоятельности, побуждаемым внешними стимулами (учителями, родителями, сверстниками, способами выполнения задания и т. п.). Однако именно в этом возрасте происходит формирование осознанного познавательного интереса, который является основой для формирования профессиональной направленности. Таким образом, можно утверждать, что степень развития познавательных интересов школьников является недостаточной и необходима специальная работа со стороны учителей и классных руководителей по развитию познавательных интересов.

Для сравнения и доказательства достоверности выводов исследования мы проанализировали результаты исследования среди школьников подросткового возраста, проведенные Центром социальной адаптации подростков и опубликованные в журнале «Педагогика» № 6 за 1993 г. [6]. В исследовании принимали участие 216 старшеклассников г. Москвы. Исследование было посвящено взаимоотношениям «учитель-ученик», мы выбирали лишь те данные, которые были связаны с изучением познавательных интересов школьников. Профессиональная ориентация является одной из характеристик направленности познавательных интересов школьников и показывает степень сформированности познавательного интереса. По результатам опроса, лишь 52% выпускников смогли указать выбранное направление будущей профессиональной деятельности и обучения. Но известно, что способность представить себе свое будущее – залог положительного развития личности. Замкнутость на сегодняшний день равноценна бесперспективности, беспомощности, растерянности, зависимости от случая. Это подтверждается наблюдениями за подростками, состоящими на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Отсутствие перспективы, нежелание планировать свои действия и заглянуть в свой завтрашний день характерны для подростков, совершивших правонарушения. Довольно большая часть ребят признают, что школа деформирует их: 36% утверждают, что за её пределами они становятся совсем другими людьми. Подростки видят себя способными, жаждущими деятельности, проявляющими интерес к знаниям, общительными. Только 13% признали, что у них нет достаточных способностей для успешной учебы, 13% не хотят ничего делать, в том числе учиться, столько же не интересуются ничем, что имеет отношение к учебе, 20% предпочитают уйти в себя (защитная реакция) – держаться от всех подальше, никому не раскрывать душу, чтобы добиться успеха. Понятно, что эти цифры нельзя суммировать: один человек мог дать

сразу несколько ответов [7]. Отчего теряется интерес к учебе? Школьники «почему-то» не хотят учиться, они считают, что их кто-то должен увлечь. Но, по мнению ребят, главное требование учителей к ним – это дисциплинированность и послушание (55%). Эти же качества, а именно послушание, подчинение, старательность, понятливость, сообразительность, самостоятельность (читай: не требующий дополнительных усилий со стороны учителя), наиболее приветствуются педагогами. И только 11% учеников считают, что для учителя важен интерес к предмету у школьников и желание учиться. О противоречивом осознании детьми своей роли в учебном процессе говорят и такие данные: 40% считают, что для успешной учебы первостепенное значение имеет интерес к предмету, но его определяет учитель (56%), в меньшей мере он зависит от ученика (24%) или предмета (25%) [8].

Таким образом, пассивная позиция ученика («сделайте мне интересно») сталкивается с такой же выжидательной позицией учителя («они не хотят учиться», «они должны...»). Ведущим в данном случае может быть только учитель, ему следует изменить свою позицию на более созидательную и тем самым стимулировать активное отношение к учебе. Скорее всего, нежелание учиться, отсутствие любознательности являются не причиной, а продуктом работы педагогов. Школа должна развивать интерес к знаниям – это её основная задача, только тогда школьники будут соотносить учебную деятельность с целью, с перспективой своей судьбы, а не воспринимать её только как процесс проживания жизни.

Аналогичные исследования проводятся регулярно, эта тема постоянно находится в поле зрения исследователей. Вопросы развития познавательных интересов входят в исследования социально-психологического портрета выпускников. Для сравнения мы приведем исследования, опубликованные в журнале «Учитель», № 4 за 1999 г. [9], посвященные портрету выпускника последнего года ушедшего века, только ту их часть, которая касается развития познавательных интересов старшеклассников. В публикации отмечается, что актуальной социально-педагогической проблемой остается проблема низкой учебной мотивации школьников. Только 41% девушек и 22% юношей – выпускников школ написали в анкетах о том, что с интересом учились в школе [10]. С чем связан такой низкий показатель учебной мотивации школьников? Причин может быть несколько: 66% выпускников указали на то, что иногда им было трудно понять учебный материал; 59% отметили, что многие учителя преподавали скучно, неинтересно; 31% выпускников написали, что плохие отношения с учителями затрудняли их учебу в

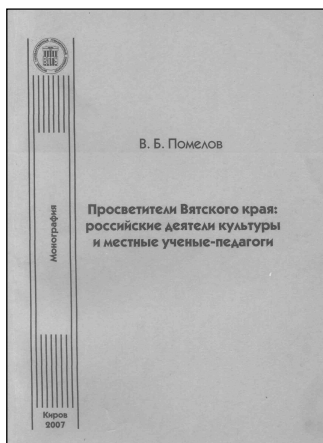
школе; 37% учащихся ответили, что плохое состояние здоровья мешало нормальной учебе. Только 54% выпускников поставили высокую оценку качеству преподавания учителей, и 48% отметили общую высокую культуру педагогов. 23% учащихся отметили тот факт, что педагоги их школы были внимательны к личности каждого учащегося и его проблемам. Однако в целом очевидным является то, что, ориентируясь в основном на реализацию обучающей функции, некоторые педагоги значительно меньше внимания уделяют проблемам, связанным с социализацией учащихся. Сведение школьной жизни только к обучению, передаче знаний учащимся приводит к упрощению тех задач, которые общество традиционно возлагает на учебные заведения, которые связаны с воспитанием и формированием личности выпускника, с подготовкой его к взрослой жизни, с социализацией подростков и молодежи. Содержание и организация учебно-воспитательного процесса не создают, как правило, условий для самоопределения, самопознания, самореализации учащихся. Внимание педагогов к личности каждого учащегося, его возрастным и индивидуально-психологическим особенностям остается во многих школах скорее декларируемым принципом, не становясь на практике основой педагогической деятельности.

Примечания

1. *Третьяков, П. И.* Технология модульного обучения в школе [Текст] / П. И. Третьяков, И. Б. Сенновский; под ред. П. И. Третьякова. М.: Новая школа, 1997. С. 145.
2. *Шамова, Т. И.* Управление образовательными системами [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Т. И. Шамова, П. И. Третьяков, Н. П. Капустин; под ред. Т. И. Шамовой. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. С. 101.
3. *Гребенюк, О. С.* Общие основы педагогики [Текст]: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / О. С. Гребенюк, М. И. Рожков. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. С. 128.
4. *Фридман, А. М.* Изучение личности учащегося и ученических коллективов [Текст]: кн. для учителя / А. М. Фридман, Т. А. Пушкина, И. Я. Каплунович. М.: Просвещение, 1988. С. 100.
5. *Петухова, А. П.* Развитие познавательных интересов учащихся 8–9 классов технологической подготовки в ходе выполнения творческих проектов с физико-техническим содержанием [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / А. П. Петухова. Брянск: БГПУ, 1997. 173 с.
6. *Панова, Е. И.* Взаимоотношения «учитель-ученик» (по материалам исследований Центра социальной адаптации подростков) [Текст] / Е. И. Панова // Педагогика. 1993. № 6. С. 50.
7. Там же. С. 53.
8. Там же. С. 51.
9. *Светлова, Н.* Кто он, выпускник последнего года уходящего века? [Текст] / Н. Светлова // Учитель. 1999. № 4. С. 7.
10. Там же. С. 10.

НОВЫЕ КНИГИ

Помелов, В. Б. Просветители Вятского края: российские деятели культуры и местные ученые-педагоги [Текст]: монография / В. Б. Помелов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. – 149 с.

В монографии характеризуется деятельность видных представителей культуры России, таких, как А. И. Герцен, П. В. Албин, Ф. Ф. Павленков и В. Г. Короленко, по просвещению населения Вятской губернии, дается обоснование теоретико-практического значения вклада вятских педагогов в разработку научно-педагогической и учебно-методической литературы (А. А. Красев, А. И. Анастасиев, В. И. Фармаковский) и в создание учебно-методической литературы (Н. Н. Блинов, И. С. Михеев).

Издание адресовано специалистам в области гражданской истории и истории образования и педагогической мысли, аспирантам и студентам гуманитарных специальностей, всем интересующимся историей Вятского края.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Н. А. Пентин

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАССОВЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВЯТСКОМ КРАЕ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX вв.

В данной статье рассматриваются основные массовые источники (материалы ревизий и церковно-приходских книг), обращение к которым позволяет разрешить широкий спектр исторических проблем, связанных с динамикой населения региона. Отмечается степень их достоверности и возможности использования в историко-демографических исследованиях.

В последнее время общественный интерес к проблемам народонаселения России чрезвычайно вырос вследствие сложившейся в стране тревожной демографической ситуации. Многие современные политики, общественные деятели, ученые связывают демографические проблемы только с нынешними социально-экономическими трудностями. И хотя, безусловно, ситуация в стране влияет на снижение рождаемости, сокращение числа браков, их устойчивость, рост смертности людей средних возрастов и др., тем не менее необходимо учитывать и исторические корни современных процессов [1]. Ведущие специалисты в области исторической демографии неоднократно подчеркивали, что чрезвычайно важно выявление общности и своеобразия историко-демографического развития различных российских регионов. Так как очевидно, что на протяжении многих лет под воздействием различных исторических явлений формируется возрастная структура населения, оказывающая значительное влияние на ежегодное число рождений и смертей; а от особенностей исторического развития зависят существующие у разных групп населения демографические установки и демографическое поведение. Поэтому всесторонний исторический анализ демографического развития России в целом и ее отдельных регионов способствует более объективному представлению об изменении демографического положения.

Несмотря на то что в статистических сборниках и в работах историков-краеведов содержатся определенные данные о характере социально-экономических показателей [2], тем не менее общей картины демографического состояния населения на территории Вятского края на рубеже XVIII–XIX вв. пока не создано. Ликвидировать образовавшиеся лакуны, скорее всего, возможно как за счет исследования уже известных источников, так и путем введения в научный оборот малоизвестных документов. Таковыми, например, являются материалы церковно-приходских книг, на необходимость изучения которых указывали многие известные исследователи [3]. Комплекс православных церковно-приходских книг имеется на хранении во всех областных архивах России. Их сохранность повсеместно не изучалась, но по сведениям самого общего характера в областных архивах они имеются с конца XVIII в. Метрические и исповедные книги за многие годы сохранились, поскольку архивы духовных консисторий были действующими. По ним постоянно наводили справки о происхождении людей, прохождении ими службы и т. д.

Фонд Вятской консистории в Государственном архиве Кировской области является одним из самых больших по объему фондов. Основная масса дел относится к XIX в., но многие тысячи единиц хранения принадлежат второй половине XVIII в. Свообразным ядром фонда является огромный массив метрических книг и исповедных росписей, составлявшихся ежегодно во всех приходах епархии [4].

По существу, должным образом метрические книги, как и многие другие массовые источники, советскими историками не изучались как по идеологическим соображениям, так, видимо, и потому, что использование такого рода источников требовало применения историком более тонкого математико-статистического аппарата для восполнения утраченной информации и определения ошибок выборки, т. е. создания новой методики исследования, основанной на компьютерной обработке. Применение современных количественных методов в историко-демографических исследованиях на западе началось в 1950–1960-е гг., выдающаяся роль в этом принадлежит французской школе «Анналов» [5]. В отечественной науке первый шаг в этой сфере был предпринят И. Д. Ковальченко, который разра-

батывал свою методику с современных позиций о массовых исторических источниках и содержащейся в них скрытой информации [6]. Сегодня, пожалуй, уже можно сказать, что в целом этап источниковедческого изучения метрических книг, а также сложностей их архивной эвристики преодолен, что может значительно облегчить работу исследователя. Хотя узкий взгляд на них как на сугубо справочный материал продолжает бытовать у многих историков [7].

Метрические ведомости о числе родившихся, сочетавшихся браком и умерших охватывали постоянное приходское население. По вопросам детской смертности, средней продолжительности жизни, различных групп населения, эпидемий, голода при неурожаях метрические книги XVIII–XIX вв. дают точную, обильную и ничем не заменимую информацию. Российские ученые, проводившие их исследование, считают, что метрические книги являются достаточно надежным источником, но замечают, что метрический учет достиг минимальной для научного анализа точности только к 1830-м гг. [8] Хотя, на наш взгляд, данное утверждение не бесспорно, так как при применении современных методов демографического анализа необходимой точности можно добиться и в использовании метрических данных XVIII в.

При исследовании метрических записей необходимо также учитывать качество церковной регистрации. В дореволюционной историографии среди возможных причин неудовлетворительного учета указывались огромные размеры приходов и подвижность, недостаток оседлости у многих приходских священников. Длительные объезды деревень не давали священникам возможности своевременно вносить информацию о совершенных требах, что приводило к некоторой потере сведений. Краткое пребывание священника в приходе порой не позволяло ему тщательно изучить население, что увеличивало вероятность ошибок в метрических записях (т. е. во многом качество регистрации зависело от личности приходского священника). Кроме того, не стоит забывать, что существуют и специфические трудности, одной из которых является массовый недоучет младенческой смертности. Однако благоприятным моментом является фактическая невозможность разводов для подавляющего большинства населения вплоть до конца XIX в., что послужило одним из факторов территориальной стабильности семьи.

В целом, метрические книги, при тщательном изучении и корректировке данных, являются приемлемым первичным источником для анализа демографических процессов на локальном уровне.

Поэтому основными целями деятельности исследователя на первоначальном этапе работы

являются источниковедческое изучение метрических книг территории края, выявление их информационного потенциала для изучения истории народонаселения и особенностей формирования как исторического источника, рассмотрение основных демографических характеристик и исследование демографических процессов на территории Вятского края на базе метрических книг.

Работа с данными метрических книг периода XVIII в. и первых двух десятилетий XIX в. представляет наибольшую сложность из-за лаконичности формуляра. Поэтому особое значение приобретает расширение круга источников. Важным дополнением метрических книг являются исповедные ведомости. В них регистрировались все жители прихода, пришедшие (или не пришедшие по каким-либо причинам) на ежегодную исповедь и причастие. Ценность исповедных ведомостей городов заключается в том, что они позволяют составить представление о сословной принадлежности всех жителей прихода. В источниковедении исповедным ведомостям уделялось немного внимания. Лишь в последние десятилетия вышли несколько работ источниковедческого характера. Как показал Б. Н. Миронов, исповедные ведомости содержат достаточно надежную информацию и могут быть использованы в историко-демографических исследованиях [9].

По существу этот вывод вполне приложим и к исповедным росписям по приходам Вятской епархии за XVIII–XIX вв. (опись 71 охватывает период с 1749 по 1859 г.).

Полнейшую информацию о составе духовенства Вятской епархии как особой социальной группы общества дают клировые ведомости (опись 70: 1741–1919 гг.), составлявшиеся также ежегодно и фиксировавшие (уже в XVIII в.) всех церковнослушателей, их сыновей и родственников мужского пола, возраст, их местопребывание, обучение молодежи, сословную принадлежность прихожан, количество неправославного населения, проживающего в приходе, а также подробные данные о священно- и церковнослужителях каждой церкви.

Мы должны отчетливо представлять, что духовенство, как подметил В. А. Бердинских, «будучи социальной группой российского общества, было многообразнейшими нитями связано со всеми другими социальными группами общества и все общественно-политические, социально-экономические, культурные изменения в жизни страны так или иначе отразились на его существовании» [10].

Из источников по социально-экономической истории России и отдельных ее регионов XVIII–XIX вв. особую ценность представляют документы ревизии, материалы генерального межевания, «Обывательские списки» и т. д.

Среди многих типов массовых исторических источников ревизские сказки наиболее известны исследователям, но в то же время они менее всего изучены. Это объясняется большим массивом трудной для обработки информации, которые хранят ревизии, или, как иногда их называют, переписи населения дореформенной России. Еще В. М. Кабузан, работавший с данным источником, отмечал, что комплексное изучение проблем, связанных с историей всех групп народонаселения времени проведения ревизий (XVIII – первая половина XIX в.), возможно лишь силами значительной группы исследователей [11]. Развитие исторической информатики открывает широкие возможности при изучении этого источника, компьютер в считанные минуты обрабатывает столько информации, что раньше могло потребовать не одного года работы. В то же время это не умаляет масштабы работы современного исследователя. Прежде чем получить результаты компьютерной обработки данного источника, его необходимо насколько возможно полно занести в память машины, создать базу данных.

Ревизские сказки содержат ценные сведения по демографии, этнической и гражданской истории на протяжении длительного периода времени [12]. Кроме того, материалы ревизий показывают общую численность населения России по полу, возрасту, семейному состоянию, занятиям, содержат также сведения о сословном составе. О значимости этих ревизий говорит тот факт, что не охваченная ими доля населения не превышала 5% от числа всех жителей страны.

Данные ревизий легли в основу исследования В. К. Яцунского, который в своей статье «Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916» [13] опирался на материалы I, V и IX ревизий. Общие выводы этой работы, основанные на подлинных ревизских материалах, не вызывают сомнений, однако и здесь не привлечены данные всех ревизий, не учтены прописные души, обнаруженные после окончания ревизий, и не охвачена вся территория России (нет Сибири). Различные аспекты историко-демографической тематики по материалам ревизий нашли отражение в работах ряда авторов, среди которых необходимо отметить исследования по численности, расселению, составу населения Я. Е. Водарского, А. Г. Рашина, С. И. Брука и В. М. Кабузана [14].

По данным ревизий, численность населения, проживавшего на территории Вятского края (наместничества – 1780–1796 гг., губернии – с 1796 г.) во второй половине XVIII – начале XIX в., менялась следующим образом: 1782 г. – 408,5 тыс. чел., 1795 г. – 449 тыс. чел., 1811 г. – 560,3 тыс. чел., 1815 г. – 1290,4 тыс. чел. [15] Однако в ра-

ботах В. М. Кабузана, где автор относит Северное Приуралье (Вятку и Пермь) к районам интенсивного (активного – общее значение которых возрастает с начала XIX в.) заселения с коэффициентом 1,15%, приводятся немного иные данные: по данным 5-й ревизии, население Вятской губернии составляло 463 735, 6-й – 560 151, 7-й – 556 537 (только мужского) [16].

Историками давно замечены недостатки ревизских сказок, которые приводят к противоречивости данных: запись большинства сведений со слов членов семьи и соответствующие неточности в написании фамилий, имен, отчеств, фиксации возрастов живущих и годов смерти конкретных людей, времени миграций жителей села. В сказках отсутствуют данные о младенческой рождаемости и смертности между ревизиями. Явно неполны сведения о женской части семей. Возможны факты сокрытия сведений об отдельных «душах». Но можно согласиться с мнением И. А. Троицкой, что при применении современных методов демографического анализа на основе ревизских сказок можно достаточно точно оценить возрастную структуру населения, показатели смертности взрослого мужского населения, размер и состав семьи, миграцию населения, ряд других показателей истории семьи [17].

Наряду с ревизскими сказками одним из самых информативных видов документов по населению городов являются «Обывательские списки» («Обывательские книги»). И хотя сохранились лишь разрозненные экземпляры, сведения, содержащиеся в них, трудно переоценить. Обывательская книга представляет собой алфавитный список городских обывателей с указанием сословного и семейного положения каждого из них, состава семьи, владения недвижимым имуществом, места проживания, рода занятий («чем живет») и отметок «был ли в службе». Огромным достоинством этого вида документов является включенность в него практически всех жителей города, независимо от сословия. Материалы «Обывательских книг» дополняют информацию ревизий и дают возможность проследить развитие процессов в период между ревизиями. Это касается общего числа жителей, изменения состава семей – в документе перечисляются все члены семьи, с указанием возраста.

Наряду с упомянутыми документами сжатая информация по населению городов содержится в легендах – «изъяснениях» к планам. Планы обычно составлялись по какой-либо надобности: по запросу «начальства», к межеванию, проектные планы. В большинстве случаев в пояснительном тексте к планам содержится минимальная справочная информация: общее количество жителей, численность по сословиям, количество дворов, церквей и пр. Информация о населении

обычно дается по последней ревизии. Это, конечно, весьма лаконичный источник информации, но если отсутствуют другие обобщающие документы, то и он может оказаться кстати.

Пополнить и уточнить сведения, полученные из материалов ревизских сказок и «Обывательских списков», можно с помощью информации «Именных списков купцов и мещан», «Податных книг» мещанского старосты, дел «Об объявлении купцами своих доходов», «О числе Дворян», о промышленных заведениях. Довольно подробны некоторые податные списки, где перечислено все податное население города, причем посемейно, т. е. после имени отца перечисляются сыновья, отдельно указаны незаконнорожденные дети. При изучении небольшого периода истории города эти документы могут оказаться весьма важны: к примеру, после введения минимальной планки торгового оборота для купцов, количество их ежегодно менялось; численность мещанского сословия была также непостоянной – кто-то переходил в купечество, другие – в крестьянское сословие; данные по дворянам, в составе общих документов, встречаются довольно редко. Кроме дел, содержащих массовые материалы, т. е. сведения по всему населению города в целом или по отдельным сословным группам, имеется значительный пласт документов, которые фиксируют ситуацию или ее изменение на индивидуальном уровне: дела о зачислении в мещанское общество, о причислении к купеческому сословию, о переходе в крестьянское сословие [18].

Важным источником по социально-демографической истории города являются доклады и донесения губернаторов о количестве населения во вверенных им областях, о числе городов и селений, податях и повинностях жителей городов, количестве раскольников и иноверцев, об иностранцах и военнотружущих.

Также при изучении социальной структуры русского города первой половины XIX в. ценными источниками являются географические словари и описания, сведения которых признаются историками достаточно достоверными. Их информация об отдельных городах весьма широка: количество и состав жителей по сословиям и занятиям, число торговых, промышленных и ремесленных заведений, наличие ярмарок, базарных дней, оборот торговли, городские земли и состав угодий, число купцов и величина объявленного ими капитала и др.

Разумеется, данные источники не исчерпывают всей базы. Огромную роль играют свидетельства современников, во многих случаях сохранившие уникальную информацию либо содержащие точку зрения, не искаженную должностной инструкцией. Весьма ценны источниковедческие

работы прошлых лет, в которых зачастую приводятся данные источников, не сохранившихся до наших дней. При ближайшем ознакомлении оказывается, что привлечение «непривычных» документов дает возможность дополнить общую картину и кроме представления о том, «что» происходило, показать, «как» именно.

Количество документов, содержащих информацию о населении, огромно. Разумеется, подобную массу документов весьма сложно проработать, и в ходе конкретных исследований их следует дифференцировать соответственно задачам работы. Максимально приближенную к реальности картину истории населения Вятского края дает комбинированное использование разных типов источников, дополняющих друг друга и позволяющих провести перекрестный анализ данных. Так, ревизские сказки могут дополнить часто отсутствующие в метриках сведения о смертях младенцев. Это определяется путем выяснения проживания в изучаемом селе родителей «пропавшего» из наблюдения после рождения члена когорты на момент ближайшей к когортному году ревизии. В отношении архивных материалов хотелось бы подчеркнуть необходимость использования взаимодополняющих, обобщающих и частных документов, с учетом общих тенденций развития страны и региона и специфики различных населенных пунктов.

Итак, динамику численности населения и демографические показатели в XVIII – первой половине XIX в. можно проследить по целому ряду массовых источников, компьютерная обработка которых позволяет учитывать процент погрешности и дает точные данные. Компьютер и количественные методы являются не только инструментальным «подспорьем», но и позволяют ставить и решать содержательные исторические вопросы, которые некогда исследователь вряд ли даже рискнул бы поставить, потому что современные компьютерные технологии позволяют одновременно накапливать самую разную информацию и немедленно выдавать ее в распоряжение исследователя.

Примечания

1. В наиболее общем виде под «населением» или «народонаселением» понимается совокупность людей, проживающих одновременно на какой-либо территории. Народонаселение – явление динамическое. Демографический анализ как метод изучения населения направлен, прежде всего, на необходимость выявить качественные закономерности развития отдельных демографических процессов и воспроизводства населения в целом, выявление системы различных факторов, определяющих характер происходящих демографических процессов на определенном отрезке времени. *Кленов, М. В.* Формирование населения долины р. Вымы в XI–XIV вв. К демографической истории Северо-Востока Европы в эпоху средневековья [Текст]

/ М. В. Кленов // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сыктывкар, 2006. Вып. 4. Ч. 1. С. 53.

2. «Вятская губерния во второй половине XVIII века оставалась аграрным краем. Количество населения в 80-х годах было равно 843 208 человек, плотность населения была весьма незначительной и составляла всего 5,65 чел. на одну квадратную версту. Но по отдельным уездам она колебалась довольно сильно. Самым густонаселенным был Вятский уезд, в котором плотность населения доходила до 19,7 чел. на кв. версту. Самым малолюдным был Кайский уезд (1,5 чел. на кв. версту). Население губернии росло сравнительно быстро. По 5-й ревизии, проводившейся в 1796 г., население в губернии исчислялось в 974019 человек, то есть увеличилось на 15,5 процента по сравнению с 4-й ревизией 1782 г. В среднем годовой рост населения составил 1,3 процента, значительно превышая средний прирост по Европейской России, равный 0,81 процента. По национальному составу население было смешанным. Большинство составляло русские (81,9 процента). Остальное население (18,1 процента) было представлено удмуртами, татарами, марийцами, бесермянами, тептярями и другими народностями. Социальный состав населения губернии установить довольно затруднительно вследствие неточности и запутанности статистических материалов. Хотя основную массу населения губернии составляли крестьяне (почти 93 процента всех жителей), причем абсолютно преобладали государственные крестьяне...». *Эммаусский, А. В.* Вятка во второй половине XVIII века [Текст] / А. В. Эммаусский // ЭЗВ. Т. 4. Киров, 1995. С. 109–110.

3. См. *Антонова, И. А.* Метрические книги XVIII – нач. XX в. в России: источниковедческое исследование [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. А. Антонова. М., 1998; *Миронов, Б. Н.* О достоверности метрических ведомостей – важнейшего источника по исторической демографии России XVIII – начала XX в. [Текст] / Б. Н. Миронов // Россия в XIX–XX вв.: сборник статей к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998; *Бердинских, В. А.* Фонд Вятской духовной консистории как исторический источник [Текст] / В. А. Бердинских // Историки Вятского края. Киров, 2007.

4. Только опись 75 включает в себя 2201 единицу хранения (с 1735 по 1848 год) // Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 237. Оп. 75.

5. См.: *Анри, А.* Методика анализа в исторической демографии [Текст] / А. Анри, А. Блюм; пер. с франц. М., 1997.

6. См.: *Ковальченко, И. Д.* Методы исторического исследования [Текст] / И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 2003; Он же. Исторический источник в свете учения об информации (к постановке вопроса) [Текст] / И. Д. Ковальченко // История СССР. 1982. № 3.

7. На сегодняшний день весьма актуальной становится проблема обучения историков новейшим демографическим методам, что было бы разумно проводить централизованно, возможно, в рамках ассоциации История и Компьютер (АИК), при объединении усилий всех заинтересованных в этом научных центров. В настоящее время в ряде научных центров России и Западной Европы проводятся совместные исследования по сравнительному изучению народонаселения, в которых используются данные ревизского и церковного учета с применением методов когортного анализа (Тамбовский государственный университет: Ю. А. Мизис,

В. В. Канищев, В. Д. Орлова, В. А. Дьячков, А. Г. Протасов, Р. Б. Кончаков; Ярославский государственный университет: И. Ю. Шустрова, Е. Синицина, С. Голубева, Т. Трохина. Аналогичные исследования по сравнимым методикам проводятся на кафедре источниковедения истории России СПбГУ).

8. *Миронов, Б. Н.* О достоверности метрических ведомостей – важнейшего источника по исторической демографии России XVIII – начала XX в. [Текст] / Б. Н. Миронов // Россия в XIX–XX вв.: сборник статей к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 41.

9. См.: *Миронов, Б. Н.* Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX в. [Текст] / Б. Н. Миронов // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XX. Л., 1989

10. *Бердинских, В. А.* Фонд Вятской духовной консистории как исторический источник [Текст] / В. А. Бердинских // Историки Вятского края. Киров, 2007. С. 54.

11. *Кабузан, В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. [Текст] / В. М. Кабузан. М., 1971. С. 3.

12. Ревизий (от латинского revisio – пересмотр) всего было проведено десять (1-я – 1719 г., 2-я – 1744–1745 гг., 3-я – 1763 г., 4-я – 1782 г., 5-я – 1795 г., 6-я – 1811 г., 7-я – 1815 г., 8-я – 1833 г., 9-я – 1850 г., 10-я – 1857 г.). Ревизия продолжалась 1–2 года. Единицей учета мужского населения была «ревизская душа», данные о которой заносились в именные списки – ревизские сказки.

13. *Яцунский, В. К.* Изменения в размещении населения в Европейской России в 1724–1916 гг. [Текст] / В. К. Яцунский // История СССР. 1957. № 1.

14. *Водарский, Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.) [Текст] / Я. Е. Водарский. М., 1973; *Рашин, А. Г.* Население России за сто лет (1811–1913 гг.) [Текст] / А. Г. Рашин. М., 1956; *Брук, С. И.* Этнический состав населения России (1719–1917 гг.) [Текст] / С. И. Брук, В. М. Кабузан // СЭ. 1980. № 6; *Брук, С. И.* Динамика численности и расселения русского этноса (1678–1917 гг.) [Текст] / С. И. Брук, В. М. Кабузан // СЭ. 1982. № 4; *Брук, С. И.* Миграция населения в России в XVII – начале XX в. (численность, структура, география) [Текст] / С. И. Брук, В. М. Кабузан // История СССР. 1984. № 4; *Брук, С. И.* Динамика численности населения России в XVIII – начале XIX в.: источники и историография [Текст] / С. И. Брук, В. М. Кабузан // Историческая демография; Проблемы, суждения и задачи. М., 1989; *Кабузан, В. М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. [Текст] / В. М. Кабузан. М., 1963; *Кабузан, В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. [Текст] / В. М. Кабузан. М., 1971.

15. За 1762–1811 гг. приведена численность населения мужского пола, в 1815 г. – всего населения, 1834 г. – всего населения без помещичьих крестьян. Историко-статистический сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края [Текст] / сост. П. Голубев. Издание Вятского губернского земства. Вятка, 1896 // 200 лет Вятской губернии: статистический сборник. Киров, 1996. С. 27.

16. *Кабузан, В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. [Текст] / В. М. Кабузан. М., 1971. С. 107, 119, 131.

17. См.: *Троицкая, И. А.* Ревизии населения России как источник демографической информации (методологические проблемы). [Текст] : дис. ... канд. ист. наук / И. А. Троицкая. М., 1995.

18. *Самигулов, Г. Х.* К проблеме изучения истории населения южноуральского города XVIII – начала XIX века [Текст] / Г. Х. Самигулов // *Этнодемографические процессы на Севере Евразии*. Сыктывкар, 2006. Вып. 4. Ч. 1. С. 107–108.

А. В. Зорин

США И БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ

В статье анализируются основные факторы, оказывавшие влияние на выработку политики США по вопросу о создании независимого чехословацкого государства в период Первой мировой войны.

К моменту провозглашения независимости Чехословацкой республики в октябре 1918 г. народы этой страны, возглавляемые президентом Томашем Гарригом Масариком, в сознании широких общественных и политических кругов США представляли наиболее цивилизованную часть Европы. Признавали их значительный вклад в общую победу в войне, дававший им право на независимость. Между тем отношение к чехословацкой проблеме, обозначившейся впервые в 1915 г. и разрешившейся лишь после урегулирования территориальных споров вокруг границ Чехословакии в начале 1920 г., прошло достаточно долгое развитие.

Большинство историков отмечают несколько факторов, влиявших на выработку политики американской администрации по чехословацкому вопросу в период мировой войны и мирной конференции. Прежде всего выделяется деятельность представителей чешской и словацкой эмиграции в США и странах Антанты; во-вторых – необходимость локализации специфической чехословацкой проблемы в рамках универсальных внешнеполитических воззрений и принципов президента Вильсона и представителей его администрации; в-третьих, влияние политики держав Антанты на политику Вашингтона в данный период.

Несмотря на то что к 1914 г. США являлись главным центром эмиграции чехов и словаков, число американцев, знавших о существовании этих народов, по выражению одного из первых исследователей чехословацкой истории и непосредственного участника событий профессора Герберта Миллера, можно было пересчитать по пальцам [1].

Покидая Австро-Венгрию главным образом в силу не политических, а социально-экономических проблем [2] во второй половине XIX – начале XX в., в США чехи и словаки предпочитали объединяться в небольшие группы по политическим, этническим, религиозным признакам [3], во многом повторяя разделение на партии и группы, существовавшее в Богемии и Словакии.

Впервые вопрос о необходимости создания независимого чехословацкого государства четко был обозначен в 1915 г., когда один из наиболее авторитетных чешских политиков – профессор Томаш Масарик [4], вынужденный покинуть империю из-за политических преследований и возглавивший первоначально небольшую группу политических эмигрантов под названием Чешского заграничного комитета [5], обратился с декларацией к союзническим правительствам, объявив о своем намерении бороться против Австрии за чешскую независимость [6]. Этот лозунг, согласованный с представителями чешских эмигрантских групп во Франции, Великобритании, России и США, был направлен прежде всего на привлечение внимания со стороны правительств держав Антанты. Отличительной чертой чешского национального движения стала большая активность его эмигрантской части, заявившей о своем праве на представление интересов всего чехословацкого народа [7] в вопросе о создании своего национального государства.

Одним из главных центров поддержки данного движения стали чешская и словацкая общины в США. Уже в марте 1915 г. на основе объединения нескольких региональных национальных организаций в США был создан Богемский Национальный Альянс (БНА), с штабом в Чикаго и Нью-Йорке, занимавшийся поиском средств для финансирования чешского освободительного движения и продвижением его лозунгов в политических и общественных сферах США [8]. Благодаря наличию тесного контакта с членами словацкой эмиграции в октябре того же года на совместном заседании в Кливленде представители БНА и Словацкой Лиги Америки достигли соглашения об объединении своих усилий на основе идеи создания в будущем единого государства чехов и словаков с полной национальной автономией для Словакии [9]. Ведущие роли в американской организации заняли сторонники Томаша Масарика и Чехословацкого национального совета (ЧСНС), благодаря чему руководителям БНА на протяжении всей войны удавалось поддерживать тесные связи с эмигрантскими органами в Париже и Лондоне, оказывая им существенную материальную поддержку.

Претензии, выдвигаемые ЧСНС от лица чехов и словаков Австро-Венгерской империи, базировались на широко распространенном в на-

ЗОРИН Артём Викторович – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ
© Зорин А. В., 2007

чале XX в. лозунге о праве наций на самоопределение, получившем признание и в американских политических кругах.

Приверженность демократическим принципам, одним из которых было право народов выбирать самостоятельно правительство и определять свое политическое развитие, способствовало привлечению симпатий американцев к борьбе чешского и словацкого народов за независимость от империи.

В этом вопросе чехи и словаки могли легко найти сочувствие и понимание в политических и общественных кругах США. Так, еще в 1903 г. в то время ректор Принстонского университета Вудро Вильсон в одной из своих работ «Государство» писал: «Ни течение времени, ни крушение надежд не кажутся достаточными, чтобы примирить чехов Богемии с мыслью о целесообразности объединения с Австрией» [10]. В дальнейшем принцип права наций на самоопределение стал одним из главных и неотъемлемых элементов в видении послевоенного мироустройства президентом Вильсоном [11].

Эта позиция заставляла представителей многих малых наций Европы искать поддержки в американской администрации для осуществления своих планов и обеспечивала ему популярность в среде национальных меньшинств. Но, как отмечает американский историк Д. Фоглесонг, поскольку существовали многочисленные оговорки, Вильсон был исключительно осторожно в использовании принципа самоопределения. Он не считал его единственно верным, применимым для всех народов правом при определении ими своей судьбы [12].

Потому в отношении президента и его администрации к чехословацкой проблеме достаточно четко проявился отмечавшийся многими историками дуализм внешнеполитического курса США: при сохранении твердой моральной позиции администрация предпочитала руководствоваться прагматическими целями в осуществлении конкретных действий.

Если в Европе наличие чехословацкой проблемы и право ЧСНС на участие в ее разрешении было фактически признано в 1916 г. [13], США не имели четкой политики ни относительно национального вопроса в Европе в целом, ни по отношению к Австро-Венгрии на протяжении всего 1917 г., предпочитая следовать за линией своих европейских союзников. Объявление войны венскому правительству последовало лишь спустя несколько месяцев после вступления в войну с Германией.

Тем не менее вступление США в войну предоставило более широкие возможности для деятельности американских чехов и словаков. Не найдя понимания в среде исполнительной власти, БНА пыталось привлечь на свою сторону чле-

нов Конгресса и американское общественное мнение. В мае 1917 г. конгрессмены Уильям С. Кенион и Адольф Дж. Сабат по инициативе БНА и Славянского Бюро Печати предприняли первую попытку представить на обсуждение в обе палаты Конгресса решение в пользу образования независимого Богемско-словацкого государства, окончившуюся однако неудачей [14], что продемонстрировало наличие пока что слабого интереса в американских политических кругах к подобным проблемам.

Об этом же свидетельствовала неудачная попытка прибывшего осенью 1917 г. в США представителя Парижского ЧСНС Милана Ростислава Штефаника найти поддержку в американских официальных кругах в деле вербовки добровольцев в формирующиеся военные чехословацкие части во Франции. Не добившись ожидаемого результата, он вынужден был вернуться в Париж с чувством глубокого разочарования в американской политике и лично в Вильсоне [15].

Таким образом, для американской администрации вопрос поддержки национальных движений в Австро-Венгрии на протяжении первых месяцев вовлечения в войну не представлялся достаточно актуальным, уступая по своему значению событиям, происходящим, например, в соседней России. Вильсон в целом достаточно осторожно подходил к таким проблемам, понимая свою слабость в разрешении европейских вопросов.

Вероятно, одной из главных причин невнятной позиции являлось отсутствие информации. Намереваясь восполнить этот недостаток, в 1917 г. при госдепартаменте была создана специальная экспертная группа «Инквайри», чьей главной задачей было комплексное изучение конкретных внешнеполитических проблем, встававших перед администрацией. За восточноевропейский сектор исследований в «Инквайри» отвечал А. К. Кулидж, одним из ведущих специалистов по Австро-Венгрии был Дж. Кернер [16].

Наиболее четким отражением понимания со стороны администрации США всего комплекса европейских проблем стала разработанная при участии «Инквайри» и провозглашенная в январе 1918 г. мирная программа президента, получившая название 14 пунктов. Пункт 10 гласил: «Народы Австро-Венгрии, место которых в Лиге Наций мы хотим видеть огражденным и обеспеченным, должны получить широчайшую возможность автономного развития» [17]. Данная позиция, естественно, вызвала разочарование у многих сторонников провозглашения независимости народов Австро-Венгерской империи [18]. Как отметил В. Н. Виноградов, в отношении Центральной и Юго-Восточной Европы программа президента на тот момент явно отстала от жизни [19].

Несмотря на то что даже в Госдепартаменте росла неудовлетворенность американской политикой в отношении Австро-Венгрии и стала очевидной необходимость ее пересмотра, Вильсону и госсекретарю Р. Лансину приходилось учитывать множество факторов при определении ее направленности. Более всего деятельность американской дипломатии по европейским проблемам была ограничена позицией союзников, все еще не оставивших надежды на достижение сепаратного мира с Австрией. Италия, опасавшаяся усиления влияния сербов и югославы, негативно воспринимала разговоры о предоставлении независимости имперским народам. Наконец, признание требований одной из национальных группировок создало бы неприятный прецедент для обращений представителей иных наций в США, не перестававших направлять в адрес президента и государственного секретаря многочисленные обращения [20].

Но стремительное развитие событий в Европе, произошедших в начале 1918 г., привело к острой необходимости выработки нового курса по австрийской проблеме в целом и по чехословацкому вопросу в частности.

Главной причиной стала очевидная неспособность австрийского правительства выйти из-под влияния Германии, заставившая членов Антанты перейти к политике открытой поддержки национального сепаратизма австрийских народов в целях внутреннего ослабления империи. Уже в апреле 1918 г. в Риме был проведен первый съезд представителей народов Австро-Венгрии, заявивших о своих намерениях. Несмотря на то что американский госдепартамент стремился остаться лишь сторонним наблюдателем этого процесса, в Вашингтоне внимательно следили за развитием событий через своих послов в Италии (Н. Пейдж) и в Швейцарии (А. Стовалл).

К этому времени Чехословацкий комитет в Париже благодаря активной деятельности своих лидеров сумел выделиться из числа остальных эмигрантских группировок. К весне 1918 г. было завершено оформление трех небольших, но боеспособных армейских подразделений во Франции, Италии и России, признавших политическое руководство ЧСНС. Причем последняя, находившаяся в России, после подписания Брест-Литовского мира и краха Восточного фронта осталась единственной крупной военной силой союзников на Востоке [21]. Стремление союзников использовать эти силы в своих интересах поставило чехословацких лидеров в очень выгодное положение.

Находившийся к тому времени в России Масарик, как глава ЧСНС и формально главнокомандующий чехословацкой армии, пытался не упустить возможности для получения помощи от

всех союзных правительств. Ориентируясь главным образом на Францию и Великобританию, он тем не менее смог установить контакты с американской миссией Э. Рута и делегацией Христианской ассоциации молодых людей, работавшими в России, благодаря чему США впервые согласились совместно с британцами оказать финансовую поддержку чехословацкому движению [22]. Кроме того, благодаря своей выгодной позиции вдоль транссибирской железной дороги чехословацкий легион вызвал интерес и у американской железнодорожной миссии Д. Ф. Стивенса [23]. Правительство США также поддержало французский план переброски чехословацкого легиона через территорию своей страны на западный фронт. Но эта проблема рассматривалась в контексте российского направления политики США. Вопрос о независимости официально не обсуждался и не поднимался.

Это видно, например, из мартовской ноты госсекретаря Лансинга американскому послу в Токио Моррису, в которой он в связи с прибытием Масарика в Японию, называя его известным чешским патриотом, просил Морриса выяснить взгляды Масарика прежде всего на развитие ситуации в России и в отношении к большевикам [24].

Между тем сам глава ЧСНС, намереваясь лично встретиться с американским президентом и заручиться его поддержкой в деле переброски чехословацких частей в Европу, в апреле 1918 г. направился из Японии в США. Хорошо известный в центрах чешской и словацкой эмиграции Томаш Масарик был встречен с огромным энтузиазмом представителями славянских общин в Чикаго, Нью-Йорке и других посещенных им крупных центрах эмиграции [25]. Прибывшего 9 мая в Вашингтон Масарика встречала делегация из 27 членов Конгресса во главе с конгрессменом Сабатом [26]. Однако несмотря на пробудившийся интерес к чехам и словакам, ни Вильсон, ни Лансинг пока что не считали возможным принять чехословацкого лидера и высказать ему свою поддержку.

Лишь 10 мая госсекретарь в послании президенту, подводя итоги произошедшим событиям, поставил перед Вильсоном вопрос о необходимости пересмотра американской политики в отношении национальных движений Австрийской империи. При этом Лансинг сделал специальную оговорку, что в настоящий момент революция или ее возможность в империи были бы выгодны США, при этом было необходимо использовать в Австро-Венгрии те же методы, какие немцы использовали против российского правительства для разжигания революции [27]. Это подразумевало поддержку пропагандистской и агитационной деятельности среди австрийских народов на территории империи – курса, предложенного и

поддерживаемого американским Комитетом по общественной информации [28].

Весной из Европы (прежде всего через американские миссии в Италии и Швейцарии) стала поступать информация об активизации чехословацкого и югославского движений. В мае Пейдж и Стовалл сообщали о волнениях среди чехов и словаков в империи, и прежде всего в австрийской армии [29]. Использование на итальянском фронте чехословацких частей оказывало негативное влияние на верность славянских военных подразделений имперской армии, что доказывало правильность выбранного курса. К этому времени главы американских дипломатических миссий в Западной Европе стали сторонниками поддержки угнетаемых народов [30].

В результате 29 мая Лансинг официально заявил о том, что Госдепартамент США с симпатией относится к освободительным движениям чехословаков и югославов, что было большим шагом вперед в развитии чехословацкой проблемы [31].

В это же время Масарику при поддержке БНА удалось провести удачные переговоры с лидерами словацкой общины и снять остававшиеся разногласия по поводу создания единого государства. 31 мая в Питсбурге было подписано неофициальное соглашение с представителями Словацкой Лиги, по которому Словакия в составе будущего единого государства должна была быть предоставлена широкая автономия [32]. Таким образом, к лету 1918 г. лидерам ЧСНС и его подразделениям в США удалось продемонстрировать единство и настойчивость в своей борьбе за независимость.

В июне правительства держав Антанты стали склоняться в пользу признания ЧСНС, о чем было сообщено в Госдепартамент [33]. 15 июня 1918 г. французский посол в США Ж. Жюссеран напрямую запросил Вашингтон о том, готов ли он пойти на аналогичные действия [34]. Дав поручение послу в Париже Шарпу изучить эту проблему и предоставить возможную информацию о ЧСНС [35], госдепартамент не торопился с ответом.

19 июня Вильсон наконец принял Масарика. Однако первая их беседа была посвящена главным образом ситуации в России [36]. 29 июня последовало признание ЧСНС со стороны Франции, а со стороны Госдепартамента – заявление том, что «все ветви Славянской расы должны быть полностью освобождены из немецкого и австрийского правления» [37]. Таким образом, Вашингтон продолжал придерживаться достаточно осторожного курса как в отношении восточноевропейского региона в целом, так и по вопросу о признании ЧСНС в качестве независимого правительства.

В связи с этим 20 июля Масарик обратился к государственному департаменту США с просьбой признать ЧСНС в качестве будущего правительства Чехословацкой республики. При этом, понимая возможные трудности, он писал, что чехословацкий национальный совет в данный момент находился в ином положении, чем другие национальные группы: «Мы имеем армию, что является с международной точки зрения – учитывая то, что мы не имеем сейчас территории – наиболее существенным признаком суверенитета; Французская республика своим признанием разрешила этот вопрос и создала прецедент. Я надеюсь, что Соединенные Штаты последуют примеру Франции. Это признание имеет для нас огромное практическое значение: мы сможем гораздо успешней защищать наших солдат, которые являются военнопленными австрийцев, и т. д.» [38]

Однако лишь когда все державы Антанты высказали определенную позицию по чехословацкой проблеме [39], Лансинг известил Вильсона о необходимости принятия четкой позиции по данному вопросу.

19 августа госсекретарь, констатировав, что правительства Франции, Италии и Великобритании уже признали чехов в качестве суверенной нации, писал президенту: «Хотя я чувствую, что Австро-Венгрия как империя должна исчезнуть... я не думаю, что будет разумно предоставить полное признание чехословакам как суверенной нации». Лансинг предложил два возможных варианта развития американской политики по этой проблеме: признать де-факто ЧСНС в качестве революционного правительства, находящегося в состоянии войны с Австрией, либо заявить об общей симпатии и поддержке в отношении всех наций, сражающихся за независимость против австро-венгерского правительства [40]. Вильсон, согласившись с необходимостью принять принципиальное решение, фактически одобрил оба предложенных направления действий [41].

Результатом стало опубликование 3 сентября ноты Госдепартамента о признании Чехословацкого национального совета в качестве правительства, наделенного надлежащими полномочиями для управления военными и политическими делами чехословаков как суверенной нации [42].

Данный шаг был встречен с ликованием в среде чехословацкой эмиграции в США. Проведенная 15 сентября в Нью-Йорке при поддержке Комитета по общественной информации и ряда общественных организаций США многочисленная демонстрация представителей различных наций Центральной и Восточной Европы продемонстрировала широкую поддержку в американских политических и общественных кругах идеи предоставления независимости малым нациям

Европы. Среди 4000 гостей были представители как республиканской так и демократической партий [43]. Прошедшая на следующий день встреча лидеров освободительных движений позволила, как казалось, урегулировать ряд накопившихся вопросов, в том числе территориального характера. Этот факт был положительно встречен со стороны Госдепартаментом и президентом, которому Масарик 19 сентября при личной встрече рассказал о принятых совместных решениях.

На основе этого принципиального решения в октябре был дан ответ на послание австрийского императора от 4 октября, согласившегося на переговоры о мире на основе 14 пунктов. 7 и 13 октября Вильсон сообщил британскому правительству о принятом решении и необходимости разделения в ближайшем будущем Австрийской монархии, определяющими причинами были названы признание американским правительством обязательств по отношению к угнетаемым нациям империи, особенно чехословакам [44].

В своем ответе венскому правительству 19 октября президент Вильсон заявил, что он более не может вести переговоры с Австро-Венгрией на основе 14 пунктов, потому что с момента их объявления произошли коренные изменения: Соединенные Штаты признали стремления чехословаков и югославов к свободе, и поэтому они сами должны были решать, какое действие со стороны австро-венгерского правительства удовлетворит их [45].

За день до этого, 18 октября, одновременно в США и Франции – двух главных центрах поддержки чехословацкого движения – была официально провозглашена Декларация Независимости Чехословацкой Республики. Причем текст декларации, выработанный членами ЧСНС, в Вашингтоне при переводе его на английский язык по инициативе Масарика был значительно переработан для придания ей более привлекательной формы в глазах американцев [46]. Провозгласив приверженность новой нации принципам американской Декларации Независимости, принципам Линкольна и Декларации Прав Человека и Гражданина, ЧСНС в качестве чехословацкого правительства обязался принять на себя ответственность за участие в реорганизации Восточной Европы, за соблюдение прав меньшинств и декларировал приверженность принципам президента Вильсона по другим вопросам [47].

Таким образом, как казалось, Чехословакия стала первым государством в новой Европе, заявившим о своей полной поддержке американских принципов демократического развития, что не могло не вызывать симпатий у президента Вильсона и широких политических и общественных кругов.

Тем временем империя Габсбургов стремительно распадалась на части. И нота Вильсона сделала этот процесс необратимым [48]. 28 октября, когда имперский министр иностранных дел Д. Андраши был вынужден дать согласие на отдельные переговоры о мире и признать право чехов, словаков и югославов на самостоятельность, Чехословацкий национальный комитет в Праге выступил с заявлением о провозглашении независимости Чехословакии. 30 октября словацкий Национальный совет одобрил вхождение Словакии в состав единого с чехами государства. В ноябре Масарик был заочно выбран президентом республики [49].

Итогом пребывания Масарика в США стало оформление соглашения с американскими русинами. Их лидер Григорий Жаткович довел до сведения Вильсона и Лансинга сообщение о принятом 12 ноября на конференции русин в Скрантоне решении о вхождении в состав Чехословакии [50]. Уже в качестве президента независимого государства 15 ноября Масарик попрощался с Вильсоном [51] и через несколько дней отплыл на родину.

Таким образом, Чехословакия вышла из войны в статусе признанной правительствами стран Антанты и США равноправной державы-победительницы. США в лице президента Вильсона и членов его администрации, чешская и словацкая общины в Соединенных Штатах, ряд общественных и политических деятелей этой страны оказали непосредственное влияние на положительный исход борьбы за создание независимого чехословацкого государства.

Руководствуясь концепцией о праве наций на самоопределение и симпатизируя борьбе чешского и словацкого народов за выход из состава империи Габсбургов, Вильсон тем не менее долгое время предпочитал следовать за политикой своих европейских союзников в вопросе о расчленении Австро-Венгрии. Поддержка чехословацкого движения европейскими правительствами на завершающем этапе войны, действия трех чехословацких армий в Европе и Сибири, грамотная политическая агитация со стороны БНА и деятельность Масарика в США, продекларировавших о своей приверженности демократическим принципам, позволили в итоге склонить американскую администрацию к решению о признании права чехов и словаков на независимость. Завоеванные таким образом симпатии американских граждан, членов дипломатического корпуса и экспертов, позволяли новому пражскому правительству рассчитывать на получение поддержки со стороны американской делегации в Европе на предстоящей мирной конференции в деле установления окончательных границ и восстановления чехословацкого государства.

Примечания

1. Miller, H. A. What Woodrow Wilson and America meant to Czechoslovakia [Text] / H. A. Miller // Czechoslovakia: Twenty years of independence. Berkley, 1940. P. 71, 72.

2. Mamatey, V. S. The Slovaks and Carpatho-Ruthenians [Text] / V. S. Mamatey // The immigrants' influence on Wilson's peace policies. Univ. of Kentucky Press, 1967. P. 226, 230.

3. К началу войны более полумиллиона чехов и трехсот тыс. словаков жили в США, главным образом в северо-восточных штатах страны. После Праги в Чикаго находилась вторая по величине чешская городская община в мире. Чехи были также многочисленны в областях, окружающих Кливленд, Питсбург, и Нью-Йорк, на Среднем Западе и в Техасе. Основными центрами расселения словаков и русин были Питсбург и Кливленд. Чехи во многом повторяли политическое разделение, существовавшее в Богемии. Словаки объединялись в католическую и протестантскую общины. Odlozilik, E. The Czechs [Text] / E. Odlozilik // The immigrants' influence on Wilson's peace policies. Univ. of Kentucky Press, 1967. P. 207; Mamatey, V. S. The Slovaks and Carpatho-Ruthenians. P. 230; Unterberger, B. M. The United States, Revolutionary Russia, and the Rise of Czechoslovakia [Text] / B. M. Unterberger. Chapel Hill, 2000. P. 24.

4. К этому времени 65-летний философ и профессор Карлова университета Т. Г. Масарик был лидером Чешской прогрессивной партии и депутатом Рейхстага. В чешской общине США он, кроме того, был известен благодаря своим довоенным визитам в эту страну и связям с лидерами чешской эмиграции, многие из которых были его бывшими студентами.

5. Вскоре он был преобразован в Чехословацкий национальный совет (ЧНС) с центром в Париже и отделениями в Великобритании и России. Его лидерами стали Т. Масарик, находившийся преимущественно в Лондоне, Э. Бенеш – в Париже, от словаков – офицер французской армии М. Р. Штефаник. – Чехия и Словакия в XX веке [Текст]: очерки истории: в 2 кн. М., 2005. С. 61.

6. Mamatey, V. S. The United States and Czechoslovak Independence [Text] / V. S. Mamatey // Czechoslovakia, Crossroads and Crises, 1918–1988. London, 1989. P. 66.

7. Сам термин «чехословаки» появился лишь в период войны, но вскоре стал активно использоваться представителями ЧНС для обозначения единства двух народов в общей борьбе за независимость, несмотря на сохранение многих разногласий между представителями чехов и словаков на родине и отсутствия общей позиции по вопросу о создании единого государства вплоть до последнего года войны.

8. Лидерами БНА стали чехи Ч. Перглер в Чикаго и Э. Воска – в Нью-Йорке. Главной целью его создания являлись поиск финансовых ресурсов для обеспечения деятельности ЧНС и привлечение внимания к проблеме создания чехословацкого государства американского общественного мнения и политических кругов страны. Miller, H. A. Op. cit. P. 74; Mamatey, V. S. The United States and Czechoslovak Independence. P. 63; Unterberger, B. M. Op. cit. P. 24; Kerner, R. J. World War, Revolution and Peace conference [Text] / R. J. Kerner // Czechoslovakia: Twenty years of independence. Berkley, 1940. P. 56.

9. Mamatey, V. S. The United States and Czechoslovak Independence. P. 66.

10. Цит по: Mamatey, V. S. The Slovaks and Carpatho-Ruthenians. P. 234. Данная фраза в дальнейшем была положена в основу пропаганды за создание независимого государства, проводившейся чехами в Америке.

11. В понимании Вильсона самоопределение предполагало прежде всего право народов самостоятельно избирать свое правительство, что не предусматривало расчленения европейских империй. Долгое время Вильсон оставался сторонником федерализации Австро-Венгерской империи с предоставлением широких прав населявшим ее народам.

12. Фоглесонг, Д. Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике 1918–1920 гг. [Текст] / Д. Фоглесонг // Первая мировая война: пролог XX века. М., 1999. С. 602.

13. 3 февраля 1916 г. Масарик был официально принят французским премьер-министром А. Брианом и изложил ему позицию членов чешского сопротивления. – Малевич, О. М. Томаш Грриг Масарик [Текст] / О. М. Малевич // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 63.

14. Odlozilik, E. The Czechs. Op. cit. P. 212.

15. Mamatey, V. S. The United States and Czechoslovak Independence. P. 70.

16. Работавшая под руководством профессора Мезеса и подчинявшаяся полковнику Хаузу, данная группа регулярно снабжала докладами как главу Госдепартамента, так и президента. В дальнейшем она занималась разработкой позиции США на мирной конференции в Париже. А. К. Кулидж, профессор Гарварда, фактически был пионером восточноевропейских исследований в США, экспертом по широкому кругу проблем всей Центральной и Восточной Европы. Р. Д. Кернер, чех по происхождению, выступал как эксперт по Австро-Венгрии и практически с начала своей работы являлся сторонником чехословацкой независимости.

17. Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2000 [Текст]: Т. 2. Документы 1910–1940-х гг. М., 2000. С. 27–28.

18. Unterberger, B. M. Op. cit. P. 96.

19. Виноградов, В. Н. На руинах многонациональных империй [Текст] / В. Н. Виноградов // Первая мировая война: пролог XX века. М., 1999. С. 330.

20. По этому поводу Лансинг писал Вильсону в мае 1918 г.: «Я не сомневаюсь, что вам, как и мне, докучали представители этих наций с просьбами оказать поддержку их попыткам пробудить своих соотечественников к сопротивлению существующему австрийскому правительству. Эта назойливость увеличивается. Что должно быть сказано этим людям? Нужно ли дать какой-либо ответ? Мы должны помочь или препятствовать им?». Foreign Relations of the United States [далее – FRUS]. The Lansing papers, 1914–1920. Volume II. Washington, 1940. P. 128.

21. Hanak, H. France, Britain, Italy and the Independence of Czechoslovakia in 1918 [Text] / H. Hanak // Czechoslovakia, Crossroads and Crises, 1918–1988. London, 1989. P. 53.

22. Unterberger, B. M. Op. cit. P. 71, 75.

23. Ibid. P. 80–82.

24. FRUS. 1918. Russia. Volume II. Washington, 1932. P. 92.

25. *May, A. J.* The Mid-European Union [Text] / A. J. May // *Czechoslovakia, Crossroads and Crises, 1918–1988.* London, 1989. P. 255.

26. *Mamatey, V. S.* The United States and Czechoslovak Independence. P. 71.

27. FRUS. The Lansing papers, 1914–1920. Vol. 2. P. 126–128.

28. *Unterberger, B. M.* Op. cit. P. 123. Как пишет Б. Унтербергер, глава комитета Джордж Крил предполагал, что пропаганда в Австро-Венгрии сможет стать очень эффективным оружием в войне, а также обеспечит поддержку политики Вильсона со стороны недавних эмигрантов в США.

29. FRUS. 1918. Supplement 1. The World War. Vol. I. Washington 1933. P. 799–802, 804–807.

30. *Unterberger, B. M.* Op. cit. P. 125.

31. FRUS. 1918. Supplement 1. The World War. Vol. I. P. 809.

32. *Mamatey, V. S.* The United States and Czechoslovak Independence P. 72; Чехия и Словакия в XX веке. С. 82.

33. FRUS. 1918. Supplement 1. The World War. Vol. I. P. 810.

34. Ibid. P. 813.

35. Ibid. P. 814.

36. *Mamatey, V. S.* The United States and Czechoslovak Independence. P. 73. Документы об антинародной и антinationальной политике Масарика [Текст]. М., 1954. С. 29.

37. FRUS. 1918. Supplement 1. The World War. Vol. I. P. 816.

38. Ibid. P. 818; Документы об антинародной и антinationальной политике Масарика. С. 32–33.

39. Вслед за признанием ЧСНС Францией 29 июня Чехословацкий совет был признан 9 августа британским правительством. – Чехия и Словакия в XX веке. С. 84.

40. FRUS. The Lansing papers, 1914–1920. Vol. II. P. 139.

41. Ibid. P. 141.

42. FRUS. 1918. Supplement 1. The World War. Vol. I. Washington 1933. P. 824.

43. *May, A. J.* Op. cit. P. 257; *Miller, H. A.* Op. cit. P. 81; *Unterberger, B. M.* Op. cit. P. 294.

44. *Unterberger, B. M.* Op. cit. P. 314.

45. *Hanak, H.* Op. cit. P. 57.

46. *Miller, H. A.* Op. cit. P. 83.

47. FRUS. 1918. Supplement 1. The World War. Vol. I. P. 850.

48. *Исламов, Т. М.* Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи [Текст] / Т. М. Исламов // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 45.

49. Чехия и Словакия в XX веке. С. 88–92.

50. Для придания большей юридической силы этому решению по инициативе Жатковича среди американских русин в ноябре-декабре был проведен плебисцит, по итогам которого за вхождение в состав Чехословакии высказалось 67% участников. *Mamatey, V. S.* The Slovaks and Carpatho-Ruthenians. P. 245.

51. *Mamatey, V. S.* The United States and Czechoslovak Independence. P. 75.

Т. Н. Матанцева

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ С ОТКЛОНЕНИЯМИ В РАЗВИТИИ

В статье дается анализ специфики применения общепсихологических методов при изучении детей и подростков с отклонениями в развитии, раскрываются особенности, проблемы и ограничения исследовательской деятельности. Даются рекомендации по изучению детей с отклонениями в развитии.

Современная специальная психология представляет собой сложную и интенсивно развивающуюся отрасль клинико-психологических, психолого-педагогических и нейропсихологических знаний о закономерностях отклоняющегося развития.

Её острая теоретическая и прикладная востребованность определяется неуклонным и ежегодным увеличением количества детей с отклонениями в психическом развитии. По данным научного Центра здоровья детей РАМН, сегодня 85% детей рождаются с неблагоприятным состоянием здоровья и недостатками в развитии, из них не менее 30% нуждаются в комплексной реабилитации. В дошкольном возрасте количество детей, нуждающихся в реабилитации, достигает 25–40%, среди школьников такие дети составляют 20–30%, а свыше 60% относятся к группе риска. Интересен тот факт, что большинство детей с невыраженными отклонениями в развитии и психофизическом здоровье находятся в массовых образовательных учреждениях. Несмотря на то что им не требуются специальные образовательные условия, они испытывают стойкие трудности в условиях традиционного обучения [1].

Каждый тип отклоняющегося развития имеет собственную психологическую структуру, определяемую наличием конкретного первичного нарушения и сочетанием вторичных нарушений, обусловленных первичным дефектом и условиями развития. Первичное нарушение приводит к нарушениям умственной работоспособности, недостаткам общей и мелкой моторики, трудностям взаимодействия с окружающей средой, к изменению способов коммуникации и средств общения, недостаточности словесного опосредования, искажению познания окружающего мира, бедности социального опыта, изменениям в развитии личности [2].

К общим закономерностям отклоняющегося развития относят нарушения способности к приёму, переработке, хранению и использованию

МАТАНЦЕВА Татьяна Николаевна – старший преподаватель кафедры психологии ВятГГУ
© Матанцева Т. Н., 2007

информации; нарушения словесной регуляции деятельности, замедленное формирование процессов обобщения и отвлечения, трудности абстрактно-логического мышления [3].

Для каждого типа отклоняющегося развития характерны специфические нарушения.

Сложность аномального развития, наличие в нём общих и специфических закономерностей определяет содержательные ориентиры его изучения.

На сегодняшний день в специальной психологии выделяется ряд исследовательских задач [4]:

- раскрытие основных закономерностей развития и жизни психики, присущих как нормальному, так и отклоняющемуся развитию и проявляющихся в разных условиях, в том числе и в условиях коррекционного обучения;

- определение модально-неспецифических закономерностей психических явлений, свойственных всем лицам с отклоняющимся развитием, независимо от характера основного нарушения;

- установление модально-специфических закономерностей развития и проявлений психики, свойственных какой-то одной категории отклонений в развитии;

- выявление индивидуально-типологических особенностей психического развития внутри одного и того же вида отклонений в развитии в зависимости от степени патологии, времени возникновения дефекта, длительности состояния и т. д.

- выявление путей и механизмов компенсации и коррекции вторичных отклонений.

Перечисленные выше задачи по своему существу являются исследовательскими, но не менее важно их прикладное значение: сведения о разных группах закономерностей развития позволяют дифференцировать процесс специального обучения, строить адекватные и эффективные коррекционные программы работы с детьми, создавать условия, препятствующие появлению новых отклонений.

Таким образом, особое значение психологических знаний для практики обучения и воспитания ребёнка с отклонениями развития определяет ряд важных прикладных задач не только в области разработки форм и средств психологической коррекции недостатков развития, но и, прежде всего, в области создания методов и средств психологического изучения нарушений развития.

В ходе становления и развития специальной психологии были разработаны основные теоретико-методологические положения изучения отклоняющегося развития [5].

1. Каждый тип нарушенного развития характеризуется свойственной только ему специфической психологической структурой, определяемой

соотношением первичного и вторичного нарушений, иерархией вторичных нарушений.

2. Внутри каждого типа нарушенного развития наблюдается многообразие проявлений, особенно различающихся по степени выраженности.

3. Изучение строится с учётом общих и специфических закономерностей нарушенного развития.

4. Изучение ориентируется на выявление не только недостатков развития, но и сохранных функций и свойств ребёнка, его потенциальных возможностей.

Многие современные учёные (В. И. Лубовский, С. Д. Забрамная, М. М. Семаго, И. Ю. Левченко и др.), разрабатывая методологию психологического исследования отклоняющегося развития, обращают внимание на недостаточную обеспеченность специальной психологии методами психологического изучения детей с отклонениями развития.

Большинство методик создаются для лиц с нормальным психическим развитием, а арсенал техник, предназначенный для оценки различных сторон дизонтогенеза, невелик. Их разработка – одна из актуальных методологических и прикладных задач специальной психологии [6].

Самостоятельных методов изучения и диагностики отклоняющегося развития как принципиальных способов получения фактического материала не существует. Однако, исходя из своеобразия психологической реальности изучаемого феномена, применение общепсихологических методов и методик для изучения отклоняющегося развития затруднено или требует модификации для нужд специальной психологии. Причин этому несколько:

- полного представления о психологических структурах различных вариантов отклоняющегося развития на сегодняшний день не существует, в ряде случаев они разделяются на интуитивно-эмпирическом уровне;

- в зависимости от характера и степени выраженности нарушения проведение классического метода может оказаться невозможным, например, из-за коммуникативных трудностей детей с РДА, неадекватности ребёнка вследствие интеллектуальной недостаточности;

- в специальной психологии значительно усложнена интерпретация полученных данных: особенности психики ребёнка, полученные в ходе исследования, должны быть не просто объяснены как возрастные, индивидуальные и клинические, связанные с нарушением, но следует определить иерархические и причинно-следственные связи между ними.

Остановимся на специфике использования классических методов психологического исследования в специальной психологии.

Эксперимент

Эксперимент в специальной психологии занимает ведущее место, несмотря на ряд проблем, приводящих к его модификации [7]. Эксперименты, проводимые с детьми с отклонениями в развитии, не могут быть точными и безупречными, как при работе с нормально развивающимися сверстниками. Испытуемые не действуют в соответствии с инструкцией, нарушают порядок работы, выходят из ситуации эксперимента – это не срыв эксперимента, считал С. А. Рубинштейн, а очень ценный и важный материал, при условии, что он тщательно запротоколирован. Эксперимент неизбежно происходит в несколько искусственных условиях, во время исследования испытуемому можно и нужно оказывать помощь (обучающую, направляющую, стимулирующую). В рамках решения этой проблемы А. Я. Ивановой под руководством Б. В. Зейгарник была разработана методика обучающего эксперимента, где помощь исследователя регламентирована.

Эксперимент в специальной психологии всегда направлен на качественный анализ психической деятельности. Количественные показатели имеют второстепенное, подчиненное значение. Результаты дополняются другими методами исследования, например методом наблюдения [8].

Наблюдение

Это один из ведущих методов психологического изучения детей с отклонениями в развитии, а в некоторых случаях (при аутизме) единственный. Данные наблюдения всегда дополняют информацию, полученную другими методами. При наблюдении за ребёнком с отклоняющимся развитием возникают проблемы с его организацией. Поведенческие акты аномального ребёнка искажены и могут производить впечатление оторванности от ситуации. Поэтому требуется большее количество времени, чтобы увидеть закономерности в таком поведении. Следовательно, реализация целенаправленного наблюдения может быть затруднена. При свободном наблюдении главными ориентирами являются базовые проявления активности ребёнка [9].

В силу неадекватности испытуемых применение интроспекции необоснованно.

Тестирование

В специальной психологии его применение традиционно, но имеет свои проблемы. Существует лишь небольшое количество тестов для людей с отклонениями в развитии, их необходимо адаптировать. Адаптация к условиям специальной психологии приводит к невозможности использования заложенного в тесте норматива. Тесты, разработанные для аномальных испытуемых, можно стандартизировать с большим трудом, так

как даже в рамках одного дефекта респонденты имеют разный уровень развития. Большинство тестов отражает актуальный уровень развития, для практики специальной психологии важны сведения о качественных особенностях деятельности и о зоне ближайшего развития ребёнка.

В. И. Лубовский констатирует, что тесты не приспособлены для выявления специфики отставания в развитии, связанной со своеобразием дефекта [10].

Анкетирование и опрос

В специальной психологии эти методы эффективно применяются в работе с родителями детей с отклонениями в развитии с целью получения первичной разнообразной и структурированной информации о ребёнке. В работе с аномальными детьми до подросткового возраста их применять не рекомендуется, так как понимание вопросов может быть затруднено. Техническая сторона процедуры также может быть не доступной (слепота или слабовидение, моторные нарушения) [11].

В целом стандартизированные опросники и анкеты, предназначенные для нормальной популяции, лишь в редких случаях можно предлагать лицам с проблемами в развитии без модификации формулировок вербального материала и последующего объяснения.

Таким образом, проведенный нами небольшой анализ основных классических методов психологического исследования показал специфику их применения в специальной психологии и ограничения прямого переноса в практическое применение на контингенте детей и подростков с отклоняющимся развитием.

Теоретической разработке психологических проблем исследования детей с нарушениями развития посвящены труды В. И. Лубовского. Ещё в 70-е гг. XX в. он выдвигает ряд важных положений, призванных сделать диагностику более точной и объективной, обосновывает перспективность развития дифференциальной диагностики. Главное требование: учитывая наличие общих и специфических нарушений для каждой категории детей с отклонениями в развитии, важно сочетать количественную оценку уровня развития психических функций с качественным, структурным анализом – при преобладании последнего [12].

На первых этапах своего становления специальная психология акцентировала внимание на изучении модально-специфических закономерностей. Затем начали изучаться общие закономерности, и только в самую последнюю очередь – модально-неспецифические. Причиной этого стали распространённые недостатки в экспериментальной стратегии.

Модально-специфические закономерности развития при нарушениях слуха, зрения, умст-

венной отсталости стали исследоваться первыми, поэтому возникло убеждение в том, что они исследованы лучше. Однако В. И. Лубовский, изучив эмпирические материалы и способы их получения, пришёл к выводу, что в действительности речь идёт о модально-неспецифических закономерностях. Почему же вначале эти недостатки воспринимались как специфические, относящиеся только к конкретному варианту отклонения?

Проводя эксперимент, исследователь сопоставлял, как правило, результаты, полученные по одной группе детей с отклонениями в развитии, с результатами аналогичной по возрасту группы нормально развивающихся детей. Выявленные отличия рассматривались как свойственные только данному типу отклонения. Дальнейшие исследования показали, что в большинстве случаев они типичны одновременно для нескольких групп детей с отклонениями в развитии, и, по сути, являются модально-неспецифическими. И те и другие закономерности представляют собой лишь своеобразное проявление общих, основных законов развития психики, характерных как для случаев нормы, так и для патологии. Можно сказать, что собственно специфические особенности различных форм отклоняющегося развития в настоящее время не изучены. Это одна из актуальных проблем специальной психологии.

Переход от диагностики отбора в целях селекции детей к диагностике своеобразия их развития является закономерным этапом в развитии науки и практики специальной психологии. Данные такого изучения являются необходимой основой поиска оптимальных условий компенсации нарушений, расширения возможностей для индивидуального и полноценного развития личности, разработки и построения вариативных условий образовательной среды, проектирующих развивающий образ жизни и повышающих её качество [13].

Рекомендации по изучению детей с отклонениями в развитии

1. Изучение необходимо строить в соответствии с особенностями возраста ребёнка на основе типа ведущей деятельности.

2. Методики должны быть удобны для использования и давать возможность стандартизации и математической обработки данных, но одновременно выявлять качественные особенности процесса выполнения заданий.

3. Для получения достоверной информации важно установить продуктивный контакт и взаимопонимание исследователя и ребёнка с отклонениями в развитии.

4. Следует продумать характер предъявления заданий. Лучше чередовать простые и сложные

задания для профилактики утомления и поддержания мотивации.

5. Анализ полученных результатов должен быть качественно-количественным, позволяющим выявить своеобразие развития ребёнка и его потенциальные возможности.

6. По ходу выполнения заданий оказывать помощь, которая имеет важное диагностическое значение в определении прогноза развития ребёнка.

7. Предварительно необходимо познакомиться с основными характеристиками изучаемого отклонения в развитии, с возможностями и ограничениями, вытекающими из данного дефекта, и в первую очередь с особенностями коммуникации детей и подростков с изучаемым отклонением в развитии.

8. Сравнение результатов детей с отклонениями в развитии с результатами нормы, в тестовых методиках, разработанных на нормальную популяцию и на ней же стандартизированных, нужно осуществлять с большой осторожностью.

9. Тестирование детей с отклонениями в развитии следует проводить индивидуально, причём исключительное внимание следует уделять пробным заданиям, чтобы убедиться, что инструкции поняты верно.

10. Валидными необходимо считать высокие результаты, к низким следует относиться более скептически, так как они могут быть следствием слабой мотивации испытуемого или неопытности психолога.

11. Психодиагностическое тестирование использовать как вспомогательный метод, дополняющий другие методы – длительное наблюдение, беседу, эксперимент.

12. Необходимо при изучении использовать набор, или «батарею», методик, каждая из которых должна содержать несколько однотипных заданий, определяющих диапазон количественных различий.

13. Сочетание количественного и качественно-количественного подхода к анализу и оценке результатов диагностики.

14. Не ограничивать время выполнения заданий.

15. Дополнять психологическую информацию, полученную любым методом данными наблюдений.

Примечания

1. Шаповал, И. А. Методы изучения и диагностики отклоняющегося развития [Текст] / И. А. Шаповал. М., 2005.

2. Мамайчук, И. И. Психология дизонтогенеза [Текст] / И. И. Мамайчук. СПб., 2000.

3. Там же.

4. Шаповал, И. А. Указ. соч.

5. Забрамная, С. Д. Психолого-педагогическая диагностика умственного развития детей [Текст] / С. Д. Забрамная. М., 1995.

6. Там же.

7. Шаповал, И. А. Указ. соч.

8. Лубовский, В. И. К вопросу об инструментальной психологической обследований в связи с широкой публикацией методической литературы [Текст] / В. И. Лубовский, А. И. Переслени // Дефектология. 1997.

9. Семаго, Н. Я. Проблемные дети: Основы диагностической и коррекционной работы психолога [Текст] / Н. Я. Семаго, М. М. Семаго. М., 2001.

10. Лубовский, В. И. Указ. соч.

11. Шаповал, И. А. Указ. соч.; Семаго, Н. Я. Указ. соч.

12. Лубовский, В. И. Указ. соч.

13. Шаповал, И. А. Указ. соч.

И. В. Маркова

СВОЕОБРАЗИЕ ЖАНРА КОМЕДИИ В ТВОРЧЕСТВЕ АРТУРА МЭРФИ

Статья посвящена творчеству Артура Мэрфи, ирландского драматурга и критика восемнадцатого столетия. В статье рассматривается концепция комедии Мэрфи в свете драматургических исканий эпохи и анализируется его комедийное творчество. Особое внимание уделяется вопросу о соотношении жанровых признаков комедии нравов и сентиментальной комедии в драматургии Артура Мэрфи.

Восемнадцатый век в драматургии Англии по преимуществу можно назвать эпохой комедии, развитие которой было внутренне противоречивым и было связано с неоднозначной рецепцией художественного наследия Реставрации. Традиционная для театральной культуры XVII в. комедия нравов сохраняла свое значение и в период Просвещения, при этом формировались новые разновидности комического жанра, отразившие этический характер национальной просветительской идеологии, в частности сентиментальная комедия. Ее появление было обусловлено изменениями в социальной и культурной жизни страны того периода, когда начался поиск новой общественной силы, способной восстановить нравственные ценности. На сцене требовалось торжество традиционных добродетелей, в связи с этим комедия нравов, отражавшая либертинаж аристократии, уступала место сентиментальной комедии. Английская сентиментальная комедия сумела художественно освоить такие стороны действительности, которые не существовали для комедии Реставрации [1]. На фоне нравоучительной сентиментальной ко-

медии «непристойная» комедия нравов подверглась критике.

В период ожесточенных споров одним из немногих, кто выступил в защиту комедии Реставрации, был Артур Мэрфи (1727–1805), ирландский драматург, критик, биограф Г. Филдинга, С. Джонсона и Д. Гаррика. Творчество А. Мэрфи практически не изучено в отечественном литературоведении, а его оценки зарубежными исследователями весьма неоднозначны. Анализ критических и драматургических работ Мэрфи показывает, что он был противником сентиментальной комедии. Еще в начале литературной карьеры у него сформировались определенные представления о функциях комедии, которые воплотились в его творчестве, а современники воспринимали Мэрфи как одного из защитников старой комедии.

Первая встреча Мэрфи с театральными деятелями и завсегдатаями кофейен произошла в 1744 г., когда в семнадцатилетнем возрасте он переехал в Лондон к своей овдовевшей матери. Он только что завершил образование в одном из колледжей Франции, где провел почти семь лет и в совершенстве овладел классической литературой и языками. Знакомство Мэрфи с видными литераторами состоялось благодаря его брату Джеймсу. Известно, что к 1747 г. Мэрфи был уже хорошо знаком с Сэмюэлом Футом, который в это время публиковал работы по драматургической критике, в которых, в частности, содержалась сравнительная характеристика жанров трагедии и комедии. Фут был противником сентиментальной комедии, и его идеи, вероятно, повлияли на концепцию комедии Мэрфи [2].

В 1751 г. Мэрфи познакомился с Генри Филдингом. Он восхищался писателем и уважал его мнение. Мэрфи разделял его теорию остроумия и юмора, так же высоко ценил творчество Лукиана, Сервантеса, Джонсона, Конгрива, Свифта и Хогарта. В период становления драматургических взглядов Мэрфи познакомился с Эдмундом Берком [3]. Берк также оказал влияние на начинающего драматурга и критика, выступив в небольшой газете «Реформатор» 31 марта 1748 г. против сентиментальной комедии.

Первые оценки сентиментальной комедии в критике Мэрфи были опубликованы в журнале «Грэйз-Инн Джорнэл», еженедельнике, который он издавал с 22 октября 1752 г. по 12 октября 1754 г. под псевдонимом Чарльз Рейнджер. В начале замечания Мэрфи носят общий характер, но уже позволяют определить направленность его взглядов. В № 96 журнала отмечалось: «Целью трагедии является, главным образом, возбуждение серьезных страстей, поэтому главное достоинство комедии состоит в ее воздействии на положительные эмоции человека; если первая, в

основном, пробуждает чувство ужаса и сострадания, то вторая вызывает ощущение легкого презрения, заставляя нас осуждать порок и в то же время смеяться над теми, кто его представляет». Авторам трагедий «необходимо иметь живое воображение и способность к подражанию, так как известно, что трагический поэт способен пробудить в нас самые сильные чувства, когда его текст вызывает ярчайшие образы; в свою очередь комический поэт, поражая воображение целым комплексом забавных идей, способен с великой силой возбуждать те страсти, на которые указывает ему искусство».

Комедиограф «должен научиться поражать наше воображение удивительными картинами человеческой жизни; он должен вооружать наш разум тонкими наблюдениями случайностей, происходящих в мире, и обращаться к тем страстям, которые должно будить его искусство. В этой особенности состоит главное достоинство хорошей комедии; подобным же образом серьезная драма должна наполнять нас идеями, возбуждающими ужас и сострадание. Чтобы достичь того или иного эффекта, поэт должен отбирать такие обстоятельства в каждом объекте, в каждой страсти, в каждом действии, которые наиболее благоприятны для окончания пьесы... Когда все верно исполняется в трагической или юмористической сцене, это истинная поэзия... Эмоции, которые здесь необходимо вызвать, – смех и презрение. Истинная сила комедии проявляется тогда, когда нравы и пороки человеческой природы предстают в комическом ключе» [4]. В журнале «Грэйз-Инн Джорнэл» Мэрфи также отмечает, что сатирическое осмеяние пороков не должно переходить в сарказм, иначе это не вызовет смех у публики. Таким образом, источник комического Мэрфи видел именно в тонкой сатире на нравы. Он четко разграничивал функции трагедии и комедии, выступал за чистоту жанра и, в связи с этим, критически относился к сентиментальной комедии, представляющей собой смешение комического и трагического.

Мэрфи отвергал сентиментальную комедию и с позиций поэтической справедливости. Он указывал на то, что в произведениях этого жанра «многие герои оказываются погубленными из-за тривиальных слабостей и ничтожных ошибок, в то время как другие возвышаются благодаря порокам, расчетливости и эгоизму и изображаются более удачливыми, чем те, кто отличается скромностью, трезвым умом и добрым нравом» [5].

В зарубежном литературоведении нет однозначного мнения по поводу драматургических взглядов Артура Мэрфи, однако большинство критиков рассматривает его как последовательного представителя комедии нравов. Так, Эдмунд

Госс и Стэнли Уильямс считают его противником сентиментальной комедии, отмечая, что его пьесы носили лишь развлекательный характер. Аллардис Николл относит Мэрфи к «школе Шеридана» и в то же время говорит, что он «более сентиментален», чем Кольман, но его комедии «Как его удержать» и «Полное заблуждение» сохраняют традиционную комическую атмосферу, а другие пьесы носят фарсовый и сатирический характер [6]. Исследователи Бернбаум и Торндайк, рассмотрев основные комедии Мэрфи, показали, что они принадлежат традиции комедии нравов. Дж. Каски убежден, что Мэрфи далек от сентиментальной комедии как в своей теории, так и практике.

Артур Мэрфи начал свою драматургическую деятельность с фарсов. «Новичок» (Apprentice, 1756), «Драпировщик» (The Upholsterer, 1758), наполненные яркими комическими характерами, свидетельствовали об очевидном даровании Мэрфи. Затем вышли две «полноценные» комедии: «Как его удержать» (The Way to Keep Him, 1760) и «Полное заблуждение» (All in the Wrong, 1761). Первая комедия не была похожа ни на пьесы Конгрива, с которыми ее сравнивали современники, ни на сентиментальную комедию. Способ, которым предлагалось удержать мужа, не подходил сентиментальной героине, ибо это был путь не через добродетель и слезы, а через остроумие и интриги. Пьеса «Полное заблуждение» задумывалась в манере Мольера, ее источником был «Рогоносец поневоле». Пьеса предостерегала зрителей от чувства ревности, а сентиментальные, ревнующие друг друга влюбленные стали объектом смеха, а не жалости и сочувствия. Профессор Бернбаум показал, что они являются предвестниками образов Фолкленда и Джулии [7].

Затем появилась вторая группа небольших пьес, вызвавших острую критику. Среди них можно выделить произведение «Горожанин» (The Citizen, 1761) – достаточно грубый фарс о лондонском торговце по имени Филпот, который собирался женить своего расточительного сына на простодушной дочери богатого сельского сквайра. Но деревенская девочка не так наивна, как кажется; она ловко разыгрывает помешательство и вынуждает молодого Филпота отказаться от брака с ней. Критики того времени называли комедию «низкой» и считали, что эта пьеса унижала славу Мэрфи [8]. Однако на сцене пьеса имела большой успех, поскольку в ней были выведены узнаваемые образы-типы.

Следующая комедия Мэрфи «Сам себе враг» (No One's Enemy but his Own, 1764), источником которой явилась пьеса Вольтера «L'Indiscret» (1725), подверглась критике за неспособность автора вывести нужную мораль. Герой произведения Керлесс (Careless) похваляется перед друзья-

ями своими победами. Уайзли, Брейзен и Блант объединяются, чтобы преподать ему урок, причем его наказывают не за его проступки, не за соращение или прелюбодеяние, а за неумеренное хвастовство. Критики были возмущены названием пьесы, которое «не выражало сочувствия жертвам Керлесса» [9]. По мнению Дж. Эмери, несмотря на отсутствие в этой комедии сентиментальных настроений, она не вызывает смеха, типичного для прочих комедий Мэрфи.

«Выбор» (The Choice, 1764) – короткая пьеса из двух актов, в которой переодетая невеста завоевывает любовь и восхищение свекра-тирана, собиравшегося лишить наследства своего непослушного сына. Вначале ситуация сентиментальна: героиня часто плачет и лишается чувств. Но примирение достигается после ряда совпадений и случайностей, все это сопровождается бурным весельем, традиционным для комедии нравов.

Пьеса «Школа опекунов» (The School for Guardians, 1764), основанная на трех комедиях Мольера, – хороший пример «несентиментального» метода Мэрфи. Два влюбчивых старика хотят жениться на своих богатых воспитанницах. Девушки влюблены в двух молодых людей, замысляющих тайно встретиться с ними. Весь сюжет построен на обмане, интриге. Он отличается от типичной комедии Реставрации главным образом тем, что старики – опекуны, а не мужья. Мэрфи сначала хотел переработать комедию Уичерли «Сельская жена», но нашел ее неподходящей для своего замысла и вернулся к Мольеру, у которого позаимствовал сюжет; а чтобы сделать действие более насыщенным, он обратился к «Рассеянному», «Школе мужей» и «Школе жен». В конце девушки побеждают; планы опекунов рушатся, они выступают в качестве посредников между двумя парами влюбленных.

С точки зрения жанрового своеобразия интерес представляет комедия А. Мэрфи «Три недели после свадьбы» (Three Weeks after Marriage, 1776). Эксцентричный старик Драгет, главная радость которого состоит в украшении сада вечнозелеными растениями в форме крепости, замка и атакующих кораблей, выдал свою старшую дочь за сэра Чарльза Рэкета и хотел бы соединить узами брака свою младшую дочь с богатым льстецом по имени Ловлас. Но она предпочитает честного и не столь богатого Вудли. Преданная своей молодой хозяйке хитроумная служанка Димити научает Ловласа хвалить в саду то, что Драгету не нравится, чтобы вызвать гнев хозяйки дома, а сэр Чарльз и леди Рэкет тем временем сороятся из-за партии в карты, которую они проиграли. На фоне ссоры Драгет, наконец, решает, что скромный Вудли – более подходящий для него зять, чем Ловлас. Интересно отметить, что критики осудили пьесу в 1764 г. главным обра-

зом за то, что ее название, как им казалось, выражало, что брак – вздорное дело.

Профессор Николл находит в данном произведении признаки сентиментальной комедии. Однако Дж. Каски в своей статье «Артур Мэрфи и война с сентиментальной комедией» вступает с ним в полемику по этому поводу. По мнению Дж. Каски, Мэрфи не позволяет комедии звучать в сентиментальном тоне. Принимая во внимание обе точки зрения, рассмотрим жанровые особенности пьесы с учетом основных характеристик английской сентиментальной комедии XVIII в., предлагаемых М. В. Кожевниковым [10].

В комедии Мэрфи «Три недели после свадьбы» предстает новый тип женщины в образе Нэнси, отличительными чертами которой стали чувствительность, скромность и добродетельность, что является признаком сентиментальной комедии. Нэнси собираются выдать замуж за хитрого Ловласа, но сама она против такого брака, так как понимает всю сущность этого человека. Принимая во внимание не совсем удачный опыт своей старшей сестры, Нэнси мечтает о браке по любви. Таким образом, представляется возможным назвать Нэнси сентиментальной героиней, однако в комедии ей уделяется незначительное внимание. Главной героиней комедии Мэрфи является леди Рэкет, типичная представительница комедии Реставрации, настоящая светская дама, отличительные черты которой – находчивость, хитрость, остроумие. Она ни в чем не уступает мужу, в том числе и в споре.

«Джентльмены» в комедии Мэрфи – Чарльз Рэкет и Ловлас – вполне соответствуют своему «светскому статусу». Их отличают щегольство и пустословие. Новый тип мужчины воплощается у Мэрфи в Вудли. Ему, как и Нэнси, уделяется незначительное внимание, но на протяжении всей пьесы он искренен с Нэнси и Драгетом, добр со служанкой Димити; он влюблен в Нэнси, и его намерения только благородные.

В комедии Реставрации служанки тщеславны и болтливы, глупы и излишне любопытны. В целом, слуги здесь выполняют комическую роль. В комедии Мэрфи образ служанки несколько меняется. Димити, сохраняя некоторые черты простолюдинов комедии Реставрации, является положительной героиней и занимает важное место в ходе действия. Она стремится помочь добродетельным и любящим друг друга Нэнси и Вудли: дает советы, обманывает хитрого Ловласа, подбадривает Вудли. Так, представляя собой по преимуществу произведение, написанное в традициях комедии Реставрации, «Три недели после свадьбы» включает элементы сентиментальной комедии.

Последняя комедия Мэрфи «Как познать себя» (Know Your Own Mind), поставленная в 1777 г., но написанная девятью годами раньше, –

другая оригинальная комедия, по поводу антисентиментального характера которой критики единодушны во мнении. Мэрфи избегает сентиментальных настроений во всех романтических сценах между леди Белл и главным героем. Остроумная леди Белл, являясь типичной героиней комедии нравов, способна представить любую серьезную ситуацию в комическом ключе и без лишних нравоучений [11]. По мнению большинства зарубежных исследователей творчества Мэрфи, единственный сентиментальный герой в пьесе – лицемер Малвиль. Он напоминает Джозефа Серфеса из «Школы злословия» Шеридана, особенно когда противопоставляется циничному сплетнику Дэшвуду [12].

Таким образом, все комедии Мэрфи, по преимуществу, принадлежат традиции комедии нравов. Представляется возможным согласиться с тем, что некоторые его пьесы содержат умеренную сентиментальную модальность, однако дидактизм пьес не мешает им быть «веселыми» комедиями нравов.

В 1786 г. Мэрфи опубликовал семитомное издание своих работ. Два тома содержали статьи из журнала «Грэйз-Инн Джорнэл», в которые были внесены значительные изменения. Среди них был № 91, в котором содержалась критика сентиментальной комедии:

«В моей последней работе я рассматривал насмешку в качестве сущности комедии. Некоторые критики могут быть иного мнения, они требуют точного подражания и смеха... Правдивого изображения нравов и основных особенностей человека... достаточно, чтобы отвечать представлениям о комедии. Несколько персонажей, изображенных в драме, должны иметь приятные манеры и во всех случаях следовать принципам чести и добродетели; такие пьесы, по мнению некоторых критиков, могут быть достойны признания... Они называются сентиментальной или патетической комедией, которая в последние годы получила высокое одобрение во Франции и культивируется авторами, которые не имеют таланта писать в духе Мольера. Сочинения подобного рода, в случае, если они копируют реальную жизнь, могут претендовать на похвалу; но, учитывая особенности основной массы людей, этот подбор добродетельных героев вызывает сомнения. Люди, имеющие странности и пороки, встречаются чаще. Это закон жизни, и происходит он из нравов, существующих в мире, которые комедийный писатель должен копировать». «Нравоучительные изречения и сентиментальные диалоги не могут составлять комедию, задача которой – изображать жизнь и нравы» [13].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что, в целом, концепция комедии Мэрфи нашла отражение в его творчестве. Писатель выс-

тупал против смешанных жанров и критически относился к сентиментальной комедии, противопоставляя ей комедию нравов. Источник комического он видел в тонкой сатире на нравы. Стремясь к правдивому созданию образа, Мэрфи допускал в своих пьесах некоторые черты сентиментальной комедии, но при этом оставался верен традиции комедии нравов. Произведения Артура Мэрфи являются примечательным явлением в развитии английской драмы и театра восемнадцатого столетия. В своем творчестве Мэрфи опирался на национальные традиции драмы и творчески осваивал достижения французских драматургов.

Примечания

1. *Кожевников, М. В.* Плачущая муза. Английская сентиментальная комедия в системе драматических жанров [Текст] / М. В. Кожевников. Магнитогорск: МаГУ, 2001. С. 4.
2. *Caskey, John H.* Arthur Murphy and the War on Sentimental Comedy [Text] / John H. Caskey // Journal of English and Germanic Philology. 1931. Vol. 30. № 4. P. 565.
3. *Ibid.* P. 566.
4. *Ibid.* P. 570–571.
5. *Поляков, О. Ю.* Литературная критика в периодических изданиях Англии 1750-х гг. (проблема метода) [Текст] : монография / О. Ю. Поляков. Киров: ВятГГУ, 2003. С. 13.
6. *Caskey, John H.* Op. cit. P. 563–564.
7. *Ibid.* P. 571.
8. *Ibid.* P. 572.
9. *Ibid.*
10. *Кожевников, М. В.* Указ. соч. С. 220.
11. *Spector, R. D.* Arthur Murphy [Text] / R. D. Spector. Twayne: Twayne Publishers, 1979. P. 125.
12. *Caskey, John H.* Op. cit. P. 574.
13. *Ibid.* P. 575–576.

И. Р. Галиулина

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА ПО ПРОФЕССИИ В ПАМЯТНИКЕ «НАХДЖ АЛ-ФАРАДИС» МАХМУДА БУЛГАРИ

В данной статье объектом исследования являются наименования лица, указывающие на отношение персонажей тюрко-татарского средневекового памятника «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Булгари к профессии.

Известно, что в лексике национального языка находит отражение род той деятельности, которой издревле занимался носитель этого языка – народ. Поэтому исследование древнейшего пласта тюркской лексики (профессиональных

ГАЛИУЛИНА Ильвира Рафаиловна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Казань).
© Галиулина И. Р., 2007

названий и терминов, в том числе наименований лица по профессии) представляет большой научный интерес.

Ценным памятником золотоордынского периода, сыгравшим значительную роль в культурной жизни поволжских народов, является произведение богословско-дидактического жанра «Нахдж ал-Фарадис», датированное 1358 г. [1]. В данном произведении функционируют наименования лица по профессии: 1) в сфере торговли, финансов; 2) в сфере науки; 3) в хозяйственной, экономической сферах деятельности; 4) в сфере искусства, творчества.

В «Нахдж ал-Фарадис» лексемы агентивного характера, обозначающие человека по профессии, как правило, номинативны: называя человека, не выражают отношения к нему, не оценивают. Такого рода лексемы не являются частотными: в сочинении функционирует 31 лексема данной лексико-семантической группы, общее количество употреблений – 124, что составляет 2% от общего числа апелляций наименований человека в характеризуемом памятнике.

М. Булгари не ставил целью познакомить читателей с существующими профессиями или показать социальную значимость людей разных профессий. Интересующие нас наименования упоминаются лишь при указании на персонажей, принимающих то или иное участие в повествовании, целью которого является представление моральных ценностей и религиозных знаний.

1. Согласно археологическим исследованиям, в период расцвета Золотой Орды ряд городов становится торговыми центрами, контролировавшими водные и караванные пути между странами Европы и Азии, ведется торговля с русскими княжествами, Средней Азией, Кавказом, Китаем, Индией, Византией, Аравией и другими государствами [2]. Подтверждение историческим фактам можно найти при анализе лексем, функционирующих в «Нахдж ал-Фарадис».

Группа слов «Наименования лица по профессии в сфере торговли, финансов» включает следующие единицы: *базаргэн*, *базирган хужа*, *базар халкы* – ‘торговец’, *хэмер сатгучы* – ‘продавец алкоголя’, *галиф сатгучы* – ‘продавец корма’, *кэрван халкы* – ‘караванщик’, *нахасбан* – ‘работорговец’, *рибахур* – ‘ростовщик’.

В «Нахдж ал-Фарадис» функционирует несколько лексем со значением ‘торговец, купец’: *базаргэн*, *базирган хужа*, *базар халкы*. Составное по структуре словосочетание *базарган хужа* – ‘торговец’ состоит из двух элементарных основ, каждая из которых имеет самостоятельное значение: *базарган* – ‘торговец’ (самостоятельно функционирующее в тексте «Нахдж ал-Фарадис») и *хужа* – ‘хозяин’, т. е. при дословном переводе *базарган хужа* – ‘хозяин базара’. Составное сло-

восочетание *базар халкы* дословно переводится ‘народ базара’, но лучшим эквивалентом для передачи данного понятия будет форма множественного числа ‘торговцы’, так как именно они осуществляют торговлю на рынке, базаре.

Таким образом, три лексемы арабского происхождения, разные по составу и толкованию компонентов (*базаргэн*, *базирган хужа*, *базар халкы*), обозначают одно понятие ‘торговец’, наличие синонимов подтверждает важность данной денотативной сферы во времена М. Булгари. Кроме того, для конкретизации автором употребляются и иные наименования людей, работающих в сфере купли-продажи: *хэмер сатгучы* – ‘продавец алкоголя’, *галиф сатгучы* – ‘продавец корма’.

Большое значение в мире торговли принадлежит людям, отправляющимся по торговым делам с караваном – единственно возможным в то время наземным средством доставки товара. В «Нахдж ал-Фарадис» большая часть словоупотреблений со значением ‘караванщик’ встречается при упоминании легенды о Юсуфе и Зулейхе. В языке памятника для обозначения понятия ‘караванщик’ употребляется определительное словосочетание *кэрван халкы*, состоящее из двух элементарных слов *кэрван* (слово персидского происхождения) – ‘караван’ и *халкы* (слово арабского происхождения) – ‘народ’; дословно данное словосочетание переводится ‘народ каравана’, но в русском языке есть термин, позволяющий избежать использования описательного оборота – *караванщики*: *Андин сой кэрван халкынын беренгэ учуз (очсыз) бэвагэ саттылар*. – После этого продали его *караванщикам* за бесценно.

2. Группа «Наименования лица по профессии в сфере науки, обучения, медицины» включает следующие лексемы: *галим*, *голэмэ*, *данишмэнде* – ‘ученый’, *гакыйль* – ‘умный, разумный’, *гариф* – ‘сведущий, образованный’, *мэшаих моракиба* – ‘ученый богослов’, *мөхтәсип* – ‘религиозный ученый’, *мэгаллим*, *остаз* – ‘учитель’, *тәрбияче* – ‘воспитатель’, *имам* – ‘имам’ (‘авторитет в науке’), *табиб* – ‘врач’.

По историческим данным, в Волжской Булгарии получают развитие такие науки, как математика и геометрия, химия и медицина, астрономия и география, история и риторика. Несмотря на развитие науки в тот период, в «Нахдж ал-Фарадис» не встречаются какие-либо термины, уточняющие сферу деятельности ученых, например *астроном*, *математик* и т. п., так как исследуемый средневековый памятник, будучи религиозным произведением суфийской ориентации, демонстрирует своеобразное отношение к ученым и знаниям вообще.

Таков контекст из первого фасыла, предваряющий третий баб «О богоугодных деяниях», в

котором выражена основная идея о значении суфийских ученых в мусульманском обществе.

Галимләр әкки (ике) түрлүг торыф, бере падишаһ торыф, тәкый бере кадерсез торыф. Ул кем падишаһ торыф, гыйлемне Хак фызасы өчен укыды, тәкый Хак фызасы өчен өзгәртте, тәкый дөньяга рәгъбәтсез булды (кызыкмады). Ул галим Хак Тәгалә хәзрәтендә падишаһ торыф, тәкый ул галим кем Хак хәзрәтендә кадерсез торыф, ул галим торыф кем гыйлемне дөнья өчен укыды һәм дөнья өчен өзгәртте; максуды дөньяның таматтугы әрди (дөнья файдасы өчен иде), Хак фызасы әрмәз әрди. Аның тәг галимнең Хак хәзрәтендә һич кадере, хөрмәте йук. – Ученые бывают двух видов: один будет жить, как падишах, а другой – без уважения, отшельником. Тот, кто учился ради Всевышнего и не интересуется мирским, и не стремится к этому, тот ученый у Всевышнего будет падишахом. Тот ученый, который получает знания и учится для мирской жизни, не будет уважаем. Целью его была выгода, он не получил согласия Всевышнего. У такого ученого перед Всевышним нет уважения и почта.

Как правило, в памятнике не уточняется область интересов ученого, его научная специализация ‘физик’, ‘математик’ и т. п. Исключение составляют *мәшаих моракиба, мәхтәсиб* с общим значением ‘богослов’.

В «Нахдж ал-Фарадис» для обозначения понятия ‘учитель’ функционируют лексемы *мәгаллим, остаз*, также встречается лексема *дәйя* – ‘воспитатель’.

Жәмләсе (барысы) мәгаллим эвендә әркен, ул эвнәң сакфыны типрәтмеш ирде (түшәмен селкеткән иде), эв (өй) йыкылды, тәкый жәмлә угланлары һәлак булды әрсә, бу Иблис ләгыйһ бу огланларның дәйясы (тәрбиячесе) сурәтенгә булдың килде... – Все они жили в доме учителя, потолок этого дома затрясся, дом упал, и все дети погибли, а Иблис, приняв облик воспитателя детей, пришел....

Остаз әйде шәкертенгә: «Әй, шәкертем, белүрмүсән сине бу йиргә нә мәгънә өчен кәлтүрдүм?» – Учитель сказал: «Понял ли ты, дорогой мой ученик, с какой целью я привел тебя сюда?»

В средневековом сочинении для обозначения врача функционирует слово *табиб*, употребляемое и в современном татарском языке. Если в современном татарском языке словосочетание со значением ‘опытный врач’ передается словосочетанием *тәжрибәле табиб*, то в «Нахдж ал-Фарадис» – *табиби хазик*: ...*табиби хазик (тәжрибәле табиб) катынга барды, тәкый үз зәхмәтене табибка бәян кылды әрсә, табиб тәкый аның гыйләтене (авыруын) белде, тәкый аһа муафыйк дару әйтү бирде... – ...пошел к*

опытному врачу, поведал врачу о своей болезни, врач узнал его болезнь, и дал лекарство... .

3. По летописным данным, в период расцвета Золотой Орды в городах возникают все новые ремесленные слободы, занимаемая ими территория увеличивается в разы [3]. Группа «Наименования лица по профессии в хозяйственной, экономической сферах деятельности», функционирующая в «Нахдж ал-Фарадис», включает следующие лексемы: *игенче* и *дывкан* – ‘хлебороб’, *буйагучы* – ‘красильщик’, *тимүрче* – ‘кузнец’, *йылкы-кара изисе* – ‘скотовод’, *чубан, коймат* – ‘пастух’, *тегермәнче* – ‘мельник’, *багдарлар* – ‘садовники’. Большинство терминов образовано присоединением к именам существительным аффикса *-и, че: игенче, тегермәнче, тимүрче, буйагучы.*

Скотоводческая терминология составляет древнейший лексический пласт многих тюркских языков, что обусловлено историческим прошлым народов – исконных скотоводов-кочевников.

Слово *кара (qara)* имеет значение ‘скот’ лишь при употреблении в составе парного (синонимичного) сочетания *йылкы-кара* ‘скот’ [4].

В предложении *Тәкый Хабил йылкы-кара изисе (хужасы) ирде. – Хабил был скотоводом* – русскому понятию ‘скотовод’, соответствует словосочетание *йылкы-кара изисе*, буквально переводимое *обладатель (хозяин) скота.*

В «Нахдж ал-Фарадис» для наименования ‘пастух’ используется лексема *чубан*: ...*бу шайтанлар тәкый пәриләр утлар алын бардылар, тәкый жәмлә йылкы-карасыны, тәкый кулларыны-каравашиларыны көйдүрделәр, тәкый Иблис бер чубан (чабан) сурәтә үзә булуп (булып), Әййүб пәйгамбәргә килде. – ... эти шайтаны и злые духи взяли огни и погубили весь скот и рабов, и Иблис в образе чабана пришел к Аюб пророку.*

Вышеприведенный пример демонстрирует функционирование слова *чубан* с прямым значением ‘пастух’ – ‘тот, кто пасет стадо’, хотя слово *чабан*, заимствованное русским языком из тюркских, буквально означает ‘пастух, преимущественно пасущий овец’. Тюркизм *чабан* закрепился в русском языке, явившись наиболее специализированным и точным, выразительным обозначением, вытеснив исконное (обычно описательное) *овечий пастух*. Поэтому считаем, что нет необходимости переводить слово *чубан*, функционирующее в «Нахдж ал-Фарадис», лексемой *пастух*. Однако в памятнике встречается слово с более конкретным значением: *куймәт* – ‘сарык көтүче’ – ‘пастух овец’: *Нәтәк (ничек) кем куймәт (сарык көтүче) куйны сакламыш мәһизлек (саклаган кебек). – Так же, как пастух охраняет своих овец.*

4. Группа «Наименования лица по профессии в сфере искусства, творчества» включает всего 2 лексемы: *йазычы* – ‘писатель’, *шагыйрь* – ‘поэт’:

... дурт йанга илчеләр ыза бирделәр (жибәрделәр) әрсә, нә кем кабиләләр бар әрсә, жәмләсе килеп, мөселман булдылар, тәкый шагыйрьләре пәйгамбәр галәйби әс-сәламка мәдех әйтерләр. – ...и послал с таким сообщением во все четыре стороны, некоторые племена пришли к нему, стали мусульманами. И поэты воспевали Пророка Галәйхи ас-Салям.

Слово *йазычы* – ‘писатель’ – употребляется не как название лица по профессии, а в переносном смысле:

Йә Гали, син минем хәлифәм торырсың өммәтем үзә (өстеннән) тәкый йазычы (язучы)... – Гали, ты являешься халифом над всеми, и еще писателем.... В данном контексте (предсказание, сделанное Гали – преемнику Мухаммеда – при его вступлении в должность халифа) слово *писатель* употреблено в значении ‘человек, пишущий чужие судьбы’.

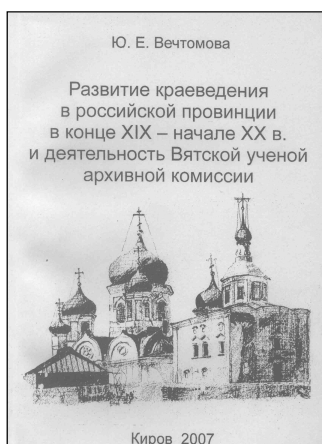
Итак, богословско-дидактическое произведение Махмуда Булгари «Нахдж ал-Фарадис», главной целью которого было изложение правил поведения для истинного мусульманина, содержит более широкий фон социальной жизни средневекового общества. В частности, в нем представлены наименования лица по профессии таких значимых сфер жизни, как торговля, медицина, наука, производство, сельское хозяйство, богословие, искусство.

Примечания

1. Булгари, М. Нахдж ал-Фарадис [Текст] / М. Булгари. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. С. 279–368 (на тат. яз.)
2. История Татарстана [Текст]. Казань: ТаРих, 2001. С. 73.
3. Там же.
4. Древнетюркский словарь [Текст]. Л.: Наука, 1969. С. 267.

НОВЫЕ КНИГИ

Вечтомова, Ю. Е. Развитие краеведения в российской провинции в конце XIX – начале XX в. и деятельность Вятской ученой архивной комиссии [Текст] / Ю. Е. Вечтомова. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. – 132 с.

В монографии исследуется процесс становления и развития губернских ученых архивных комиссий в конце XIX – начале XX в. на примере одной из комиссий Волго-Вятского региона – Вятской ученой архивной комиссии. Рассматриваются основные направления деятельности Вятской ученой архивной комиссии (архивное, издательское дело, работа по созданию музея), и анализируются особенности их творчества.

ПЕРСОНАЛИИ

НИНА ПЕТРОВНА ИЗЕРГИНА

История литературного краеведения в Вятском государственном гуманитарном университете тесно связана с научно-педагогической деятельностью Нины Петровны Изергиной, профессора кафедры русской и зарубежной литературы. Выпускница Казанского университета, защитившая кандидатскую диссертацию на тему «Литературно-эстетические взгляды Н. В. Гоголя», Н. П. Изергина начала работу в Кировском государственном педагогическом институте в 1955 г.: читала лекционные курсы по истории древнерусской литературы и русской литературы XIX в., руководила студенческим литературно-краеведческим кружком, на заседаниях которого слушались и обсуждались студенческие доклады, посвященные творчеству русских писателей, связанных с Вяткой. Н. П. Изергина, обратившись с самого начала своего пребывания в Кирове к изучению фондов Кировского государственного архива, обнаружила целинные пласты для исследования вятского периода жизни и творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. И. Герцена, В. Г. Короленко, М. Е. Селенкиной, Ф. Ф. Павленкова, издателя «Вятской незабудки», А. С. Грина и многих других писателей. Н. П. Изергина вспоминает: «Я была просто потрясена обилием архивных материалов о жизни и творчестве писателей, отбывавших ссылку в Вятке. Я полностью погрузилась в этот материал, и у меня зародилась идея написать об этом». Кропотливо изучая фонды Кировского архива, а затем работая и в архивах Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода (всего Н. П. Изергиной изучено более 20 архивов), она собирала материал для исследований литературной жизни Вятки. Перу Изергиной принадлежат более двухсот статей и шесть книг. Широко известны ее работы «Писатели в Вятке (XVIII–XIX вв.)», (1979); «Литературная жизнь Вятки» (1870–1917), (1990); «Александр Грин. Стихи и поэмы», (2000).

Более сорока пяти лет Нина Петровна руководила литературно-краеведческим кружком, читала спецкурсы и проводила спецсеминары по литературному краеведению, руководила курсовыми и дипломными работами студентов.

Студенты работали не только в областной научной библиотеке им. А. И. Герцена, в государственном архиве Кировской области, но и выез-

жали в библиотеки Москвы, Петербурга, Свердловска, Казани, Нижнего Новгорода и других городов. За 45 лет деятельности кружка опубликовано более ста студенческих работ. Студенты за свои научные изыскания получали медали, дипломы первой степени Всероссийского смотра-конкурса студенческих научных работ, дипломы всероссийских, межвузовских, зональных конференций, грамоты Министерства образования. Более тридцати кружковцев защитили кандидатские и докторские диссертации. Из кружка вышло много известных учителей, талантливых журналистов и музейных работников.

Опыт литературно-краеведческой работы в вузе обобщен ею в книге «Приобщение к поиску» (М., 1991). Н. П. Изергина – лауреат областной премии имени С. М. Кирова (1990), лауреат литературной премии имени А. С. Грина и премии Е. Д. Петряева (1995).

Выпускники Н. П. Изергиной благодарны ей за высокую научную школу и школу жизни, потому что она восхищает не только как замечательный педагог и подвижник науки. Н. П. Изергина учит быть счастливыми. Её жизнь – вдохновляющий пример любви: любящая жена, заботливая мама и бабушка, увлеченный научным творчеством ученый. Нина Петровна поражает «душой высокого полета» и свойственным только ей особым, возвышенным и духовно щедрым отношением к миру.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О ПРОВЕДЕНИИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ЛЮДЕЙ, ЖИВУЩИХ С ВИЧ/СПИДОМ (ЛЖВС) НА ОСНОВЕ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»

23 ноября на базе Вятского государственного гуманитарного университета состоялась межрегиональная научно-практическая конференция «Региональный опыт комплексного сопровождения ЛЖВС на основе межведомственного и междисциплинарного взаимодействия». Конференция проводилась как итоговое мероприятие международного проекта ЕС и России «Развитие системы социальных услуг для наименее защищенных групп населения-III». Организаторами конференции выступили: Правительство Кировской области, департаменты социального развития, здравоохранения, образования и Управление по делам молодежи Кировской области, Управление по федеральной службе исполнения наказаний по Кировской области, УВД Кировской области, УФСНК по Кировской области, Вятский государственный гуманитарный университет, НОУ «Центр социально-психологической помощи детям, подросткам, молодежи».

Цели конференции – подведение итогов выполнения технического задания проекта, презентация регионального опыта комплексного сопровождения ЛЖВС. Ее участниками были руководители и специалисты ведомств, организаций и учреждений региональной сети, московского офиса проекта, Чувашской республики, студенты социально-гуманитарного факультета специальности «Социальная работа», волонтеры КООО «Перспектива». Всего приняло участие 120 человек. В работе конференции участвовала руководитель московского офиса проекта, team-lider руководящей компании проекта ВВJ Марион Фишер.

Программа конференции состояла из пленарного заседания и четырех круглых столов. Еще до начала конференции волонтерами КООО «Перспектива», НОУ «Центр социально-психологической помощи детям, подросткам, молодежи» были проведены: социальная акция «Ленточка: вырази свое отношение» и блиц-опрос «Отношение студентов, специалистов и преподавателей к проблеме ВИЧ/СПИДа». Итоги ак-

ции и блиц-опроса были озвучены на круглых столах и заключительной части конференции.

Конференция началась с просмотра фильма, снятого экспертом проекта, режиссером ГТРК «Вятка» В. Г. Лысковым. Фильм отражал основные события проекта, выражал мнения и суждения руководителей департамента социального развития, пилотных площадок, зарубежных экспертов проекта.

Затем с приветственным словом к участникам конференции обратились: Геннадий Петрович Якимов, глава департамента социального развития; Валерий Теодорович Юнгблуд, проректор по научной работе ВятГГУ, доктор исторических наук, профессор; Алла Анатольевна Осокина, и.о. главы департамента здравоохранения; Марион Фишер, руководитель проекта.

С докладами на пленарном заседании выступили Г. П. Якимов, Н. А. Широнова, М. Н. Бородатая, М. Фишер, Г. И. Симонова, Вяч. П. Коротких, М. И. Шабардин.

После окончания пленарного заседания началась работа круглых столов:

На круглом столе «ВИЧ/СПИД и проблема формирования толерантного отношения к ЛЖВС» (руководитель Н. Н. Ершова) предметом обсуждения стали проблемы людей, живущих с ВИЧ/СПИДОМ, и отношение общества к проблеме ВИЧ-инфицированных, выявленными как проектными, так и студенческими исследованиями (Н. Н. Ершова); вопросы о возможностях информационных компаний в профилактике ВИЧ/СПИДа, формировании толерантного отношения к ЛЖВС (Г. П. Кривошеина); особенностях формирования толерантных отношений к ВИЧ-осужденным (А. А. Печенкин).

В рамках круглого стола «Формы и методы первичной профилактики ВИЧ/СПИДа среди учащейся, студенческой и работающей молодежи. Роль учреждений сети в реализации задач первичной профилактики» (руководители В. И. Лыскова, Е. Ф. Липнина) шла презентация проектного опыта новых методов первичной профилактики. Ими поделилась В. И. Лыскова, председатель правления КООО «Перспектива». В ее выступлении нашел отражение опыт привлечения волонтеров к проведению работы по профилактике ВИЧ/СПИДа среди подростков и молодежи. Е. Ф. Липнина, директор ОПМК «Перекресток», показала возможности социальных акций в привлечении общественного внимания жителей г. Кирова к проблеме ВИЧ/СПИДа. Систему профилактики социальных пато-

логий в образовательном учреждении в решении задач обеспечения сохранности физического и психического здоровья учащихся представила социальный педагог общеобразовательной школы № 73 п. Лянгасово Н. Ф. Камаева. Опыт и содержание межведомственного подхода к профилактике наркомании среди подростков и молодежи раскрыла в своем докладе ведущий специалист УФСНК по Кировской области М. В. Воробьева.

Содержанием работы круглого стола «Межведомственное взаимодействие учреждений сети в оказании помощи клиентам» (руководитель С. А. Семиколенных) стал диалог о совершенствовании практики межведомственного взаимодействия при обеспечении доступа к наименее защищенным группам населения в условиях социального участка (Л. В. Юсупова); использовании зарубежного опыта в отечественной социальной практике (М. И. Голофаева, Г. С. Ворожцова), выявлении и формировании приверженности ЛЖВС; применении инновационных технологий межведомственного взаимодействия «управление случаем» в комплексном сопровождении ЛЖВС (М. Н. Бородатая).

На круглом столе «Комплексная помощь целевым группам проекта» (руководитель Е. А. Кареева) был обобщен опыт использования учреждениями социальной защиты населения региона, в первую очередь пилотными площадками, новых подходов в организации социального обслуживания целевых групп проекта. По-новому осмысливались возможности применения телефона доверия в оказании экстренной социально-психологической помощи ЛЖВС (С. Н. Колесникова, В. В. Красовская). Новые формы работы с наименее защищенными группами населения стали использоваться в Вятскополянском Центре помощи семье и детям (С. А. Бердюгина). О применении знаний региональных семинаров в деятельности специалистов Центра рассказала зав. отделением Слободского Центра социальной помощи семье и детям О. П. Харитоновна. Какие ресурсные возможности региональной системы социальной защиты в оказании помощи ЛЖВС следует использовать специалистам социальных служб, рассказала зам. начальника отдела департамента социального развития Кировской области Е. А. Кареева.

На заключительном этапе участники конференции обобщили результаты проекта и признали его успешным.

Результаты проекта

В области сформирована межведомственная региональная сеть учреждений и организаций, призванных оказывать комплекс услуг психологического, правового, социального, педагогическо-

го, экономического, консультационного и иного характера наименее защищенным группам населения.

Разработана и действует областная целевая программа «Развитие системы социальных услуг для наименее защищенных групп населения-III» на 2008 год. Из бюджета области выделено 2 млн рублей для реализации программных мероприятий.

В ходе реализации проекта проведено 30 обучающих мероприятий. 300 специалистов межведомственного сообщества повысили свою профессиональную компетентность в области профилактики и комплексного сопровождения наименее защищенных групп населения.

Разработана и апробирована межведомственная программа курсовой подготовки специалистов учреждений региональной сети по комплексному сопровождению ЛЖВС (72 часа).

В реализации проекта принимала активное участие молодежь. Привлечено более 200 волонтеров из числа студенческой и учащейся молодежи, которыми подготовлено и проведено более 40 социальных акций, формирующих толерантное отношение к ВИЧ-положительным. Студентами вузов выполнено 15 курсовых и 2 дипломных исследования по проблеме ВИЧ/СПИДа.

Разработаны и апробированы механизмы межведомственного взаимодействия:

- региональный межведомственный координационный совет, участниками которого являются представители Правительства области, 8 ведомств и территориальных управлений социальной защиты населения 4 пилотных районов, 2 вузов, НКО, УДО для подростков и молодежи, СМИ;
- областная целевая программа;
- мастер-план как организационный, программный и методический документ межведомственного взаимодействия;
- межведомственное соглашение участников пилотного проекта;
- 5 межведомственных рабочих групп;
- стратегия и принципы коммуникации, определяющие характер отношений сотрудничества партнеров сети;
- единая программа и инструментарий мониторинга и оценки эффективности деятельности региональной инфраструктуры.

Созданы условия для оформления группы взаимопомощи для людей, живущих с ВИЧ/СПИДом.

*М. Н. Бородатая,
кандидат педагогических наук,
доцент по кафедре
социальной работы ВятГГУ,
координатор проекта по Кировской области*

VI ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

26–29 ноября 2007 г. в Кирове на базе Вятского государственного гуманитарного университета состоялась 6-я Всероссийская научная школа, программа, которой включала проведение:

– 5-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы региональной экологии в условиях устойчивого развития»;

– научно-методического семинара «Повышение экологической компетентности учителей естественнонаучного цикла базовых образовательных учреждений по экологии» с участием учителей экологии школ Кировской области;

– научно-методического семинара «Физическое и нравственное здоровье как основа личностного развития ребенка» с участием учителей экологии города Кирова и Кирово-Чепецка;

– научно-методологического семинара «Современные технологии мониторинга окружающей природной среды в районе ОУХО» с участием специалистов региональных центров государственного экологического контроля и мониторинга из г. Ижевска (Удмуртия), Курской, Пензенской, Брянской, Саратовской, Кировской областей;

– семинара «Проблемы хранения и уничтожения химического оружия: состояние и мониторинг», в котором приняли участие учителя экологии Оричевского и Котельничского районов;

– круглый стол «Экологические проблемы региона: состояние, пути развития».

В конференции приняли участие 315 человек из 32 регионов России, в том числе из республик Мордовия, Марий-Эл, Коми, Башкортостан, из Болгарии, представители государственных, научных и общественных организаций, природоохранных служб, средств массовой информации, специалисты в области экологического образования, воспитания и просвещения, преподаватели вузов, методисты, учителя, аспиранты и студенты.

Конференция проходила в аудиториях Вятского государственного гуманитарного университета.

Пленарное заседание открыла сопредседатель организационного комитета Всероссийской научной школы, профессор ВятГГУ Т. Я. Ашихмина. С приветствием к участникам конференции обратились ректор ВятГГУ В. С. Данюшенков, глава департамента образования Правительства Кировской области, заслуженный учитель школы РФ А. М. Чурин, зам. руководителя Управления по технологическому и экологическому надзору по Кировской области Ю. А. Семенов,

начальник Управления Конвенциональных проблем администрации Правительства Кировской области М. Г. Манин, зам. руководителя Управления Росприроднадзора В. А. Измествьев.

С докладами на пленарном заседании выступили д. б. н. А. И. Видякин (Институт биологии Коми НЦ УрО РАН), д. б. н. А. А. Широких (НИИСХ Северо-Востока), д. б. н. М. М. Долгин (Институт биологии Коми НЦ УрО РАН), д. т. н. Т. Я. Ашихмина (ВятГГУ).

На конференцию поступило 293 доклада, в соответствии с этим материалы были сформированы по девяти направлениям и секциям:

Секция 1. Экологический мониторинг природных сред и объектов.

Секция 2. Оценка и прогноз антропогенного воздействия на компоненты природной среды.

Секция 3. Экологическая безопасность региона.

Секция 4. Промышленная экология.

Секция 5. Растительный мир и механизмы его адаптации к средам обитания.

Секция 6. Экология микроорганизмов и их адаптация к средам обитания.

Секция 7. Животный мир и механизмы его адаптации к средам обитания.

Секция 8. Здоровье и окружающая среда.

Секция 9. Экологическое образование.

На двух последних секциях вопросам экологического образования было уделено особое внимание. Участниками конференции было отмечено, что экологическое образование, оставаясь востребованным, обеспечивает не только естественнонаучный фундамент понимания экологических проблем и ключевых идей устойчивого развития, но и сохраняет приоритет в становлении экологической культуры в обществе.

Ключевыми вопросами на конференции стали:

– новые технологии в организации государственного экологического контроля и мониторинга;

– показатели эффективности систем экологической безопасности;

– решение экологических проблем регионального и локального уровней;

– оценка и прогноз антропогенного воздействия на компоненты природной среды;

– сохранение биоразнообразия;

– механизмы адаптации растительного и животного мира к средам обитания;

– экология микроорганизмов и их адаптация к средам обитания;

– новое качество образования в условиях модернизации образовательной системы в России;

– эффективные методы воспитания экологической культуры, особенности организации школьного экологического мониторинга, экспедиционной и эколого-краеведческой работы;

– физическое и нравственное здоровье как основа личностного развития ребенка.

Активно шло обсуждение на круглом столе темы «Экологические проблемы региона: состояние, пути развития». На обсуждение были вынесены вопросы, касающиеся хранения и утилизации отходов промышленности, в том числе и радиоактивных отходов, хранящихся на территории Кирово-Чепецкого химкомбината. Большую дискуссию на круглом столе вызвали такие вопросы, как здоровье детского и взрослого населения, качество питьевой воды кировчан, проблемы лесовосстановления и лесосохранения, безопасного уничтожения химического оружия на работающем уже более года объекте «Мардыковский» в Оричевском районе Кировской области. В работе круглого стола приняли участие журналисты кировских газет, телевидения и радио.

По материалам работы Всероссийской научной школы издан 6-й выпуск сборника «Проблемы региональной экологии в условиях устойчивого развития».

Соучредителями конференции выступили Управление охраны окружающей среды и природопользования Кировской области, Институт биологии Коми НЦ УрО РАН, Вятский государственный гуманитарный университет, Международный и Российский Зеленый Крест.

Подобные конференции – это уникальная возможность собрать и объединить специалистов, ученых российских вузов, НИИ для конструктивного научного диалога, установления научных контактов, партнерских отношений, организации совместных научных исследований и экологических экспедиций.

Актуальность и востребованность темы настоящей конференции обусловлены потребностями общества в сохранении принятого педагогическим сообществом курса на создание в стране системы образования в интересах устойчивого развития (в соответствии с Экологической Доктриной РФ, 2002 г.), используя лучшую практику экологического образования. Участники отметили необходимость разработки новых научных технологий по созданию систем обеспечения экологической безопасности, внедрения современных экспресс-методов экологического мониторинга, проведения комплексных исследований по изучению экологического состояния своей местности – Дома, в котором мы живем.

*Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук,
профессор, зав. кафедрой химии
и методики преподавания химии ВятГГУ,
зав. лабораторией биомониторинга ВятГГУ
и Института биологии Коми НЦ УрО РАН*

О КОНФЕРЕНЦИИ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ПСИХОЛОГИИ

1–2 ноября в университете состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Психология эмпатии: современные подходы к проблеме и перспективы развития». Организовала конференцию кафедра психологии (зав. кафедрой В. П. Кузьмина) при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Эта поддержка выглядит вполне правомерной. Современное общество, поставленное в рамки прагматизма, нуждается в решении актуальной проблемы подлинно человеческих отношений, невозможных без взаимопонимания и взаимоуважения, глубокого сопереживания и сочувствия Другому, бережного вхождения в его внутренний мир и принятия его без осуждения и оценки.

Широкие возможности, открываемые исследованиями эмпатии, порождают и трудности в работе над проблемой. Понятие эмпатии имеет многочисленные определения, которые зачастую несовместимы. Будучи одним из интегральных понятий психологии, оно рассматривается и в философии, и в педагогике. Отсюда немалые трудности в понимании этого явления, разночтения в теоретических подходах к проблеме и определении ее перспектив.

Тем более своевременной представляется конференция, собравшая ученых и практиков, готовых обсуждать столь сложный феномен. Среди участников конференции – философы, психологи и педагоги: доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, старшие научные сотрудники и аспиранты, учителя и практические психологи, воспитатели детских садов и дефектологи-логопеды. Материалы для публикации, помимо кировчан, предоставили ученые из Санкт-Петербурга, Н.-Новгорода, Перми, Сыктывкара, Уфы, Ярославля, практические работники из Кировской области – Свечи, Юрьи.

Пленарное заседание, собравшее полный зал слушателей, было посвящено рассмотрению общих вопросов в обсуждаемой проблеме: эмпатии как познанию Другого (д. филос. н., профессор В. Ф. Юлов), теоретико-методическим аспектам исследования эмпатии (к. психол. н. В. П. Кузьмина); психологическому содержанию педагогической толерантности (д. психол. н., профессор Ю. П. Поваренков), влиянию искусства на развитие эмпатии (д. психол. н. Л. А. Мосунова), эмпатии как основе взаимодействия педагога и студента (к. психол. н. Л. И. Белозерова), защитным механизмам как процессам эмпатии (к. психол. н. Е. В. Сараева). Кроме того, фундаментальные основы анализируемой проблемы представ-

лены в опубликованных материалах конференции: статья д. психол. н., профессора Е. В. Левченко о связи эмпатии с восприятием внутреннего мира, д. пед. н., профессора М. Г. Яновской об эмпатии как составляющей педагогической культуры и интеллигентности и др.

Секционные заседания строились вокруг двух научных областей: 1) методологических и методических основ исследования проблемы эмпатии и 2) формирования эмпатии как условия развития способности к социально-перцептивному поведению у студентов. Особый интерес вызвали доклады кандидатов психологических наук В. Н. Гоголева, Н. А. Низовских, Н. А. Росиной, старших преподавателей Т. Н. Матанцевой, С. И. Смирновой и др.

Второй день работы конференции был посвящен конкретизации проблемы, рассмотрению ее частных аспектов в процессе круглого стола, а также в работе двух мастерских: «Возможности эмпатии по предупреждению проявлений агрес-

сивности в подростковой среде» (к. психол. н. В. П. Кузьмина) и «Эмпатия как путь к себе» (к. психол. н. Н. А. Низовских).

Важной составляющей конференции явилось активное участие в ее работе студентов-психологов. Молодые люди вступали в заинтересованные дискуссии на пленарном заседании, убедительно отстаивали свою позицию во время круглого стола, внесли большой вклад в процесс работы мастерских. Этот обнадеживающий результат конференции позволяет судить о значимости ее темы для молодежи, а следовательно, о заинтересованности нового поколения в сохранении общечеловеческих ценностей, в ряду которых ключевое место занимает эмпатия.

*Л. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент,
зав. кафедрой издательского дела
и редактирования ВятГГУ,
член программного комитета конференции*

РЕЦЕНЗИИ

ПУТЬ В СОВРЕМЕННУЮ ТЕХНОЛОГИЮ

Данюшенков, В. С. Технология разноуровневого обучения физике для сельской школы. 7–9 классы [Текст] : учебное пособие / В. С. Данюшенков, О. В. Коршунова. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2007. 388 с.

Данюшенков, В. С. Технология разноуровневого обучения физике для сельской школы. 10–11 классы [Текст] : учебное пособие / В. С. Данюшенков, О. В. Коршунова. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2007. 500 с.: ил.

Авторы, по существу, отвечают на главный вопрос: «Как в условиях сельской школы с малым количеством учащихся организовать профильное обучение по физике?» С целью решения этой важной проблемы они предлагают использовать интегративно-дифференцированный подход, основанный на синтезе личностно-развивающих технологий обучения физике (уровневая дифференциация, модульное обучение) при учете специфики обучения в сельской школе (многопредметность в работе учителей, способствующая интеграции содержания предметов; проявление индивидуально-личностных особенностей учащихся). Концепция интегративно-дифференцированного подхода реализована в конкретной технологии, получившей название интегративной технологии уровневого обучения физике в сельской школе. Такая технология позволяет школьникам самим выбрать уровень усвоения учебного материала, создает необходимые условия для проявления своих способностей.

Авторами четко сформулированы критерии уровня дифференциации: характер учебной деятельности, и в частности учебных задач, тип ориентировки.

Трехуровневая дифференциация учитывает достижения теории развивающего обучения, теории поэтапного обучения умственным действиям и теории мышления. На основе интегративной технологии уровневого обучения построена система моделей разноуровневых уроков для базовой (7–9-е классы) и полной средней школы (10–11-е классы). При разработке технологии авторы ориентировались на наиболее известные учебники, используемые в массовой сельской школе большинства регионов России.

В основе технологии конструирования модели разноуровневого урока лежит построение технологической карты урока, куда входит информация для трех уровней дифференциации, кото-

рая отражает элементы системы (цели, содержание, задания по изучению материала или обобщающие таблицы, опорные рисунки или схемы опытов, формы организации). Практически на каждом уроке предлагается уровневая диагностика. Модель заканчивается дифференцированным домашним заданием.

Ряд моделей уроков посвящен корректировке знаний по отдельным темам, решению физических задач, зачетным урокам.

В приложениях представлены модели игровых обобщающих уроков, система разноуровневых задач по всем темам каждого класса, приведены тексты контрольных работ по блокам уроков под рубрикой «Малыш и Карлсон в гостях у Физики».

В приложениях приведены также логические схемы и таблицы для обобщения и систематизации материала по некоторым темам школьного курса физики.

Во второй книге (10–11-е классы) авторы дают рекомендации по использованию учебного пособия при двух- и пятичасовом обучении физике.

В целом впервые в рамках интегративной технологии уровневого обучения представлена система моделей уроков по всему курсу физики средней школы, что открывает учителям физики сельских школ путь к внедрению указанной технологии.

Во введении к первой книге авторы обосновали построение интегративной технологии уровневого обучения, представили общие рекомендации по организации деятельности учащихся на основных типах уроков, предложенных в технологии.

Опираясь на предложенные авторами достаточно компактно представленные модели, учитель может построить свой вариант технологии с учетом конкретных условий. Авторы оставляют открытым для учителей – пользователей учебными пособиями создание фрагментов уроков, связанных с изучением нового материала, предлагая чаще всего задания для самостоятельной работы учащихся на этом этапе. В зависимости от возможностей учителя, подготовленности школьников, содержания урока и других факторов учителя сами определяют методические пути изучения материала (эвристическая беседа, рассказ, лекция, самостоятельная работа с учебником и другими источниками информации, само-

стоятельная поисковая экспериментальная деятельность и т. д.).

При любом подходе к организации урока, в том числе и традиционном, учитель физики найдет немало интересного и полезного для себя материала по построению и содержанию уроков и отдельных фрагментов, выбору методов и конкретных приемов обучения, по диагностике знаний и умений, организации домашних заданий и контролю за усвоением учебного материала.

Нельзя не отметить, что рецензируемые книги являются частью комплекта литературы, создаваемой авторами для учителей сельских школ.

Таким образом, авторами сделан существенный вклад во внедрение современных педагогических технологий в практику обучения физике в сельской школе.

*Г. А. Бутырский,
кандидат педагогических наук,
доцент по кафедре дидактики физики
и математики ВятГГУ*

МОНОГРАФИЯ О ПРОСВЕТИТЕЛЯХ ВЯТСКОГО КРАЯ

Помелов, В. Б. Просветители Вятского края: российские деятели культуры и местные ученые-педагоги [Текст] : монография / В. Б. Помелов. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. 149 с.

Актуальность проблемы, раскрываемой в монографии доктора педагогических наук, профессора Помелова Владимира Борисовича «Просветители Вятского края: российские деятели культуры и местные ученые-педагоги», обусловлена особым интересом к педагогическому наследию Вятского края. Государственная политика в области образования, как отмечается в законе РФ «Об образовании», основывается на принципах, которые указывают на его гуманистический характер, приоритет общечеловеческих ценностей, воспитание любви к Родине. Кроме того, немаловажным является единство федерального культурного и образовательного пространства, которое способствует защите и развитию национальных культур, региональных традиций. Однако современная отечественная школа лишена четко сформулированной национальной, патриотической идеи. Перед педагогами стоит задача, опираясь на богатейший исторический опыт и традиционные для России аксиологические приоритеты, раскрыть и аргументировать содержание национальной концепции с учетом ее единства с общечеловеческими ценностями в области духовной культуры.

В Федеральной программе воспитания подрастающего поколения отмечается значимость пат-

риотических чувств, формирование которых немислимо без опоры на опыт и педагогические новации региональных ученых-историков в области педагогики. Однако в историко-педагогической науке на протяжении многих лет проблемы воспитания и обучения рассматривались с позиций культуры России в целом, не учитывая специфики взглядов провинциалов.

Современное образование все более приобретает инновационный характер. В то же время исторический опыт инновационного движения в регионах недостаточно изучен и представлен в учебных пособиях по истории педагогики и образования. Поэтому исследователи в последние годы все более пристально изучают данный аспект на материале различных регионов России, в результате чего сложилось такое научное направление, как историко-педагогическая регионалистика, приверженцем которого является В. Б. Помелов. Автор монографии в своем научном творчестве глубоко и всесторонне освещает местную историко-педагогическую проблематику с позиций современных тенденций развития образования.

Характеристика деятельности видных представителей культуры России по просвещению населения Вятской губернии и развитию культуры глубинки представлена на основе детального анализа многочисленных источников. В работе подробно на основе аксиологического подхода рассматривается взаимовлияние политической, просветительской и педагогической деятельности А. И. Герцена, П. В. Алабина, Ф. Ф. Павленкова, В. Г. Короленко, а также представителей местной интеллигенции, формировавших культурно-образовательную среду Вятки. Отмечается особая роль ученых-педагогов в организации творческих коллективов, их вкладе в становление одаренных педагогов, литераторов, журналистов (Н. Н. Блинов, М. Е. Селенкина и др.). Дается объяснение теоретического и практического значения творчества вятских педагогов А. А. Красева, А. И. Анастасиева, В. И. Фармаковского. Автор анализирует их труды по педагогике, рассматривая их на фоне профессиональной и общественной деятельности, как правило, обогащенной знанием проблем провинциальной школы. Особое внимание в монографии обращается на интеллект, свободомыслие и стойкость вятских просветителей – качества, столь необходимые для современных учителей. Уместно обозначить проблему того времени словами Спенсера: «Тот, кто не смотрит вперед, оказывается позади. Прогресс – не случайность, а необходимость!»

Изучая историю, В. Б. Помелов нашел редкий методический материал, актуальный для развития образования и в настоящих условиях. Это

открытие является подтверждением прогностических качеств наиболее талантливых местных педагогов XIX в. и одновременно работой на развитие инновационного потенциала педагогической мысли XXI в. Пример данных педагогов является стимулом профессионального и культурного роста, важным началом для развития творческих устремлений современных учителей.

Проблема обеспечения учебно-методической литературой остается нерешенной и по сей день, так как многообразие основных и дополнительных программ требует значительного количества технологического материала. Эта проблема была в какой-то мере злободневной и в период жизнедеятельности Н. Н. Блинова, И. С. Михеева и др. Они, имея большой опыт, создавали свои методические направления и реализовывали их в вятских школах, проходя сложный путь педагогов-новаторов. Содержание их методического наследия рассматривается В. Б. Помеловым в контексте современных требований науки и практики, и при этом определяется их связь с рабо-

тами значимых для российской педагогики той эпохи ученых (К. Д. Ушинский и др.).

При анализе исторических фактов в монографии используется большой объем статистических данных, учитываются мнения критиков. Их достоверность подкрепляется конкретными примерами, взятыми из архивных, литературных и историко-педагогических источников XVIII–XX вв.

Монография В. Б. Помелова выдержана в русле историко-педагогической регионалистики; по своему содержанию отличается историзмом и своевременностью, научностью и строгой логикой изложения материала; обладает достоверностью представленных фактов и лаконичностью выводов. Она может быть полезна при изучении истории педагогики Вятского края как студентами вуза, так и всеми, кто неравнодушен к проблемам педагогики и истории Вятского края.

*Т. В. Малова,
кандидат педагогических наук,
доцент по кафедре педагогики ВятГГУ*

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 4 (19)

Подписано в печать 12.12.2007
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Мусл.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,5. Тираж 999. Заказ № 885.

Издательский центр ВятГУ
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111
(8332) 673-674